

Николай Романов

День за днем и жизнь за жизнью

НИКОЛАЙ РОМАНОВ

День за днем и жизнь за жизнью

1941 год

**В том, что эта книга увидела свет,
огромная заслуга главной Берегини
страны Людмилы Федоровны Кириченко.**

В обеспечении издания книги принимали участие Ф. Ф. Абдумаликов, А. В. Бадусев, И. А. Буков, Б. И. Безкоровайный, А. В. Бобрицкий, Г. П. Вергунов, И. В. Дубравин, П. М. Жердев, В. Н. Замай, Е. А. Изотова, Е. И. Кирилева, А. П. Лысенко, Т. Л. Магази́нская, А. П. Макарова, Г. И. Малахов, Н. Г. Миц, А. В. Мурешкин, А. В. Никольский, А. И. Пашенко, З. К. Пугоренко, И. Н. Проворченко, В. П. Рудов, Н. С. Северин, А. В. Силкин, В. И. Федорова, Л. К. Ушакова, И. В. Шкепу, Н. А. Яровая, А. Г. Яровой, президиум Краснoлучского городского совета ветеранов.

г. Красный Луч

ББК 63.3(2)622
Р 69

Романов Н.

Р 69 День за днем и жизнь за жизнью: в 5т. - Донецк:
Руденко С. А., т.1: 1941 год. - 2005. -320 с.
ISBN 966-8842- 00-6
ISBN 966-8842- 02 (т.1)

Это произведение — в пяти томах. Каждый том — год Великой Отечественной войны.

День за днем и жизнь за жизнью раскрываются перед читателем в рассказах краснолучан. Говоря о своем видении события, дня, минуты, они помогают представить общую картину трагедии, постигшей нашу Землю. Есть в книге и исторические документы, и письма с фронта, и свидетельства оккупантов.

Книга особенно полезна людям, которые родились после войны. Тем, кто разминулся со своими отцами, бабушками, дедами.

ББК 63.3(2)622

Романов М.

День за днем і життя за життям. 1941 рік

Це твір — у п'ятьох томах. Кожен том — рік Великої Вітчизняної війни.

День за днем і життя за життям розкриваються перед читачем у розповідях краснолучан. Говорячи про своє бачення події, дня, хвилини, вони допомагають представити загальну картину трагедії, що спіткала нашу Землю. Є в книзі й історичні документи, і листи з фронту, і свідчення окупантів.

Книга особливо корисна людям, які народилися після війни. Для тих, хто розминувся зі своїми батьками, бабусями, дідами.

ISBN 966-8842- 00-6
ISBN 966-8842- 02 (т.1)

В книге, которую вы держите в руках, рассказывается о том, что пережили краснолучане в годы Великой Отечественной. Книга «День за днем и жизнь за жизнью» — это результат многолетней работы Н. Д. Романова и его помощников. В ней — свидетельства наших земляков. Их рассказы ведут нас в далекое грозное военное время, когда разруха, отчаяние, голод и холод, утрата близких постигли каждую семью.

Об этом народном горе говорят герои книги. Говорят простыми словами, короткими фразами. Эпизод за эпизодом, описанные краснолучанами, рисуют масштабную объемную картину исторической правды жизни.

Читая ее, представляешь того или иного героя, проникаешься уважением к нему, восхищаешься его подвигами.

«День за днем и жизнь за жизнью» — лишь один срез Великой Отечественной. Срез войны, увиденной краснолучанами, войны, в которой победили краснолучане, войны, в которой погибли тысячи краснолучан.

Очень важно сохранить собранные в книге свиде-

тельства участников сражений, чтобы о них знали и грядущие поколения.

Неоценима работа патриотического клуба «Подвиг» по созданию Летописи Великой Отечественной. Понимая ее значимость, Всеукраинский Союз «Берегиня Украины» решил издать эту книгу в канун 60-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне и таким образом выразить глубокое уважение ветеранам, поклониться павшим.

Надеемся, что книга «День за днем и жизнь за жизнью» поможет молодым людям узнать правду о войне.

Людмила Кириченко,
председатель Союза «Берегиня Украины», народный
депутат Украины, первый заместитель председателя
специальной контрольной комиссии Верховной Рады
по вопросам приватизации.

Человек на войне.

Каков он?

Как воспринимает события, как участвует в них? Что чувствует, о чем думает, мечтает?

На что надеется в безвыходном положении? О чем жалеет убитый? Чему радуется воскресший?

Боль. Страдания. Любовь. Нежность. Радость...

Это все присуще человеку. Даже на войне.

Об этом краснолучане рассказывают в книге.

Краснолучане — это не обязательно только те, кто родились в Красном Луче. В шестидесятых, когда стало модным рассказывать о своих героях, в редакции нашей газеты «Знамя коммунизма» не все были согласны с тем, что надо написать о Герое Советского Союза Спартаке Авксентьевиче Железном. О Нине Гнилицкой необходимо, а о ее комиссаре, с которым она погибла в одном бою, не следует, поскольку Железный — не краснолучанин.

Заведующий отделом редакции Наум Львович Штивель тогда сказал:

— Человек, который воевал за город, погиб, защищая его, лежит в краснолучской земле, в тысячу раз больше краснолучанин, чем мы с вами, вместе взятые. Вы-то завтра соберетесь и переедете в Киев, станете киевлянами. А Спартак навсегда прописан в Красном Луче.

Урок Наума Львовича я запомнил навсегда и совершенно с ним согласен. Так что мои герои — герои Великой Отечественной — люди, которые защищали мой город, освобождали его, вредили фашистам в подполье и партизанских отрядах, представляли Красный Луч на всех фронтах, в Берлине и в Москве на Параде Победы. Кто воевал рядом с краснолучанином, сохранил о нем память и передал ее моему поколению.

В книге нет авторского вымысла. Нет прикрас. Не все герои выражаются «литературно». Я не стал «причесывать» их выражения.

Я не видел войны. Поэтому о войне рассказываю устами тех,

кто воевал. Для меня все воины одинаково дороги. И рядовой, и генерал. Никого специально не выпячивал, ничьи заслуги не умалял.

Свидетельства тех, кто прошел фронтовыми дорогами, кто пережил фашистскую неволю, в книге даны не по рангам или заслугам, а в хронологической последовательности развития событий. От предвоенного затишья до окончания второй мировой войны. Если читателю захочется знать, кто такой «Иван Иванов», ответ можно найти в конце каждого тома в специальном разделе, где дана информация о героях книги в алфавитном порядке.

Создавая книгу, я отказался от перечисления наград героев. Впервые, потому что для этого потребовалось бы еще два тома; во вторых, потому что кого-то фронтовые награды ищут до сих пор.

Я знал фронтовиков, которые уже умерли, но так и не успели получить свои ордена. На войне не всегда труды каждого оценивались по заслугам. Дмитрий Васильевич Козьмин всю войну воевал в партизанских отрядах, был начальником штаба партизанского отряда в Чехословакии, но в сорок пятом домой приехал без единой награды.

Наверное, ему было обидно, но он всегда говорил, что для него самая большая награда – Победа.

Он офицер. До войны окончил Тамбовское пехотное училище. Он мог с закрытыми глазами разобрать и собрать оружие, знал минное дело. Партизаны часто не знали, как и где заложить взрывчатку, как организовать оборону, а он знал и умел. Кто приходил в партизанские отряды? Необученная молодежь. Воевать за Родину молодые люди хотели, но не умели. К советам Д. В. Козьмина прислушивались. И побеждали. Слава о его способностях переходила из одного отряда в другой, и его командировали из отряда в отряд. Его ученики становились подрывниками, снайперами, разведчиками... У некоторых еще во время войны вся грудь была в орденах, а у него — ни одной награды. И только через двадцать лет единственный орден застал Дмитрия Васильевича на нашей Земле.

Пишу это, надеясь, что внуки и правнуки тех, кто «не удостоен», станут ценить своих предков и гордиться ими, как ценят и гордятся Героями Советского Союза.

Если ваш отец, мать, дед, бабушка воевали и не имеют ни одной награды, они все равно герои. Потому что они воевали и победили.

Сопереживая с героями, я пытался быть проводником в прошлое, помочь читателю воспринимать происходившее с героями книги много лет назад как свои собственные трагедии и радости, лишения и Победу.

Николай Романов.

Николай Проценко:

В Бресте я служил с октября 1940 года. Наш особый батальон связи обслуживал корпус под командованием комбрига Павлова. Я бывал в самой крепости. Со многими, кто нес там службу, дружил. Помню замполита Ивана Ткачева из Артемовска, старшего сержанта Евтушенко из Киевской области, младшего сержанта Николая Хлопонина с Ворошиловградщины...

Сергей Шмаков:

Военная напряженность в Бресте нарастала с каждым днем. Даже 1 мая 1941 года в городе отменили военный парад, так как в ряде мест обнаружили снайперов «кукушек».

Ювеналий Розенман:

В мае 1941 г. окончил военное училище. Там подружился с парнем из Крыма. Он позвал с собой в Феодосию. У нас был месяц отпуска. 30 июня нам следовало прибыть в часть. Назначение получили в Киевский военный округ. Под г. Черниговом в Краснянских лагерях формировались новые воинские части.

Иван Комаров:

30 мая. Ночной тренировочный полет.

Под нами идут танки, моторизованные части, пехота. Идут к границе. Это все настораживало нас. Очень многие говорят, что наши не знали, не догадывались, что готовится война. Я, конечно, был рядовым летчиком, хоть и старшим, ведомым командира эскадрильи своей, и то догадывался о том, что вот-вот что-то начнется. Перед самой войной мы знали, чувствовали, что война приближается. Осо-

бенно последние месяцы. Мы ночью летали и видели, как части подходят к границе. Немецкие самолеты заходили на нашу территорию, а нам запрещали сбивать их. Они уходили безнаказанно. Командование, наверное, знало об этом. Во всяком случае, на нашем направлении. Но пакты, принятые накануне войны, соглашения вводили в заблуждение.

Степан Тодышев:

Жил в предчувствии каких-то перемен, вроде той, когда в тридцать девятом нас, еще не успевших привыкнуть к армейской стрижке «под ноль» новобранцев, срочно перебросили на финскую границу. Правда, тогда воевать почти не пришлось — белофиннов утихомирили без нас. Теперь все поворачивалось по-иному. Слухи о надвигающейся войне уже давно перестали быть просто слухами. Не хотелось в это верить, но тягостное предчувствие подтверждалось жизнью, армия жила напряженно, все было в движении. К тому же на последнем году службы многих из нас, рядовых артиллеристов, взяли на командирские курсы.

Курсы были короткими, и все же закончить обучение не успели. Война доучивала нас до командиров, офицеров.

Дмитрий Белоусов:

В мае попадаю в сборную команду от пограничных войск округа и еду во Львов для участия во Всесоюзных спортивных соревнованиях погранвойск. Но 19 июня поступает команда: «Всем участникам спортивных соревнований немедленно разехаться по своим частям. Представителей отдаленных застав направить для прохождения службы в погранзаставы Львовского военного округа».

Василий Шоленко:

Была ли внезапность в полном смысле этого слова для нашей 146 стрелковой дивизии и для нашего 698 полка? Знали ли мы, что будем воевать с фашистской Германией? Готовились ли мы к этой войне? Да, знали. Нас на это ориентировало высшее командование. К войне с фашистской Германией мы усиленно готовились, об этом говорит хотя бы и тот факт, что наша дивизия, наш полк, это вновь созданные части в 1940 году. Поступало пополнение, мы с каждым днем наращивали и развертывали боевые подразделения.

Но нам нужно было время, а вот времени-то нам и не хватало, да и просчетов в этом трудном и сложном деле, к нашему сожалению, тоже немало. Перед войной наша дивизия, наш полк дислоцировался в районе г. Бердичева. В первых числах июня 1941 года с нами, т. е. с командованием полков, было проведено совещание в г. Житомире и перед нами была поставлена боевая задача: сосредоточить наши полки в районе границы, занять боевое положение, быть готовым к войне. Но так как в полной мере к войне мы еще не готовы, нам всеми возможными мерами надо оттянуть начало войны, выиграть время для подготовки. Переброску и сосредоточение войск произвести под видом тактических учений. Выйти на учение с учебным оружием, а боевое оставить на зимних квартирах, которое затем будет доставлено эшелонами на места сосредоточения.

Александр Баленко:

За 15 дней до начала войны меня призвали из гражданского воздушного флота в Красную Армию. Направили в дальнебомбардировочный авиационный полк рядовым летчиком. «Головановский полк» был зародышем нашей авиации дальнего действия.

Иван Смешко:

Июнь. Сдаю выпускные экзамены в педагогическом институте. Еще неделя — и я учитель физики и математики, а мне всего 20 лет, потому что среднюю школу окончил в 16 лет.

Вера Ковачева:

За две недели до начала войны к нам в гости приехал мой старший брат с женой и ребенком. Он — офицер, пограничник. Брат долго шептался о чем-то с отцом. Мне не говорили, потому что я была еще девчонкой. Но до моего слуха доносились обрывки фраз, и я понимала, что речь идет о западной границе, о провокациях на ней. Еще до окончания отпуска брат получил какую-то депешу. Быстренько собрались и уехали.

Алексей Павлов:

Свою 7 заставу я покинул в ясный июньский день, когда до начала войны оставалось шесть дней, — вместе с женой Ниной поехал

в отпуск в Витебск к ее матери. Вернуться на заставу мне было не суждено. В первый день войны смог добраться только до Минска. Так и осталось для меня тайной то, как сражалась застрада во главе с лейтенантом Иваном Гончаренко в день фашистского нашествия.

Н. Таволжанский:

Сказать, что эта война была неожиданностью, было бы совершенно неверно, так как о сосредоточении немецких армий, корпусов и дивизий на той стороне Западного Буга все время передавались сводки с погранукреплений Киевскому военному округу и Генеральному штабу. Известно было о дне и времени нападения. Так, 18 июня сорок первого года командующий 5 Армией генерал-майор Потапов позвонил командующему КОВО М. Кирпоносу и доложил, что на участке прикрытия 15 стрелкового корпуса появился перебежчик — немецкий фельдфебель. По его показаниям, в 4.00 22 июня немецкие войска перейдут границу.

Федор Леонтьев:

20 июня я был дежурным по роте и находился в столовой. Рота готовилась к обеду. В это время раздался сигнал: «Боевая тревога!» Полк вышел за пределы военного городка и в 5 км от него занял оборону. Я был командиром машины со счетверенной пулеметной установкой в 5 взводе. Тревогами и отбоями нас нельзя уже было удивить. За три года службы в ПВО штабной роты 242 артполка 67 СД Прибалтийского Военного Округа, в городе Литава (Латвия), их было столько...

Раз объявили тревогу, значит, будет и отбой. Но отбоя нет.

Иван Комаров:

20 июня, в пятницу, наша эскадрилья со своего полевого аэродрома перелетела на аэродром Лида. Это несколько в тыл, ближе к Минску. Задача: в субботу рано утром 9 самолетов должны произвести учебный налет на колонну моторизованной пехоты, которая подходила к нашей границе.

Мне было 22 года. Я уже окончил летное училище в Чугуеве под Харьковом и был в строевой части, имел определенный опыт полугодовой подготовки. Уже и ночью летали мы на истребителях «Чайка». Базировался наш полк, дивизия, штаб дивизии в г.

Лида Белорусской ССР. Аэродром наш был в городе Скидель в двадцати км от города Гродно.

Иван Буков:

21 июня в субботу всем классом пошли с ночевкой на рыбалку. Нам было по 16 лет. Учебный год остался позади, и мы всю ночь наслаждались отдыхом: ловили рыбу, варили уху, пекли в костре картошку. Успокоились только под утро, уснули.

Анна Мищенко:

Июнь. Успешно окончила четвертый курс Днепропетровского мединститута, и только что приехала в пограничный город Пинск для прохождения врачебной практики. Устроилась в общежитии, перезнакомилась с девчонками. Вечером пошли на танцы. Домой возвращались после двенадцати. Пели, шутили, смеялись. Уже в постели делились впечатлениями прошедшего дня.

Василий Шоленко:

С учебным вооружением в середине июня мы вышли из Бердичева и двигались, разыгрывая тактическое учение, по направлению к границе. В ночь с 21 на 22 июня мы расположились в лесу уже на территории Западной Украины. Ночью по радиции узнали о начале войны. Командир полка т. Русских, начальник штаба Сергеев и я прискакали на командный пункт дивизии. Тут уже были командиры других полков и подразделений.

Командир дивизии приказал форсированным маршем вести полки к указанному месту сосредоточения, там и получим боевое вооружение и пополнение.

Иван Комаров:

21 июня, в субботу, мы выполнили задание, а вечером перелетели снова на свой аэродром. Летний.

Уже неделю мы готовились к открытию летнего лагеря. Тогда это модно было. С переходом в летние лагеря в воинские части приглашали представителей общественности, строили трибуну, звали

духовой оркестр. Такое торжество должно было быть и у нас в воскресенье в 12 часов. Легли спать.

Александр Плыгач:

Мы базировались в летних лагерях в 30 км от Армавира в станции Советской на реке Уруп. Накануне весь инструкторский состав был отпущен в увольнение. Семейные уехали домой, остальные — с ночевкой в Армавир. Запланировали погулять в воскресенье по городу.

Дмитрий Белоусов:

В субботу вечером 21 июня офицеры получали краткосрочные отпуска и разъезжались по месту жительства своих семей. Младшие командиры и рядовые солдаты, кому разрешалось по службе, с увольнительными записками в карманах шли на танцы в ближайшие поселки. В точно указанное время возвратились в солдатские казармы. Пели песни. И казалось, в то время ничто на свете нас не беспокоило.

Степан Тодышев:

Со мной вместе служил Саша Хасанович. Я, наверное, счастливчик: надо же — довелось в однополчанах ходить с земляком, да еще и другом детства, одноклассником, однокурсником. Как же я тогда рад был ему! Сойдемся, бывало, и говорим, говорим. О родном Кызыле, родной первой школе, об институте. Гадали, где сейчас другая половина нашей неразлучной со школы четверки — Костя Омельченко, Витя Гришанин. Чудные были: вместе росли, в школе дружили, и в один институт всей четверкой подались, на геологический факультет.

Алексей Лысенко:

В ночь с 21 на 22 июня дежурил в горкоме. В то время работал лектором горкома партии. По ночам по очереди дежурили. Принимая дежурство, не обратил внимания на слова секретаря горкома партии Ивана Матвеевича Белевского:

— Будьте внимательнее.

Н. Таволжанский:

С наступлением сумерек 21 июня в районе 4 погранкомендатуры советскими пограничниками задержан переплывший с противоположного берега реки немецкий коммунист, солдат 222-го пехотного полка 74-й пехотной дивизии Альфред Лискоф. Он предупредил, что война начнется ровно в четыре утра.

Откуда мне все это известно? В то время я служил в 43 отдельном полку связи, который обслуживал штаб 5 Армии, и, будучи командиром взвода телеграфистов, большую часть служебного времени проводил в аппаратной узла связи штаба. И кому, как не связистам, принимавшим сводки от погранзастав, дивизий и корпусов, приходилось первыми знать их содержание.

Л. Скороходова:

21 июня мне исполнилось восемнадцать лет. Мы были совсем юными. Я как раз окончила 10 классов, а 22-го началась война.

Виктор Мозылев:

В субботу 21 июня в нашей танковой дивизии чувствуется какая-то настороженность, нервозность. Но начальство молчит.

В 23.00 — отбой. А через полчаса — тревога. Команда — по машинам. Загрузились полным боекомплектom. Отправились в путь. К рассвету остановились в каком-то лесочке в районе границы.

Федор Леонтьев:

К вечеру 21 июня получили приказ: занять новую точку обороны. С надеждой, что 22 июня будет «Отбой», легли спать. Только уснули, как слышим, рвутся бомбы, летают самолеты, бьет артиллерия. Повыскакивали из укрытий, готовим пулеметы к стрельбе.

Николай Любарский:

Маленькая пограничная деревня спала. Светил месяц. В траве трещали цикады. С берега реки доносилась песня. И не думал, что через несколько часов молодые сильные голоса заглушат грозные толчки земли, монотонный рев бомбардировщиков, рокот танков...

Василий Барабаш:

Война застала в пограничном наряде. Нас было двое: я и мой товарищ. Мы были в «секрете», т. е. в засаде.

На поляне появились фигуры немцев. Мы с Дмитрием замерли, немцы нас не заметили. Я окликнул нарушителей: «Стой! Руки вверх!». От неожиданности немцы открыли огонь в разные стороны. Один из немецких разведчиков был ранен в ногу, и мы смогли доставить его на заставу.

Н. Таволжанский:

В 3 часа 20 минут 22 июня наш полк и штаб армии подверглись авиабомбежке, но там уже никого не было — весь личный состав был дислоцирован в новом месте на запасном командном пункте. Так для нас началась война.

Виктор Мозылев:

Загремела артиллерия, залаяли минометы. По всей границе началась ружейно-пулеметная стрельба. Словно черная туча, над нами появились сотни немецких самолетов. Они начали бомбить военные городки, пограничные заставы, укрепрайоны, штабы и узлы связи. Особенно тщательно обрабатывали передовые позиции наших войск.

Мы на своих танках вступили в бой с фашистами в районе Паланги.

Иван Комаров:

22 июня. Около трех часов, точно не могу сказать, но рано утром — тревога. Палатки наши стояли рядом с самолетами, почти у хвоста. Выбежали. Возмущаемся:

— Кому это надо? Воскресенье, день открытия лагерей и — тревога.

Командир эскадрильи побежал на командный пункт. Также бегом возвращается и кричит:

— Комаров, в самолет, за мной! Город Гродно, высота три тысячи!

Радио, кстати, в самолетах тогда не было.

Он взлетел, я взлетаю. Еще было серо.

У меня не убралось шасси.

Но я знаю задание. С выпущенным шасси все равно пошел. Потому что знаю: нельзя возвращаться.

Набрал высоту 3 тысячи метров и спокойно иду на Гродно.

При подходе к нему я увидел, что вся граница в огне. Сколько хватало глаз — и вправо, и влево — граница горит.

Особенно внушительно это воспринималось на характерном изгибе в августовских лесах и г. Августов на территории Польши.

И у меня сразу мысль: это не учебная тревога.

Это начало войны.

Василий Чернявский:

Наша седьмая механизированная дивизия располагалась недалеко от границы с Западной Белоруссией в 12 км от г. Белостока в местечке Хорош. Нас подняли по боевой тревоге и предупредили, чтобы забирали с собой вещи, может, сюда не придется вернуться. Многие недоумевали: только вчера, 21 июня, вернулись после выезда в лес по тревоге, а сегодня опять. Но раз тревога — все по своим местам!

Федор Молостов:

Граница Родины. Я, молодой офицер, на дежурстве. В казармах тихо. Солдаты спят. Четыре часа. Предутреннюю тишину нарушил шум авиационных моторов. Потом — пулеметные очереди, взрывы...

Иван Комаров:

Внизу, прямо подо мной, увидел немецкие бомбардировщики. Девятка за девяткой. Уже с нашей стороны. Шли домой.

Я потом узнал, что это они шли, отбомбившись. В частности, очевидно, по городу Минску.

А у меня еще и пулеметы не были заряжены. Я развернулся и пикировал на их боевые порядки. По мне открыли огонь.

Я вывернул. Глянул в другую сторону. Мой командир заходит и строчит из всех четырех пулеметов по этой группе.

Я быстренько зарядил свои пулеметы (а они были на одну перезарядку), и тоже развернулся и хотя издалека, но сделал свои выстрелы по этим самолетам.

На немецкую территорию мы за ними не пошли. Потому что мы еще не получали отмену приказа не пересекать границу.

Командир показал мне жестами: это война.

Мы сели на аэродром, он побежал на КП, а меня обступили летчики и начали расспрашивать. Я сразу сказал:

— Все, ребята, война.

— Та, ты не шути.

— Что это за шутки!

— Это не шутки. Механик, с пулеметами осторожно. Я уже из них стрелял. Заправляй, добавляй боекомплект. Надо быть готовым к вылету.

Не знаю, как командир, что он знал, когда взлетали, но я не знал, что война началась, пока сам не увидел границу в огне.

Сергей Шмаков:

В 4 часа утра 22 июня по позициям и месту дислокации полка, по посту на границе, где я находился в дозоре, обрушился обстрел из всех видов оружия.

Из журнала оперативных записей Главного управления Пограничных войск 22 июня 1941 г.

...Кишинев, 4 ч. 15 м. Начался обстрел из пулеметов с румынской стороны 5-й заставы 24-го пограничного отряда, 3-я застава подверглась нападению, 11-я и 12-я заставы 25-го пограничного отряда подверглись обстрелу...

Иван Гончаренко:

В последнюю мирную ночь на заставе дежурил я. Под утро землю окутал густой туман, и, воспользовавшись им, по дороге, идущей мимо заставы, без единого выстрела двинулась колонна немецких войск. Но из окопа ударил по врагу «максим» рядового Коростылева. Ему ответили фашистские минометы. Начался бой.

Еще пять дней назад вокруг заставы отрыли окопы. В час испытания четырнадцать пограничников (остальные были в нарядах на границе) заняли круговую оборону и стали бить врага.

Бой не стихал несколько часов. Мы разили фашистов пулеметным и винтовочным огнем забрасывали гранатами. Несколько раз враг обрушивал на нас шквал мин и бомб. Но когда, полагая что сопротивление сломлено, вставали гитлеровские молодчики, я произносил единственное слово «Огонь!»

Николай Проценко:

Накануне войны наша часть находилась на учении в районе железнодорожной станции Жабинка. Когда раздались первые залпы фашистов, я был в блиндаже на связи. Командир взвода Савченко приказал:

— С КП — никуда!

Но вражеский снаряд тут же нарушил связь, и я вынужден был отправиться ликвидировать порыв проводов.

Федор Леонтьев:

Поступила команда открыть огонь по самолетам на поражение. Нам объяснили, что началась война. Стало известно, что немецкие войска перешли границу в районе Плужи (Литва), что наши пограничники отбили атаку противника. Получив отпор, немецкие части пытаются прорваться на Литаву. И мы были готовы к отражению этой немецкой авантюры.

Из журнала оперативных записей Главного управления Пограничных войск 22 июня 1941 г.

Львов, 4 ч. 21 м. На участке 91-го погранотряда пограничные наряды вели бой с группами противника, пытавшегося перейти границу.

Иван Гончаренко:

Когда наступило внезапное затишье, заметил подкрадывавшего немца с гранатами. Очевидно, фашисты решили, что горстку пограничников проще всего ликвидировать таким образом. Однако я сумел убрать его из пистолета. После очередного шквала огня решил помедлить с ответом. К окопам подъехал вражеский мотоциклист-разведчик. Пограничники пригнулись, не выдали себя, а он не рискнул проверить более тщательно и, очевидно, доложил своим, что очаг сопротивления сломен. Появилась группа солдат и стала собирать своих раненых. И тут-то мы ударили вновь. Этого фашисты не могли стерпеть. От взрывов вздыбилась земля, день стал похожим на ночь. И тогда мы поползли в сторону леса по ложине.

Нас было четверо: я, старшина Волков, бойцы Ражев и Степанов.

Федор Леонтьев:

С каждым часом все усиливались боевые действия. Самолеты противника бомбили наши боевые позиции, а наши самолеты были уничтожены на аэродроме. Противнику удалось заминировать канал, и мы лишились выхода в открытое море.

**Из журнала оперативных записей Главного управления
Пограничных войск 22 июня 1941 г.**

Львов, 4 ч. 30 м. В бой с противником вступили все линейные заставы.

Федор Абдумаликов:

В ночь на 22 июня я оказался на посту у склада с боеприпасами 336 стрелкового полка в Севастополе.

Утром услышал гул самолетов и взрывы бомб. Правда, обошлось благополучно в том смысле, что не угодила бомба на территорию складов, упала чуть в стороне от него. Из 18 часовых, оказавшихся в этот момент на посту, погибли восемь, пять человек получили ранения и контузии. А я, будучи отброшен взрывной волной далеко от поста, получил контузию и небольшое повреждение позвоночника. Но из строя не выбыл. Тут сказала красноармейская закалка.

Накануне днем нам раздали оружие по казармам. Перед этим проводили светомаскировки, думаю, командование все-таки предполагало нападение Германии. Но, имеющий огромное стратегическое значение Севастополь по существу оказался открытым с воздуха. Он почти не имел средств противовоздушной обороны.

Полк начали выводить в район Инкермана. Весь день был посвящен строительству оборонительных сооружений.

Иван Комаров:

Первый день весь летный состав из самолетов не вылезал. Никаких боевых порядков не было, чтоб звено, эскадрилья... На перекур нельзя было отлучиться. Сидим в самолетах, только отвернулся, перекуришь... аккуратненько потянешь, механик даст. Обед приносили нам прямо в кабину.

**Из журнала оперативных записей
Главного управления Пограничных войск
22 июня 1941 г.**

Львов, 4 ч. 50 м. Немцы после артподготовки в районе Пархача перешли в наступление. На участке 97-го погранотряда нападение отбито. На остальных участках идет артиллерийская стрельба и пулеметный огонь. В данное время с воздуха бомбят Владимир-Волынский и Любомль. Приняли оборону...

Федор Чернявский:

Стояли в лесу в Латвии. Наш полк был механизированный. Посадили на машины встречать противника. Старшина дает винтовки, патроны. Вышли, а тут как раз немцы идут. Мы стреляли, а результата не было: патроны, которые раздавал старшина, оказались учебными. А немцы нас косили. Нас остались единицы. Мы отошли.

**Из журнала оперативных записей
Главного управления Пограничных войск
22 июня 1941 г.**

Таллин, 5 ч. 00 м. Два батальона немцев перешли в наступление, но в трехстах метрах на нашей территории были остановлены.

Алексей Фурсов:

Севастополь. Экипаж подводной лодки Щ-210 подняли утром по тревоге. Построились на площади. Нам объявили: началась война.

В этот день моряков расписали по военным кораблям. Я попал на подводную лодку Щ-213 радистом. Она по графику должна была плыть на ремонт в Николаев. Когда лодка вышла из бухты, подали команду на погружение. В момент погружения произошел взрыв. Меня контузило.

Сергей Шмаков:

В 5.30 немцы начали форсировать Буг. В крепости находилось всего около 3 тысяч бойцов и дежурных командиров.

Все офицеры жили на квартирах вне крепости. Нас, несших

службу в пограничных нарядах, после ожесточенных перестрелок на границе осталось немного, и мы примкнули к 115 стрелковому полку, который размещался за городом. Отбиваясь от наседавшего противника, мы стали отступать на восток, к Минску.

**Из журнала оперативных записей
Главного управления Пограничных войск
22 июня 1941 г.**

Таллин, 6 ч.00 м. На участке 105-го погранотряда немцы начали наступление на Палангу при поддержке артогня. Паланга горит. В районе Паланги идет бой.

Анна Мищенко:

На зорьке двадцать второго в распахнутые окна общежития ворвался грохот. Ревели самолеты, рвались бомбы, трещали пулеметы. Звенели разбитые стекла. Как в лихорадке, содрогалось четырехэтажное здание. В это страшное утро я впервые увидела смерть беззащитных женщин, стариков и детей. И поняла: место будущего врача — среди раненых. Как найти санчасть? Увидела автомашину, а в ней — в окровавленных повязках солдат. Прыгнула на подножку. Возмущенному шоферу показала студенческую зачетку с таким видом, будто это документ, удостоверяющий высокопоставленную личность. Объяснения в санитарной части пограничников были короткими. Во всем выручала студенческая зачетка. А через час в новом солдатском обмундировании, с санитарной сумкой через плечо я уже мчалась в самое пекло. У околицы Пинска увидела ползущие к городу немецкие танки, вражеских солдат и наших пограничников, отбивающих одну за другой атаки. Им дорог был каждый клочок родной земли. Сражались до последнего патрона.

Александр Анохин:

В 30 километрах от западной границы строили подземный аэродром. Я был на стройке уполномоченным особого отдела НКВД.

Рано утром меня разбудил хозяин квартиры, где я жил. Проснулся — ничего не могу понять. Вышел на улицу и увидел два самолета с черными крестами.

— Что это? — спрашивает хозяин.

— Не знаю, — отвечаю, — может, маневры какие. Возникло

непонятное чувство то ли тревоги, то ли растерянности. Сон прошел. Я схватил куртку и побежал в штаб. Вскоре в штабе появился начальник автопарка, показывает пули. Рассказал, что стреляли по бензобакам, чуть не убили часового.

**Из журнала оперативных записей
Главного управления Пограничных войск
22 июня 1941 г.**

Минск, 6 ч. 40 м. На границе Белоруссии противник перешел границу на всех участках. В некоторых местах углубился до 4 км. Местечки и города бомбардирует. Сведения получаем по гражданским проводам.

Александр Анохин:

Пытаюсь уточнить, что же произошло. Связи нет. Никаких распоряжений не поступает.

— Что будем делать? — обратился ко всем командир части. — Самолеты беспрерывно идут в сторону Киева.

— Будем выводить солдат на строительство, — говорю.

**Из журнала оперативных записей
Главного управления Пограничных войск
22 июня 1941 г.**

Кишинев, 6 ч. 50 м. На участке 25-го пограничного отряда через мост у села Фильчиул перешло до взвода противника.

Александр Плыгач:

Утром мы находились в общежитии. В 7 часов, это время подъема в выходной день, вдруг объявляют: «Боевая тревога». По сигналу мы должны мгновенно одеться и бежать на место сбора, на аэродром, что примерно в 3,5 км от общежития на окраине города. И вот мы бежим... Привыкнув к учебным тревогам, посматриваем на часы — вроде бы, уже пора быть сигналу: «Отбой тревоге» — а его нет! Увидев мчавшиеся машины начальства, я подумал: «Случилось ЧП».

Вот и аэродром. Суровые лица личного состава словно говорили: «Тревога не учебная, а настоящая — боевая!».

**Из журнала оперативных записей
Главного управления Пограничных войск
22 июня 1941 г.**

Львов, 7 ч. 00 м. На участке 92-го погранотряда пехота противника ведет бой с нашими пограничниками: 90-й погранотряд вошел в подчинение командования Красной Армии. Полки 89-й стрелковой дивизии заняли рубежи. Немецкие войска на советской земле.

Яков Гарный:

На западной границе страшным и тяжелым был этот день. К 11 часам, когда подошли основные наши силы, из всего подразделения, отбивавшего натиск фашистов, осталось в живых только восемь человек... Был среди них и я.

Александр Плыгач:

Начальник училища объявил о вероломном нападении на нашу страну. Он поставил задачу: срочно отправляться по местам базирования. Стоя в строю, я ощутил оцепенение, холодок пробежал по спине, показалось, что волосы зашевелились под головным убором.

Были сформированы два боевых полка для отражения самолетов-разведчиков противника.

**Из журнала оперативных записей
Главного управления Пограничных войск
22 июня 1941 г.**

Львов, 7 ч. 40 м. Противник ведет сильный артобстрел Перемышля.

Валя Ткаченко:

22 июня почему-то долго не могла проснуться. Перед глазами бегали, суетились люди. А я, совсем взрослая, учительница, со своими маленькими воспитанниками старалась спрятаться от неведомо откуда налетевшего вдруг ужасного урагана...

Иван Комаров:

Рядом с нашим располагался аэродром бомбардировщиков, на него напали. Сожгли все самолеты. Мы сходу, с земли, прямо туда, в бой. Это в зоне видимости. Если из Красного Луча, как до боковской шахты. Видно все заходы. Взлетай и прямо в бой. Готов один самолет — летит. Два, значит два.

**Из журнала оперативных записей
Главного управления Пограничных войск
22 июня 1941 г.**

Вильно, 7 ч. 40 м. Ровно в 4 ч. открыли огонь по г. Таурас и заставам. Пограничники оказали упорное сопротивление. Застава № 4 отбивала атаки врага около 2 часов, три раза ходила в атаку, а в четвертый — прорвала цепь и вышла из окружения.

Алексей Лысенко:

Дежурство ночью в горкоме партии прошло спокойно. В 8 часов утра пришел домой, лег спать.

Александр Анохин:

В 8 часов вышли на работу. И тут — налет на наш объект: обстреляли и посыпались бомбы. Мы не могли ничего понять...

Николай Проценко:

Часа через четыре (8 часов) нашему отделению приказали восстановить связь со штабом Армии. Затем меня с группой других связистов направили в Брестскую крепость. Здесь дежурный по связи приказал погрузить на машину штабные документы.

Иван Буков:

Утром из рупора плывущего парохода услышали:
— Война!

Стало тревожно на душе, и мы в полном смысле слова, смотрели удочки и направились домой.

Михаил Гаврилов:

Уже в первые часы войны сражался на танке «БТ-7» у города Бердичева. В жестоком бою, длившемся целый день, разил врага. Но к вечеру танк мой подбили.

Дмитрий Белоусов:

В первые минуты бомбежки и артобстрела пограничных застав мы просто не могли понять, что происходит. Но когда стало доходить до сознания, что коричневая чума фашизма пошла войной и на нашу землю, пограничники сражались до последнего патрона.

**Из журнала оперативных записей Главного управления
Пограничных войск 22 июня 1941 г.**

Львов, 8 ч. 10 м. Немцы продолжают артобстрел Владимира-Волынского. На участке 92-го погранотряда 7-я застава окружена противником. Поддержки от частей Красной Армии пока нет. Штаб отряда разбит. Перемышль горит. В штабе 2-й комендатуры пять человек, ведущие бой. Из них двое ранены.

Мария Козьмина:

Утром 22 июня я была в Купянске в общежитии пединститута, приехала сдавать сессию, училась заочно. Завтра — экзамен по психологии. Мы с подругой пошли в парк и усиленно готовились.

**Из журнала оперативных записей
Главного управления Пограничных войск
22 июня 1941 г.**

Львов, 8 ч. 50 м. Все заставы ведут бой. Большинство застав ведет бой в окружении. Атаки немцев отбиваются.

Григорий Лысенко:

Со срочной службы я вернулся домой за день до нападения фашистов. С еще не остывшим вещмешком на второй день войны ока-

зался я в военном эшелоне, следующем на Киев. Но поезд где-то повернул, и очутились мы под Москвой. Среди призванных я один одет в красноармейскую форму, и уже в вагоне мне пришлось решать вопросы питания и быта людей, построения и расчета.

Петр Рябцев:

22 июня 1941 года в 4 часа утра наша авиационная часть, которой командовал майор Б. Н. Сурин, вступила в неравный воздушный бой. В течение девяти часов дрались и сбили 30 фашистских машин. Майор Сурин в этот день провел четыре напряженных воздушных боя. Он уничтожил три вражеских самолета и отдал свою молодую жизнь за свободу и независимость Родины. В первый день войны каждый летчик части совершил по 12–14 боевых вылетов.

Из журнала оперативных записей

123 истребительного авиаполка

22 июня 1941 г.

Брест, 10 часов. Четыре истребителя 123 истребительного авиаполка — капитан Мажаев, лейтенанты Жидов, Рябцев и Назаров — вступили в бой с 8-ю «Ме-109». Самолет лейтенанта Жидова был подбит и пошел на снижение. Три фашиста, видя легкую добычу, сверху стали атаковать его, но капитан Мажаев, прикрывая выход из боя лейтенанта Жидова, меткой пулеметной очередью сразил одного «мессершмитта», а второй фашист был подхвачен лейтенантом Жидовым и подожжен. В конце боя у лейтенанта Рябцева был израсходован весь боекомплект. Лейтенант Рябцев, не считаясь с опасностью для жизни, повел свой самолет на противника и таранным ударом заставил его обломками рухнуть на землю. В этом бою было сбито три фашистских истребителя при одной своей потере.

Самвел Матевосян:

Около 10 часов, когда Брестскую крепость уже окружили гитлеровцы и мы отбивали атаки в крепостном дворе, увидели, что несколько наших истребителей ведут бой с немецкими «мессершмит-

тами». Численное превосходство было на стороне противника, но наши летчики сбили 2 или 3 самолета. Вдруг одна наша машина устремилась навстречу «мессершмитту» и столкнулась с ним в воздухе.

Машины полетели к земле и скрылись из виду. Подвиг неизвестного героя придал нам силы в борьбе.

В. Графский:

Петр Рябцев рассказал мне, как удалось таранить «МЕ-109».

— Выхода не было, — говорил он. — Опасность была велика, но это я потом осознал. А тогда был поглощен стремлением уничтожить врага. Даже плохо рассчитал удар. Поспешил. Можно было легче таранить. Меня так потрянуло, что я потерял горизонт, а когда очнулся, увидел огонь. Земля была так близко, что опоздай я на секунду открыть кабину, парашют не спас бы меня.

Из журнала оперативных записей Главного управления Пограничных войск 22 июня 1941 г.

Белосток, 10 ч. 45 м. Идут бои по всему фронту...

Дмитрий Деев:

Сегодня мне нужно пойти во Дворец культуры на олимпиаду. Там будет смотр художественной самодеятельности учащихся школ города и района. Прихватываю фотоаппарат и блокнот, чтобы сделать фоторепортаж для газеты.

Утро тихое, ясное, на небе ни облачка. Олимпиада назначена на 12 часов. По пути то и дело меня перегоняют группы одетых в национальные костюмы школьников. У некоторых в руках музыкальные инструменты. Кругом — оживление, песни, весь парк пронизывают звуки горнов.

Иван Кириченко:

Утром 22 июня наш батальон принял на себя удары захватчиков.

Иван Безбородов:

Оружие смелых

Памяти лейтенанта Петра Рябцева,
совершившего воздушный таран в первые часы войны

Воздушный бой стремителен,
Воздушный бой короток.
Бессмертны победители
На яростных высотах.
В пучине неба светлого,
Из мужества отлитых,
Их было только четверо,
А восемь — «мессершмиттов».
В бою машины охали
Моторами несносно,
Дрались над Брестом соколы
Со стаей крестоносной.
Очередями выстрелов
Расколот свод небесный,
И вот, уже не выстояв,
Дымится третий «мессер».
Все драться бы и драться бы,
И бить фашистских асов,
Но ствол замолк у Рябцева:
Конец боезапасу.
И, сжав штурвал со злобою,
До мертвой хватки пальцев,
Врагу навстречу, в лоб его,
Бросает «Чайку» Рябцев.
Сближение, сближение —
Исход усилий страшных,
Сработает в мгновение
Оружие бесстрашных.
И над землею выжженной,
Почувствовав тревогу,
В последний миг не выдержав,
Фашист дает дорогу.
Но поздно было в робости
Увиливать от ада —
Успела «Чайка» плоскостью
Отрезать хвост у гада.

Иван Федоренко:

22 июня. Жертвой пиратского налета избран и город Ленина.

Погода пасмурная. Низко стлались тучи. Но вот объявили тревогу: по направлению батареи шли немецкие бомбардировщики. Миновали считанные секунды — и орудийные расчеты готовы к ведению огня. Еще никому из зенитчиков не приходилось видеть немецкие самолеты. Мы встречали их только на учебных плакатах. Но чувствовали, узнаем, где свой, а где чужой.

И вот звучит короткий доклад разведчика:

— На батарею курсом ноль один идет «юнкерс», высота — 700 метров.

Это низкая высота для тяжелого бомбардировщика. Еще мы не услышали звука, но увидели черную тень. Первый залп. Самолет почти над нами. Опять залп. Второе орудие успевает развернуться и дать выстрел по уходящему бомбардировщику. И сразу же хвост задымился. Он пошел на снижение и скрылся за горизонтом на нашей территории.

Немедленно группу бойцов послали на место падения самолета. Вскоре группа доставила четырех фашистских летчиков. Все они были ранены и изрядно помяты. Их доставили в госпиталь.

Когда немцы пришли в себя, попросили показать им русского зенитчика, которому удалось сбить их.

В госпиталь ездил Александр Цуканов, наш артмастер. Один из немцев, видимо, старший в экипаже, загибая пальцы на правой руке, бубнил:

— Франция — нихт! Голланд — нихт! Инглянд — нихт! Унд русланд — капут!

Он сокрушенно покачал головой и откинулся на подушки.

Да, русские воины в первые же дни войны показали, что они могут бить первоклассных асов. Может, в начале у нас не было умения, но ведь выше военного профессионализма любовь к Родине.

Дмитрий Деев:

До начала выступлений во Дворце культуры еще есть время, и я неторопливо прохаживаюсь по аллеям парка, посматриваю на краснолучских натуралистов-мичуринцев, которые пропалывают клумбы с цветами, подвязывают саженцы фруктовых деревьев к колышкам, возятся на грядках с луком и помидорами. А через громкоговоритель передают веселые праздничные мелодии. Они настраивают на тор-

жественный лад. Хочется петь, веселиться. Но вдруг музыка прекращается. Раздаются продолжительные сигналы настройки.

— Внимание, внимание! Говорит Москва. Работают все радиостанции Советского Союза, — сообщает диктор. И снова — тревожные позывные.

Прохожие удивленно останавливаются, толпа быстро растет.

— Что-то случилось... Но что? — спрашивают друг у друга собравшиеся.

Суровые взгляды у мужчин, растерянные глазенки у пионеров. У всех предчувствие чего-то значительного, что должно быть передано в эту минуту. И, наконец, страшное известие — война!

Помрачнели лица у ребят. Они плотнее прижимаются к взрослым, будто ищут у них защиты.

Начался первый день войны. Олимпиада не состоялась.

Евгения Трофимова:

22 июня было прекрасное утро. Ярко сияло солнце, пели птицы. И мы, несколько семей, решили выехать в лес, на лоно природы, чтобы отдохнуть. Это был выходной день. И вдруг как гром средь бела дня: война.

Вера Ковачева:

Выхожу со двора, навстречу Лукьяновна — соседка.

— Верочка, ты слушала сегодня радио?

— Нет.

— Началась война...

— Не может быть!

Да, мне не верилось. Нельзя было представить, как это можно жить не в мире. Не укладывалось в сознании — зачем война?

Мария Козьмина:

В полдень начался дождь. Собрали конспекты и бегом домой. Хохоча, ворвались в комнату общежития. Сперва ничего понять не могли — наши девушки сидят на кроватях угрюмые, заплаканные.

— Чего хохочете? Война! — остудили они наше веселье.

Экзамен сдали, хотя какой тут экзамен, до него ли! Возвратилась домой, где уже целый год после десятилетки работала в школе им. Н. К. Крупской.

Алексей Лысенко:

Проснулся от какого-то шума.

— В чем дело? — спрашиваю.

— Война!

Домашние мои уже слушали речь Молотова по радио, все плачут. Я сразу отправился в горком партии.

Владимир Гавриленко:

В первый день войны кузнец Спартак Железный явился в военкомат с чемоданчиком, в полном походном снаряжении. Его отправили на курсы при военно-политическом училище.

Николай Любарский:

Повестку принесли утром.

— Пойдешь в бронбойщики, — сказал небритый лейтенант в военкомате, и, мельком взглянув на моего друга Ивана Сало, отрывисто добавил:

— Оба!

Мария Короткова:

Спешила на железнодорожную станцию. Только вчера окончила Воронежское медицинское училище и получила диплом медицинской сестры. С направлением в родное село ехала с большой радостью. Еще бы! В селе не было даже фельдшерского пункта.

Первое утро в родном селе было непривычно тихим. Первым делом босиком заспешила на родной с детства луг, где паслась буренка.

На луг прибежала мама:

— Началась война!

Меня вызвали в военкомат и направили в госпиталь, расположенный в Воронеже.

Иван Буков:

Дома тревожно. Отец получил повестку в военкомат. Проводы отца были печальными и в то же время обнадеживающими: по радио

уже сказали, что враг будет скоро разбит и победа будет за нами! Мы в это хотели верить.

Мария Лысенко:

— Мне уже в 13 часов принесли повестку: явиться в 21.00.

И все.

До конца. До звоночка.

Анна Гуленко:

В день объявления войны началась мобилизация. Едва весть о начавшейся войне облетела город и шахтерские поселки, как в военкомат хлынул поток людей. На следующий день ушел на фронт мой брат.

Сборный пункт работал на площади им. Кирова. Там всегда были толпы народа. Одни приходили, другие уже отправлялись на железнодорожную станцию, третьи провозжали.

Нина Кушнирская:

Военному Красного Луча

заявление.

Желаю добровольцем пойти на фронт, бить злющих гадин — фашистов. Рука моя крепка, глаз меток. Не откажите в моей просьбе.

Нина Захаровна Кушнирская,
медицинская сестра рудничной больницы.

22 июня 1941 г.

Н. Головчанский:

Я добросовестно относился к труду, производственные задания выполняю на 400 – 552 процента. Теперь, когда Родине нужны хорошие бойцы, желаю пойти на передовой рубеж. Заверяю, что я и в бою буду таким же, как и на производстве.

Н. В. Головчанский, токарь-стахановец
механического цеха завода горных машин.

22 июня 1941 г.

Федор Юдин:

Краснолучскому горвоенкому

заявление.

Пулеметом владею безукоризненно. На боевых стрельбах показывал отличные результаты. Прошу зачислить меня в действующую армию, в пулеметное подразделение.

Федор Юдин.

22 июня 1941 г.

Иван Белевский:

Шли коммунисты и комсомольцы, юноши и седоволосые участники первой мировой и гражданской войны. Всего было призвано и направлено в действующую армию около 8 тыс. краснолучан, каждый второй из них не вернулся с поля брани.

Иван Безбородов:

Мне было 11 лет. Я пришел в магазин игрушек, но не как покупатель. В кармане — ни гроша. Хотелось хотя бы посмотреть на игрушки. А в магазине черная тарелка репродуктора «выстрелила»: «Война!» Продавщица зарыдала. Я растерянно стоял и не знал что делать.

Валентина Викторова:

Я с девчонками собирала в лесу ландыши, и когда мы вышли на опушку, увидели скачущего во весь опор всадника, он кричал:

— Война! Война!

Так кончилась юность. Все вдруг повзрослели. Уходили односельчане на войну целыми семьями. Ушли сражаться за Родину и три моих брата. А я рыла под Москвой окопы, чистила аэродромы.

А еще я была писарем роты. Глубоко запрятав горе, писала порхонки.

Александр Клепов:

22 июня вступил в бой.

Под Шосткой — первое ранение. Госпиталь.

Иван Танцюра:

С товарищами по заставе собирался отметить 22 июня мой день рождения: мне исполнялся 21 год. Но именины не состоялись. Радио сообщило: «Война...».

Ловил каждое слово, которое доносилось из репродуктора, и представлял, как тяжело в это время защитникам Отчизны на ее западной границе. Хорошо знал нелегкую службу пограничника. Не раз принимал участие в схватках с нарушителями границы.

Просился на фронт. И в скором времени просьбу удовлетворили. Часть, в которую назначили, вела бои за Ростов-на-Дону.

Александра Щукина:

22 июня был жаркий безоблачный день. Мама накормила нас и ушла с папой в гости к землякам-воронежцам. А мне приказали играть с младшими сестрой и братом. Я была за старшую няньку, мне 18 июня исполнилось 12 лет. Младшей сестре 11 лет, брату Коле — 5, Вале — 2 годика. К нам присоединилась соседская детвора. Было весело. Неожиданно вернулись родители. Сказали, что идут в сельсовет на собрание. Вскоре возвратились заплаканные. Сказали, что началась война.

Папа отправил соседских детей по домам, а нас обнял и сказал: — Детишки вы мои родные! Началась война, и ваш отец обязательно пойдет на фронт защищать Родину.

И заплакал. Я спросила:

— Когда?

— Скоро.

Плакали и мама, и папа, и я. Мне было страшно. Я не понимала, что такое война. Меньшие дети смотрели на нас и не могли сообразить, почему мы плачем.

Леонид Цуканов:

— Я учился в ремесленном училище. Утром 22 июня наша группа, проходившая практику на Луганском заводе имени Октябрьской революции, пришла к проходной завода. Нам сказали, что надо подождать — ждали какое-то важное сообщение.

Мы расположились на траве неподалеку от проходной. Ждали недолго:

— Говорит Москва! — зазвучало из репродуктора. — Сегодня, 22 июня...

Так для меня начался отсчет минутам, часам, дням долгих лет войны.

«Как, война? Почему война? А Договор о ненападении?» проносилось в голове. Ребята вскочили с земли, заговорили наперебой. Запомнил слова товарища: «Придется и нам, хлопцы, хватить закваски».

Николай Проценко:

Было уже около девятнадцати часов первого дня войны. Нам приказали следовать из Бреста на штабных машинах в направлении г. Барановичи.

Только проехали Ковель, повстречался фашистский разъезд на мотоциклах. С ним мы расправились быстро. Но обстановка заставила вернуться обратно.

Когда мы подъехали, Брест был в огне. Фашистские стервятники бомбили его. На нас обрушился шквал автоматного, пулеметного и минометного огня. Бой был неравный. У нас кончились боеприпасы. Мы вынуждены были отходить.

Федор Леонтьев:

К вечеру 22 июня к городу Литава подошли немецкие войска. Мы получили приказ вернуться в город и занять оборону. В этот критический момент мы выводили свои машины ПВО на самый передний край обороны, чтобы поддерживать стрелковые подразделения. Но наши силы были неравные, нас оставалось все меньше и меньше. Кончились снаряды.

Иван Комаров:

Так мы провоевали целый день. Ночевать в свои палатки не пошли. Отошли в сторонку. Уже поняли, что война, значит, надо немножко подальше.

Владимир Слюсарь:

Первый день войны. Мобилизация. Я — молодой отец. Перед отправкой в воинскую часть забежал домой, чтобы попрощаться. Тя-

желое, разрывающее сердце расставание с детьми. Долго потом слышал голос самого маленького:

— Папа, ты куда? Папа...

Петр Долгих.

В 1929 году, когда Петр Долгих пришел на шахту № 17/17-бис, ему было девятнадцать лет.

В шахте закалялась воля. До самого начала Великой Отечественной войны трудился на одном и том же участке.

22 июня Петр работал в первую смену. Когда по радио объявили о нападении немецко-фашистских войск, Долгих еще добывал уголь. Только после смены, поднявшись на поверхность, он узнал эту страшную весть. Спустя несколько дней, он надел форму защитника Родины.

И. Щиголев:

До 13 лет мне не хватало месяца, когда началась война. Я её встретил, как говорится, в седле. Да и в самом деле это было так. Мне доверили быть рассыльным при сельсовете. Телефонная связь только с райцентром, вот я верхом на лошади и мчался от села к селу, разнося страшную весть, а заодно и повестки о призыве в армию. Какая боль вспыхивала в глазах людей, когда они узнавали, зачем я приехал!

Римантас Грейчус:

Пограничникам удалось отбить атаку. Обороной руководил помощник начальника заставы лейтенант Иван Гончаренко.

Фашисты усиливали огонь, вновь и вновь атаковали. Пограничники, измученные боем и ослабевшие от ран, отходили на северо-восток, не зная, что идут по захваченной врагом земле.

Отойдя от заставы километров на восемнадцать, попали в засаду. Завязался бой. Погибли все...

После боя фашисты похоронили 49 своих солдат, увезли в полевой госпиталь 290.

Павших пограничников предали земле местные жители.

Иван Федорович Гончаренко родился в 1917 г. в Криндачевке.

Леонид Пивнык:

22 июня был в наряде — дежурил по училищу. О войне услышал по радио. Мы были великими патриотами и считали, что раздавим фашистов, как клопов. А немцев мы знали, так как в нашем училище одна учебная эскадрилья была укомплектована немцами — курсантами. Мы их учили летать на наших истребителях «И-16», причем им предоставили новые машины, а сами стажировались на поношенных. Ничего плохого о немцах сказать не могу: они были дисциплинированны и летали хорошо. После объявления войны их сразу же вывезли и больше о них мы ничего не слышали.

Мария Зеленская:

Услышав по радио о нападении фашистов, Иван сказал:

— Это беда!.. Большая опасность нависла над нашей страной!

Я долго глядела на мужа и вдруг расплакалась. Спустя три дня провожала его на фронт. Спешно готовила белье и еду. На вокзале обнялись:

— Напиши хоть пару слов, где ты будешь, да береги себя, родной!..

Долго стояла вместе с другими на перроне. Плакала, махала рукой.

Олена Спеціальна:

Мені зрівнялося чотири роки, коли почалася війна. Той перший день ввійшов в мою пам'ять так. Було за південь. Ми виходили від бабусі. Мама тримала мене на руках і плакала. Всі були стурбовані і чомусь дивились на небо.

Юрий Коварго:

Западная граница. Под Новоржевом полк попал в окружение. Необходимо восстановить связь с главными силами. Командование приказало идти на прорыв. При прорыве встретили два сильно укрепленных дзота. Мой друг, грузин Шаматов, закрыл амбразуру грудью...

Алексей Мароков:

Часть, где я служил, располагалась в районе Киева.

Самолеты буквально весь день висели в воздухе, артиллерия не прекращала огня, тяжело было нам, а особенно мирному населению, здесь я был первый раз ранен.

Иван Смешко:

Как и все мои однокурсники, явился в военкомат, не ожидая повестки. К нашему удивлению, нас направили в училище связи. Мы протестовали, но бесполезно.

Василий Чернявский:

Я был политруком зенитного взвода, предназначенного для охраны от нападения с воздуха наших транспортных средств подвоза. Сразу же заправили машины боеприпасами и выехали в лес на исходную позицию. Говорили, что это очередное «окружение», и все делалось, как на войне. Мы видели самолеты с крестами, зарево пожаров над Белостоком, но команды стрелять по самолетам все еще не было. И только к концу дня узнали, что идет война.

Андрей Натаров:

Ох, и лихие мы были ребята! Бескозырки, брюки клеш, молодые, здоровые, веселые. И когда прозвучала команда: «В атаку!», не раздумывали. После той атаки в шестом морском погранотряде из 250 человек в живых осталось девятнадцать.

22 июня 1941 года от заставы остались одни головешки. Погибли спавшие бойцы и командиры, погибли их жены и дети. В живых остались лишь некоторые находившиеся в дозоре. И среди счастливых — я.

Екатерина Романовская:

Я работала учительницей в Зверево. На второй день войны подала заявление с просьбой направить на фронт. Мое заявление опубликовала районная газета. Внизу было напечатано, что подобные заявления за четыре дня поступили от сотен юношей и девушек. Приятно, что мое заявление заметили, но и обидно — в течение месяца я

каждый день ходила в военкомат, но мне все говорили, что надо подождать. Наконец настал день, когда получила направление на курсы радиотелеграфистов.

Ювеналий Розенман:

В Феодосии мы наслаждались жизнью. Купались в море, ходили в музей Айвазовского, смотрели достопримечательности.

22 июня как всегда утром ушли к морю. В полдень мальчишки принесли тревожную весть.

— Товарищи офицеры! — с берега кричали они. — Вы что не знаете, война началась?

— Какая война?

Пошли домой. Действительно, по радио уже сообщали: объявлена война. Собрали вещи, отправились на вокзал. Билетами они запаслись заранее, но на 24 июня, так что пришлось ехать попутными поездами в тамбурах и на крышах. В Киеве в военной комендатуре их определили на попутную машину в сторону Чернигова.

Василий Шоленко:

Первый бой наш 698 стрелковый полк 146 стрелковой дивизии, комиссаром которого был я, вступил с превосходящими силами врага за городом Кременец на территории Западной Украины на второй день войны, т. е. на исходе дня 23 июня 1941 года.

Это была неожиданная, внезапная встреча с врагом.

Выскочив с командиром полка т. Русских на передний край, мы, насколько было видно глазу, насчитали до 100 танков противника перед нашим передним краем.

Весь день 22 и ночь на 23 июня полк двигался форсированным маршем. 23 июня часам к 13 — 14 мы достигли города Кременец. Надо было накормить людей и дать хоть минимальный отдых для восстановления сил. Мы наметили большой привал с обедом на лужайке у реки, что протекает за городом Кременец. Только передовые подразделения полка достигли намеченного места привала, наша полковая походная застава доложила на командный пункт полка, что впереди навстречу нам движется колонна танков. По данным, которыми располагали, думали, что это наши танки. Запросили командира дивизии сообщить нам, что за части это, для установления с ними взаимодействия. Командир дивизии нам ответил:

— У меня нет никаких данных, смотрите сами.

Когда колонна приблизилась, мы увидели на машинах фашистские знаки. Дали команду: к бою. Но бойцы продолжали сидеть. Никто не окапывался.

— Почему не окапываетесь? Видите — впереди фашистские танки!

— Видим, товарищ комиссар, — последовал угрюмый ответ. — И мы знаем, что нам делать, но вы дайте нам хотя бы один патрон.

— Что, нас сюда на убой привели!

Да, в походе на батальон была выделена только одна дежурная рота, на каждого бойца выдали только по 15 патронов. А остальные роты не имели ни одного патрона. Тут всякая агитация и слова были бессмысленны, ибо враг с минуты на минуту мог навалиться на безоружных людей и превратить их в кровавое месиво.

При выходе из Бердичева у нас на полк имелись всего 2 грузовых машины и несколько подвод в хоззвезде.

Мы одну машину загрузили боеприпасами на всякий пожарный случай. Вот этот пожарный случай и спас полк от неминуемого разгрома. Я бросился к этой машине, сам стал на крыло и повел ее по передовой, а группа во главе с начальником боепитания полка сбрасывала в каждую роту по несколько ящиков патронов, гранат, пушкарям снаряды.

Без всяких дополнительных приказов полк ожил, превратился в муравейник и буквально в считанные минуты зарылся в землю, принял боевую готовность встретить врага.

Где делась усталость, откуда только брались сила, воля, энергия у бойцов и командиров.

И когда немцы ринулись в атаку, на позиции нашего полка, они получили достойный отпор.

Иван Комаров:

23 июня уже более организованно летали. По парам, по звену. Но все равно организованного руководства не было. Не знали куда идти. Задания — никакого. Задачи нам никто не ставил. Связь с дивизией потеряна. Командир дивизии убит 22 утром, когда бежал по тревоге к своему самолету. Один немецкий самолет, зашел и открыл огонь. Надо же такому случиться, попал именно в командира дивизии.

Наш комполка начал командовать дивизией, а мы остались под командованием заместителя командира полка.

О радио тогда мы еще только мечтали. Работали только на ви-

димого противника. Увидели самолет, взлетаем. А чтоб дать задание кого-то прикрывать, как потом было, или полет на разведку, — такого не было. Так провоевали второй день.

А в первый день все аэродромы были накрыты. Кроме нашего. Я объясняю это тем, что мы перелетели на него только в понедельник или во вторник. Разведка еще не успела нас засечь.

Николай Бобрус:

23 июня 1941 года после окончания средней школы № 3 в г. - Петровское я был призван в Красную Армию. В Краснолучском военкомате с нами, а нас было 6 человек, беседовал старший лейтенант Капашин. Направили нас в артиллерийское училище.

Все мы — Всеволод Иванович Бакаев, он был старшим группы, Олег Маслов, Александр Иванович Зудин, Владимир Малютин, Федор Павлович Кобзев, и я, Николай Фадеевич Бобрус — только вчера получили аттестаты зрелости, у нас не было даже традиционного выпускного вечера. С этими товарищами мы вместе начинали службу в артучилище, вместе выехали на фронт в составе отряда особого назначения, принимали участие в боях под Ромнами, Конотопом, Михайловкой.

В боях под Бабаковкой, близ станции Ворожба Сумской области, был тяжело ранен наш помощник командира взвода учебного отделения В. И. Бакаев, легко ранен В. Малютин.

О дальнейшей судьбе товарищей не знаю. Был слух, что Всеволод Бакаев скончался в госпитале.

Василий Шоленко:

Под Кременцом ни один солдат не дрогнул. Задача у нас была очень сложная, каждый понимал, что у нас боеприпасов ограниченное количество. И каждый проявил выдержку, мужество и хладнокровие, бил врага только наверняка, только с прицельного расстояния, экономя патроны.

Первый бой под городом Кременец завершился к исходу дня 23 июня нашим успехом. Он был нами выигран. В этом бою мы не только отбили атаки врага, но и нанесли ему большие потери, в результате чего гитлеровцы вынуждены были отступить.

В этом бою особый героизм, мужество и стойкость проявили бойцы полковой батареи. Они выкатывали пушки на передовые позиции и били по немецким танкам прямой наводкой, своим метким

прицельным огнем обращали немецкие танки в бегство. Но подбитых вражеских танков оказалось мало, так как в это время у нас не было бронебойных снарядов. Прицельные осколочные снаряды наводили ужас на врага и обращали его в бегство, но для уничтожения танков они мало эффективны.

К тому времени, когда мы уже отразили последнюю атаку, подошли части 5-го механизированного кавкорпуса.

Иван Комаров:

Двадцать третьего, может быть, к обеду, может, чуть позже, самолетов 12 «мессершмитт-110» под прикрытием «сто девярых» совершили налет на наш аэродром.

Воронки наделали. Самолеты наши стояли в лесу, замаскированы. Какие были открыты, получили пробоины. Но ни один не загорелся. Аэродром исковеркали основательно. Взлетать нужно было осторожно с таким расчетом, чтобы не попасть в воронку.

После этого налета командир дал команду проверить готовность самолетов. Взлетать, перебазироваться на аэродром в Лиду. Подальше в тыл. С таким расчетом, чтоб вывести из-под удара наши самолеты.

Я подошел к своему самолету. Механик доложил, что пробит масляный бак.

— Делай деревянный чоп, забивай, и я полечу.

Взлетали по одному. В воздухе пристраивались друг к другу и летели. Я встретился с Фокиным. Показываю ему: веди ты, а он на меня показывает, мол, выходи вперед и веди.

Ну, раз так... Он позже меня пришел в полк. Считал себя моложе. Я вышел и пошел. Когда подлетаем к аэродрому Щукино, там уже наши сидят. Сел удачно. Там уже был командир третьей эскадрильи.

Это под Лидой, километрах в 10 – 15 не больше.

Другие разбрелись по другим аэродромам в районе Лиды.

Вот что значит отсутствие связи и руководства.

А на Щукинском аэродроме нас собралось 18 во главе с командиром третьей эскадрильи. Вечерком выставили все самолеты один к одному, крыло в крыло, хотя уже три дня отвоевали. Никому даже в голову не пришло, что завтра утром могут прилететь немцы.

Батальона, который мог бы зарядить нам самолеты, не было. Дали заявку, сказали, что завтра утром придет БЗ и заправит. Мы переночевали. Там нас, правда, покормили.

Василий Чернявский:

Утром получили приказ пробираться на восток, кто как может. Связи с остальными частями никакой. Продвигаться можно только по лесу, по проселочным дорогам, потому что основные дороги были запружены беженцами с западных районов.

Федор Абдумаликов:

Я пришел служить из Средней Азии в Россию, защищал Украину.

Помню, как контузило меня на поле боя, как взяли меня донской казак В. Волокитин и украинец В. Шевчук и тащили, сколько сил хватало, не бросили, спасли.

Василий Чернявский:

Примерно в первой половине дня 23 июня подъехал на броневике полковник Белов, дал команду сопровождать беженцев, охранять от десантников и самолетов, которые на бреющем полете расстреливали безвинных людей, гонялись за каждым человеком.

И сейчас перед глазами стоит: убитая женщина, возле нее двое детей. Мальчик лет пяти плачет, и второй, еще маленький, не понимает, что случилось и жмет к убитой матери. Жутко было смотреть, что фашисты делали на дорогах с безвинными людьми, а это, в основном, женщины и дети. И все-таки мы их отпугивали, хотя, что можно было сделать, если в пулеметных лентах только седьмой патрон бронебойно-зажигательный, а один трассирующий?

Мария Лысенко:

Направили в состав санитарного поезда № 1080, а уже через сутки эшелон прибыл в район Ковеля, где шли бои пограничников с фашистами. Первые семь суток мы были под Ковелем. Началась первая загрузка раненых. Вместо 600 человек по табелю загрузили 1200 и — на Киев. Разгрузились и сразу отправились за новой партией раненых. С каждым разом отвозили их все дальше в тыл. Отправлялись ночью. Наверное, чтоб меньше попадали под бомбежку.

Состав идет во всю, а кто-то кладет поперек рельс шпалы... Хорошо, машинист вовремя заметил, застопорил. Думает, что делать?

А там уже один состав горит. Они положат шпалы, поезд остановят, и тогда легче попадать.

Возили в теплушках. Пассажирские вагоны были только для тяжело раненных. Садились раненые и на крыши.

Василий Чернявский:

Убит командир рации Аркадий Бадалян, ранены шофер Мухин и командир расчета Колбалюк, подбиты 2 наших автомашины. Но нам все-таки удалось подбить немецкий самолет. Он задымил и взорвался. Как радовались люди, видевшие это. Вероятно, это был первый подбитый самолет в этих условиях. Нас обнимали, записывали наши фамилии. Налет прекратился только к концу дня.

Иван Комаров:

24 июня утром встали, пришли к самолетам, смотрим, все 18 самолетов целенькие, нормальные.

Бензозаправщик подошел. Начал заправлять самолеты. Вдоль линейки нашей стал и идет. Осталось заправить один или два самолета. И вот девятка «сто девярых» заходит. Увидели наш строй — и вдоль этого рядочка...

Мы успели с Фокиным отбежать метров 15 от хвоста до борозды в поле. Легли голова к голове, лицом к лицу друг к другу. Так и лежим в борозде этой. Слышим, как они ходят по нашим самолетам, строчат. Слава Богу, что нас они не заметили. Так же все спрятались. Ни один не был убит. А когда встали, видим: самолеты наши горят за исключением трех.

А раз горят, там же полно боеприпасов, начали рваться патроны. Летят куда хотят. Пришлось опять прятаться. В лес подальше. Часа полтора просидели. Идти к самолетам командир не разрешал. Что там сделаешь голыми руками?

Утихло. Годными, на которых можно взлететь и можно летать, оказались только два самолета. Командир назначил двух летчиков, дал им задание лететь в Могилев.

Остальные всем составом, человек 15, вышли на дорогу, перестрелили полуторку. Развернули ее и поехали на свой аэродром. Он остался в тылу у нас. Мы знали, что там полно самолетов.

По дороге встретили военного на мотоцикле. Он говорит:

— Там уже немцы. Там танки немецкие. Аэродром уже занят. Все, там делать нечего.

Сел на мотоцикл, и дальше поехал. Там стрельба шла. Мы развернулись и поехали в сторону Минска. Потом я уже догадался, что мотоциклист был одним из лазутчиков, которых немцы забрасывали для организации паники. Минск горит. Нас туда не пускают. Командир доложил, кто мы такие. — Вот дорога, разворачивайте на Могилев. Выехали на эту дорогу, встретили еще своих, в частности, командира полка, который уехал командовать дивизией. А чем командовать, если 122-й полк разбит, и наш, 127-й. И еще одна машина появилась, автобусик маленький. Добирались до Могилева.

Василий Коленский:

Каждый из тех, кто участвовал в Великой Отечественной, встретил начало войны и воспринял его в некоторых отношениях по-разному. Кто-то уходил на войну, провожаемый рыданиями родных и близких. Кто-то и сам, уходя навстречу боям, испытывал мучительное стеснение в груди и едва-едва удерживал собственные слезы, прощаясь с женой и детьми.

Кто-то... Кто-то... Кто-то... Простые, добрые, миролюбивые советские люди. Уходили на войну, зная, что впереди ждут их самих и их близких трудные испытания. И потому у большинства так тяжело было на сердце.

А в двух пассажирских вагонах, увозивших нас все дальше от Ворошиловградщины, царило совсем другое настроение.

— А, ерунда! — браво восклицали одни.

— Подумаешь, фашисты! — добавляли другие. — Наши уже показали себя и в боях с белофиннами и с японцами. У озера Хасан и на Халхин-Голе.

— Справимся как-нибудь и с Гитлером! — будто уже ставили точку после сказанного до них трети.

Молчали только сопровождавшие нас два офицера-авиатора. И будь мы хоть чуть внимательнее, обязательно прочли бы в их серьезных, взрослых глазах одну и ту же невысказанную мысль: «Ах, мальчишки, мальчишки, да знаете ли вы, что такое война, и какая судьба ждет многих из вас впереди?»

Но нет: мы пока что не задумывались над этим, да, пожалуй, просто и не могли всерьез задумываться в день вероломного нападения фашистской Германии на нашу страну. Молодая, безудержная

радость рвалась из наших сердец: не сегодня, так завтра, мы, выпускники школы ВВС, станем курсантами школы пилотов первоначального обучения!

Василий Шоленко:

На следующий день, 24 июня мы перешли в наступление в направлении Броды, где противник прорвал нашу государственную границу, сосредоточил крупные силы и шел в обход, чтобы отрезать город Львов.

Двое суток мы успешно наступали, громили гитлеровские части, захватили изрядное количество трофеев — машин, мотоциклов, пулеметов, боеприпасов и продуктов. Но обстановка складывалась не в нашу пользу. У нас иссякали боеприпасы, продовольствие. Пополнения с тыла мы никакого не получили, эшелоны наши так и не прибыли.

А немецкое командование на наш участок фронта подтянуло крупные мотомеханизированные части.

Василий Чернявский:

24 июня в районе г. Новогрудок немцы на 5 планерах выбросили десант. Снова мы вступили в бой и разбили этот десант.

Иван Белевский:

Основная работа горкома партии, горисполкома в первые дни войны была направлена на подчинение работы шахт интересам фронта. Мы понимали, что войне потребуется много энергетических ресурсов. Поэтому нам надо было использовать все запасы углей, накопленных в городе, использовать с максимальной экономической эффективностью, своевременно вывезти их.

Василий Чернявский:

В Белоруссии очень много речушек, через них нужно было переправляться. Возле одной из них нам встретился инженер-майор, старшина и солдат. Сказали, что мост через речку взорван и дали направление, куда нужно ехать. По указанному пути мы подъехали к болоту, по которому из бревен была настлана дорога, там уже стояло несколько машин. Оказалось, что нас направили переодетые в нашу

форму немцы, они направляли в болото автомашины с гражданским населением.

Дело к вечеру, проехать невозможно. Ночь пришлось провести на болоте. Это была страшная ночь. Утром налетели немецкие самолёты и начали кровавую расправу. Только на двух машинах мы провались.

Иван Комаров:

25-го прибыли в Могилев, переночевали. Технический состав, который в Минске присоединился, оставили там, а нас, весь летный состав погрузили в теплушку и — на Москву.

Василий Коленский:

Мы, выпускники школы ВВС, бодро выпрыгиваем из вагонов, и наша красивая темно-синяя форма, серебристые «птички» на петлицах привлекают внимание местных жителей. Здесь тоже еще находятся «бодрячки», незлобиво подшучивающие над нами:

— Ну, с такими орлами и сам Гитлер не страшен!

— Эй, летчик, не забудь в небе про маму!

Но мы, конечно, не обижаемся на шутки.

Вскоре приходят за нами автобусы, и через четверть часа мы уже въезжаем на территорию военного городка в Гомеле. Это несколько административных зданий, курсантские общежития, просторный двор с асфальтированными пешеходными дорожками, ангары с еще не видными нам самолетами и обширное аэродромное поле.

Не замечаем, как наступает, наконец, вечер, а затем и первая для нас военная ночь. Долго не спим, перешептываемся, и только теперь почему-то так настойчиво приходят на память родные и близкие...

И вдруг — внезапное пробуждение: воздушная тревога! Пробуждаются, впрочем, не все. Слышим, как кто-то, заползший под нары, буквально отбивается от дневального, который тащит его за ноги:

— Да ну его с вашей тревогой, я еще не зачисленный!

Один из дежурных командиров, наблюдавший эту сцену, что называется, разводит руками:

— Нет, вы только подумайте — он еще не зачислен! Да разве ж бомба разбирается, кто зачислен, кто нет! Вылетай во двор, живо! Ох, какие же вы еще пацаны! Мальчишки...

Наконец-то нас выстраивают в колонну по четыре, где-то впереди звучит команда:

— За мной, бегом марш! — и, заслышав высоко в небе надрыв-
ный вой фашистских бомбардировщиков, мы теперь уже без всяких
понуканий бежим и бежим вперед, подальше от аэродрома и, в конце
концов, валимся в росистую степную траву; долго лежим в ней, дро-
жа от холода, вслушиваясь в не такие уж и далекие бомбовые разры-
вы где-то к востоку от нас, и теперь уже каждый понимает: да, это
война...

Василий Чернявский:

И снова встреча с небольшим десантом уже ближе к старой гра-
нице. И снова — бой. Здесь я был ранен.

Барашкин:

26 июня принял присягу в 707 батальоне аэродромного обслу-
живания и был отправлен на фронт шофером. Мы доставляли на аэро-
дром горючее, бомбы, продовольствие, все, что потребуется. Часто
это происходило под налетами вражеских самолетов. Но ни разу фа-
шистским летчикам не удалось поджечь мою машину.

Один раз нужно было как можно быстрее доставить бомбы. Как
назло налетел самолет. Он пикировал на наши машины, забрасывал
бомбами, а мы продолжали свой путь на аэродром. Маневрировали
по полю под обстрелом. Самолет, израсходовав боекомплект, улетел.
Так и не удалось ему попасть ни в одну нашу машину.

Василий Коленский:

Вновь наступившее утро просто-таки потрясает всех нас. В глу-
боком молчании стоим мы теперь целыми часами у решетчатой ме-
таллической ограды, уходящей далеко в обе стороны от въездных
ворот, и то, что видим перед собой, кажется нам просто невероят-
ным...

Не только по шоссе — во всю ширину улицы идут и идут на
восток не десятки, не сотни, а многие тысячи людей. Идут мужчины
и женщины, старики и старухи, идут способные кое-как передвигаться
их дети и внуки. Идут с тачками и без тачек, навьючив на себя что
только можно. Идут от Бобруйска и Борисова, из множества белорус-
ских сел и поселков.

Все десять суток, которые суждено нам было провести в Гоме-
ле, наблюдали мы за этим скорбным шествием. И всякий раз мы, ко-

нечно, мучились одними и теми же вопросами: где найдет новое пристанище эта масса людей, где, кто и когда накормит и напоит их, где конец их долгого пути, и каким этот конец окажется?.. Но, к сожалению, определенных и тем более успокаивающих ответов на эти вопросы мы пока что не находили.

Федор Абдумаликов:

27 июня я с группой красноармейцев был уже в Одессе в качестве курсанта пехотного училища. Не пришлось нам долго побыть новобранцами, в первые недели войны нас направили на заслон девятой армии, и 5 – 6 июля участвовали в настоящем бою. Из семи тысяч курсантов училища осталось меньше половины. В военной мясорубке перемолотило почти всех солдат 21 – 22-го годов рождения. Кто нюхал порох, кто защищал Родину, кто себя не щадил, тот знает всю правду о войне.

Федор Леонтьев:

27 июня получили приказ выходить из окружения вдоль моря. К исходу дня мы с боями вышли в заданный район, но выйти из окружения дивизии не удалось.

Виктор Кузьминский:

«Мама! Все, что есть у меня в душе, никакая бумага не вместит... Скажу только одно, что в бой иду с большой охотой. Биться буду жестоко, врагу не бывать на нашей земле... Враг будет уничтожен... Я сам не знаю, почему с первых дней в бою. Я рвусь туда, где горячо. Обо мне не беспокойтесь. Жизнь свою даром не отдам. А если погибну, то только как герой. Если ты потеряешь меня, одного своего сына, то у нас в стране одинокой не будешь. Кто останется жив, все будут твои сыновья. 27 июня 1941 г.»

Василий Шоленко:

Насколько силы на нашем участке фронта были неравны, можно судить по следующему: наступая день и ночь в направлении Броды, к утру 27 июня мы вышли одним батальоном полка на опушку леса. Впереди метрах в 300 – 400 проходила шоссейная дорога. На ней остановилась на завтрак немецкая мотомехчасть. Командир пол-

ка Русских, комбат и я вышли на опушку для принятия решения. Осмотрели местность и по дороге насчитали более 100 немецких танков.

Немцы нас не замечали, и мы вышли к ним в тыл внезапно. С одной стороны удобный момент для внезапного удара. Но с чем броситься в атаку против танков, когда у нас только пустые винтовки, 4 пушченки и ни одного бронебойного снаряда, ни одной противотанковой гранаты или бутылки с горючей смесью, а перед нами более 100 танков. Исход один. Организованный отход на старые позиции.

Наше командование, получив данные о том, что гитлеровцы на наш участок перебросили свежий механизированный корпус, решило приостановить наступление и отвести части на старые позиции к окраинам Кременца.

Василий Коленский:

С каждым днем все беспокойнее живется и нам самим. Что ни ночь, то тревога, а то и две. Над нами по несколько раз в день пролетают по две – три девятки «юнкерсов» или «хейнкелей», и откуда-то, не очень издалека, до нас доносятся гулкие звуки бомбовых разрывов. Вскоре даже нам, курсантам, все становится понятным: немцы бомбят мост через реку Сож, затрудняя нашим наземным частям отход на восток, а наш гомельский аэродром берегут для самих себя. Нашей авиации в небе пока не видно. Зато на пятый день войны происходит что-то необычное: в строй одной из фашистских эскадрилий врзается невесть откуда взявшийся наш «ишачок», и вот уже вспыхивает один, а за ним и другой вражеский самолет. Но... горит и краснотелая машина неизвестного нам героя. Наверное, летчик убит или тяжело ранен, потому что самолет его падает прямо на наш военный городок. Мы выскакиваем из высокой травы, в которой укрываемся обычно во время тревог, и мчимся туда же. Подбегаем почти к самому «ишачку», видим в кабине еще чуть шевелящегося пилота, но ничем уже не можем помочь ему, потому что металлические части фонаря кабины раскалены до предела и намертво заклинены... Мы, не сговариваясь, снимаем пилотки, долго еще стоим не двигаясь, и, наверное, каждый из нас дает себе слово когда-то отомстить фашистам.

Василий Шоленко:

Я в период наступления шел в первых рядах головного батальона полка. Естественно, при отходе этот батальон отходил последним, прикрывая отход частей. Как я уже упоминал, батальон, находящийся в рощице оказался в непосредственном соприкосновении с главными силами врага.

Разъяснив обстановку личному составу, начали организованный отход. Гитлеровцы против нас развернули танки и пустили автоматчиков. Но так как мы к этому моменту уже втянулись в болотистую местность, танки, дойдя до болота, где по ним уже были даны залпы из наших пушек, дальше не пошли, автоматчиков мы контратаковали, и они также были приостановлены.

Отбив атаки танков и автоматчиков врага, батальон организованно отходил. Враг ничего не смог сделать батальону своими танками и автоматчиками. Развернул артиллерию и открыл массированный артиллерийский огонь по нашему батальону. Но так как бойцы у нас в то время были кадровые и уже обстрелянные, они двигались рассредоточено и организованно. Снаряды уходили глубоко в болотистый грунт, и там происходил взрыв, потерь у нас почти не было. Так как горизонтальные осколки оставались в грунте, а вертикальные летели вверх, бойцов только обдавало грязью, да воздушная волна сбивала с ног. Бойцы вскакивали, отряхивали грязь и снова двигались.

К этому времени наши основные части отошли на старые позиции и заняли оборону на высотах окраин Кременца, с этих позиций наблюдая наш отход, они приняли нас за немецкую пехоту, которая под прикрытием своего артиллерийского огненного вала идет в наступление. Наша собственная артиллерия тоже открыла по нам массированный огонь. Так мы оказались в огненном котле вражеской и своей артиллерии. Для того чтобы избежать губительного огня своей артиллерии, нам пришлось приостановить отход и втянуться в лесную рощицу, но это позволило немецким танкам взять нас в кольцо. Начался трехдневный неравный бой в огненном кольце немецких танков и автоматчиков.

Мы заняли круговую оборону, у нас 4 пушки, пулеметы. Боеприпасы на исходе. Питание — сухарь, сохранившийся в ранце бойца. По танкам били только в упор. А когда танк шел и шел, и его нечем было ни подбить, ни поджечь, на него вскакивали бойцы и седлали его как лошадь. Гитлеровские вояки поворачивали танки назад. Тогда бойцы соскакивали и оставались в окопах. Этому спо-

собствовала высокая рожь на наших позициях. Так мы отбивали танковые атаки. Пехоту немецкую подпускали на расстояние 50 – 100 метров, расстреливали в упор. Множество трупов немцев валялось возле наших окопов. Трое суток длился этот бой. Ни голод, ни непрерывные атаки немцев не сломили стойкости бойцов. В этих условиях у кого находился сухарь, делил на несколько частей и делился с товарищами.

Немцы, понеся большие потери и в этом бою в живой силе и технике, на третий день сняли танки и отошли в свой тыл, открыв нам путь отхода. Организованно снявшись, мы прибыли к своим на старые позиции. Нас уже считали погибшими, а политрук роты тов. Черепанов доложил начальнику политотдела дивизии, что в бою погиб комиссар полка, то есть, я. Когда я явился в штаб дивизии и доложил о прибытии батальона, в рядах которого был, начальник политотдела достал заготовленное уже донесение о моей гибели и тут же уничтожил его.

Наталья Кладова:

Ушел Михаил на фронт. Прощались, говорил какие-то правильные слова. Говорил, что должна сберечь детей, вырастить их, да таких, чтобы не стыдно было перед людьми, перед страной. Я слушала и думала, зачем ты мне, Мишенька, это говоришь? Ты же знаешь, как люблю я деток. И уходишь ты ненадолго. Немца победим, если не через неделю, то через месяц... Ты лучше еще раз скажи, как сильно любишь меня и какая я самая красивая...

Василий Шоленко:

После нашего короткого наступления мы отошли на старые позиции окраин Кременца. Гитлеровцы, понеся значительные потери, перебросили с других направлений крупные свежие силы на наш участок фронта. Начались яростные атаки на наши позиции. Мы в этих боях истекали кровью. Никакого подкрепления с тыла мы не получали. Подвоз боеприпасов и питания прекратился, своего транспорта для эвакуации раненых не было. Врагу удалось смять на нашем левом фланге полк Ведерникова. Нависла угроза обхода полка с фланга. В этот прорыв мы бросили курсантов полковой школы. Особенно в этом бою проявили героизм политрук полковой школы тов. Волков,

который получил в бою тяжелое ранение в грудь, но не покинул поля боя и продолжал драться. Сам лично из пулемета поливал немцев.

Курсанты дрались, как львы, но наши силы иссякали. Не стало боеприпасов, стрелять нам стало нечем. Немцы это поняли и кричали:

— У русских нет пух, пух.

Они усилили свой натиск. Положение для нас настало критическое. Надо было искать выход. Выход был один — мобилизовать городские ресурсы на помощь иссякающим в бою частям.

В этот критический момент я прискакал с передовой в г. Кременец, чтобы мобилизовать, прежде всего, городской транспорт для перевозки на передовую боеприпасов и питания, а также вывозки раненых в тыл. Но что я застал в нашем тыловом городе Кременец, который должен был нам, воинам, оказать всяческую помощь и содействие в борьбе с врагом?

Я увидел в городе полную анархию, похожую на предательство. Городские власти вместо мобилизации масс и материальных ресурсов на помощь воинам, спасая свою шкуру, нагроутили колонну машин личным багажом и удрали. А в городе весь транспорт вывели из строя. Я прискакал на табачную фабрику, чтобы там взять машины. В гараже было много машин, но все они оказались выведенными из строя. Я поскакал на железнодорожный вокзал, в надежде разыскать там наши вагоны с боеприпасами. На вокзале все было взорвано. Взорвана и железная дорога на многие километры в тыл.

Вольно или по глупости руководители Кременца, взорвав всё в тылу своих войск, нанесли нам удар в спину и оказали большую услугу врагу. Так, дерясь на передовой до последнего патрона, бойцы оказались отрезанными от своих тылов, остались без боеприпасов, питания и транспорта. Мы не могли даже вывезти раненых. Так успешно начался наш первый бой, но, как я считал, тыловая паника или предательство привели нас к плачевным последствиям.

Начался наш трагический отход от Кременца. На полях боя осталось много наших раненных и не погребенных павших смертью храбрых наших боевых товарищей. Вечная память и слава им.

Федор Леонтьев:

28 июня из остатков всех полков был сформирован сводный отряд, и мы с боями стали пробиваться в направлении Риги. Под городом Кульдиги (Латвия) я был ранен и контужен.

Сергей Соловьев.

«От Советского информбюро.

В течение ночи на 28 июня продолжались бои наших войск, особенно ожесточенные — на Минском и Луцком направлениях.

О новых многочисленных фактах героизма и стойкости наших бойцов и командиров говорят сообщения с фронта.

Советский бомбардировщик, возвращавшийся на свою базу после выполнения боевого задания, подвергся нападению пяти немецких истребителей. В завязавшемся бою бомбардировщик получил повреждения. Экипаж самолета проявил исключительное самообладание и выдержку. Тяжело раненный командир экипажа младший лейтенант Соловьев вывел самолет из окружения. Отстреливаясь и умело маневрируя, экипаж бомбардировщика отбил атаки противника и привел самолет на нашу территорию».

ПАРТИЙНЫМ И СОВЕТСКИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ ПРИФРОНТОВЫХ ОБЛАСТЕЙ

Из директивы Совнаркома Союза ССР и ЦК ВКП (б)

Вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз продолжается. Целью этого нападения является уничтожение советского строя, захват советских земель, порабощение народов Советского Союза, ограбление нашей страны, захват нашего хлеба, нефти, восстановление власти помещиков и капиталистов. Враг уже вторгся на советскую землю, захватил большую часть Литвы с городами Каунас и Вильнюс, захватил часть Латвии, Брестскую, Белостокскую, Вилейскую области Советской Белоруссии и несколько районов Западной Украины. Опасность нависла над некоторыми другими областями. Германская авиация расширяет территорию бомбежки, подвергая бомбардировкам города Ригу, Минск, Оршу, Могилев, Смоленск, Киев, Одессу, Севастополь, Мурманск.

В силу навязанной нам войны наша страна вступила в смертельную схватку со своим опасным и коварным врагом — немецким фашизмом. Наши войска героически сражаются с врагом, вооруженным до зубов танками, авиацией. Красная Армия, преодолевая многочисленные трудности, самоотверженно борется за каждую пядь советской земли.

Несмотря на создавшуюся серьезную угрозу для нашей страны

некоторые партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации и их руководители еще не осознали значения этой угрозы и не понимают, что война резко изменила положение, что наша Родина оказалась в величайшей опасности и что мы должны быстро и решительно перестроить всю свою работу на военный лад.

Совнарком СССР и ЦК ВКП (б) обязывает все партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации покончить с благодушием и беспечностью и мобилизовать все наши организации и все силы народа для разгрома врага, для беспощадной расправы с ордами напавшего германского фашизма. Совнарком Союза ССР и ЦК ВКП (б) требуют от вас:

1) В беспощадной борьбе с врагом отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и смекалку, свойственные нашему народу.

2) Организовать всестороннюю помощь действующей армии, обеспечить организованное проведение мобилизации запасных, обеспечить снабжение армии всем необходимым, быстрое продвижение транспортов с войсками и военными грузами, широкую помощь раненым предоставлением под госпитали больниц, школ, клубов, учреждений.

3) Укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам фронта всю свою деятельность, обеспечить усиленную работу всех предприятий, разъяснить трудящимся их обязанности и создавшееся положение, организовать охрану заводов, электростанций, мостов, телефонной и телеграфной связи, организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая во всем этом быстрое содействие истребительным батальонам. Все коммунисты должны знать, что враг коварен, хитер, опытен в обмане и распространении ложных слухов, учитывать все это в своей работе и не поддаваться на провокации.

4) При вынужденном отходе частей Красной Армии угонять подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно, безусловно, уничтожаться.

5) В занятых врагом районах создавать партизанские отряды и

диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и так далее. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия.

6) Немедленно предавать суду военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешает делу обороны, невзирая на лица.

Совнарком СССР и ЦК ВКП (б) заявляют, что в навязанной нам войне с фашистской Германией решается вопрос о жизни и смерти Советского государства, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение.

Теперь все зависит от нашего умения быстро организовать и действовать, не теряя ни минуты времени, не упуская ни одной возможности в борьбе с врагом.

Задача большевиков — сплотить весь народ вокруг Коммунистической партии, вокруг Советского правительства для самоотверженной поддержки Красной Армии, для победы.

29 июня.

Ювеналий Розенман:

29 июня наша часть вступила в бой с фашистами. Это было в Белоруссии, около города Паричи. Взвод, которым, я командовал, состоял большей частью из казахов, узбеков и таджиков. Все, включая меня, двадцатилетнего лейтенанта, были необстрелянными. Невольно возникала тревожная мысль: как покажет себя взвод в деле? Да и вооружены мы были слабовато.

Приказано оседлать проселочную дорогу.

И вот на ней появились вражеские автомашины. Подпускаем их ближе, дружно даем залп и бросаемся к ним. Ни один захватчик не ушел. Две машины сгорели, третью, совсем целехонькую, захватили, и она нам еще послужила. Невелика победа, но обрадовало то, что никто из бойцов не дрогнул, все выдержали своеобразный экзамен на звание бойца.

29 июня в первом бою я добыл себе оружие. При формировании части солдаты получили винтовки и патроны, а офицерам пистолеты не выдали, так что первое оружие себе добыл в бою.

Василий Коленский:

Два дня спустя мы стали свидетелями другой большой беды. Дело в том, что обнаглевшие фашистские летчики стали летать над нами совсем низко. И вот однажды мы услышали, как кто-то во время очередного налета, повел по ним откуда-то из городка пулеметный огонь. Оказывается, один из наших командиров, будучи начальником караула, не выдержал нахальства фашистов и послал в адрес ближнего бомбардировщика очередь из находившегося в караульном помещении станкового пулемета. «Юнкерс» лениво свалился на крыло, и через несколько секунд все находившиеся в городке услышали грохот мощного разрыва. А «юнкерс», нутужно взыв моторами, занял прежнее место в своей девятке и продолжал путь на восток. Мы тотчас же после отбоя тревоги помчались к месту взрыва и увидели страшную картину. От караульного помещения осталась лишь одна стена, а от только что находившихся там караульного начальника и четырех ребят-курсантов в сущности ничего не осталось. Перед вечерней проверкой состоялся траурный митинг, был дан ружейный салют над братской могилой. А мы, живые, вчерашние мальчишки, стали в этот вечер если и не мужчинами в полном смысле этого слова, то, во всяком случае, серьезными юношами, уже вплотную познакомившимися с войной...

Наталья Кладова:

Вслед за отцом ушла на фронт Верочка. Ушла добровольцем. Сходила в военкомат, попросила... А что я могу поделать? Сама виновата: так воспитала.

Иван Комаров:

31 июня или 30 даже, мы уже были в Москве.

Переночевали в казарме возле стадиона, а на следующий день нас самолетом ЛИ-2 отправили в Курск. Переучиваться на самолеты Миг.

Василий Коленский:

Неизвестный самолет свалился на город в жаркий, безоблачный полдень совершенно неожиданно — на отличной скорости и на ничтожно малой высоте. Но в эти июньские дни зенитчики не дремали.

И возмутитель спокойствия, не знавший, видимо, ни условной высоты, ни входных ворот, тотчас же оказался в кольце разрывов. Пометавшись над Гомелем, он вышел, наконец, на прямую для посадки на аэродроме нашей летной школы. А по нему все продолжали бить метко и беспощадно. Вот разрыв прямо по курсу перед самым его носом... Вот еще два у концов плоскостей... Еще один, кажется, в метре от хвостового оперения. А самолет, неуязвимый, словно заколдованный, продолжает уверенное снижение, лишь вздрагивая время от времени, будто богатырский конь, жалимый слепнями... Мы, уже успевшие повидать, как валяются на землю от зенитных ударов «юнкерсы» и «мессершмитты», ничего не понимали. Несших в этот день каральную службу, нас подняли по тревоге, и теперь мы сломя голову мчались с винтовками наперевес по зеленому аэродромному полю к взлетно-посадочной полосе. Вот, наконец, и она. Мы, человек десять курсантов, остановились, выставив штыки, грозно и комично, потому что немножко трусили, ждали встречи с первым фашистом.

И. Козловский:

Война уже стучалась в ворота Донбасса. Ежедневно над заводом появлялись немецкие самолеты. Покружив над ним, они уплывали на Запад, не сбросив ни одной бомбы на фактически беззащитный завод. Было ясно, что немцы следили за заводом: работает ли он, не эвакуировался ли; рассчитывали взять его целиком работоспособным. Оно и понятно, ведь наш завод в то время был единственным предприятием в Советском Союзе, которое в массовом порядке производило заряды к 120 и 82-миллиметровым минометам, реактивные снаряды «РС».

Авраам Прагер:

Фашисты решили захватить химзавод «живым». В округе завода немцы разбомбили предприятия, рабочие поселки, а завод не трогали. Немцам было известно, что собой представляет завод № 59, так как в свое время здесь установили уникальное оборудование, изготовленное немецкой фирмой Круппа, которое, насколько мне известно, монтировалось с участием специалистов этой фирмы. Советское командование разгадало маневр врага и приняло решение, организовав сильную круговую оборону, чтобы не допустить прорыва немцев, и замаскировав его, обеспечить до последней возможности работу завода для нужд фронта.

Анатолий Промисан:

Был механиком-водителем танка. Часть стояла под Винницей. Пришлось отступать с тяжелыми боями. Под Киевом танк подбит, а я — контужен. Один остался в живых из экипажа.

После госпиталя направлен в восьмую воздушную армию. Стал машинистом самоходной стартерной установки, обеспечивающей боевые вылеты самолетов с полевых аэродромов. В боевых делах летчиков есть и моя солдатская доля.

Подвигов не совершал. Но подвиг каждого солдата состоит в верности своему народу, Родине.

Василий Коленский:

Странный самолет коснулся земли, побежал к нам, с каждым мгновением теряя скорость, и замер на месте, внезапно умолкнув, будто сраженный непосильной усталостью. «Боже! — воскликнул бы верующий, взглянув на него. — На что ты только похож и как ты только держался!..». На горбатом теле его не было, кажется, живого места, тут и там зияли пробоины, коробилась обшивка.

Взвизгнул отодвигаемый фонарь кабины — и на плоскость шагнул летчик, невысокий, коренастый, без шлема, с пистолетом в правой руке. Он с надеждой глядел на нас, даже чуть наклонился вперед, будто так было лучше видно, и вдруг радостно закричал:

— Братцы-соколята!.. Наши, советские!.. Мальчишки вы мои дорогие!

«Вот так штука! — думал я. — Ничего себе фашист. И на самолете звезды алые. Что за чертовщина?» Но — бдительность превыше всего, и старший из нас сурово скомандовал:

— Бросай оружие! Руки вверх!

— Да с удовольствием, хлопчики вы мои! — тотчас же ответил летчик, и его «ТТ» шлепнулся в траву у наших ног. — Только ведите меня в штаб поскорее!

И мы, окружив, повели его, а он облегченно смеялся, озорно поглядывая на наши строгие лица и все приговаривал:

— Ну, ребята... Ну и лупили ж меня! Фашисты так не били, как свои. Сковырнут, думаю, с неба. Да только шалишь: такую машину... Ах, ребята, ребята, знали б вы, какая это машина! Побольше бы таких... Ладно, теперь держись, фрицы!

Так познакомились мы с одним из первых наших «илов» — легендарных штурмовиков, вскоре после описываемого события про-

званных немцами «черной смертью». Пилот его, выйдя из боя и преследуемый фашистами, сбился с курса и на последних каплях горячего приземлился в Гомеле, не зная наверняка, свои там или гитлеровцы. Спустя час он улетел в свой полк, и мы тепло проводили его, очарованные и им самим, и его могучей машиной, еще не зная, что встретимся снова.

Наталья Кладова:

Враг подступал к городу, надо эвакуироваться.

В селе Валово Курской области работала в колхозе «Искра». Восемь ртов надо накормить. Все приходилось делать вручную. Вставала до зари и шла на поле, чтобы засеять с другими колхозниками пашню. До глубокой ночи вязали снопы, молотили, скирдовали. А потом бежала к детям. Самому маленькому Станиславу только два годика. Дети тоже старались помогать колхозу: пасли коров, лущили кукурузу, оббивали подсолнухи.

Когда дети спали, брала солдатские треугольники и долго перечитывала их, целуя листочки. Я ждала Мишу, разговаривала с ним, глядя на фотографию.

Иван Комаров:

Занимаемся в Курске. Двух летчиков уже научили, и они полетели самостоятельно. Вдруг бежит посыльной к командиру. Телеграмма. Снова тревога, сбор. В самолет и в этот же день — в Борисоглебск.

Прибыл эшелон из Монголии, привезли «Чайки», на которых мы начинали. Собрали свои самолеты, прибыли в Вязьму.

Потом был Ржев...

Олена Спеціальна:

Минали дні. Від сусідських дівчаток я дізналась, що треба боятись літаків. Вони тоді ще літали десь далеко, але я їх боялась.

Петр Рябцев.

В конце июня полк был отозван с фронта в Москву и получил на вооружение новые «Яки», затем эскадрильям этого полка было поручено охранять воздушные подступы к Ленинграду. И Петр Рябцев со

своими товарищами оказался на аэродроме вблизи железнодорожной станции Бологое. Гитлеровские самолеты рвались к Ленинграду.

В воздушных боях, проведенных при выполнении прикрытия железнодорожного узла Бологое, летчики группы уничтожили 19 немецких самолетов, свои потери при этом – 7 самолетов.

Дарья Иванова:

В первые дни войны стала разведчицей. Мне 22 года. Первое задание: проникнуть на территорию, оккупированную врагом, и доставить бланки документов, которые выдают оккупанты. Много пришлось пережить, прежде чем удалось доложить о выполнении задания.

Ц. Калиновский:

Наше село захватили немцы. Уже первая встреча с ними вызвала ненависть. Хотя мне исполнилось лишь одиннадцать, был я рослым, и когда немцы ворвались в село, меня вместе с ранеными красноармейцами поставили к стенке...

Не сумею рассказать, что чувствовал, что думал в тот момент...

Не знаю, что произошло, наверное, поняли, что перед ними не солдат, а ребенок, но я остался в живых. Сколько буду жить, столько буду помнить направленное мне в грудь дуло.

Антонина Тимофеева:

Июнь. Одесса. Закончились экзамены в институте связи. Я перешла на второй курс с отличными оценками. Уже мечтала о том, как проведу каникулы в своем родном Балее Читинской области. Но...

Пошла в Ворошиловский военкомат Одессы. Предъявив удостоверение на право управления самолетом, просила отправить на фронт. Но мне не было еще и восемнадцати лет. Отказали. Тогда вместе с однокурсницей, членом райкома комсомола Верой Лебединской и подружкой Октябриной Борисенко, с ведома райкома комсомола организовывали девичью добровольную комсомольскую группу. К 4 июля в группе этой было уже 180 человек.

Филипп Рябцев:

В начале июля я нашел под дверью записку брата. Петр на клочке бумаги второпях набросал: «Дорогой братишка, был проездом.

Жаль, что не застал, времени в обрез, еду получать новую машину. Я уже «чокнулся» в небе с одним гитлеровским молодчиком, вогнал его, подлеца, в землю. Ну, бывай здоров. Крепко обнимаю тебя, твою жинку и сына. Петро».

Сергей Шмаков:

К отбившейся от своих частей группе численностью до 1000 человек 3 июля на легковой автомашине подкатил какой-то генерал и с учетом сложившейся ситуации порекомендовал сдаться на милость победителя.

А. Русев:

На десятый день мы, комсомольцы-добровольцы Красного Луча, собрались у горкома комсомола. Молодые горняки и рабочие других предприятий пришли сюда с одной просьбой: быстрее отправить на фронт.

Все получили повестку — «доброволец». И, как в песне поется, «были сборы недолги», к вечеру подготовились к отправке.

И зашумела наша улица Интернациональная. В сквере, напротив горкома партии, было многолюдно. Играл духовой оркестр. А добровольцы все прибывали и прибывали. С гармошками, с гитарами. Было много провожающих. Звучно разливались патриотические песни.

Мы в числе первых шли на войну за нашу великую Отчизну.

Короткий митинг. Напутствие выступивших товарищей. Пожелания возвратиться с победой.

На рассвете час разлуки наступил. Плакали матери, жены. Суровые лица у братьев и сестер. Паровоз, набрав пары, загудел. И мы поехали. На юго-восток. Промелькнули Ростов, Минводы.

Василий Шоленко:

Враг во много раз превосходил наши силы, в особенности, в технике. Но почему мы, зная это, не дрогнули в первых боях, хотя и вынуждены были отходить. Какая сила двигала нашими чувствами и помыслами в борьбе с непобедимым врагом?

Эта сила — вера. Вера в свой народ, в свою социалистическую родину, вера в партию, ее руководство, вера, доходящая, если можно так сказать, до фанатизма, в вождя партии и командующего воору-

женными силами И. В. Сталина. Ведь лозунг: «За Родину, за Сталина!» в то время был самым популярным на всех участках боев. Его произносил бросавшийся в атаку на врага рядовой солдат и генерал, командир отделения, командир дивизии, корпуса, армии и фронта. Как была сильна вера в партию, в ее руководство в народе того времени, говорят хотя бы вот такие факты.

Наш полк с тяжелыми боями отходил тогда еще по территории Западной Украины.

На окраине села уже были немцы. Мы должны были покинуть село. Мы, усталые, голодные, измотанные в боях, грязные, с командиром полка Русских зашли в крайнюю хатку для того, чтобы попросить чего-нибудь перекусить перед отходом. Вид у нас был плачевный. В этой избе встретил нас глубокий старик.

— Ну что, отходите? — спросил он. — Нас оставляете немцам?

Нам нечего было сказать, ибо полсела уже было занято немцами. Тогда старик, угощая нас чем мог, заявил:

— Я прожил много на своем веку. Гитлер хитер, он перехитрил и покорил всю Европу, но Сталин хитрей Гитлера, и он свернет голову Гитлеру, он перехитрит его, и вы еще вернетесь к нам.

В такой ситуации подозревать нам этого старика в подхалимстве, неискренности не было никаких оснований, ведь мы уходим, а немцы приходят.

И. Козловский:

В начале июля 1941 года меня вызвал директор завода Д. Г. Бидинский и дал прочитать шифротелеграмму Наркома боеприпасов Ванникова, в которой заводу предписывалось увеличить выпуск боеприпасов на 50 процентов. Давид Григорьевич Бидинский поставил перед технологической службой завода задачу — довести выпуск пороха до 50 тон в сутки, вместо 25 – 30 тон, и обеспечить маскировку завода. То, что считалось невозможным в мирные дни, с успехом было осуществлено в те грозные дни.

Коллектив механической службы под руководством механика цеха Грищенко Феодосия Яковлевича незамедлительно установил крупногабаритные, необычные для пороховых заводов, отжимные вальцы из целлюлозно-бумажной промышленности. Предварительный отжим пороховой массы на таких вальцах увеличил производительность ответственной фазы производства порохов, как вальцевание на 25 – 30 %. Механик цеха Грищенко, мастер-механик Литвиненко, токарь Бойко, свинцопаяльщик Демотко и другие установили

многовалковые вальцы, предложенные директором завода Бидинским. Начал внедряться новый процесс — предварительный отжим пороховой массы на шнек-прессе, предложенный механиком Грищенко. По моему предложению было сокращено время прессования реактивных марок порохов с 18 – 20 минут до 8. Это мероприятие увеличивало производительность главной фазы производства нитроглицериновых порохов по реактивным маркам более чем вдвое и резко снижало брак. Ох, и дорого же обошлось мне лично это мое предложение. Помню, через неделю после внедрения этого предложения меня вызвал уполномоченный Комитета Госбезопасности на заводе Ямпольский и показал заявление, в котором какой-то «доброхот» писал: «Главный технолог завода Козловский — враг. Он увеличил скорость хода рабочего поршня гидропресса в два раза. Это значит, что он интенсифицировал работу импортного оборудования (пресса фирмы «Крупп») в два раза, тем самым увеличил износ ее в два раза. Это диверсия». Только технически обоснованная поддержка этого предложения Главным Управлением Наркомата боеприпасов, особенно бывшим его начальником Рябцевым Филиппом Сергеевичем, сыном старейшего рабочего нашего завода, помогло мне избавиться от больших неприятностей. Были осуществлены и другие мероприятия. Так, впервые при изготовлении минометных зарядов внедрили автомат, предложенный механиком Грищенко. Он позволил готовить дополнительные заряды к 82-миллиметровому батальонному миномету на автомате вместо кропотливого ручного труда, выпуск этих зарядов довели до двух миллионов штук в месяц. На каждый основной заряд к миномету готовилось еще 6 дополнительных зарядов, упаковываемых вручную в целлюлозные колпачки. Это кропотливый, трудоемкий труд. На линии изготовления данных зарядов работало до 200 работников. Не хватало ни зданий, ни рабочих. Внедрение автомата Грищенко, а затем оригинального пневмоавтомата, разработанного головным институтом НИИ-6 во главе с конструктором Хотолевым, «расшивало» этот «гордиев узел» зарядного производства. 120 работников успешно справлялись с всевозрастающим планом выпуска минометных зарядов. В этом была огромная заслуга механиков Грищенко, Алещенко Олега Петровича, Литвиненко, конструктора Хотолева (Москва, НИИ-6).

Петр Ростовцев:

Отец повестку получил. Он работал на машзаводе на завивке. По повестке в магазине отпускали 2 кг сливочного масла, колбасы.

Иван Белевский:

С первых дней войны краснолучане работали по-фронтовому. 4000 шахтеров, машиностроителей, энергетиков вступили в полк народного ополчения. За две недели 10000 человек получили военную подготовку.

Из выступления по радио Председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина 3 июля 1941 года

...В силу навязанной нам войны наша страна вступила в смертельную схватку со своим злейшим и коварным врагом — германским фашизмом. Наши войска героически сражаются с врагом, вооруженным до зубов танками и авиацией. Красная Армия и Красный Флот, преодолевая многочисленные трудности, самоотверженно бьются за каждую пядь советской земли. В бой вступают главные силы Красной Армии, вооруженные тысячами танков и самолетов. Храбрость воинов Красной Армии — беспримерна. Наш отпор врагу крепнет и растет. Вместе с Красной Армией на защиту Родины подымается весь советский народ.

...Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель, политых нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их онемечение, их превращение в рабов немецких князей и баронов. Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение. Нужно, чтобы советские люди поняли это и перестали быть беззаботными, чтобы они мобилизовали себя и перестроили всю свою работу на новый, военный лад, не знающий пощады врагу.

Необходимо, далее, чтобы в наших рядах не было места нытикам и трусам, паникёрам и дезертирам, чтобы наши люди не знали страха в борьбе и самоотверженно шли на нашу Отечественную освободительную войну против фашистских поработителей. Великий Ленин, создавший наше государство, говорил, что основным каче-

ством советских людей должна быть храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться вместе с народом против врагов нашей Родины. Необходимо, чтобы это великолепное качество большевика стало достоянием миллионов и миллионов воинов Красной Армии, нашего Красного Флота и всех народов Советского Союза.

...Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной Отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, поработанного гитлеровскими заправилками. Наша война за свободу нашего Отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера.

...Все наши силы — на поддержку нашей героической Красной Армии, нашего славного Красного Флота! Все силы народа — на разгром врага! Вперед, за нашу победу!

Иван Комаров:

В сорок первом награждения были как исключение.

3 июля был первый указ о награждении, опубликованный в «Правде». В тот указ попали и два наших летчика. Мой командир звена Жуковский Сергей Яковлевич и Данилов, по-моему. Они были награждены первыми.

Период был такой, не до наград. Отступления, неудачи...

Иван Белевский:

16 тысяч красноручан влились в трудовую армию и приступили к созданию оборонительных рубежей на левом берегу Днепра. За 62 дня в районе Большого Токмака и Красноармейска они построили 52 километра оборонительных линий с дотами, дзотами, противотанковыми рвами, окопами, проволочными заграждениями.

Василий Коленский:

9 июля мы, 270 курсантов школы ВВС, погрузились в эшелон, мысленно попрощались с Гомелем и двинулись на восток. Наши инструктора улетели туда на «У-2», на которых мы должны были учиться летать в Гомеле. Уезжали мы с нелегким сердцем.

Дорога вдохнула в нас бодрость, укрепила уверенность в том, что страна наша уже расправляет крылья, и что сломить ее фашистам не удастся, несмотря ни на какие их первые успехи.

Целых десять дней занял путь к новому месту, потому что простаивали на полустанках больше, чем ехали. Но особенно и не жалели об этом, потому что пропускали на запад воинские эшелоны с танками, другой техникой, бывало даже аплодировали им, хотя и самим хотелось поскорее дорваться до того дела, которое мы себе избрали. Мы еще раз убедились, как могуча и крепка наша родина.

Анатолий Долин.

9 июля 1941 года шестерка штурмовиков под командованием капитана Николая Михайловича Антоненко вылетела в тыл врага для нанесения бомбового удара. Наши самолеты не имели прикрытия. Их атаковали «мессершмитты». Самолет, на котором летел штурман Долин, был концевым и фактически прикрывал с тыла всю группу. Штурман Долин защищал переднюю сферу, а Глушков — заднюю. Вскоре от их огня задымил один стервятник, но фашисты наседали. Наш самолет загорелся и начал падать. Не достигнув земли, он взорвался. Это видели авиаторы других экипажей. Командир Ершов, штурман Долин и стрелок Глушков погибли.

Семен Верниченко:

Под Великими Луками 9 июля бой приняли прямо с марша, не успев окопаться. Пять с половиной часов бомбили гитлеровцы наши порядки. Оставшиеся в живых держались стойко. Подоспела подмога, но все равно силы были неравными. На каком-то участке врагу удалось сломить сопротивление наших воинов. И моя часть оказалась в окружении... Отчаянные бои. Бесчисленные попытки прорваться. Наконец удача... Потом — шахтерская дивизия, Миус-фронт...

Больше года командовал отдельным батальоном связи. Был ранен, контужен. Санчасть, медсанбат, госпиталь...

Сергей Шмаков:

Воспользовавшись нерасторопностью нашего командного состава, немцы нас пленили и погнали в Польшу. Собрав до 2,5 тысяч пленных, немцы разместили нас под охраной в голой песчаной степи. Выдавали в сутки на 25 человек только ведро воды. Так продержали нас 12 суток.

Полина Танцюра:

В 1941 году в Красном Луче я закончила горпромуч (ГПТУ) по специальности слесарь и работала на шахте № 17/17-бис. Однажды врубмашинисту поранило руку, и он не смог продолжать работу. Все заволновались — срывается план угледобычи, а заменить некем. Что делать? Ведь уголь шел на оборону: уже шла война. Врубмашина ГТК-3 была мне знакома, так как мы ее изучали в училище. Я стала управлять машиной. Смену отработала. Когда выехала на-гора, меня поздравляли, благодарили. В городской газете написали статью и поместили мое фото. В газете сообщалось, что девушка впервые в Советском Союзе заменила врубмашиниста мужчину, ушедшего на фронт, и хорошо справляется с этой трудной работой. Но не все было хорошо. Немало было пролито слез, когда машину закрепляла и врубывала в двухметровый угольный пласт, не хватало умения и сил. Труд-то был не женский. К тому времени у меня уже была помощница, комсомолка. Первое время нам вдвоем трудно было справиться с двухметровой стойкой, чтобы закрепить машину, нам помогали крепильщики. А когда машина была на ходу, мы чувствовали себя победителями, героями.

Владимир Борсоев:

10 июля. Аул Ермоловка. После 60 километров перехода был разыгран эпизод встречного боя, и мы расположились в районе аула Ермоловка на суточный отдых. План боя разработан хорошо, но все смотрели на эту игру сквозь пальцы: какая может быть игра после 22 июня! Мы каждый день и час ожидаем приказа о выступлении. Бойцы и командиры настроены бить и бить врага.

Вечер прошел весело: купали лошадей, с шумом, с шутками постирали белье и обмундирование. В 22.00 легли отдыхать.

Уложив людей, я решил пройтись. Подбегает дежурный и докладывает: вызывает командир полка.

Командир вручил приказ о выступлении. Я поднял дивизион по тревоге. Поехали в направлении г. Грозного. Там — погрузка.

Александр Гончаров:

В сорок первом с первых дней войны возглавил отряд шахтеров из 800 человек — строили оборонительные рубежи. Семьсот из них отобрал со своей шахты. Строили шахтеры в основном противотанковые рвы — тяжелая, трудная работа, часто под обстрелом и бомбежками, с потерей дорогих людей... Днепропетровская область, Каховка, Донецк... Немцы наступали буквально по пятам.

Павел Нагорный:

Июль 1941 г. На запад от Большой Выски, что на Кировоградщине, гремело и гудело. Видел и не мог понять: почему отступает Красная Армия?

В солнечный жаркий день с западной стороны появились мотоциклисты, а за ними бесконечной колонной двигались крытые грузовики с пехотой.

Немцы зашли в райцентр. Они расположились в палатках в садах, на лугах. Местные жители не выходили из хат.

Первыми разведчиками немецких стоянок были мы — пацаны 10 – 12 лет. На нас немцы — ноль внимания. Постепенно оживало и село.

Владимир Борсоев:

11 июля. Грозный. Я — начальник эшелона. Погрузку начали с 16.00. Что делалось на станции — ужас. Женщины не давали прохода, сколько рева, крика, обмороков... Погрузка затянулась до самой темноты. В 23.00 с трудом закончил погрузку, и поезд тронулся. Когда отъехали, вздохнул свободно.

Анна Гуленко:

Мои друзья и знакомые тоже начали получать повестки на фронт. «Хористы» уходили воевать. Руководитель хора Григорий Федорович Ивашко получил приказ провожать на войну с песнями.

Борис Кравченко:

Я попал в 186 артполк РГК в г. Новоград-Волынский. Отступали до Ворошиловграда. Затем нас бросили под Гуково наперехват танковой армии. Остановили ее, потрепали и отогнали от Ростова. Затем полк закрепился по реке Гороховатка под Славянском. Я был младшим командиром тяги полка. Здесь в бою у переправы потерял две пушки.

И. Козловский:

Сложно было обеспечить светомаскировку производства на хим-заводе. При производстве нитроглицериновых порохов во время вальцевания порох часто воспламеняется самопроизвольно. Вспышка порохового полотна во время вальцевания — это море огня. Зарница ночью видна на десятки километров, демаскируя завод. В среднем на каждые 30–40 тонн обработанной массы на валках приходилась одна вспышка. Зарево вспышек было зловеще грандиозным.

И тут пришли на помощь рабочие.

— Не уменьшать вспышки, сколько б их мало ни было, они все равно своим факелом будут демаскировать завод, а полностью ликвидировать вспышки!

— Завод должен погрузиться во мрак, и пусть фашисты думают, что завод прекратил существование.

Так решили рабочие! Так оно и было. В самые тяжелые месяцы работы завода (август – сентябрь 1941 года) на валках не произошло ни одной вспышки в ночное время. Героизм рабочих был изумителен. На валках и прессах бок о бок трудились и украинец вальцовщик Иосиф Бердус, и поляк Станислав Корецкий, и татарин Утимитов, и русский вальцовщик Аляскин.

Вальцовщики И. Бердус, С. Корецкий, С. Верцанов самыми первыми установили рекорд по вальцеванию. Они перевальцевали за смену до 500 кг пороха вместо старой нормы 300 кг. И ни одной вспышки.

Прессовщики Кельман, Согалаева, Васютина добились рекордной выработки пороха на прессах, давая до 80 прессовок за смену (вместо 60). Отлично работал инженерно-технический персонал, молодой специалист М. М. Васильев, инженер Леонтьева, техник Женя Руднева, мастер-практик Михаил Мотков и Верченко сутками не выходили из цеха. Отлично работал мастером только что вернувшийся на завод краснофлотец Улановский Вениамин, мастер-практик Сте-

пан Мамонов, молодой специалист механик Алещенко Олег Петрович. Четко возглавляли огромное зарядное хозяйство также Бондарь Виктор Степанович, выросший в будущем в крупного руководителя Министерства.

Петр Журавлев:

Ничем не приметна деревушка. Одна улица в колдобинах. За деревней — стога сена. Речушка между ними вьется. Берега кривые, высокие. В самом начале войны наша 339 Ростовская дивизия шла через эту деревушку к Ростову. Речушку собирались перейти вброд. Но вдруг с противоположного берега «стога» открыли огонь. Такой сильный, что головы не поднять. Вызывает меня, командира батареи, командир дивизиона и говорит:

— Попробуй, Журавлев, отвлечь фашистов.

Что ж, понятно. Вылазку мы как делали? К лошадям прицеплялись легкие пушки, на полном скаку подлетали к врагу, разворачивались и били по врагу прямой наводкой.

Прибегаю к своей батарее, командую:

— Галопом, марш!

Четыре наши упряжки понеслись в бой. Шрапнель рвется, пули свистят, а мы мчимся к речке. Вижу, хата стоит разбитая, сад огромный, приказываю:

— Лошадей в укрытие! Орудия у дома установить.

Открыли мы огонь по стогам сена, в которых гитлеровцы укрылись. Два сразу зажгли. Потом третий. Фашисты не ждали нас, растерялись. А нам это и нужно было, чтобы вслед за нами пехота смогла идти в наступление. Дивизия благополучно переправилась.

Антонина Тимофеева:

11 июля райвоенкомат направляет нас в Сталино для обучения воинским специальностям. Ровно через месяц меня направили санинструктором в третий батальон 383 стрелковой шахтерской дивизии, а еще через неделю уже участвовала в боях за Донбасс. Довелось в составе 696 полка повоевать и у Красного Луча, в районе Яновки.

Иван Шаповалов:

Июльский день. Бегу по улице Переверзева, что ведет к шахте им. «Известий». Навстречу — сестра Полина

— Ты куда так торопишься?
— В военкомат!
— Повестку получил?
— Да нет, ждать ее больше не могу, хочу проситься добровольцем.

Павел Нагорный:

На третий день немцы ушли дальше на восток, а мы стали полными хозяевами немецких стоянок и брошенных окопов, где для себя обнаружили много интересных вещей: винтовки, гранаты, противогазы, патроны. От стариков мы слышали, что у немцев мотоциклисты всегда мчатся впереди в черных блестящих плащах, что эти плащи не пробивает пуля. Вот и решили на своем ребячьем совете испытать это качество. Тем более что есть чем, и мотоциклисты мотаются по шляху.

Взяли мы винтовку, зарядили патронами, приладили ее на бруствер окопа в 50 метрах от шляха и начали ловить на мушку мотоциклистов. Пытались стрельнуть, а выстрела не получилось. После всяких дерганий винтовка все же выстрелила, но пуля попала в ногу одному из нас.

Потом долго над нами шутили взрослые. Но мы все же гвоздем проверили и плащ немецкий, и брезентовый тент.

А потом появились на стенах приказы, и во всех одинаковая концовка: расстрел, смертная казнь.

Появились полицаи, и наши интересы к испытаниям быстро пропали. Начались страшные времена.

Аресты и расстрелы евреев, коммунистов, активистов советской власти, тех, кто был в истребительных отрядах. Эти люди были нашими отцами, братьями, родными и близкими.

Устанавливался гитлеровский «новый порядок» и страшная и опасная жизнь.

Николай Победа:

Когда фашисты захватили родное село Лонки, мне было тринадцать лет. Видел, как гитлеровцы уводили со двора единственную корову и уносили последнего поросенка, как угоняли юношей и девушек на каторгу в Германию. А когда фашисты расстреляли семью моего друга, прибежал к матери, уткнулся головой в ее колени. Плакал от бессилия.

А. Русев:

Северный Кавказ. Получили обмундирование. В военной форме направились в летние лагеря. Здесь и был сформирован батальон бойцов добровольцев, состоящий в основном из комсомольцев и молодых коммунистов. И среди них близкие друзья и товарищи — С. Ачкасов, А. Тращенко, С. Можаяв, В. Лопата, Н. Плетнев, С. Коротенко и многие другие. Началось обучение. День за днем. С утра до вечера. Все понимали: нужно в самый короткий срок овладеть мастерством ведения боя, оборонительными и наступательными операциями, изучить военную технику.

Владимир Борсоев:

16 июля. Село Коплово. Марш на Коплово проходил в полном порядке. У Борисполя остановились на завтрак. Я сидел и грыз сухарики. В это время прошли три легковые машины ГАЗ. В средней машине я увидел Буденного. Генерал, который ехал в одной машине с ним, спросил: «Какая часть и куда движется?». Младший лейтенант — командант штаба — потребовал документы. Так ни до чего и не договорились.

Иван Белевский:

Положение на фронте усложнялось, враг рвался в глубь страны, поэтому мы приняли решение создать из числа актива народное ополчение. 16 июля 1941 года горком партии утвердил командиром полка народного ополчения К. М. Спроге, начальником штаба — Л. Н. Верещинского, зам. командира по политчасти — А. Д. Соколова. В состав полка входило 2 батальона и 6 рот. Всего 4149 человек.

Владимир Борсоев:

17 июля. К 10.00 добрались до Днепра и начали переправу на барже. Переправу кончили к 20.00, прошла она спокойно. Продвинулись еще на 5 км, остановились на ночлег. Здесь я остался с одной батареей. Полк пошел дальше. У соснового бора над Трипольем увидел коня со сломанной ногой. Хотел было пристрелить, чтобы не мучился, но рука не поднялась. Насмотрелся здесь, на левом берегу Днепра, на всякого рода бесхозяйственность. Как плохо работает наш тыл — прямо нельзя описать. Скота здесь много, телята гибнут от голода,

а рядом — недоенные матки. Никто за ними не смотрит. Еще хуже с овцами. Их ловят и режут кому не лень. Левый берег усеян овечьими шкурами. Настроение бойцов хорошее. Несмотря на тяжелые переходы, все бодры и горят желанием бить врага. Население Украины встречает нас дружелюбно. Приносят молоко, творог. Летняя жара, но ни разу мы не испытали недостатка в воде. Проезжаешь по улице какой-нибудь деревни, люди так и стоят с ведерками.

И. Щиголев:

Ушли мужчины на фронт. Вместо них в колхозе остались мы, мальчишки. Мы вмиг повзрослели. Мы понимали, что теперь от нас зависит, будет ли убран урожай, будет ли у красноармейцев на фронте хлеб. И мы старались, помогали матерям изо всех сил.

Матвей Куликов:

В районе Смоленска, на станции Ельня, немецкие самолеты бомбили эшелоны. На фронте, как и на «гражданке», я был за рулем автомобиля. Моя задача — доставлять снаряды. В первом же бою ранен в ногу. Но, стиснув зубы, крепко держа руль в руках, продолжал ехать, а старшина Киселев на ходу делал мне перевязку. Снаряды на передовую мы доставили вовремя.

Владимир Борсоев:

18 июля. Обухово. Получили боевую задачу: следовать по маршруту Ханьбик — Пески — Фастов. Цель — разгром Фастовской группировки противника.

Михаил Никифоров:

Многие не вернулись после воздушного боя. Задание было сложным и ответственным. Его выполнение требовало опытных и отважных людей. Дело обстояло так. Прорвав оборону противника под станцией Ельня, наземные войска неожиданно встретили мощное сопротивление. На пути встал бронепоезд. Он был хорошо замаскирован, все время маневрировал и находился под прикрытием зенитной артиллерии. Над станцией патрулировали фашистские истребители. Нужно найти бронепоезд и уничтожить.

Через полчаса после вылета удалось обнаружить цель. Но из-за

облаков на штурмовики свалились «мессеры» и «фоккеры». Начали огрызаться зенитки. Казалось, что нет такого места в вечернем небе, где бы не пролетали пули и снаряды. Клубы дыма прикрывали цель. Командир повел свою группу в атаку. Самолеты вошли в пикирование. Ни один из них ни на градус не изменил курс. Тонны взрывчатки полетели вниз.

Цель уничтожена. Но до своего аэродрома дотянул только мой самолет. 93 пробоины насчитал механик на «иле». А на висках у летчика появилась седина. А летчику всего 20 лет.

Владимир Бебко:

Воевал в составе 5-й армии. На войне у каждого своя судьба. Мне достались горечь отступления в первые дни войны, бессильная ярость, когда нечем было отстреливаться, муки плена.

Все, кому пришлось встретить врага от границы, до конца оставались солдатами, исполнили свой долг сполна.

С поля боя мы не бежали, а отступали. Погибших хоронили, едва присыпав землей.

По немецким понятиям, после их артралетов должно все погибнуть. Они шли, считая себя победителями. Но мы сопротивлялись. Сознание того, что это наша земля, и мы должны ее защищать, снова и снова заставляло подниматься в контратаку.

Владимир Борсоев:

19 июля. Васильково. В Василькове достали хлеба — после двухдневного перерыва. Перерыв произошел из-за бездеятельности помощника командира полка капитана Чичибабы. Вот человек — ничего не делает. Полковая кухня где-то отстала, лошади и люди заморились.

Дождь льет уже третий день. Грязь ужасная. Спать негде. Кто как мог устроились под кустиками — хоть немного отдохнуть. Я лег под дубом. Ночью проснулся, оказывается, лежу наполовину в воде. Если бы в мирное время — наверняка заболел бы.

Вадим Резников:

Исчез из дому без спросу. Приписался к ополченцам, накинув себе лишний год. Рыл противотанковые рвы, окопы. Дневная норма — восемь кубометров грунта! Лопатой! И выполняли. Родители ра-

зыскали меня. Отец, было, протянул руку, чтоб за шиворот — и домой, но удержался. Жене сказал: «Все равно сбежит. Сама же толковала: в меня. Стало быть, сбежит».

Николай Павлов:

За станцию Змеевка (Гомельская область) противник 7 раз переходил в контратаку, и каждой из них предшествовала артподготовка. Связь между КП полка и подразделениями постоянно обрывалась, но нужно было ползти и восстанавливать ее. В середине дня противник на позиции полка обрушил армаду стервятников. Через каждые 10 — 15 минут заходили они в атаку. Казалось, ничего живого не осталось. Но оживала земля, и голос командира вновь требовал связи, вновь приходилось ползти, соединять иссеченную линию.

Владимир Борсоев:

20 июля. Фастовец. Утром в 6.00 выступили, не позавтракав, мокрые, как мыши, после дождя. Дождь льет беспрестанно. Грязь, машины не могут пройти: засевшие крепко-накрепко, стоят на всех дорогах. Лошадей кормить нечем, они выбились из сил. Верховых еще можно на привалах подкормить травой, а артиллерийских и обозных — совсем нечем. Вечером было сообщение о том, что противник находится в 7 километрах от нашего ночлега. А утром получили известие, что до противника еще 25 километров. Нам была поставлена задача занять и оборонять высоты...

И мы двинулись с нашей русской беспечностью: до противника, мол, еще далеко! Шли даже без охранения и не обнаружили наблюдателей — немцев, которые следили за нашим движением.

Иван Акименко:

Еще люди не успели понять весь смысл этой войны, а меня уже настигла страшная беда. От первых бомбардировок погибли в Туапсе жена и двое детей. Коснулась и меня костлявая рука смерти: в бою — кровавом, жестоком — контузило.

Владимир Гавриленко:

Окончив курсы при военно-политическом училище, Спартак Железный получил назначение в действующую армию. Часть, куда

он прибыл, упорно отбивала напор врага. Однако силы были неравные. Гитлеровцы окружили советских бойцов. Спартак Железному пришлось с небольшим отрядом пробиваться на соединение с нашими войсками.

Так он попал в 383 дивизию шахтеров. Политрука Железного назначили комиссаром разведроты. Вскоре он стал душой дивизионной разведки. Наиболее опасные и ответственные задания командование дивизии поручало Железному.

Владимир Бебко:

Днем вели бои, а по ночам отходили. Люди засыпали на ходу. Было, и падали. Наш лейтенант Токарев, чтобы уберечь нас, поставил впереди тех, кто посильнее, а остальные шагали друг за другом с закрытыми глазами, положив руки на плечи товарищей. Таким образом отдыхали. Тылов у нас не было. Все были в строю, и все воевали.

После каждого боя нас оставалось все меньше и меньше. Объединялись с другими разрозненными отрядами. Сменялись командиры: их тоже доставали пули.

Василий Коленский:

Прибыли в Уфу. Попали словно на курорт. Красиво, спокойно, здорово! Но мы военные, и нам надо готовиться к боям.

Эскадрилья наша, оказывается, экспериментальная. Мы будем учиться летать на красивой и строгой машине «УТ-2», минуя обязательный ранее самолет «У-2». Это понятно. Идет война. А война — это экономия во всем. Прежде всего — во времени.

Петр Трофимец:

На каждом крупном предприятии создавались отряды народного ополчения, истребительные батальоны. Они охраняли объекты, обеспечивающие нормальную работу предприятий.

Наибольшие группы стали действовать на шахтах им. XX-летия ВЛКСМ, так с конца 1938 г. называлась шахта 4-бис, №№ 16, 17, на машзаводе. В состав этих групп входили люди, по тем или иным причинам не призванные в армию (броня, несовершеннолетние, предельный возраст).

Подавляющее большинство составляли учащиеся Хрустальской школы ФЗО № 3 (ПТУ № 37). Это были ребята, не достигшие при-

званного возраста. Почти каждый из них прошел предвоенную подготовку в школе или в различных организациях Осоавиахима и с гордостью носил на груди оборонные значки «Готов к труду и обороне», «Готов к санитарной обороне», «Ворошиловский стрелок», «Готов к противовоздушной и химической обороне».

Владимир Борсоев:

20 июля. В 14.00 вступили в бой. Наш первый бой с врагом. Он начался в самом худшем для нас положении: во-первых, все командные высоты были в руках противника; во-вторых, немцы, пропустив наш авангард, неожиданно-негаданно ударили во фланги наших главных сил; в-третьих, вся наша артиллерия, оказалось, не была обеспечена бронебойными снарядами. Батарея 120-миллиметровых минометов из стрелкового полка возила мины... без вышибного заряда. Она не смогла дать ни одного выстрела.

Начальник артснабжения был в отпуске до самого начала войны. Виноват не один он, но и другие тыловые работники. Виноваты капитан Чичибаба и помощник начальника штаба старший лейтенант Ленский. Ленский — культурный человек, в прошлом учитель, но, по-видимому, мало знаком с военной работой, с работой тыла. Ему надо помогать, но некому.

Теперь о ходе боя.

Я шел пешком с самого утра, несмотря на грязь и невероятные трудности: жалко было свою некормленную лошадь. Оставил ее ординарцу Иванову, приказал накормить травой и догнать колонну.

Примерно в 11.00 получил приказание по колонне: «Командирам подразделений — в голову колонны». Тут подоспел Иванов с лошадью, я выехал в голову колонны. До встречи с майором Татарчуком, командиром полка, встретился с комиссаром — старшим политруком Березовским, доложил ему, что слева от нас на кургане во весь рост стоит какой-то человек. Не противник ли? Только успел доложить, как из-за кургана вылезли танки противника. Их было примерно двадцать или тридцать. Началась пальба по нашей колонне.

Поднялась суматоха. Пехота залегла как и где попало. Артиллерия не сразу развернулась для отражения атаки танков. Остальные подразделения остановились на дороге, которая оказалась забитой обозом. Несмотря на сильную грязь, автобатальон начал движение по всему полю. Молодцы!

Я выехал назад — подтянуть заднюю батарею для стрельбы прямой наводкой по танкам. Она оказалась в самом хвосте, даже за

транспортом. Командир батареи старший лейтенант Боярчук ушел куда-то вперед. Я повел батарею по посеvu, по колено в грязи. Лошади не идут. На них не действуют даже разрывы мин и снарядов. До чего наши лошади замороженные! Под ураганным огнем развернули упряжки. Зарядные ящики отвели назад, остановились. Орудия стали не все как надо. Одно орудие оказалось в ложиночке, откуда нельзя вести огонь прямой наводкой. Пришлось вмешаться...

Когда вся артиллерия, наконец, развернулась и начала вести огонь, танки противника повели огонь с места. Противник явно рассчитывал на панику, но просчитался. Была суматоха, но паники не было. Правда, как говорят, семья не без урoда. Один красноармеец побежал назад и начал кричать: «Колонна уничтожена, и мы разбегаемся кто куда». Тыловики не поверили, но плохо сделали, что не задержали мерзавца и не расстреляли как паникера, предателя. Это он, подлый трус, остановил обоз. Эта задержка отразилась на обеспечении боя.

Орудие старшего сержанта Лустенко было обстреляно первым, причем все мины легли прямо перед орудием, в пяти – шести метрах, но орудийный расчет ни на минуту не дрогнул.

Прямым попаданием в панораму разбило голову наводчика. К удивлению, он был жив и после трехчасового боя. Хорошо работало второе орудие. Здесь погиб комвзвода мл. лейтенант Синароса. Пуля пробилa ему сердце. Он был инженером по бурению. Одновременно убило и командира орудия. Расчет остался без командира. Пришлось мне пойти к орудию, назначить командира и подбодрить людей.

Второй взвод действовал хуже. Ранило мл. лейтенанта Вовченко, на «гражданке» он был главным инженером предприятия. Одно орудие мало действовало, простояло в укрытии, не могли его выдвинуть вперед. Второе орудие в конце боя попало под огонь минометов и танковых пушек. Убиты ездoвые и лошади, кроме коренного. Пришлось пойти и к этому орудию, собрать расчет, заставить подцепить орудие к передку и вывести с поля боя. Снаряды кончились. Подвоз задержался. Были вынуждены под огнем противника вывести вглубь три орудия.

В этом бою наша пехота и артиллеристы дрались как подобает патриотам. Проявил трусость только комвзвода мл. лейтенант Сучков. Он как лег в ямочку и до затишья не мог голову поднять.

Когда выехали на гребень высоты и противник открыл огонь из всех огневых средств, я подумал было, что мало кто из нас останется в живых. На деле же здесь в течение первых 20 минут ни одной жертвы не было.

После десятиминутного боя орудия остались без снарядов: ез-

довые с зарядными ящиками не могли подъехать к позиции. Расчеты начали таскать снаряды в лотках. Я побежал к ездовым и под угрозой расстрела отправил все зарядные ящики к орудиям. На удивление бойцов, все они подъехали и выехали невредимыми. Дело в том, что немцы ведут не прицельный, а беспорядочный огонь.

Бой кончился около 16.00. Прошел, осмотрел батареи. Один командир батареи был ранен. Младший лейтенант Долгополов после того как был перебит орудийный расчет и лошади, бросил на поле боя орудие. Пришлось разыскать его и заставить вывезти свое орудие. В условиях мирного времени он был тяжелым человеком. Таким же остался и на войне.

В бою оказался тяжело раненным командир 3 батальона стрелкового полка капитан Миронов.

К вечеру все части сосредоточились в роще северо-западнее Васильково. Готовимся к наступлению.

Вадим Резников:

Эшелон спешно отправляли на запад, навстречу приближающемуся фронту. Отец Федот Матвеевич положил мне на плечо тяжелую руку:

— Так-то, сын...

Федор Абдумаликов:

Кишинев сдали. В дальнейшем наш отряд в составе частей заслона отходящей на восток армии оказывал какое-то сопротивление. Точнее, мы думали, что оказывали это сопротивление. Враг был вооружен хорошо, а мы имели винтовку одну на двоих.

По знойным безводным южным степям Украины отходили на восток. Немцы издевались над нами. Они точно знали места расположения водных источников и не давали нам возможности напиться, передохнуть.

К нашему приходу они оказывались уже там и с легкостью вышвыривали нас из этих мест. Душили жаждой.

Владимир Борсоев:

21 июля. Фастовец. В 5.00 начали наступление по ликвидации Фастовской группировки противника. В упорных боях за день продвинулись на 8 километров вперед. Хваленая немецкая мотопехота

бежала в панике! Для лучшего обеспечения боя пришлось находиться на передовых наблюдательных пунктах и оттуда управлять огнем. Выдвинулся с управлением на курган. Немцы обрушили на нас шквал минометно-артиллерийского огня. Из 8 человек нас осталось трое. Убиты командиры взвода управления, отделения, разведки, ранены три бойца.

К 15.00 мы достигли намеченного рубежа и начали закрепляться. Я решил пойти на одну из батарей, проверить и проинструктировать людей. Идти пришлось по чистому полю. Немцы, увидев меня, открыли огонь из танковых пушек. Удивительное дело: несмотря на то, что вели прицельный огонь, я успел скрыться за бугром. Но один снаряд все же разорвался возле и отбросил меня на полтора – два метра. Полежал немного, чувствую: изо рта идет кровь, болят правый бок и левая лопатка. С трудом встал и пошел к батарее. Пришел, показываю бойцам свой плащ — нет ли следа осколка. Вроде нет ничего... Я успокоился, думал, кровь изо рта от легкой контузии. Тут один боец говорит:

— Э, товарищ капитан, у вас по плащу течет кровь.

Оказалось, что нижняя рубашка, брюки и гимнастерка пропитаны кровью. Из чистой нижней рубашки сделали бинты и перевязали рану. Позвали медиков. Те ничего сами не стали делать, посадили в машину командира полка и отправили с красноармейцем в Васильково. Красноармеец тяжело ранен, ревет от тряски. Машина еле-еле идет — грязь по колено. Кое-как доехали до Васильково. Там, на дивизионном пункте медпомощи, сделали перевязку и отправили в госпиталь. Это бывшая городская амбулатория. Так много в нем раненых красноармейцев, что трудно даже пройти. По коридору — везде люди на носилках. Весь двор забит подводами и машинами.

При мне налетели гитлеровские стервятники. Они бомбили госпиталь, хотя отчетливо видели, конечно, огромный красный крест. Многим еще добавили ран, многих убили.

Во время налета наши зенитчики сбили двух фашистов.

Беспорядок в госпитале учинился страшный. Медработники не знали, за что взяться. Несмотря на то, что фронт близко, никто не подумал об эвакуации раненых. Я поехал в штаб дивизии и потребовал эвакуации раненых из ДПМ. Людей сразу же начали отправлять в Киев.

От Васильково до Киева ехали полтора часа по асфальтированной дороге. В 22.00 мы были уже в Киеве. В киевском госпитале также было полно раненых, не всем достались койки. Здесь окружили нас материнской заботой, накормили, кого можно, помыли под душем, уложили спать.

Жаль, что меня так быстро ранило. Все мои стремления — быстрее вылечиться и обратно на фронт, громить врага!

Иван Шаповалов:

Мой экипаж самоходчиков участвовал в разведке боем вдоль линии немецкой обороны. Выявили много огневых точек противника. Немецкая авиация обрушила бомбовые удары на наши танки и самоходные орудия. В атаку пошли вражеские танки. Мой экипаж поджег два немецких танка. В левую гусеницу моей машины попал снаряд. Кроме того, осколок повредил ствол пушки.

Под огнем и бомбами натянули гусеницу, а затем приступили к ремонту пушки. Начали ножовками отпиливать конец поврежденного ствола. Работа была очень тяжелая, солдаты сломали восемь ножовок, на руках появились кровавые волдыри, но ствол все же отпилили. Орудие было готово к бою.

— Вас, Иван, — сказал как-то командир полка, — не берут ни пули, ни бомбы, ни огонь!

Владимир Борсоев:

24 июля. Рубежное. Приехали в 5.00, а в 7.00 уже лежал на койке. Встретили нас очень хорошо. Прошел «по конвейеру» — регистрация, прием партийных документов, прием личных вещей, душ и, наконец, разбивка по комнатам и койкам. В 7.00 был уже на перевязке. Поели, как полагается. Это после того, как три дня сидели на сухариках. Легли отдыхать. Затем зашел в библиотеку, взял книгу А. Толстого «Аэлита», милое фантастическое произведение. После обеда к нам пришли с букетами местные жители, так что комната у нас в живых цветах.

Из журнала оперативных записей

123 истребительного авиаполка.

30 июля группа летчиков: лейтенанты Жидов, Рябцев, Сахно, Грозный, Фунтусов и другие при отражении штурмового налета на аэродром базирования сбили четыре самолета «Me-110» и один самолет «He-111». В момент налета на аэродром Едрово в самолетах дежурило звено лейтенанта Рябцева с летчиками Калабушкиным и Фунтусовым. Получив сигнал «воздух!», дежурное звено моментально взлетело и сходу в лоб врезалось в группу фашистских штурмови-

ков, с первой же атаки заставив их перейти в круговую оборону. Тем временем успела взлететь и подойти пятерка лейтенанта Жидова, и, соединившись со звеном Рябцева, группа завязала ожесточенный бой. Фашистским стервятникам некогда было и думать о штурмовке аэродрома. Они не успевали отражать крепкие удары наших славных истребителей и заполнять свои ряды, заметно редевшие от падавших и горевших «Ме-110». Отважная восьмерка мастерски провела этот воздушный бой, завершив его блестящей победой: четыре «Ме-110» и один «Хе-111» нашли себе могилу в районе Едрово. Наши потери — только один самолет, летчик которого спасся с парашютом.

Екатерина Романовская:

Каждый день войны — это горе и страдания. Не было такого дня, не было такой минуты, когда бы ты не был на грани между жизнью и смертью. У связистки в стрелковом полку снаряжение простое: катушка с проводом да телефонный аппарат. Надо обеспечить надежную связь. Повредилась линия — приказа не ждешь. Провод в руку взял и — вперед. Бегом, ползком, как когда придется. Главное, чтобы быстрее и надежней.

Из журнала оперативных записей 123 авиаполка

31 июля. Самолет «Як-1» № 1919, пилотируемый заместителем командира эскадрильи лейтенантом Рябцевым Петром Сергеевичем, сбит в воздушном бою в районе аэродрома Едрово. Самолет разбит, летчик погиб.

Георгий Жидов:

Раннее утро 31 июля 1941 г. На небе — ни облачка, тишина. Техники и механики осматривают самолеты. Летчики в густом кустарнике. Разговариваем о ходе военных действий. Вдруг услышали шум моторов. На малой высоте к аэродрому подкралась группа «МЕ-109». Мы бросились к машинам. Мгновенно надели парашюты, взлетели. Фашисты атаковали Рябцева с разных направлений.

Николай Мажаев:

Петр Рябцев погиб при взлете. Самолет упал в двухстах метрах от наблюдательного пункта штаба дивизии, в кустарник. Искали его два дня. Обнаружили случайно с воздуха. Оказалось, самолет перевернут, шасси не убраны (видимо, не успел убрать при взлете). В рай-

оне бронестенки и фонаря — осколочные пробоины. Очевидно, он был поражен осколками в голову.

Иван Гончаренко:

Фашисты, должно быть подумали, что пограничники погибли все, но нам удалось выжить. Много дней и ночей шли мы к своим, встречая на пути и добрых людей, которые не отказывали в куске хлеба, и злых, стрелявших в спины. Обессиленные, были схвачены буржуазными националистами, а затем оказались в фашистских концлагерях. Я стал заключённым под номером 6060.

И. Козловский:

В июле — августе 1941 года завод напряженно трудился, давая основную массу минометных, реактивных зарядов Советской Армии. В это время только стал развертывать работу страшно долго и недопустимо задержавшийся с пуском Уральский завод № 98. В помощь освоению его наш завод послал туда рабочих и инженерные кадры. Среди них был М. М. Васильев, опытный в Союзе мастер по производству нитроглицерина — Коваленко Яков и другие. Завод трудился под ежедневный вой летающих немецких самолетов. Было ясно, что они рассчитывали завладеть заводом, не разрушая его. Вспоминаю случай. В мае 1941 года мне передали письмо немецкой фирмы «Либраверк». Фирма писала: «Нам известно, что Ваш завод нуждается в хороших весах. Наша фирма готовит лучшие весы в мире, без обычных, быстро изнашивающихся призм. Мы можем поставить любые весы для Вашего завода по Вашей просьбе!», и даже приписка от руки: «Если Вам трудно писать на немецком языке, то, пожалуйста, пишите по-русски...»

На конверте точный адрес нашего завода. Вот вам и засекречиваемость. Нас страшно насторожило это наглое, самоуверенное письмо и исключительная осведомленность немецкой фирмы о нашем заводе. Значит, немцы отлично знали о существовании завода, о его деятельности.

Егор Гончаров:

Мы отходим с упорными боями на восток. Мы изматываем силы противника. И в нашем отступлении гибель для фашистов. Мы без боя не оставляем ни одного города, ни одного села, ни одного холми-

ка. Жарким был бой под Мариуполем. Немало полегло гитлеровцев от нашего сокрушительного огня. Мы уходили на восток, чтобы потом отбросить измотанного врага на запад и доконать его в его же собственной берлоге. В нашей роте все минометчики дерутся с фашистами героически. Все мы на войне с первых дней.

Владимир Бебко:

В плен попал под Коростенем. Двое суток мы отражали атаки фашистов. Я ранен в ногу. Потом взрыв и... темнота. Очнулся, когда меня обыскивали немцы. Нас разместили на какой-то ферме. Голая земля, открытое небо, колючая проволока. Как выжил и зажила моя рана — не знаю. Из-за контузии я почти ничего не слышал. Через месяц нас погрузили в товарные вагоны и отправили в концлагерь Флоссенбюрг в Баварии.

Григорий Любимов:

Тяжелое известие о вероломном нападении гитлеровцев на нашу страну застало меня на границе с Ираном, откуда уже на третий день был отозван в действующую армию. Дивизию направили под Старую Руссу, где тотчас же она включилась в контрнаступление в направлении на Псков, в ходе которого удалось продвинуться на 60 километров и отвлечь от Ленинграда немало гитлеровских сил. После этого дивизию перебросили под Малую Вишеру.

Сергей Шмаков:

Погнали нас на железнодорожную станцию, погрузили в телятники и привезли в город Анаберг в Германии. С контузией головы меня положили в госпиталь. Лечился долго, а затем служил при госпитале в качестве разнорабочего, пленные же работали на местной прядильной фабрике. Освободили нас после окончания войны.

Василий Турчин:

Жили мы в поселке колхоза на Урале. Учился в школе. Когда объявили, что Германия напала на нашу Родину, мы, мальчишки, считали, что Красная Армия обязательно разгромит фашистские войска. Мы были уверены в победе, потому что Красная Армия разгромила

самураев на озере Хасан, на реке Халхин-Гол. Чуть позже мы поняли, что победить коварного врага не просто.

М. Гребенькова:

Я работала медсестрой в больнице ш. 4-бис. Как большинство комсомольцев, ухажу добровольцем на фронт. В Должанске оборудуем три здания под госпиталь. Мы делали все, чтобы раненым было уютно, тепло, удобно, чтоб они быстрее выздоравливали и возвращались в строй защищать Родину.

Полина Танцюра:

После первой смены у нас состоялась маленькая «летучка», на которой Шура Бабич (комсомолка) предложила девушкам освоить основную профессию того времени — навалоотбойщика, работать вместо ушедших на фронт мужчин.

Так на шахте 17/17-бис была создана первая в угольной отрасли страны бригада навалоотбойщиц. Ее возглавила А. Бабич. В бригаде было 9 человек (8 навалоотбойщиц и девятая я — врубмашинист). Бригада себя оправдала, план выполняла и перевыполняла.

В конце сорок первого меня призвали в армию, после окончания курсов радисток попала в разведотдел Юго-Западного фронта.

Александр Ермоленко:

В войну вступил воентехником второго ранга. К тому времени окончил горпромуч на Краснолучской шахте № 162 и был выпущен как один из лучших учащихся слесарем первой руки.

Отслужил срочную, в 1939 году прошел переподготовку при военном училище. Считался искусным оружейным мастером.

Александр Кравченко:

Мы носились с другом по воинским частям, уговаривая, умоляя взять хоть кем-нибудь, и слышали неизменное: «Марш отсюда, детский сад!». Секретарь горкома Яков Норкин принял нас в комсомол. Нам не было еще 16, но понял секретарь, чем болит у нас душа, и поверил, что выросли, возмужали мы раньше времени. И именно комсомольский билет стал пропуском на фронт.

Инна Лысенко:

Во время обстрела мать Инны Константиновны Весенней закрыла нашего Борю собой. Брат цел, а ей пробило руку.

Василий Турчин:

Мужчины ушли на войну, остались в колхозе женщины, старики, подростки. Мы, мальчишки 12/13 лет, работали наравне со взрослыми от темна до темна. Нужно вспахать 50 – 70 соток земли — вспахивали. Лошади порой не выдерживали, а мы, подростки, передохнув, снова приступали к работе. Во время уборочной страды скирдовали, молотили, вывозили хлеб на приемные пункты.

Александр Ермоленко:

Июль. Наш полк ведет тяжелые бои у города Балта на севере Одесской области. Командный пункт полка находится в двухэтажном доме. Таких всего два. Отсюда шли приказы в подразделения. И самим штабистам приходилось отражать вражеские атаки.

Григорий Полеводин:

При защите Керчи наша 127-я батарея стояла на Арбатской стрелке. Это легендарная батарея. Я был в ней радистом. Уже наши войска уходили из города, а батарея под командованием Ковшова продолжала сражаться. С высокого берега Камыш-Бурун она отсекала врага, не давала ему войти в Керчь, пока наши сухопутные войска переправлялись через Тамань и Керченские пролив.

Все же противник обошел город, и батарею пришлось сняться с удобной позиции. У Анапы над Сенным заливом мы снова установили свою батарею, и она вела непрерывный огонь по Керчи, отрезая тем самым путь гитлеровцам на Кубань.

Борис Лысенко:

Мы ехали на поезде, а немец бомбит. В вагоне дырки от осколков забивали. Почему-то запомнилось, что поезд стоял, а не ехал. Одна из бомбежек и днем была. Папа хватает меня с Инной подмышки, и побежал к стогам. Жарко было. Июль или август. Они еще из пулеметов косят. Бомбовые удары далеко, потом ближе, ближе... Папа нас

под себя. Взорвалось рядом. Стало темно. Взрывом землю подняло... а я выскочил из рук папы. Меня как-то так подняло, даже кинуло... Улетели самолеты, смотрю, рядом воронка. Там теленок пасся, я запомнил. На этом месте — воронка. Мы с Инной невредимы, а у папы сапог порван и, по-моему, косточка болела.

Г. Герасимов:

Несколько дней на западе, где-то далеко за нашей речкой, гремели пушки. Там шли бои. Потом наши отступили. А на рассвете в деревню ворвались фашисты. В полдень они привели пленных. Человек тридцать. Босые, окровавленные. На окраине деревни, у подножия кургана, где стоял старый колхозный сарай, колонну остановили. Подкатили легковые автомобили. Один офицер крикнул что-то конвойным. Пленников затолкали в сарай, облили стены бензином и подожгли. Через мгновение крыша сарая запылала. Все безмолствовало вокруг, будто окаменело. Даже птицы приумолкли.

Мария Зеленская:

Получила коротенькое письмо от мужа. Он сообщал, что находится в Белоруссии. Просил беречь себя, сына.

Александр Ермоленко:

Командир полка приказал мне огнем счетверенной зенитной установки уничтожить колонну фашистов, с запада продвигавшуюся к Балте. Мы подъехали на автомашине как можно ближе к вражеской колонне и открыли по ней огонь. Почти никто из фашистов не остался в живых.

Г. Герасимов:

Среди зловещей тишины застучал пулемет. Меткие очереди хлестнули по офицерам. Затем свинцовые струи стали косить окруживших сарай эсэсовцев. Фашисты бросились в разные стороны, но пули невидимого мстителя настигали их всюду. Воспользовавшись замешательством врагов, из пылающего сарая стали выскакивать обреченные. Они бросились к лесу. Опомнившись, фашисты стали расстреливать выскакивающих из огня солдат. Отчаянные крики сливались с шумом пожара и грохотом завязавшегося боя.

Мария Подлипаева:

Война меня застала в 9 классе. Немцы подходили к Ельцу. Приходим в школу, а в нашем классе раненые. Военком майор Мальцев и начальник госпиталя Харичков сказали, что с этого дня мы будем служить в армии и обслуживать госпиталь.

Василий Ширков:

В 1941 году окончил профессионально-техническое училище № 36. Началась война. Вместе с большой группой краснолучан направлен в район Днепра на сооружение оборонительных укреплений. Попав в окружение, пробирался домой, но был схвачен фашистами.

Г. Герасимов:

Теперь все видели, что стрелял кто-то с вершины кургана, укрывшись за седым валуном. Враги тоже заметили смельчака и открыли по нему огонь. Пытались взять высоту штурмом, но безуспешно. Озлобленные неудачей, фашисты обрушили на единственного человека всю силу своего оружия. От разрывов вершину кургана заволакивало дымом и пылью. Тогда пулемет умолкал. Но как только враги поднимались в атаку, он снова оживал и разил неприятельские цепи. Казалось, смельчак был заворожен от смерти. Он стрелял и после того, когда, судя по всему, на вершине кургана не могло остаться ничего живого.

Александр Ермоленко:

На пути к г. Первомайску узнали, что вражеская группа проникла в наш тыл. Шел дождь, дороги развезло. Близилась ночь. Я с небольшим отрядом своих бойцов отправился в разведку. Вскоре мы подошли к ближнему селу и тут увидели и узнали такое, чего никогда уже не могли ни забыть, ни простить фашистам. У окраинной хаты, подожженной гитлеровцами, увидели на земле четверых убитых мужчин в гражданской одежде и одну женщину. Мы вынесли из пылающей хаты все, что удалось спасти. Из окна ближнего дома донесся крик, и тут же к нему присоединились радостные женские голоса.

— Наши!.. Наши!..

Колхозницы окружили нас, обнимали, смеялись и плакали... А потом рассказали, что днем в село ворвались фашисты. Они искали в

домах мужчин. Им удалось обнаружить четверых колхозников, которых сразу же расстреляли. Потом подошли к этой вот хате, выбили окна и стали стрелять внутрь. Жившую здесь учительницу ранили. Она выбежала во двор, но тут же упала, сраженная автоматной очередью.

Василий Коленский:

На каждый самолет приходится по 8 человек, составляющих летную группу. Я в ней по алфавиту четвертый. Наконец подходит моя очередь. Инструктор вырубивает на линию исполнительного старта. Невозможно скрыть радость во время первого вывозного полета. И наш инструктор сержант Замятин, видя в зеркале мое лицо, понимающе улыбается.

Александр Ермоленко:

Большие силы врага все подходили и подходили к Балте, причем, главным образом, танковые и мотомеханизированные части. Мы получили приказ отходить с боями на восток.

Григорий Полеводин:

В разгар лета нас, моряков, перебросили на строительство переправы через пролив. Наши войска высадились снова на Камыш-Бурун. В жестоких боях Керчь была взята, а фашисты отогнаны от города на 6 километров, советские войска удерживали занятый плацдарм до мая 1942 года. Уже не было поблизости советских войск, а эта горстка героев, эта легендарная батарея громила фашистов. Это был бесконечный бой не на жизнь, а на смерть.

Подвиг батарейцев еще раз показал, что гитлеровским захватчикам ничего не сулит русская земля, кроме гибели.

Г. Герасимов:

Пулемет замолчал. Неужели погиб? Фашисты осмелели. Вот они во главе с сухопарым офицером идут во весь рост, приближаясь к серому валуну. И когда до цели им оставалось несколько метров, раздался одиночный выстрел из пистолета. Офицер неловко повернулся на бок, шлепнулся наземь как подкошенный и покатился по склону кургана. В то же мгновение над вершиной кургана взметнулась фигу-

ра солдата в окровавленной защитной гимнастерке, иссеченной пулями и осколками. В руках воин крепко сжимал разбитый ручной пулемет.

Широко расставив ноги, он твердо, как впаянный, стоял на земле, окруженный со всех сторон врагами. Гитлеровцы оцепенели, никто из них не решался приблизиться к бойцу. Так продолжалось несколько секунд. Затем фашисты открыли огонь. Эсэсовцы строчили из автоматов, а солдат стоял. Гитлеровцы в ужасе стали пятиться назад. И тут, как подрубленный дуб-исполин, воин пошатнулся раз, другой и упал вперед лицом навстречу врагу. Фашисты осторожно подошли к погибшему солдату, молча постояли над его телом и потом, оглядываясь, стали спускаться с кургана. Видимо, он даже мертвый внушал им страх.

Петр Потетюлькин:

Вступил в истребительный батальон, поскольку фашистские захватчики приближались к Ельцу.

Ходил на военные занятия. За старым кирпичным заводом, во рву, учился стрелять из малокалиберной винтовки, знакомился с устройством гранат и другого оружия. Приходилось сооружать оборонительные рубежи, по ночам дежурить на улицах, следить за соблюдением светомаскировки. А затем, когда подошли подразделения регулярной армии, участвовал в оборонительных боях за железнодорожный вокзал Ельца.

Ввиду превосходства сил немецко-фашистским захватчикам удалось занять Елец. Но им не было здесь покоя. Вносил свой вклад в борьбу с оккупантами и я. Ходил в разведку, доставлял сведения о дислокации войск противника.

Степан Тодышев:

Немцев встретил под Смоленском в июле сорок первого. На Смоленщине шли дожди. К осени наши войска в жестоких боях сумели остановить здесь врага, но удержать позиции и наступать сил не оставалось. Пядь за пядью оставляли Смоленщину. В нашей батарее паники не было, солдаты верили в то, что этому отступлению есть конец, скоро подойдут свежие войска, тогда уж они пойдут обратно, на запад. Без остановок.

Как потом оказалось, позади нас войск не было. Мы прикрывали такие же потрепанные в тяжелых боях части.

Г. Герасимов:

Когда гитлеровцы уехали, люди пошли на курган. Воин лежал лицом вниз, вытянув вперед руки. Казалось, он не хотел уступать врагам даже полметра родной земли. Рядом лежала каска. А среди густо устлавших землю и пахнувших пороховым дымом стреляных гильз был рассыпан букет васильков. На их нежных лепестках яркими горящими искрами атели капельку крови, еще не успевшей задохнуть. Васильки легонько шевелили своими лепестками, припорошенными пылью и копотью. Голубые цветки были единственными из всего живого, что осталось на этой перепаханной металлом и обожженной огнем земле.

Георгий Акулов:

Под Смоленском уничтожил две пулеметные точки. Там же был ранен. Месяц лежал в госпитале. Потом был Брянск.

Николай Угланов:

В начале войны в 1941 г. наша подводная лодка Щ-306 на Балтике потопила фашистский транспорт. Я служил на ней командиром боевой части артиллерийской и минно-торпедной. Это я тогда послал три торпеды в цель.

А потом, в трудные дни блокады, в частях морской пехоты защищал город Ленинград, где был ранен.

Александра Бабич:

В начале войны на шахте 17/17-бис мы создали женскую бригаду навалоотбойщиц. Только в первые месяцы войны на шахты города пришло около 600 женщин. 110 из них стали работать навалоотбойщицами, 10 — врубмашинистами, 50 — электрослесарями, 44 — уборщиками породы в подготовительных забоях.

Степан Тодышев:

Под Ржевом фашисты окончательно прижали полк со всех сторон. Мы, артиллеристы, сходились с ними в рукопашной. Раз, другой, третий. И все же орудия свои отстояли. Повернули их на восток — на прорыв.

Вера Ковачева:

Приехала невестка. Приехала, как говорится, голая и босая. Она и рассказала о том, как бомбили, как пограничники защищали заставу, как семьи офицеров пробирались в тыл...

Я слушала ее и невольно вспоминала, какой радостной, красивой и нарядной была она у нас всего несколько дней назад, что за одно мгновение сделала с ней война...

Григорий Полевдин:

Я был в то время мичманом-радистом, неплохо работал на ключе и поэтому нередко уходил на задание с разведчиками. В очередной раз мы отправились к горе Сахарная головка. Залегли. Видим — пятнадцать фашистских танков идут к Севастополю. Я стал передавать об этом в штаб подразделения. А несколько моряков-разведчиков устремились с гранатами к танкам. Часть из них подорвали обычным способом, а затем обвязались гранатами и бросились под гусеницы остальных бронированных чудовищ, отдав ради уничтожения вражеской колонны свои жизни.

Елена Наумова:

Война с ее жестокими, смертельными боями, с горечью первых неудач застала меня на каникулах. Я успешно окончила первый курс Ленинградского горного института и проводила каникулы у старшего брата Кости в Пушкино.

Григорий Полевдин:

Группа моряков, находившаяся в дзоте и окруженная немцами, вызвала на себя артиллерийский огонь с наших боевых кораблей. Погибли герои-моряки, но в десятки раз больше были потери врага.

М. Живлюк:

— Капитан Покатаев Алексей Иванович прибыл к вам на должность политрука, — представился мне, командиру минометной батареи, молодой, коренастый, с московским говорком, с армейской выправкой офицер.

Было это в период формирования шахтерской дивизии. Форми-

ровалась она в Донецке из рабочих и служащих угольных предприятий. Прибывало пополнение из закавказских и азиатских республик. Шахтерская дивизия, все ее подразделения в полном смысле были интернациональными. В минометной батарее были русские, украинцы, татары, армяне, грузины, азербайджанцы, таджики. В каждом таком интернациональном подразделении нужна была особая политическая работа. Политрук батареи А. И. Покатаев умел располагать к себе солдат и офицеров батареи, он блестяще справлялся с задачей оказания командованию помощи в объединении всей батареи в единое мощное огневое подразделение. Он обладал таким даром. За короткий период изучил каждого солдата и офицера батареи, знал их печали и радости. Солдаты за добро политрука платили ему своим уважением. Открывали перед ним сокровенные думы. Батарейцы любили «своего москвича», как они уважительно говорили о нем.

Зинаида Гармаш:

В самом начале войны погиб муж. Всю свою любовь перенесла на ребенка. Но война вскоре отняла у меня и дочь.

Казалось, не хватит сил вынести этот страшный удар. Выдержала.

Еще не высохли слезы от горьких утрат, пришла в военкомат. 1 августа зачислили операционной сестрой медсанбата 239-й дивизии, которая сражалась на Волоколамском направлении.

Николай Сдобнов.

С первого часа нападения гитлеровцев на нашу страну эскадрилья скоростных бомбардировщиков капитана Сдобнова наносит удары по рвущимся вперед фашистским полчищам. За исключительное мужество и героизм, проявленные при уничтожении живой силы и техники врага Указом Президиума Верховного Совета СССР 2 августа 1941 г. капитану Н. А. Сдобнову присвоено звание Героя Советского Союза.

Евдокия Маркина:

На шахте 10/10-бис, так же, как А. Бабич на 17/17-бис, мы организовали бригаду навалоотбойщиц. Возглавить ее доверили мне. Девчата трудились так, как могут только женщины, тщательно и деловито. Прошло время, тяжелый труд дал о себе знать. Я заболела, лечи-

лась. Но о бригаде помнила. И как только дело пошло на поправку, меня опять попросили организовать и возглавить женскую бригаду. Подумала и согласилась, дав жизнь новой бригаде и новым трудовым свершениям.

Владимир Гавриленко:

Железный был страстным, прирожденным разведчиком. Со своими бойцами он много раз проникал в занятые немцами села, нападал на штабы, брал пленных.

Однажды ночью он скрытно провел взвод своих бойцов к укрепленным немецким позициям. По сигналу Железного началась рукопашная схватка, в ход пошли штыки, приклады, кинжалы. Враг был выбит из двух линий окопов, разведчики же вернулись домой в полном составе, нагруженные трофеями, документами, захваченным для верности «языком».

Его отвага и смелость в бою, военная хитрость и упорство в разведывательных операциях обеспечивали нам успех.

Мария Савичева:

В Бердичеве работала педагогом. Во время эвакуации заболел грудной ребенок, да и сама была больна. Это вынудило изменить направление и приехать к родителям в село Подолки Сумской области. Вскоре село захватили оккупанты. Постоянным жителям они выдали паспорта. Мне не дали. Запретили выезжать из села, часто вызывали в жандармерию, грозили виселицей.

Несмотря на угрозы, связалась с Лебединским подпольем. Стала связной между тремя районами. Носила листовки, распоряжения, указания подпольного комитета. Это идеологическое оружие имело особое значение. Оно объединяло людей, координировало действие отдельных отрядов, вселяло веру в победу. Для выполнения задания выбирала самую отвратительную погоду: вьюгу, дождь, туман, чтобы было меньше шансов встретить врагов.

Елена Наумова:

В августе 1941 года пришло сообщение, что брат погиб в воздушном бою, защищая Ленинград. Я решила заменить на фронте брата. Приняли на курсы медсестер. Стала санинструктором стрелковой дивизии. Впервые увидев в Пушкино убитых и раненных на-

ших людей, была глубоко потрясена. Но вместе с товарищами сделала всё, чтобы спасти раненых. В ходе боев на подступах к Ленинграду вынесла с поля боя 33 бойца и командира. Нередко приходилось не только перевязывать раненых, но и заменять их, отбивая атаки. Так созрело решение научиться владеть пулеметом. И я овладела им.

Василий Шоленко:

Первые числа августа 1941 года. Враг рвался к Киеву. Сходу хотел взять город и форсировать Днепр. Но в районе Киева было сосредоточено большое количество наших войск. Гитлеровское командование, получив отпор под Киевом, изменило направление главного удара. Оно, оставив заслон под Киевом, главными силами пошло в обход бить по переправам вниз и вверх по течению Днепра.

Наш полк в это время занял оборону города Ржищева, это Ржищевская переправа через Днепр. Примерно 90 километров вниз по течению от Киева. Враг стремился овладеть городом, захватить Ржищевскую переправу, форсировать Днепр и выйти в обход Киеву. Насколько эти бои были для нас тяжелы, можно судить по такому факту. Численный состав нашего полка на это время составлял порядка 1000 человек. Участок фронта, который достался полку, — 20 километров. Он подковой огибал город. Такой участок под силу лишь целой армии. Вот и получилось, что каждый боец в окопе действовал один за отделение.

8 августа 1941 года в центре обороны (это как раз и центр города, его главная улица) противник к исходу дня сосредоточил большие силы и после ураганной артиллерийской и авиационной подготовки смял нашу оборону. Воины нашего полка на этом участке обороны не отступили и почти все пали.

Смяв нашу оборону, противник ворвался в город, занял всю центральную улицу. Таким образом, расчленив город и нашу оборону на две части. Правую часть с окраиной города, и левую, где располагался КП полка. Связь наша была перерезана. Сложилась критическая обстановка, но не безвыходная.

Немцы, заняв центр города, разошлись по домам, начали торжествовать победу. Остатки наших разрозненных частей они рассчитывали закончить с рассветом.

Нам ждать подкрепления неоткуда. Ждать утра — смерти подобно. Выход один — действовать немедленно. Сформировали штурмовую группу. Из всех возможных, вплоть до поваров. В это время на КП полка с группой бойцов прибыл командир роты (фамилии не по-

мню), вышедшей из вражеского тыла. Голодные, усталые, но отдыхать было некогда, ему мы и поручили возглавить штурмовую группу. Задача — выбить немцев из города. Совершить дерзкий, внезапный ночной налет и до утра очистить город. Немцы примерно к 2 часам ночи улеглись спать.

Вот в это время, примерно 3 часа ночи, наша штурмовая группа во главе с командиром роты, только что вышедшим из вражеского окружения, бесшумно вышла на центральную улицу и внезапно с криками «ура» атаковала немцев. Немцы — кто в чем — выскакивали из домов и бежали куда глаза глядят. Множество фрицев было уничтожено, и лишь незначительная часть спаслась бегством.

Так была восстановлена наша оборона.

В эту ночь потери с нашей стороны были минимальные. Один солдат убит и несколько раненых. Так было.

Александр Фуки:

В августе 1941 года, уже будучи в охране штаба 8-го стрелкового корпуса в составе отдельного сводного батальона особого назначения, которым командовал майор Филиппов, бойцы комендатуры нанесли значительный ущерб во много раз превосходящим силам противника, при этом, защитив штаб, почти все геройски погибли. Лишь немногим удалось вырваться из окружения.

Василий Шоленко:

Враг подтягивал свежие силы и снова и снова атаковал нас, чтобы захватить Ржищевскую переправу и выйти в тыл Киеву. На фланге нашей обороны, в населенном пункте Гребени, части 132 немецкой дивизии, сконцентрировали большое количество боевой техники и живой силы, готовясь расчленить и уничтожить по частям наш полк и форсировать Днепр. Для нашего полка тогда сложилась исключительно тяжелая обстановка. Противник превосходил во много раз и уже был готов сделать рывок и подавить нас. И вот в этот критический момент боя, как из-под земли, на командном пункте полка вынырнул человек в морском бушлате и отрапортовал:

— Я начальник штаба подразделения мониторов Днепровской флотилии капитан Форфурак. Прибыл в ваше распоряжение. Какие будут указания?

В это время я был на КП в трех лицах, так как командир полка ранен, начальник штаба тоже.

— Огонь по Гребеням, — сказал я. — Как можно быстрее. Как можно больше.

И вот после минуты выяснения обстановки, установления целей раздался голос Форфурака:

— Орудия к бою! Прицел... Огонь! Прицел... Беглый огонь!

И на головы гитлеровцев внезапно обрушился шквал огня прицельного, которым командовал капитан Форфурак, находясь в боевых порядках нашей пехоты. Этот внезапный шквальный огонь превратил технику врага в груды металлолома. А сотни гитлеровцев 132 дивизии, которые еще несколько минут назад были готовы, как тигры, совершить прыжок и растерзать свою жертву, нашли себе могилу в Гребенях. Лишь части гитлеровцев удалось спастись бегством. Так в результате умелого действия этого капитана в морском бушлате и подразделений пехоты нашего полка был нанесен удар по врагу и сорван коварный замысел врага с ходу форсировать Днепр в районе Ржищевской переправы.

После этого боя капитан флотилии Форфурак Данил Леонтьевич получил приказ следовать к Каневу, и мы снова остались одни оборонять город и переправу.

Враг с каждым днем в бой бросал все новые и новые свежие силы. Атаки сопровождались сильными ударами артиллерии и авиации по нашему переднему краю. 1000 человек на 20 километров фронта походили на часовых одиночек, чем на линию обороны. И только беспредельная любовь к Родине удерживала солдат в окопах, и они стояли насмерть.

По существу, сложилась такая обстановка боя за переправу через Днепр, что каждый воин боролся до последнего патрона. Раненые не уходили с поля боя, убывали только те, которых выносили.

Лидия Дворник:

В августе сорок первого мне шел шестнадцатый год. Наши части с тяжелыми боями отходили на переправу через Днепр неподалеку от Лоева Гомельской области. Я вместе с отцом была в рядах народного ополчения, которое через Лоев тоже отходило на партизанскую базу.

Разрывы бомб слились в сплошной грохот. Казалось, нет в этом крошечном аду никакого спасения. Я растерялась, оцепенела. И тут чья-то сильная рука отбросила ее в укрытие. Мгновение — и на том самом месте, где только что стояла, взорвалась бомба...

Опомнившись, взглянула на спасителя и навсегда запомнила

молодое лицо лейтенанта с пышной шапкой черных волос. После бомбежки я своих уже не нашла, потерялась. Что было делать, куда идти?

— Ты не плачь, — успокаивал офицер, не пропадешь. Хотела было искать родных, но лейтенант отговорил, потому что немцы были совсем недалеко, а где искать ополченцев, не знала.

Лейтенант Ювеналий Юльевич Розенман дал мне все деньги, какие у него нашлись, адрес, письмо к своей матери и сказал, чтобы я ехала к ней и жила там до конца войны. На машине вместе с несколькими бойцами мы доехали до какой-то деревеньки в пяти – шести километрах от Лоева и здесь простились.

Лейтенант и бойцы ушли в бой.

Василий Шоленко:

Немцы, непрерывно атакуя, на левом фланге вклинились в нашу оборону в районе аэродрома, где был глубокий ров (овраг) и по оврагу добрались уже на расстояние 100 – 200 метров до нашего командного пункта полка. Чем и как выбить немцев из оврага? Артиллерии нет. Минометов тоже. И тут нашлись смельчаки — расчет зенитных пулеметов, которые были установлены на машине.

Ничем не защищенный водитель повел машину на большой скорости по бровке канавы. Пулеметчики, стоя на открытой машине, свинцовым дождем поливали гитлеровцев, засевших в овраге. Водитель и пулеметчики получили по несколько пулевых ранений, но не прекращали косить немцев до конца оврага. А вслед за машиной группа наших автоматчиков добивала оставшихся в живых гитлеровцев. В результате уничтожили более трехсот гитлеровцев. Была жара, эти трупы стали разлагаться. Зловонье из оврага, как бы предвещало неминуемую гибель фашистов.

Мария Короткова:

С каждым днем приближался фронт, не прекращались бомбежки. Начали поступать раненые. Порой их некуда было помещать — госпиталь переполнен.

Каждый день — воздушные тревоги. Раненые, которые могли двигаться, сами спускались в бомбоубежище. А тех, кто не мог двигаться, нам, медсестрам, санитаркам, приходилось выносить на руках со второго этажа. И так каждый день.

Сменишься с дежурства, придешь в комнату-боковушку, распо-

ложенную внизу госпиталя, где мы жили, и не успеешь отдохнуть, как снова зовут на крышу здания тушить зажигательные бомбы.

Александр Кравченко:

Сначала был истребительный батальон НКВД, куда нас с другом все-таки взяли. Длинными вечерами патрулировали мы по Чкаловской, и мечтал друг Витька, что кончится война, и сменит он свою смешную фамилию Голопузов на фамилию Абрикосов. Не суждено было, погиб друг, как и многие одноклассники, одногодки.

Дмитрий Белоусов:

Под Киевом, получив задание добыть «языка», я и четверо товарищей-кавалеристов отправились в конную разведку. На нейтральной полосе мы обнаружили конную разведку противника, которая, как и мы, с большой осторожностью направлялась к нашим передовым позициям. Заметили нас вражеские разведчики. Для размышления — доли секунды. Но так же, как и нам, им, очевидно, было приказано при встрече не выдавать себя стрельбой. Решение помериться силами им и нам пришло одновременно. Мы отпустили поводья. Пришпорили лошадей. И будто шальным ветром гонимые рванули в лобовую атаку. Как никогда ранее пригодилась каждому из нас физическая подготовка. Скрестились наши клинки. Угрожающе зазвенела сталь... И только успел отвести в сторону прямой удар клинком сверху, как справа, здоровенный фашист уже готовился рассечь меня. Да только опередил его мой удар. А сзади, под немецким офицером, остановленная передо мной почти на полном ходу лошадь свечой поднялась на задние ноги. Еще момент и... поминай бы, как звали. Но — защита над головой... и клинок противника рикошетом скользит по острию моего клинка, задевая самым концом правое колено. Боли сразу не почувствовал.

А-а-х! И мой удар клинком выводит седока из равновесия. Беспомощно падающее с коня тело немецкого офицера я налету подхватываю за шиворот и тут же перебрасываю поперек своего коня у седла. Одного фашиста мы упустили — скрылся бегством в чаще леса, но преследовать его мы не стали и погнали своих лошадей галопом, довольные результатами разведки. Только в расположении части вспомнил о ране. После излечения воевал в составе Кокандского кавалерийского корпуса.

Григорий Любимов:

В начале войны 313 противотанковый артдивизион, в котором я был начальником артснабжения, вел жаркие бои с превосходящим по силе противником. После очередного боя дивизион отошел на более выгодный рубеж. Но на нейтральной полосе на старых позициях оставалась сорокапятка — ее расчет в самый последний момент погиб.

— Пушку нужно забрать, — сказал командир дивизиона Гуманюк.

— Разрешите мне, товарищ старший лейтенант! — вызвался я.

С наступлением темноты вместе с пятью солдатами на грузовике отправились выполнять задание. До пушки-то пути всего с полкилометра и из преград — одна мелководная речушка, но все же это расстояние надо преодолеть. А ну, как начнут палить фашисты. То и дело взлетают ракеты, разгоняя темень ночи.

Враг еще не видит наш ЗИС-5, но слышит двигатель, и это заставляет задуматься: «От русских можно ждать любой неожиданности». Немцы опомнились, когда мы уже прицепили пушку к автомобилю и повернули к своим новым позициям. Что тут началось! Казалось, палили из всех стволов. Стреляли на звук. Огненный град осыпал все окрест.

Тогда все обошлось благополучно: и пушку спасли, и никто не пострадал, хотя большинство из участников тех событий считало, что отправляются на верную смерть.

Александр Фуки:

Пробираясь по территории, занятой фашистами, израненные, голодные, в поле между Бобринцом и Устиниовкой Кировоградской области наткнулись на место недавнего сражения. Среди убитых увидели раненного, в полубессознательном состоянии парня из Красног Луча.

Перевязали, напоили. Очнувшись, он едва слышно проговорил: «Разъезд... цистерны с горючим... командир послал взорвать... товарищ погиб».

Он хотел еще что-то сказать, но потерял сознание. Рядом с ним лежали автомат, взрывчатка, гранаты. В руке зажат пистолет. Через некоторое время боец пришел в себя и стал повторять:

— Помочь... Кривой Рог... помочь... Кривой Рог, — и опять впал в забытье.

Было ясно, где-то рядом эшелон с бензином, который фашисты оберегают для наступления на Кривой Рог. Взорвать его товарищам не удалось... Придя в себя, раненый, звали его Сергеем, более подробно объяснил, где усиленная охрана, какими огневыми средствами располагает враг.

Владимир Борсоев:

10 августа. Рубежное. Был на комиссии, просился, чтобы отправили на фронт. Говорят, с незажившей раной нельзя. С помощью секретаря партбюро все же добился выписки из госпиталя. Хотя рана и не зажила окончательно, но душа не терпит: все бьются на фронте, а я лежу здесь. Беспокоит судьба моей семьи — раз здесь не мог связаться с нею, наверное, не удастся связаться и с фронта. Вбегает начальник клуба и заставляет меня плясать. Я от радости чуть и на самом деле не пустился в пляс. Получил телеграмму от Илюши: «Радостным пламенем обожгла мое сердце твоя краткая телеграмма. Обнимаю тебя, мой герой. Ася не успела выехать из Москвы, родила дочурку, назвали Сыреной. На днях они приедут в Улан-Удэ. Дерись фашистской сволочью, как подобает большевикам. Очищайте же скорее родную землю от гитлеровской скверны, помогите народам Европы строить свою свободную жизнь. Выражаем искреннюю уверенность твоем бесстрашии. Твой Илья».

Георгий Потапенко:

10 августа гитлеровцы перешли в наступление на Лугу и Новгород. Враг устремился к Ленинграду с пяти разных направлений. На фронте в сотне километров все пришло в движение: яростная перестрелка и грохот разрывов сливались с громоханием танков и рокотом авиационных моторов.

Виктор Терещенков:

Ребенком с матерью был в брянских лесах с партизанами. Мать родила последнюю дочку в 1941 году 12 августа. Отца как раз забили. И мать родила дочку. Пятую.

Мы жили с партизанами. У нас деревню сожгли. У нас ни кола ни двора. У нас ничего, пусто было. Партизаны нам землянки строили, картошку давали. На парашютах спускали грузы. Партизаны с нами делились. Нас, многодетных, кормили.

Иван Буков:

Наше внимание постоянно было приковано к военкомату, возле которого ежедневно раздавались звучные команды построения, от них мы приходили в восторг, но нас в армию брать не собирались. Отцы ушли защищать Родину, а мы сели на их тракторы.

Владимир Борсоев:

12 августа. Харьков. Вчера выписался из госпиталя. Сегодня в 16.00 приехал в Харьков и — прямо в штаб округа. Там просидел до 23.00, меня хотели отправить в Ростов-на-Дону. Затем решили оставить в резервной бригаде. Туда прибыл к 24.00.

Василий Шоленко:

Обороняли Ржищевскую переправу в августе 1941 года. Враг засыпал наши позиции листовками в расчете сломить моральный дух воинов и склонить их на свою сторону. В этих листовках писалась всякая грязь о Сталине, Молотове, Ворошилове. Бойцы на линии фронта сидели в окопах поодиночке. Я как комиссар в ночное время обходил окопы. Бойцы пачками отдавали фашистские листовки и давали один и тот же вопрос:

— Скажите, товарищ комиссар, только правду. Вот мы тут прочитали... Где Сталин, в Москве или как тут пишут?

— Сталин в Москве.

Услышав, что Сталин в Москве, бойцы преображались и начинали готовиться к новому сражению.

Появись у них хоть малейшее сомнение, страшно представить себе, что могло бы случиться с нашей Родиной. С каждым днем враг наращивал силы, атаки становились все мощней и яростней. Много воинов нашего полка там же, в окопах вокруг Ржищева, пали смертью храбрых и навечно эти окопы стали им могилами. Они остались безывестными героями, так как обстановка того времени не позволяла ни организовать погребение, ни описать их подвиг для награждения. У нас была одна только мысль — удержать переправу как можно дольше, измотать врага, дать возможность нашему народу подготовиться к решающим сражениям.

Михаил Дудолодов:

Фронтовые дороги привели меня в г. Сталино, где создавалась 383 шахтерская дивизия. Мне, военинженеру 2-го ранга, было поручено формирование 684 отдельного саперного батальона, которым довелось затем командовать при обороне Донбасса. В частности, на р. Миус, у стен Красного Луча.

Василий Шоленко:

Отражая атаку 15 августа 1941 года на окраине г. Ржищев в районе полевого аэродрома, я был ранен и долго лежал в бессознательном состоянии на передовой. Своей жизнью я обязан младшему лейтенанту разведчику, который нашел меня, взвалил на плащ-палатку, вытащил с передовой в овраг, а затем отправил в полевой лазарет. Самолетом меня отправили в тыловой госпиталь.

10 месяцев провел в госпиталях. После выхода из госпиталя меня назначили комиссаром 64 запасного стрелкового полка 9 запасной стрелковой дивизии.

Я прибыл на совещание в штаб дивизии. Там во время заседания один офицер все время смотрел на меня. В перерыве он бросился ко мне. Я не мог понять кто это.

— Что, не узнаешь?

— Нет.

— А Ржищев? Огонь по Гребням.

Вмиг передо мной возник облик боевого капитана в морском бушлате. Мы обнялись и расцеловались. Он мне поведал, что флотилия от Ржищева ушла оборонять Каневский мост. Враг в районе Черкас форсировал Днепр, и флотилия оказалась отрезанной. Пришлось потопить корабли и вести бои в пешем строе. Д. Л. Форфурак был ранен. После излечения его тоже назначили в запасной полк командиром.

Форфурак — это подлинный коммунист, волевой командир, патриот своей Редины. В дело обороны Ржищева и его переправы он сам лично и его воины внесли огромный вклад. Они, по существу, спасли наш 696 стрелковый полк от тех губительных потерь, которые враг пытался нанести, продлили оборону Ржищевской переправы, где враг был задержан еще на некоторое время. А как дорог был в то время каждый день для нашей страны.

Александр Бесчастный:

Август 1941 года. Шагает по запыленному большаку маленький человек в старых сапогах, в потрепанном пиджачке, через плечо перекинута холщовая сумка. По дороге встречаются немецкие машины, пешие гитлеровцы, полицаи. Никому из них и в голову не приходит, куда идет четырнадцатилетний деревенский парнишка. А шел я в лес, где укрывались четыре командира Советской Армии, окруженцы. Я встретил их, когда собирал хворост, и две недели носил им еду. В последний день предупредил этих четырех ребят о том, что готовится облава. На обратном пути сам попал в руки карателей. Избили, бросили в бричку, повезли на станцию. Вагон, битком набитый измученными евреями, военнопленными, отправили в Германию.

Иван Заикин:

Дело было в августе под Гомелем. Мы возвращались с задания на своем «СВ». Откуда-то сбоку вынырнул «мессер», пристроился в хвост бомбардировщику так, чтобы не попадать в прицел моего пулемета. Фашистский ас был уверен в своем превосходстве и безнаказанности. Как на грех у меня отказал пулемет. Немецкий летчик, видя мою обреченность, не спешил расстрелять мишень, а, перегнувшись через борт, улыбался, показывая знаками: «Что, дескать, тебя сразу уничтожить или подождать?!» И страх пропал, уступив место злости. В считанные секунды мне удалось устранить неполадки в пулемете и, обманув бдительность фашиста, поджечь «мессера».

Сергей Соловьев.

«Красный Луч. Соловьеву Василию Климентьевичу.
Извещение.

...августа 1941 года ваш сын, младший лейтенант Соловьев, с задания не вернулся».

Василий Шоленко:

13 августа атаки немцев следовали одна за другой, они главным образом обрушивались на командный пункт полка, он находился на передовой.

Убило пулеметный расчет. На смену погибшим за пулемет лег зам. политрука роты связи комсомолец, фамилию, к сожалению, не

помню. Он начал строчить по наступающим. Расплавился ствол пулемета. Он заменил его. Расплавился и второй, расплавились третий и четвертый стволы, а он все строчил и косил немцев, превратив свою огневую точку в неприступную крепость. Комсомолец целый день сражался один против подразделения врагов. И вышел победителем. Плавился металл, но сердце комсомольца, заместителя политрука оказалось крепче металла. Разве это не героизм? Нет, это слово, пожалуй, не то. Это что-то особое, на которое способен только советский воин, патриот, член великого Ленинского комсомола. Член ленинской гвардии. Как сложилась его судьба дальше, я не знаю. Но знаю одно, что он истинный герой и достоин всякого уважения.

Василий Анищенко:

13 августа зачислен командиром расчета минометной роты в 395 шахтерскую дивизию, формировавшуюся в Ворошиловграде. Дивизия была выдвинута под Мариуполь. Под натиском гитлеровцев пришлось отступить. Первое боевое крещение приняли под Зугрэсом и с боями в составе 18 армии отступали до Миуса.

Василий Шоленко:

После массированной артиллерийской и авиационной обработки нашего переднего края немцы повели психическую атаку на левом фланге нашей обороны.

Разъяренные пьяные рожи, засученные по локоть рукава, автоматы, приставленные к животу, рев и беспорядочная стрельбой из автоматов, лавиной движется на левый фланг нашей обороны. Сидящий боец в окопе на левом фланге роты струсил, выскочил из окопа, побежал в тыл. Сосед, видя, что он теперь крайний, последовал примеру паникера. Следующий — также. Мгновение — и паника охватила всю роту. А это открывало широкие ворота врагу для прорыва и захода всему полку в тыл.

Но здесь командир роты проявил мужество и решительность. Он выскочил из окопа, кинулся наперерез бежавшим в панике бойцам:

— Стой, назад! Стой, назад! — но передний боец продолжал бежать, увлекая за собой остальных. Всякое промедление смерти подобно. Он присел и с колена уложил первого бегущего паникера.

— Стойте! Назад!

Но бегство продолжалось. Он уложил еще одного впереди бегу-

щего паникера. Остальные остановились, бросились назад в окопы, заняли свои боевые места и открыли огонь по приближавшимся пьяным врагам. Психическая атака немцев захлебнулась. На поле осталось много трупов.

Прав ли был командир роты, расстреляв двух бойцов самолично, ведь это же самосуд, беззаконие? Прав. Ибо война есть война. Тут решается судьба не отдельной личности, не отдельного человека, а Родины, целого народа. Во имя этого личность жертвует собой, во имя этого совершает поступки подобного рода. Прояви малейшую нерешительность в этой ситуации командир, и нетрудно представить себе, каких жертв бы это нам стоило.

К. Бочаров:

Наш полк базировался на аэродромах в районе г. Луганска. Ориентиром нам долгое время служил Северский Донец. Началом боевого содружества личного состава полка стал август 1941 года. Самолетам ПО-2 и «Чайка» не требовались специально оборудованные аэродромы. Им достаточно полевой площадки. Обычно наши аэродромы были в лесах и рощах. Боевая работа в полку велась круглосуточно. Днем летчики вели разведку со штурмовкой, а ночью наносили бомбовые удары. Все это создавало определенные трудности. Особенно тяжелая работа легла на плечи техников, в том числе и вашего земляка Н. Д. Федорова, истребительной эскадрильи, самолеты которой часто возвращались поврежденными, и их нужно было восстанавливать в кратчайшие сроки.

Нужно было еще иметь безграничное мужество, чтобы летать в тыл врага на таком маленьком тихоходном самолете, да еще незащищенном. Нужны были смелость и отвага, чтобы успешно выполнять боевые задания и наносить врагу урон. И наши летчики покрыли себя неувядаемой славой. Самолет ПО-2 ненавидели фашистские войска и называли его «рус-фанер». Как только появлялся ПО-2 над полем боя, гитлеровцы, боясь точного бомбового удара, прекращали вести огонь по нашим войскам и укрывались.

Василий Шоленко:

Поздно вечером на командном пункте появился мальчик.

— Дяденьки, у нас в поселке немцы. Мы спрятали двух раненых красноармейцев. Заберите их, они двигаться не могут. Завтра днем немцы могут найти их.

Да, легко сказать «заберите» в поселке, занятом врагом. Но как это сделать? Нашлись смельчаки. Полковой врач, водитель машины и два солдата из роты связи.

На полной скорости, с включенными фарами, ослепляя немецких вояк, в расчете, что те их примут за своих, проскочили по поселку, подлетели к дому, забрали раненых. Пока немцы опомнились и подняли беспорядочную стрельбу, машина с ранеными стояла уже у командного пункта полка. Ранеными оказались командир батальона капитан соседнего полка и его солдат. Неопишуемой была их радость.

В тяжелые времена у юноши и глубокого старца были ненависть к врагу и чувство веры в победу нашего справедливого дела.

Иван Комаров:

18 августа. Мне и моему товарищу поручено провести разведку, установить численность фашистских войск, их военной техники по дорогам от Ельни до Смоленска. Расстояние около 150 километров. На эту операцию требовалось не менее часа. Притом в дневное время. Вылетев из Вязьмы, мы удачно провели разведку, определили координаты скопления вражеских войск. И только начали возвращаться, как на нас ринулись несколько фашистских истребителей. Нам тогда удалось уйти. Но уже в последний момент над Ельней вражеские зенитчики попали в кабину моего самолета. Хорошо разворотило кабину. В нескольких местах ранило спину, у самой кисти раздробило кость левой руки. Начал терять силы, ориентировку. К счастью, машина не загорелась, не вышло из строя и рулевое управление. Самолет, если так можно выразиться, остался живым. Каким-то чудом я перевозмог боль, выровнял самолет, вывел его из зоны вражеской передовой и посадил на «живот» на ржаном поле. В горячке вылез из кабины. Но, истекая кровью, тут же рядом с машиной повалился на землю. Вскоре меня подобрала санитары. Более полугода пролежал в госпитале.

Василий Шоленко:

В полку было всего 5 пушек да несколько пулеметов. Каждый день мы ждали, обещанного подкрепления, но его все не было. Надо было искать выход, каким-то образом обмануть врага, создать видимость, что мы сильны, что в городе много огневых средств. И вот мы придумали. Поставили полковые минометы на грузовые машины, их было у нас две. И создали кочующую батарею. Эти машины выска-

кивали то на одну окраину города, то на другую, ведя там огонь. До момента, пока враг засекал эту точку, перекочевывали на другую окраину, этим создавали впечатление, что у нас артиллерия занимает оборону по всей линии фронта.

Александр Фуки:

Мы оставили Сергею из Красного Луча пистолет, флягу с водой, кусок хлеба и пообещали вернуться за ним, если останемся живы.

Пути пограничников разошлись. Эшелон с бензином взорвали – просьба Сергея была выполнена. За ним на повозке я вернулся с двумя местными жителями. Они увезли Сергея к себе домой для оказания помощи и лечения.

В суматохе я не спросил фамилию Сергея и фамилии его местных спасителей. Знаю только, что этот парень из Красного Луча, из Донбасса, и звать его Сергей.

Владимир Борсоев:

18 августа. Харьков. Читал трехчасовую лекцию по теме: «О роли и значении артиллерии в современной войне». Говорят, лекция получилась неплохая. Командиры слушали с большим вниманием. Вечером был в парке им. Горького.

Виктор Миляев:

Командовал пулеметным взводом. Бои шли такие, что почти все мои воины погибли. Я чудом остался жив.

Мы оставались в окопе вдвоем. Казалось, выхода нет. Но в любой ситуации, если не растеряться, остается хоть маленький шанс на спасение. К вечеру бой стих. Под покровом ночи мой товарищ П. Борозенец, положив своего раненого лейтенанта на куртку, поволок к лесу. После долгого и тяжелого пути мы набрали на сражающееся подразделение Красной Армии. Меня П. Борозенец передал санитарам, а сам включился в бой.

После выздоровления меня назначили командиром подрывного отряда. Взрывали мосты, заводы, элеваторы с хлебом... Служил теперь в 18-й армии, которая защищала Донбасс.

Яков Гарный:

В августе 1941 года часть, в которой я командовал танком, прикрывала отход наших войск. Я орудийным выстрелом с расстояния 250 метров уничтожил фашистский танк, а затем пулеметными очередями поджег и уничтожил автомашину с пехотой.

В районе Ростова-на-Дону со своим экипажем подбил вражеский танк и уничтожил три автомашины с пехотой армии Клейста, отступавшей к Таганрогу. В этом бою ранен. Излечившись, вновь оказался в 67 танковой бригаде 17 танкового корпуса, где меня назначили командиром взвода разведчиков.

Мария Лысенко:

Случалось, что санитарным поездом пытались воспользоваться дезертиры. Одного как поймали? Стоит в тамбуре. Перевязана рука. Подходит к нему санитар. Говорит:

— Чего стоите, проходите.

— Мне тут хорошо.

Засомневались, что это настоящий раненый. Пригласили его к начальнику поезда, сняли повязку. Оказалось, что никакого ранения нет. Это дезертир. Приставили к нему часового. Довезли и сдали его.

Мария Козьмина:

...Через Красный Луч потянулись беженцы, обозы, кибитки из Донецка. Зрелище страшное, куда эти люди едут, что их ждет впереди? Эвакуация погнала в дорогу и краснолучан.

К. Маренко:

Владимир Бузинаевич Борсоев был начальником штаба 966 артполка созданной 383 шахтерской дивизии. Все другие должности: командира полка, заместителя командира полка, командира дивизиона — в разное время он выполнял по совместительству.

Я был поражен работоспособностью Борсоева. Через две недели он знал всех командиров орудий и наводчиков полка. Лучшие наводчики полка Шабунин, Каша и другие, в совершенстве овладев техникой, делали по 30 – 33 выстрела в минуту. На вопрос: «Где вы научились артиллерийскому делу?» весело отвечали: «Мы окончили академию Барсука». Так многие артиллеристы называли Борсоева за

то, что он умел учить искусно маскировать огневые позиции и бить врага прямой наводкой без промаха.

Иван Белевский:

Ушедших на фронт мужчин на предприятиях заменили старики, женщины и подростки. Город перешел на режим работы военного времени. Краснолучане собрали и сдали облигаций на 1 млн. 200 тыс. рублей, около 20 кг золота, сотни комплектов одежды и теплого белья. На предприятиях наладили работу по изготовлению и ремонту военной техники и вооружения. В Красном Луче развернули эвакуогоспитали, в которых работали местные врачи и медсестры.

Вера Сергеева:

Добровольно пошла работать в госпиталь 3425, который размещался в СШ № 1. Сначала работала санитаркой в приемном отделении, а затем — в перевязочной и гипсовой. В свободное время окончила курсы медицинских сестер РККА, которые были организованы городским обществом Красного Креста.

С приближением линии фронта к городу госпиталь эвакуировался на Восток, а я вместе с другими девушками 18 – 20 лет добровольно ушла на фронт. В военкомате собрали более 100 девушек и пешком направили в гор. Краснодон в запасный полк.

Иван Зноя:

Служил штурманом в эскадрилье дальней разведки. Перед авиаторами стояла задача обеспечить наше командование данными о живой силе и технике противника в его тылу.

В первые месяцы сражений немецкая армия имела некоторые преимущества. Геббельсовская пропаганда на весь мир протрубила о том, что советская авиация уничтожена.

В августе 1941 года бомбардировщики нашей авиачасти опровергли это утверждение. Мы нанесли сокрушительный удар в тылу немцев. Подожгли и надолго вывели из строя нефтяные промыслы в румынском городе Плоешти, где фашисты чувствовали себя в то время полноправными хозяевами... Экипаж моего самолета сфотографировал район бушевавших пожаров. Эти снимки были опубликованы в газетах и доказали всему миру, что советская авиация существует и способна наносить такие мощные удары...

К. Бочаров:

Фашистская авиация настойчиво вела разведку, разыскивая аэродромы наших ночных бомбардировщиков. Но ей редко это удавалось. Своевременное затемнение старта и соблюдение светомаскировки исключали возможность бомбардировки наших аэродромов. Мы продолжали полёты, принимая все меры предосторожности.

Иван Белевский:

В августе 1941 г. Государственный комитет обороны потребовал создания трудовой армии для строительства на подступах к Донбассу линии обороны. Мы направили своих горняков в эту армию. Более 400 тысяч человек создавали оборонительные рубежи.

Николай Инякин:

Весть о войне всколыхнула всех. Почти у каждого двухэтажного дома в поселке шахты 7/8 были зигзагообразные укрытия.

Вместе с друзьями побывали в Ивановском и в Краснолучском военкоматах. Просили послать на фронт. А потом фронт оказался рядом.

В августе – октябре была объявлена всеобщая мобилизация мужчин 1923 – 1895 гг. Ушел на фронт и мой отец — Инякин Андрей Андреевич 1902 года рождения.

К. Бочаров:

За ночь каждому летчику приходилось по пять, а то и десять раз вылетать за линию фронта. Самолет ПО-2, имея хорошую маневренность, успешно выходил из зоны зенитного действия, обладал хорошей живучестью. Он часто возвращался с боевого задания с перебитыми элеронами, дырами в плоскостях и фюзеляже, но через несколько часов снова уходил в полет.

Владимир Борсоев:

24 августа. Чугуев. Я — начальник штаба артполка.

Вышел из штаба округа в час ночи. В трех местах меня останавливали милиционеры и, доверяя честному слову, отпускали. Проверять документы на улице не было возможности — темно. Пока доб-

рался до квартиры, весь вымок, даже под фуражкой не осталось сухого места.

Утром выехал за командным составом в Чугуев. В Чугуеве шел по грязи около четырех километров и с трудом добрался до резервного танкового полка, где начальником штаба был капитан Григорьян, однокурсник по академии. Сидели три с половиной года на одной скамейке, а подвезти меня 4 километра до лагеря не захотел, отделался вежливыми разговорами. Упрашивать я не стал — было дороже самолюбие.

С трудом добрался до полка 10 резервной бригады в 16.00. Там меня встретили очень хорошо. Команда была готова к выезду. В 21.20 выехали в Харьков.

Полина Любичкая:

Осенью 1941 г. мне с семьей (я и трое дочерей — учащихся младших и средних классов) пришлось эвакуироваться из родного города Красный Луч в глубокий тыл. Трудно было расставаться с родными местами, но еще тяжелее был путь через полуразрушенные вражеской авиацией станции. И наш эшелон часто бомбили. Укрытий по пути не было. Приходилось спасаться то в стогах сена, то в случайных оврагах и канавах. Со мной эвакуировался Алексей Прокофьевич Лысенко с семьей. Он оставил мне двух своих детей, а сам побежал, чтобы вывести из вагона больную жену. В этот момент, защищая его детей и свою младшую дочь, я была ранена в руку. Алексей Прокофьевич вскоре похоронил жену, а детей вынужден был сдать в детский дом, чтобы самому отправиться на фронт защищать Родину.

Владимир Борсоев:

25 августа. Сталино. К 16.00 добрался до места расположения полка (Провиданка — «Красная звезда», 6). В клубе застал командира полка майора Михайленко.

Вера Лебединская:

Летом сорок первого мне предстояло принять участие в спартакиаде в Москве. Теперь этому не бывать. Родина в опасности. В составе большого добровольческого комсомольско-молодежного отряда прибыла из Одессы в Донецк. После окончания кратковременных курсов медсестер попала в шахтерскую дивизию.

Еще на курсах медсестер часто слышала:
— Помните, друзья, на бойца с санитарной сумкой, склонившегося над раненым, смотрит вся страна.

Георгий Малидовский:

Мой первый бой в районе села Елизаветовка Марьинского района Донецкой области, неподалеку от шахты, где трудился до войны. Враг бросил против нас итальянскую конницу, пытаясь смять нас лавиной несшихся галопом эскадронов. Никто из нас не дрогнул. Мы били картечью в самую гущу вражеских всадников и рассеяли их...

И. Дробот:

Весь командный состав во главе с директором химзавода Д. Г. Бидинским и секретарем партийного комитета Давыдовым до последних дней оставался на заводе. Работали все по 12 – 14 часов в сутки, без выходных, спали в цехах. Трудились почти при отсутствии освещения, порой ощупью, чтобы не привлечь внимание врага. Пример показывали коммунисты, которые стали организующей силой коллектива, его авангардом.

Слесарь Кондратенко за три месяца выполнил более чем годовую норму. Он организовал соревнование между бригадами под девизом: «Выполним 3 – 4 нормы».

Владимир Борсоев:

С 26 августа по 11 сентября. Шахта № 6 «Красная Звезда». Провиданка. Подготовить полк для боевых действий — дело не шуточное. До вчерашней ночи спал на голом столе, не раздеваясь. Только вчера достали постель, поставили койку.

Георгий Потапенко:

29 августа станцию Мгу, у которой сходились железные дороги, связывающие Ленинград со страной, прикрыть не успели, и фашисты вошли туда. Но сразу же были отогнаны частями, собранными командующим фронтом.

30 августа фашистские танки грохотали по улицам Шлиссельбурга. На суше кольцо вокруг Ленинграда замкнулось...

Александра Щукина:

По радио передавали сведения о войне, и все знали, что наши войска не в состоянии удержать вооруженную до зубов немецкую армию. Отступали на восток. Стали закрывать шахты. Шахтеров уволили, и папа пошел работать скотником в совхоз Тельмана, где работала мама.

Так мы прожили до 1 сентября. Я пошла в пятый класс. С первых дней ввели новый предмет — военное дело. На уроках учили, как правильно двигаться по-пластунски, как выкопать окоп, другие укрытия, как оказать первую медицинскую помощь, как вынести раненого с поля боя.

Прозанимались один месяц, и классный руководитель сказал, что ввиду отступления советских войск, школа работать не будет. У нас в школе расположится госпиталь.

Находились мы дома, но играть не хотелось. Петь прекратили. Помогали родителям. Ждали, что будет дальше.

Сергей Галахтин:

В конце августа и в начале сентября наша 47-я танковая дивизия вела бои на реке Днепр, недалеко от Кременчуга. В составе дивизии был отдельный 47-й зенитно-артиллерийский дивизион. Вторая батарея под командой двадцатилетнего командира Николая Савельевича Джоса к тринадцати сбитым ею с начала войны фашистским стервятникам 3 сентября 1941 года прибавила еще два.

3 сентября на переправе через Днепр вражеская авиация обрушивала на наши головы сильные бомбовые удары.

В 14 часов разведчик Шахмедов доложил, что с юго-запада приближается вражеский самолет. Зенитчики приготовились к бою. Первой же очередью расчет ефрейтора А. Н. Ненастьева отрубил самолету хвост, еще очередь — и самолет рухнул на землю. Не успели остыть стволы орудий, как появились двенадцать бомбардировщиков и четыре истребителя. И снова батарее вступили в бой. Головной, объятый пламенем, врезался в землю, затем были сбиты из этой стаи второй, третий. Несколько фашистских летчиков выбросились на парашютах и были взяты в плен. Во время этого боя был убит наводчик четвертого орудия второй батареи, его сразу же заменил за штурвалом орудия политрук батареи В. П. Савченко.

Нина Янчин:

Мне было 15. Я училась на втором курсе педагогического техникума в Кричеве. Белоруссию немцы быстро оккупировали. Меня оставили для связи. Сказали, что ко мне придут. Пароль дали. У нас эвакуироваться никто не успел. Отец на фронте, брат и сестра с мужем. А в семье восемь детей.

— Пароль помните?

— Помню.

— Какой?

— Почему стоит курица?

— По деньгам.

— Да. Правильно.

— Вот так могли и проколотся.

— Это потом мы опыта набрались. А сначала... Страшно вспомнить, как таскала мины в Кричев для подпольной группы, уму не постижимо.

Несу корзину. В лаптях, конечно, юбка... девочка из деревни. Внизу черника, потом лежат две английские мины, потом опять ягоды. Идешь через немецкие посты.

— Куда?

— Ягоды продавать.

Конспирации никакой.

Только в разведшколе я поняла, что не погибла совершенно случайно.

Петр Трофимец:

Когда фашисты заняли некоторые районы Донбасса и начали развивать продвижение в направлении Ворошиловграда, отдельные боевые группы были объединены в Краснолучский истребительный батальон и перешли на казарменное положение. Штаб располагался в школе глухонемых на улице Шевченко в доме № 30.

Иван Цымбал:

Ушли добровольцами на фронт мои три брата. Мать не плакала. Только еще сильнее согнулась. Меня колхоз оставил, но не надолго. Каждый день приносил с фронта тяжелые вести, и мать трепетала за своих сыновей. По несколько раз за ночь она выбегала за ворота и в темноте нащупывала в траве провод. Это была линия связи воинской

части, что сражалась уже на рубежах Донца. Казалось, этот тоненький провод связывал мать крепкими узами со всей страной. И она чувствовала себя спокойной. Но в одну из таких ночей она вбежала в хату и закричала:

— Ушли, ушли! — и упала на свою широкую кровать, рыдая.

Я уже стоял у порога с котомкой. Мы уходили в партизаны. Она вскочила и бросилась ко мне.

— А как же я, сыночек? Ее слова полоснули меня по сердцу острым ножом. Я не мог ее взять с собой. Быстро простился и исчез в темноте.

Партизанил я далеко от своего села и ничего не знал о матери, братьях. Кто мог подумать, что я больше не увижу мать?

Роман Троскалевский.

«Красный Луч, редакция газеты «Сталинский забой». Т. С. Соколовой. Здравствуйте, Тамара Степановна! Как хотелось бы побывать в Красном Луче и увидеться со всеми вами. Да теперь и там не очень хорошо. В августе получил письмо от Аси и с тех пор больше не получал. Решил написать вам. Я сейчас в госпитале. Был ранен 19 сентября. Скоро выписываюсь на фронт. Привет всем сотрудникам редакции. Роман Троскалевский. 1941 г.»

Василий Коленский:

В течение июля-августа отрабатываем взлет и посадку. В первых числах сентября начинаем летать в зоны. Учимся выполнять пилотажные фигуры. А это еще более захватывающая летная работа.

Григорий Лысенко:

По прибытии в пункт назначения направлен в город Белый, вручили «ЗИС-5» и поставили задачу: доставлять боеприпасы в боевые порядки войск. На земле и в воздухе гремело, горело, плавилось, убивало. В сентябре зацепило и меня. После госпиталя — снова в строй.

На этот раз назначили командиром расчета зенитной пулеметной установки, прикрывавшей штаб армии. Пришлось отступать: по бездорожью, по целине, глохла в грязи техника. Горечь и боль все плотнее ложились на сердца солдат.

Василий Мараханец:

Артиллерийским огнем уничтожил вражескую переправу, которую немцы наводили через Днепр. Моё орудие действовало точно и безотказно. Мои снаряды и решили участь вражеской переправы. От нее остались одни щепки. На этом участке фронта гитлеровцам не удалось выполнить боевую задачу.

Константин Куриленко:

5 (10) сентября 1941 г. копали огород, увидели, что падает самолет в сторону Боково-Платовской шахты. Самолет загорелся. Он очень низко летал, сделал три круга.

Там было три летчика. На следующий день захоронили двух летчиков. А одного забрали родители. Этих двух хоронил весь город. Самолет люди разобрали на ложки.

Николай Мирошниченко:

Мальчишкам, оставшимся в оккупации, хотелось хоть как-то навредить врагу и помочь своим. Жили мы в деревне на Сумщине. Отец на фронте.

Наши отступали, бросали все, в том числе и боеприпасы. Мы шныряли везде и видели, что где лежит. Я в то время пас коров вместе с дедом Андреем Карпенко. Когда наши отступали, прятали оружие, патроны, чтобы легче было убежать. А у нас возле села Карабутово на поле стояли скирды. В них я обнаружил 12 цинковых ящиков с патронами. Какая была радость! Правда, я никому не сказал, а сам думаю, как их переправить в нужное место. План созрел быстро. В трех километрах от нас — лес. И небольшое село. Слышал от людей, что в лесу есть партизаны. Решил сходить в то село к деду Сергею. Он знал меня хорошо, какой я есть. Мне исполнилось к тому времени уже 13 лет. Когда я появился у него во дворе, сразу спросил:

— Что случилось, Микола?

Я рассказал.

— А за тобой никто не следил?

— Никто.

— Это дело хорошее. Но опасное. Подождем до темноты.

К этому времени у меня еще было спрятано 30 лент к ручному пулемету и 10 лимонок. Я их спрятал на болоте за селом. Это уже у немцев брал. Одна их повозка стояла во дворе, вторая на улице. Нем-

цы спали в доме. Мне поручили накормить и напоить лошадей. Когда «гости» уснули, взял что понравилось. Утром постояльцы мне еще за службу марку дали, и уехали. Показал я деду, где что лежит. Забрал он и увез партизанам.

И. Дробот:

В первых числах сентября 1941 года состоялось открытое партийное собрание, обсудившее вопрос о повышении бдительности. На всех важных объектах, в поселках вокруг завода были установлены караульные посты, где дежурили в нерабочее время. Был создан специальный батальон.

Борис Селезнев:

— Сынок, как ты будешь без меня... — это были последние слова матери.

С горя отец уехал по вербовке на Дальний Восток, а меня оставил в своей деревне у неродной сестры отца. Тетя Даша относилась ко мне терпимо до тех пор, пока получала денежные переводы от отца и тратила их больше на воспитание своего сына Евстафия. Последний перевод и письмо отец прислал с дороги на фронт. Вскоре война подкатилась и к нашей деревне Приметной. Она дважды подвергалась оккупации. Тяжелое и тревожное было время. Люди много хватили лиха.

Неожиданно немцы без единого выстрела оставили несколько деревень, и ушли на отдаленные позиции. Оставшиеся в живых жители Приметной с нетерпением ожидали прихода своих.

— Ты знаешь, — сказал Евстафий, — почему староста Калоша на этот раз не уехал с немцами?

— Откуда мне знать. Ведь их Колька не дружит со мной.

— Немец, что путался с ихней Ульяшкой, говорил, что есть такая ловушка, где нашим с ходу капут.

— У развилки трех дорог?

— Да, это километров пятнадцать от нас.

— А ты хочешь, Евсташа, чтобы наши напоролись на эту засаду?

— Нет, что ты.

— Тогда прощай. Я иду к своим и расскажу им об этом.

Через два дня Приметная содрогалась от взрывов бомб. Советские самолеты смешали с землей засекреченные вражеские позиции.

А. Савина:

В то время я посещала детский сад. Воспитательница водила нас гулять в парк Дворца культуры. Однажды не успели мы отойти от детского сада, как налетели самолеты и начали сбрасывать бомбы. Наша воспитательница в буквальном смысле слова засунула нас в какую-то небольшую нишу около здания, своим телом закрыв в нее вход. Наверное, она умирала от страха за нашу жизнь. Но ни взглядом, ни движением, ни одним мускулом она не показала нам страха. И только самолеты улетели, как мы продолжали свой путь в парк, как будто минуту назад над нами не висела смерть, как будто мы переждали внезапно хлынувший дождь.

Елена Наумова:

В сентябре меня единогласно приняли кандидатом в члены партии. Назначили зам. командира роты по политической части.

Иван Цымбал:

Наша улица стекала к озеру, на берегу которого росли сады и вербы. Хата наша была на возвышенности, вокруг нее вишневый сад, посаженный еще дедом Трофимом — отцом моего отца. Мне было лет восемь в то время. Дед упорно сажал дерево за деревом и мне совал в руки лопату и приговаривал:

— Посади, Иван, вишню. Она будет расти вместе с тобой. Человек должен украшать землю.

Вот тут-то и обосновались фашисты. На сарае они устроили наблюдательный пункт. С его крыши хорошо просматривался Донец и лес, а в хате жили сами. Мать выгнали, она ютилась в сарае.

Владимир Борсоев:

18 сентября. Шахта № 6. Получил от Аси письмо. Первый раз за все время! Кажется, и другие заметили, что я необычно возбужден. Даже ужинать ходил в столовую...

Ермаченков:

19 сентября 1941 года. При выполнении боевого удара по Одесскому фронту звено бомбардировщиков до цели было атаковано че-

тырьмя вражескими истребителями. В результате самолет получил много пробоин. Один мотор был выведен из строя. Краснолучанин штурман Василий Овсянников, раненный тридцатью тремя осколками пушечного снаряда, продолжал выполнять свои обязанности, сбросил левой рукой бомбы и провел самолет на Одесский аэродром. Василий Овсянников имеет 3 благодарности от командующего фронтом за боевые действия против немецких оккупантов. Имеет 20 боевых вылетов, из них 8 ночных на аэродромы противника.

Макущенко.

Уроженец города Красный Луч лейтенант Макущенко погиб 15-20 сентября 1941 г. в Днепропетровской области. Он был начальником разведки первого дивизиона 269 гвардейского Краснознаменного корпусного артиллерийского полка.

Владимир Борсоев:

19 сентября. Получили приказ о погрузке. Нужно выступить в 3.00. Выступаем с некоторыми дефектами по материальному обеспечению и по учебе. Все это уладится, жаль только одно: еду, не увидев свою дочурку.

К. Бочаров:

Немецкие войска, прорвав оборону в районе Луганска, начали развивать наступление на юг. Разведка сообщила, что на западном берегу Северского Донца, в Каменке, немцы сосредоточили большое количество танков. Наш авиаполк получил приказ бомбардировать эти танки.

Цель находилась в 150 километрах от аэродрома. На каждый полет затрачивалось около трех часов. Всю ночь наши самолеты появлялись над целью и точно сбрасывали бомбы. Наутро разведка сообщила, что танкам и мотомеханизированным частям противника нанесен значительный урон.

Матвей Куликов:

Мост над рекой держится на честном слове. В другое время ни за что на него не въехал бы. Но сейчас... На батарее снарядов почти не осталось. Если я не приеду, ребята погибнут. Все. Чем я лучше их?

Ну, сохранится моя жизнь, а они?.. Как потом жить с мыслью, что не уберег ребят, не помог им? Уж лучше погибнуть самому. И я поехал. И проскочил. На быстром ходу. Только проехал, мост рухнул в воду. Были мы тогда вдвоем со старшиной Киселевым.

Владимир Борсоев:

20 сентября получили приказ: погрузку отставить и начать регулярную учебу. Началось горячее время учебы. Сделали очень много. Всех командиров батарей пропустили через батарейные стрельбы. Все наводчики провели стрельбы прямой наводкой по движущимся танкам. Дополучили недостающую технику.

Иван Кириченко:

21 сентября в боях под Валдаем ранен и контужен. Комиссия отправила меня домой как непригодного к службе в армии. Но почувствовав себя крепче, стал добиваться отправки на фронт.

В конце концов, меня зачислили в санитарную роту 383 шахтерской дивизии.

Иван Белевский:

26 сентября мы утвердили состав Краснолучского истребительного батальона в количестве 250 человек. Командиром его назначили старшего лейтенанта командира запаса РККА члена ВКП (б) с 1919 года Ивана Филипповича Максименко, комиссаром — Каретникова Ивана Петровича.

Василий Погорелов:

Командование приказало моему экипажу совместно со штурмовиками уничтожить обнаруженные самолеты противника. Во время полета наш самолет шел впереди других на 2 – 3 километра и выше на 500 – 600 метров. Перед нами стояла задача «раздразнить» фашистов и вызвать на себя огонь. Это был замысел. И он как нельзя лучше удался. Когда немцы открыли зенитный огонь по моему самолету, их огневые точки стали видны как на ладони. Вот тут-то наши штурмовики и обрушили всю огневую мощь на позиции немцев. Немецкие же самолеты, не успев даже подняться в воздух, были превращены в груды металла. Операция длилась всего 17 минут, но за этот

короткий промежуток времени было уничтожено 32 самолета противника. Мы же вернулись домой без единой царапины.

Ефросиния Папуша:

Не каждый, особенно тот, кто не видел войны, может представить, что такое полевой госпиталь. Это ведь совсем недалеко от линии фронта. Это — палатка или даже просто навесы, где располагается медицинский персонал. Сюда приносят и привозят изувеченных войной воинов. И надо иметь мужество, чтобы рядом с линией фронта, где идет ожесточенный бой, оперировать раненых, обрабатывать их раны. В таком именно госпитале я и провела все годы войны.

Представьте себе, по выжженной августовским солнцем степи между Белгородом и Харьковом движутся машины фронтового госпиталя. Они везут раненых. И сопровождают их всего-навсего три молодые девушки-медсестры и два санитары. Мне 20 лет и я — старшая медсестра. В любую минуту могут налететь фашистские стервятники. А раненым необходимо отдохнуть. Их нужно перевязать, накормить. Но впереди только степь. И вот мы увидели заброшенный полевой стан, где сохранился амбар, и даже уцелела в нем дверь. Там и расположились. А машины с санитарями уехали дальше, им нужно заправиться. Обещали скоро вернуться. Но, увы! На войне столько случайностей. Машины не пришли.

К концу дня раненые стали волноваться. Девушки как могли успокаивали их. И тогда я начала петь. Под эти песни раненые стали засыпать. Ужасный вой прервал песню. Это были волки. Очевидно, их привлек запах крови. И они окружили сарай. У нас были винтовки. Амбар превратился в крепость. Так продолжалось три ночи. Только на четвертый день рано утром нас подобрала воинская часть. Но мы с тех пор начали сидеть.

Иван Храмов:

Командовал зенитной батареей. Стояли мы в Харькове. Перед тем как его сдать, секретарь обкома партии пригласил весь офицерский состав гарнизона. В течение 20 минут он излагал обстановку. Говорил, что враг прорвал нашу оборону и рвется занять Харьков. Мы должны костями лечь, а Харьков не сдать. По прибытии в часть, командир приказал сняться с точки и немедленно выехать на окраину города навстречу прорвавшимся танкам. Не успели окопаться на новом месте, как на горизонте появились танки. На нас они двига-

лись в секторе первого орудия. Подпустив их на расстояние 500 метров, даю команду открыть огонь. Мы выпустили два снаряда, но танки продолжают приближаться. Поражения нет, так как стрельба велась снарядами, предназначенными для поражения самолетов с приближением 300 метров.

Дал команду вести огонь снарядами, предназначенными для стрельбы по танкам. А их всего у нас было по четыре на каждое орудие. Использовать их можно только в исключительных случаях. Ударило первое орудие. Танк окутался пламенем. Десант фашистов прыгнул с танков и пополз в обход батареи. Мы выстрелили по ним картечью и уничтожили. Танки повернули на Чугуев. На поле остались 6 подбитых танков и 470 пехотинцев.

По радиции получаю распоряжение штаба полка сняться немедленно и двигаться на Чугуев, дабы не попасть в окружение противника. Встреча с немцами показала, что несмотря на то, что они были в броне, а мы не успели даже окопаться, бойцы вели себя храбро, дерзко и метким огнем разили врага. В те мгновения я почувствовал, как шапка поднималась на голове. Жить-то хочется, а до смерти оставались считанные минуты. За 15 минут боя командир первого орудия поседел.

Анатолий Орел

Комсомольцы нашего класса помогали колхозу убирать урожай в селе Фашевке. Мы с Владимиром Казаковым (погиб) высвободили 6 колхозников, вдвоем заменив их у молотилки. Бросали вилами снопы для обмолота хлеба. Все дни пребывания в колхозе мы выполняли нормы на 225 процентов (помогли занятия спортом), заработок отдали в фонд обороны, хотя он и нам в то время уже был очень нужен, а сами — 17-летние комсомольцы — ушли в Красную Армию, чтобы стать на защиту страны — Союза ССР, добившись в военкомате досрочного призыва.

Петр Беликов:

Сентябрь застал наш 260-й бомбардировочный авиаполк на Северо-западном фронте. На этом направлении, продолжая наступление в глубь страны, фашисты заняли Старую Руссу, Новгород, Демянск. В трудных условиях первых месяцев войны мы остро ощущали отсутствие хорошо организованной разведки. Учитывая это, при штабе фронта была создана разведывательная эскадрилья, в которую

вошел и экипаж нашего самолёта Пе-2 в составе летчика В. Погорелова и меня — штурмана.

Много дней подряд мы вели разведку военных объектов противника, сосредоточения его боевой техники и живой силы. 15 сентября на аэродроме около Старой Руссы мы обнаружили более 40 самолетов неприятеля, которых недавно еще не было. Видимо, фашисты готовили в этом месте прорыв нашей обороны, стягивали авиацию.

Для нанесения упреждающего удара по авиации противника было выделено шесть самолетов-штурмовиков Ил-2 и такое же число истребителей прикрытия. На рассвете мы вывели штурмовиков к намеченной цели, и наш самолет Пе-2 первым сбросил бомбы на стоянки гитлеровских самолетов, вызвав на себя огонь зенитных батарей. Наш маневр позволил сразу же засечь огневые средства противовоздушной обороны и подавить их. Штурмовики получили возможность произвести прицельное бомбометание.

За один налет советские летчики уничтожили более тридцати вражеских самолетов, склад горюче-смазочных материалов, зенитные пулеметы и орудия.

Леонид Цуканов:

В сентябре ремесленное паровозостроительное училище эвакуировали из Ворошиловграда на Урал. Мы там, в полном смысле слова, ковали оружие Победы. У станка под открытым небом, в жестокие морозы. Строили свердловский завод, познавали лихую годину и голодные обмороки.

П. Папченко:

Из письма командира части мы узнали, что «ястребок» младшего лейтенанта Николая Васильевича Папченко пошел на «таран» и оба самолета сгорели в воздухе. Погиб Коля 26 сентября 1941 года в бою под Полтавой.

Мой брат Коля гордился тем, что защищает Родину. Не каждому поручали штурвал самолета в 20 лет. Коля сделал 30 боевых вылетов. Награжден орденом Красного Знамени.

Николай родился 19 декабря 1921 года в п. Хрустальное. Окончил 7 классов школы на шахте 7/8. С детских лет мечтал о самолетах. Ходил из школы пешком в г. Красный Луч в аэроклуб смотреть на самолеты У-2. Возвращался поздно ночью тихонько, чтоб не разбу-

дить родителей. Отец был против увлечения сына — бил его кнутом, привязывал к бичке, чтоб не стаптывал ботинки. Коля снимал ботинки, вешал их на плечо, шел босиком. Часами простаивал он, затаив дыхание, смотрел на самолеты. Дома за печкой была его мастерская по изготовлению планеров. Делал он их в основном ночью. А утром в окружении ребятшек запускал планер, и все бежали за ним через огороды к реке.

Отец хотел, чтоб сын шел в шахту зарабатывать деньги, а Колю тянуло в небо.

Александра Щукина:

Началась эвакуация населения. Через нашу Малониколаевку шли, опустив головы, люди. Мне почему-то казалось, все они евреи. Шли несколько дней. Вереница их была видна от западного горизонта до восточного. Страшно было смотреть на их испуганные утомленные лица.

Василий Погорелов.

В конце сентября экипаж Василия Погорелова выполнял задания штаба Северо-западного фронта по разведке войск противника. Гитлеровские полчища рвались к Москве, Ленинграду. Два – три раза в день приходилось поднимать в небо свой Пе-2 капитану Погорелову, чтобы доставить командованию фронта новые данные о продвижении врага.

«Энергичен, решителен, инициативен, настойчив и непоколебим в проведении в жизнь своих решений», — так аттестовал Василия Порфирьевича Погорелова командир полка на присвоение воинского звания «капитан». Высокое летное мастерство и отличная штурманская подготовка позволили ему успешно выполнять труднейшие задания.

Михаил Григорьев:

Мы стояли у стен города Ленина... Тот день был неласковый, дождливый. Бой в разгаре, а у меня кончились патроны. С немецким офицером пришлось схватиться врукопашную. Ненависть к врагу была так сильна, что и после поединка я долго не мог оторвать рук от фашиста. И только пробежавший мимо связной помог мне разнять побелевшие пальцы.

Петр Беликов:

Мы с Василием Погореловым получили задание вылететь на разведку вдоль линии фронта, в район Новгорода. Когда возвратились, техники обнаружили на нашем Пе-2 более семидесяти пробоин, но никто из членов экипажа ранен не был. Наш воздушный рейд показал возможности авиаторов и насторожил фашистов. Их командование заметно укрепило противовоздушную оборону аэродромов.

Т. Тращенко:

27 сентября 1941 года у села Хашеватки на Днепропетровщине находился тысячетонный склад боеприпасов. Чтобы он не попал в руки врага, командир батальона капитан Минков приказал мне и начальнику боепитания технику-лейтенанту Зубенко (не знаю его имени и отчества, но знаю, что он из Красного Луча) взорвать его.

Нам предстояло пройти к складу, привести в порядок зажигательные трубки. После поджога мы должны бежать от склада на две сотни метров. На все это нужно время. Но его у нас не было.

Немцы от нас в трехстах метрах. Мы очень спешили. Подожгли зажигательные трубки в тот момент, когда рядом с нами появились немецкие танки. Мы пустились бежать. Метров через сто нас свалила взрывная волна. Загорелись скирды соломы, у которых находились немецкие танки. Некоторые из них горели. Немцы пришли в замешательство. Это дало нам возможность добраться до леса восточнее Хашеватки. В северной части села уже были немцы.

Иван Цымбал:

Оставшись одна, мать обошла двор и сад, и вдруг услышала стоны. В кустах сирени, что росла у соседнего тына, она увидела трех умирающих солдат. У нас их спрятать негде. Федотовна была святая женщина. Она бросилась к соседу. Это был старый человек. На селе его звали Пидпрягайло. Об этом деде ходили легенды. Жил один, забытый всеми, чужой всем. Хата его заросла бурьяном. К нему никто никогда не заходил. Он сам ходил по дворам и предлагал свои услуги. У него были две тощие коровы, и он подвозил ими с огородов урожай, сено или солому. Когда он привозил нам подсолнух арбой, мать наливала ему огромную миску галушек, он быстро ее опустошал и говорил: «Кыньте ще ложок зо пять». Мать снова наполняла миску, и дед быстро ее опустошал.

Вот к этому деду и поспешила мать. Вместе они перенесли раненых бойцов в его хату, и целый месяц выхаживали их, подвергаясь смертельной опасности.

Не знаю, как ухитрялась мать доставать медикаменты и пищу. Говорят, что брала их у немцев. Она ходила по селу и выпрашивала у них милостыню, а сама высматривала, где у них огневые точки. Оказывается, она держала связь с партизанами.

Хотя и незаметной была мать, все же ее выследили. Предала ее соседка, что приходила в нашу хату на вечеринки к немцам. Только к тому времени раненые воины уже поправились и ушли в лес...

Екатерина Нужненко:

Нагрянули черные тучи. Бегут наши солдатики, переплывают речку Десну. Кто в шинели, кто в белье одном. Уже осень... Давали им кто что смог. И сами себе готовили убежища.

Бой шел с той стороны, откуда бежали солдаты. Первый снаряд упал в наш дом. Мы были в убежище, три семьи соседей. Сильный бой пересидели. А как кончился, вышли и увидели, что дом наш сгорел, сарай догорает... Каким-то путем корова оказалась на улице, а овцы, свинья, гуси — все сгорело. Мы остались жить в погребе без ничего. Что поделаешь. Люди дали тряпья. Как-то перебивались.

Иван Храмов:

Моя батарея стоит в Купянске. Обороняем железнодорожную станцию. Здесь скопилось много составов с боеприпасами, техникой и живой силой. Налеты вражеской авиации следуют один за другим. Мы должны препятствовать тому, чтобы они сбросили бомбы на наши эшелоны. Здесь батарея сбила три самолета противника. Это было похвально для личного состава: Появилась уверенность, что мы можем стрелять метко, вдохновляло пехоту, которая направлялась на передовую. Враг прорвал оборону передовых частей и внезапно для нашего штаба 317 зенитного артполка, который располагался в самом Купянске, обошел нас. Моя батарея оказалась отрезанной от всех переправ. Сдаваться не хотелось. Я лихорадочно искал выход, и вспомнил, что видел бросовый мост, заросший тростником. Им давно никто не пользовался. Он был ветхий, узкий. Накануне я случайно узнал о нем во время прокладки телефонного кабеля к наблюдательному пункту. Я решил попробовать перебраться на другой берег по этому мосту. Мост располагался в таком месте, что подойти к нему можно

было лишь перехитрив немецкие посты, расставленные на перекрестках. Нам повезло. Мы сумели остаться незамеченными. Свернули в какой-то проулок. Потом еще и еще. Таким образом добрались до переправы. На другом берегу в лесу меня встретил заместитель командира полка по политчасти Вехов. Приказывает развернуть оружие в боевое положение и вести огонь по самолетам противника. Всю ночь личный состав рыл котлованы для орудий и приборов. Утром на рассвете корректировщик появился на высоте двух километров. Батарея открыла огонь и с первого залпа отбила ему хвостовое оперение. Он штопором пошел вниз.

Полевая артиллерия врага незамедлительно открыла огонь по нам. Снаряды сначала ложились в стороне среди стада коров. Я вынужден был спешно снять с огневой позиции батарею. Только мы отошли, как враг перевел беглый огонь по тому месту, где мы стояли. Но было поздно. Мы уже скрылись в лесу. Наши потери — младший командир-электрик ранен в шею, отправлен в госпиталь.

Владимир Борсоев:

2 – 3 октября. Село Кутляровка (немецкое село). В ожидании приказа о дальнейшем движении остановились здесь. Село богатое. Жителей эвакуируют в глубокий тыл. Ночью проверил караул — полная беспечность. Командный состав еще молод и не умеет организовывать службу. Во время проверки караула летел немецкий самолет, и недалеко от нас какой-то мерзавец — наверняка шпион — выпустил 4 красных ракеты.

Получили приказ занять оборону на фронте в 50 километров. Впервые встречаюсь с таким широким фронтом.

Комдив Герой Советского Союза полковник Провалов в шутку спросил:

— Товарищ Борсоев, Вы встречали в Академии разработки, чтобы на дивизию приходилось 50 километров фронта обороны?

Михаил Корпьяк:

Спартак Железный очень ценил своих бойцов и трогательно заботился о них в бою, во время тяжелого перехода, на отдыхе. Как бы ни была сложна обстановка, как бы ни был силен вражеский огонь, Железный никогда не возвращался из разведки, не собрав своих людей, не позаботившись о раненом. В одном из столкновений разрывом мины был контужен старшина роты В. К. Хацко. Железный полкилометра нес его на плечах. Он спас жизнь не одному разведчику.

Петр Ростовцев:

Осенью прошли по городу пограничники. С винтовками с дырочками на стволах. Десятизарядными. Они прошли по квартирам, по баракам, проверили, кто где живет, кто остался. Набрали мужиков, человек 15. Мы, пацаны, бегали, спрашивали:

— Что такое происходит?

— Дезертиров ловят.

Виктор Мирошниченко.

4 октября. Командир отделения минеров сержант Виктор Мирошниченко с тревогой прислушивался к приближающейся канонаде. Окопы бойцов его отделения рядом с железнодорожным мостом. У них необычное боевое задание: как только на мосту появится первый фашистский танк, взорвать мост. У Виктора все готово. Только тяжело разрушать то, что создано своими руками. Его отец Петр Афанасьевич строил железные дороги, работал путевым мастером. На станциях Мерефа, Харьков, Красный Луч знали этого опытного, трудолюбивого мастера, бригадира ремонтников пути. Окончив фабрично-заводское училище, Виктор тоже пошел работать на железнодорожный транспорт. Он любил свой труд. На срочную армейскую службу его призвали в железнодорожные войска. Батальон дислоцировался в Прикарпатье. Здесь он и попал под первые фашистские бомбы.

...Все слышнее грохот приближающихся танков. Напряжение нарастает с каждой минутой. Через мост на восток прошли последние подразделения, спешно занимая оборону по берегу реки.

— Взорвать мост! — подал команду сержант Мирошниченко солдату, который держал руку на ключе электроаппарата. Но взрыва не последовало. Вероятно, осколок снаряда перебил провод, ведущий к зарядам, укрепленных на фермах моста. А колонна фашистских танков уже подходила к западному берегу Снопоти. Еще немного — и они ворвутся на мост. Мирошниченко бросился к мосту. Вокруг свистели пули, осколки снарядов. Виктор ранен. Но нет времени на перевязку. На мосту загромыхали первые танки с паучьей свастики. Он решил поджечь бикфордов шнур возле взрывателя.

Раздался взрыв. Фермы моста вздыбились, рухнули в реку, увлекая на дно Снопоти вражеские танки. Наступление гитлеровцев, рвавшихся к Москве, на этом участке фронта было приостановлено на несколько дней. Но это стоило жизни сержанту Виктору Петровичу Мирошниченко.

Петр Беликов:

Захватив город Демянск, фашисты рвались к Валдаю. При очередном облете линии фронта мы обратили внимание на усиленное движение вражеской боевой техники на этом направлении. Насчитав на дороге до сорока танков, мы открытым текстом сообщили об этом по радио в штаб фронта. Когда вернулись на свой аэродром, там уже стояли готовые к вылету «Илы». И вот в голове шестерки штурмовиков летим обратно, показывая путь к обнаруженной цели. На наше счастье, увеличилась высота облачности, что облегчало выполнение боевой задачи. Заметив внизу фашистские танки, я дал «Ильюшиным» сигнал: «Впереди цель». И они, перестроившись в боевой порядок, с ходу, один за другим стали пикировать на вытянувшуюся лентой по шоссе колонну машин. Фонтанами вздыбилась земля от взрывов бомб, потом в дело вступили пушки и пулеметы «илов». Солдаты, сидевшие на фашистских танках, спрыгивали на землю и разбегались по сторонам, а штурмовики делали новые заходы, пока не израсходовали весь боекомплект.

Владимир Глущенко:

В 1941 г. в составе танковой бригады в начале октября мы переправились через Днепр и вступили в бой. Я был радистом-пулеметчиком.

При освобождении населенного пункта Новые Петровцы прямым попаданием немецкий снаряд отбил на нашем танке передний направляющий каток. Танк двигаться не мог. Необходимо укоротить гусеницу. При этой работе под огнем командир танка и башенный стрелок были ранены. Немцы стали окружать нас. Тогда мы с механиком водителем залезли в танк и вели с ним вдвоем из пушки и пулемета огонь по фашистам, пока не подошел на выручку наш стрелковый взвод. В общем, держались с утра до вечера.

Екатерина Нужненко:

Мать пошла в сельсовет, попросила помощи. Зима на носу. Староста сказал, что можем занимать молочарку. Там телятам молоко грели.

— Делайте ремонт и живите. Вы ударники были в колхозе, заслужили помощь.

Мама да ее брат, который не подходил в армию, сделали двери,

окна, сложили печку, и мы пошли жить туда. Возле фермы болото, лес. Мы сделали там еще и блиндаж. Как бой — бежим туда. Как тихо — работаем, живем.

Николай Козлов:

Мой первый бой под городом Люботином. Враг отчаянно наседал. Я уже не помню, были ли передышки у моего пулемета или нет. Руки словно припаялись к нему, а он строчил и строчил, прикрывая то один, то другой фланг нашего подразделения. Страх? О страхе некогда было думать. Когда идет жаркое сражение, забываешь обо всем. Правда, сильно волновался перед боем. Перед началом схваток все испытывают такое волнение.

Петр Гуленко:

Октябрь 1941 года. Размытые дороги полны людей, уходящих в тыл страны. Эвакуируется оборудование шахт, заводов, Штеровской электростанции. Отходят войска, ведя тяжелые оборонительные бои.

Стремясь захватить к зиме весь Донбасс, вырваться на задонские и кубанские просторы, гитлеровское командование не считалось с потерями, бросало в бои десятки тысяч вояк, уничтожавших все на своем пути.

Горела и стонала донецкая земля. Суровыми взглядами, в которых таились и горечь, и надежда, скупыми словами встречали и проводжали воинов те, кто вынужден был остаться дома.

Иван Белевский:

В действующую армию ушли лучшие кадровые рабочие машиностроительного завода. К станкам встали женщины, подростки. И несмотря на это, завод удвоил выпуск продукции. Но уже в октябре 1941 года пришлось эвакуировать основное оборудование и часть рабочих в город Прокопьевск.

Евгения Трофимова:

Враг приближался к Донбассу, уже начал бомбить Красный Луч. Нас погрузили в товарные вагоны и направили в Караганду. Дорога была трудная. Много раз наш поезд уступал путь воинским эшелонам, так что находились мы в дороге 47 суток.

Владимир Борсоев:

4 октября. Второй день производим рекогносцировку переднего края обороны дивизии и никак не можем установить его, на 50 километрах расставить силы дивизии — это надо уметь!

В этом районе на оборонной работе заняты все трудоспособные мужчины и женщины. Сколько разрухи, сколько ущерба приносит война! Сволочь, кровопивец Гитлер, все же ты будешь добит, и народ отомстит за страдания, за жизнь и кровь своих сынов! Кто останется от этой войны живым, тот будет навсегда счастлив и свободен.

А. Русев:

Наступил день отправки на фронт. Подтянутые и стройные, гордые и строгие, шагали добровольцы, прижимая к груди автоматы и винтовки. Жители города стояли на тротуаре, провожая нас, махали руками, платочками. Они знали, куда идет батальон. А батальон направлялся на защиту нашей Родины, нашей столицы — Москвы. Это был в основном Краснолучский первый батальон комсомольцев-добровольцев.

Евдокия Анохина:

Мой муж Петр Гаврилович Анохин. Призван в действующую армию в июне. Повоевал всего три месяца с небольшим, а уже в октябре пришла на него похоронка.

Тяжко охнула, оставшись одна с четырьмя малолетними дочками, схватилась за сердце. А вскоре и вовсе растерялась, когда родила сразу двух мальчишек (один из которых, правда, почти тут же умер). Как бы порадовался отец, будь он жив, маленькому Алешке! Ведь потому-то и нажили мы столько детей, что отец все ждал и ждал сына. Но до радости ли теперь было мне?..

Как жить? Как растить детей? Как их согреть и накормить?

Мария Котова:

Я не находила себе места. Еще несколько дней назад была совсем другая жизнь. Близилась к концу учеба в фельдшерской школе, впереди взрослая самостоятельная жизнь, серьезная работа. А сегодня многие подруги, получив повестки из военкомата, отправлялись

на фронт. И чувство вины перед сверстницами, оказавшимися на несколько месяцев старше, сжимало сердце.

Я успела окончить третий курс, а потом вместе с родителями эвакуировалась в Сталинградскую область, потому что немцы уже подходили к Миусу. Приехав на место, пошла в военкомат. Получила направление в полевой подвижной госпиталь № 477 медицинской сестрой. В госпитале трудились замечательные люди, хорошие специалисты. Делились опытом, помогали во всем. Здесь нашла себе новых подруг — медсестер Наташу Левченко и Валю Шилову.

Полевой госпиталь перемещался следом за фронтом. С медсанбатов, а то и прямо с поля боя раненые поступали круглосуточно. Днем и ночью делали операции. Не хватало медикаментов. В любое время нужно было быть готовыми свернуть госпиталь и двигаться дальше.

Василий Погорелов.

4 октября между селами Гудово и Борино экипаж Погорелова обнаружил мотомеханизированную колонну противника численностью до 120 машин. В голове колонны шло более 40 танков. Разведчики действовали быстро, четко, сразу же передали в штаб координаты колонны.

Именно по ним ориентировались бомбардировщики, сбросив на колонну около 50 тонн бомб.

Григорий Лысенко:

Враг наседал. Снаряды и авиабомбы смешали землю и воду, небо без просвета. И вдруг машина с пулеметной установкой остановилась и ни с места! Оказалось, рассыпался диск прерывателя зажигания. Что делать? И что вы думаете? Сам смастерил диск из подвернувшейся под руку промасленной фанеры. И получилось! Из-под носа у фашистов ушел. Когда догнал свою часть, все были поражены. Пока шли суды-пересуды, над нами появились два «ФВ-190».

Направил на них свою «спарку». Один стервятник загорелся и рухнул на землю.

Иван Белевский:

По инициативе Краснолучского горкома партии провели сбор средств у населения. В фонд обороны краснолучане сдали 1249064 рубля.

Кроме того, собирали теплые вещи, белье для красноармейцев. Этим занимались специальные комиссии во главе с Носко Г. И., Соколовым А. Н., Вернигоровым, Норкиным Я.

М. Гребенькова:

Первый прием раненых. Хорошо запомнились два тяжелых. У них вместо лиц были сплошные обожженные раны. Тела изуродованы. Это были летчики. Володин из Москвы и Репин из Донецка. Ухаживали за ними, как за новорожденными, проявляя особую чуткость, нежность, человеческую теплоту.

Работать приходилось без сна по 36 – 48 часов. Помня воинскую присягу и комсомольское слово, никогда не роптали.

В госпитале создали донорскую группу. В нее вошла и я. Нас никогда не нужно было уговаривать. В любой час мы готовы были сдать свою кровь для спасения бойцов.

Федор Абдумаликов:

Очередной бой вытеснил нас на новые позиции. Мы снова отступили. Раненого, которого мы не успели забрать с собой, два немца подняли за руки, а третий расстрелял его из автомата. Делали они это демонстративно. Показывали нам, что ожидает остальных.

В октябре почти без сопротивления сдали Николаев. Когда мы начинали боевые действия, из трех училищ курсантов было семь тысяч. Через Днепр переправились всего 700 человек. Остальные остались на поле боя.

Сергей Шичанин:

Во время войны мне очень везло.

В районе Белгорода двое суток не выходила наша рота из боя, и только к концу второго дня меня ранило.

В госпитале поставили на ноги, и опять в пехоту, опять передовая. На этот раз я уже, видимо, меченый был, не сразу до меня добрался металл немецкий. Семь дней в наступлении. А бои в районе Ельца тогда тяжелые были... И опять госпиталь опять стремление как можно быстрее попасть в свою часть. На этот раз вернулся в часть уже в районе Сталинграда. Месяц не выходил тогда из боя. К концу месяца из роты в живых осталось четверо. В медсанбат был отправлен и я. На этот раз надолго.

Иван Цымбал:

Мать повесили на ее груше. А деда фашисты носили по селу и кололи штыками. А он кричал:

— Ироды прокляти! — пока и не умер.

Мне рассказали обо всем наши люди и показали могилу матери. Пока стояла наша часть в селе, я просиживал часами у еще сырого холмика. Я корил себя за то, что опоздал, опоздал совсем на малость и потерял мать. В походной кузнице выковал из кусков трубы крест, глубоко закопал его на могиле матери, чтобы не потерять дорогой моему сердцу холмик.

Авраам Прагер:

9 октября 1941 года в связи с приближением фронта Государственный Комитет обороны издал приказ № 750 об эвакуации химзавода. Оборудование направлялось в города Пермь, Соликамск, Стерлитамак. Большие трудности в эвакуации оборудования вызывал недостаток вагонов. Из заказанных 2500 вагонов получили только 500.

И. Козловский:

В начале октября 1941 года получили директиву об эвакуации химзавода. Директор Д. Г. Бидинский издал приказ о немедленной эвакуации оборудования, маскировке эвакуационных работ и создании ополченного батальона. Начальником батальона назначался Д. Г. Бидинский, комиссаром — парторг ЦК ВКП (б) Б. П. Давыдов. Создаали специальную роту № 1. Командиром назначили теплотехник Кайда В., политруком — главного технолога Козловского И. Д. В задачи роты входили демонтаж и отгрузка оборудования порохового производства, маскирование производства, взрыв объекта. Враг не должен использовать его для производства боеприпасов. Мы установили военную дисциплину. Запретили уход рабочих нашей особой роты по домам. Ввели казарменное положение для всех рабочих порохового производства. Отряд, примерно 600 человек, разбили на три группы. Одна группа демонтировала и грузила оборудование, другая спала и третья отдыхала.

И. Дробот:

В первой декаде октября 1941 года директор предприятия почтовый ящик № 8 (химзавод имени Г. И. Петровского) Бидинский Д. Г. созвал чрезвычайное совещание руководящих работников заводоуп-

равления и начальников цехов, на котором сообщил, что получено распоряжение Наркомата боеприпасов об эвакуации предприятия. Сообщение было кратким. Создали комиссию под председательством директора предприятия Бидинского Д. Г. Каждый руководящий работник получил конкретные указания о подготовке цехов и служб к эвакуации. Комиссия составила план и график эвакуации, в цехах создали группы, коим были приданы воинские наименования: подразделение, рота, взвод, часть которых была переведена на казарменное положение. В соответствии с планом и графиком приступили к демонтажу оборудования, отбору документации, подлежащих эвакуации, к подготовке людей, которые должны быть эвакуированы.

М. Гребенькова:

Город Камышин. Принимаем раненых. Их привезли на пароходах. Затем отвозим их в госпиталь. Делаем первичную обработку и сами отвозим в тыл под бомбежками. Не всех раненых довозили до госпиталя. Некоторые гибли в пути. Бомбы добивали их.

Везу пять раненых бойцов. Стонут, просят пить. Прикладываю фляжку с водой к губам, все уговариваю:

— Потерпи, уже скоро приедем, вам окажут помощь, мучения кончатся. Вы поправитесь, и снова будете бить фашистов.

Но вот снова налетели фашисты. Очередная бомбежка. Осколком убивает одного бойца, двух других еще раз ранят. Они теряют сознание. Остальных прикрываю собой. Не понимаю, как их довезла. В госпитале подумали, что и я ранена — вся была в крови.

Потом наш госпиталь перевели за Волгу, в Николаевку. Ближе к Сталинграду. Тут нам пришлось еще крепче работать. Не сосчитать, скольким бойцам за войну довелось оказать медицинскую помощь.

Петр Ростовцев:

Когда отец уходил на фронт, сделал металлические ставни, выкопали погреб. В ЦЭММе варили противотанковые ежи. Куски рельсов мы на тачке навозили и накрыли свое убежище.

Владимир Борсоев:

10 октября. Село Елизаветовка. В 19.00 в районе Богоявленского появилась разведгруппа противника, в результате столкновения ранен комиссар штабной батареи Бондарев. Люди подтянулись.

Роман Шелудько:

— Коммунисты, вперед! — с этими словами комиссар Н. Е. Ехлаков первым поднялся в атаку на штурм высоты под Севастополем. Несколько раз переходила она из рук в руки. В тот пасмурный день в октябре 1941 года бойцы седьмой отдельной бригады морской пехоты во второй раз овладели ею.

Сближение с противником надо было осуществлять под аккомпанемент артиллерийской канонады. Шли вслед за огненным валом. А завершали бой в рукопашную. Каждый старался не отстать от разрывов своих снарядов — вперед и вверх.

Враги боялись и никогда не выдерживали штыковых атак.

Бесстрашных людей нет. Но страх можно преодолеть. Ведь чувство долга выше чувства страха. Кроме того, мы постоянно ощущаем чувство локтя. Коммунисты шли вперед, зная, что за ними идут остальные бойцы. Многие беспартийные заявляли: «Если не вернусь из боя, прошу считать меня коммунистом».

В нашей бригаде было несколько краснолучан. Среди них — Скоробогатов из Новопавловки, Елизаров с шахты «Знамя коммунизма». К сожалению, имен их не помню, дальнейшей судьбы не знаю. В том бою за безымянную высоту контужен...

Вера Ожередова:

На фронте с августа 1941. Порой было очень нелегко молоденькому санитару выносить раненых с поля боя. Но надо... Надо было сквозь слезы улыбаться смертельно раненному бойцу.

— Потерпи, милый! В госпитале подлечат и — опять на фронт... Нужно было идти к победе.

Авраам Прагер:

Штаб эвакуации предложил мне выехать на станцию Дебальцево Северодонецкой железной дороги для получения вагонов, необходимых для отправки демонтированного оборудования, боеприпасов и различных материалов. Вагонов на станции не хватало, многие из них уже были со следами бомбежек и пожаров — обгорелые, без бортов и стен, с продырявленными крышами. Вместе с военным комендантом Гончаренко мне приходилось круглыми сутками добывать вагоны, заставлять разгружать вагоны с грузами, не имеющими осо-

бой ценности, а затем отправлять их на станцию Петровеньки, откуда они поступали на завод.

Иван Журавлев:

Несмотря на то, что железнодорожный узел Дебальцево был уже занят фашистами, мы до 11 октября 1941 г. изготавливали на заводе Петровского боеприпасы. В основном для знаменитой «катюши».

Владимир Борсоев:

12 октября. День прошел спокойно, по-видимому, противник сосредоточивает силы для наступления, а мы ждем и сидим на 50 километрах фронта. Можно было немного отдохнуть, но наш беспокойный майор Михайленко не дал такой возможности. Население знает, что неизбежно придут немцы. Наш сплошной отход озлобляет народ.

Николай Таран:

В 1941 году на корабле «Ворошилов», из порта Потти в Севастополь мы перевезли около дивизии войск с вооружением и боеприпасами. Противник окружил город. Вел интенсивный обстрел. Трудно было войти в порт нашему кораблю, а еще труднее выйти. Три дня грузились мы в Потти. Затем переход. Фашисты нас заметили. И когда среди ночи мы вошли в Северную бухту пылающего города и стали у пристани, над нами появился фашистский самолет-корректировщик. Вражеская артиллерия открыла огонь. Все ближе и ближе ложились снаряды. Луч прожектора разрезал тьму, осветил самолет, и наши зенитчики сбили его. Фашистская артиллерия стала стрелять вслепую. И все их снаряды падали в стороне от корабля.

За сорок минут мы разгрузились, взяли на борт раненых, женщин и детей и отошли от пристани. И тут налетели фашистские самолеты-торпедоносцы. Они правильно рассчитали, что в бухте, в стесненных условиях, нам трудно маневрировать. Но наши зенитчики их сбили с боевого курса и торпеды прошли мимо нас.

Мы, котельные машинисты, находились далеко внизу, у котлов, и ничего этого не видели, нам после рассказывали товарищи, которые были наверху. Но мы ясно представляли обстановку по командам командира корабля. На телеграфе стрелка показала «Ход самый полный», значит, мы вырвались на морские просторы. Я включил все

форсунки, и машины заработали на полную мощность. Крейсер уходил на восток. Но фашистские самолеты следили за нами весь путь. В Поти опять стали под погрузку войск для Севастополя. Но пришла печальная весть: город сдан.

Тамара Мандриченко:

В шахтерскую дивизию попала случайно. Командир дивизии К. И. Провалов приказал мне готовить ему обеды. Я не умела и сразу в этом призналась, думала, что не справлюсь. А он спрашивает:

— Суп приготовить сможете?

— Ну, суп... — представляла, что командиру нужно готовить что-то особенное.

— Я помогу, если чего сама не сможешь, — сказал Константин Иванович. Так я стала поваром. По-всякому приходилось: и на камешках готовили, и от врага огонь прятали. Солдат стоит, укрывает плащ-палаткой, чтобы огня не было врагу видно.

Однажды Константин Иванович сказал мне, чтобы готовила больше, на пять человек. Я приготовила. Оказалось, гости были из политотдела 18 Армии.

— Теперь-то я знаю, что среди них был и Л. И. Брежнев.

Л. Хлобустина-Моисеева:

Трагические картины тех дней нам врезались в сердце, как молния в старый дуб. Домик наш был в небольшом селе Камышевка Матвеево-Курганского района Ростовской области. На смену праздникам и крестьянским будням черной тучей пришла война. Бабушка Ульяна отправила на фронт шестерых своих сыновей (и моего отца тоже). На нее, да и на маму, свалилось все наше деревенское хозяйство, нужно было пахать и сеять, молотить вручную, сено косить, топку на зиму готовить, дом подправлять, да и вообще вся мужская работа. Тут еще детвора рты разевает: «Кушать хотим, хлебушка...»

Эмма Ткаченко:

Первые дни войны не запомнила. Осталась в памяти только такая картина: разгромленный вагон, и я бегу навстречу маме...

Эвакуировали нас с мамой и братиком на Кавказ. Жили у одинокой старушки. Во время налетов прятались в земляной подкоп. А мне

почему-то безопаснее было сидеть под столом на перекладине. Рядом жили дети многих национальностей, изъяснялись они на понятном только им детском языке. Дети безошибочно различали свои и чужие самолеты, прятались только от немецких.

Владимир Борсоев:

13 октября. Хутор Парасковеевка. Снялись с позиций ночью. Темно, ничего не видать. Холодно, идет снег, дует холодный ветер. Люди и лошади мокрые. Заняли к утру новый боевой порядок, сузили немного фронт дивизии — до 35 километров. В связи с отходом 12-й армии и нас отводят без боя назад. Противник приближается.

Мария Козьмина:

14 октября 1941 года у меня в трудовой книжке появилась запись: «Выбыла по эвакуации», хотя я осталась в городе, который стал прифронтовой полосой.

Появились карточки на продукты. Не хватало хлеба, город бомбили, часто обстреливали, были разрушения, жертвы. Пошла мама за хлебом, есть нечего было в доме, и вдруг в толпу, собравшуюся у магазина, упало несколько снарядов, видно, засекли немецкие наблюдатели. Мама в тот день поседела.

Семен Гайван:

В 1941 г. в Красном Луче я учился в ремесленном училище при рудоремонтном заводе в 16-й группе слесарей-паровозников, был старостой этой группы. Мастером был у нас тов. Коршунов (старый машинист).

В октябре-ноябре всем училищем мы вели оборонительные работы в районе Чуницыно и Селидово, а когда мы (группа ребят, одного звали Петя Костиков) возвратились с оборонительных работ, училище уже было эвакуировано с заводом на восток. Вскоре к городу придвинулся фронт. Я поселился у чужих людей по ул. Шмидта, 7.

В это время в городе разместился штаб соединения. Секрета-

рем горкома комсомола был Яша Норкин, а председателем горисполкома тов. Гриб (не ручаюсь за точность фамилий из-за давности).

Леонид Пивнык:

Информация с фронтов о том, как расправляются немцы с нашими «Чайками», развеяла наш оптимизм. Как-то в октябре в наряде пришлось патрулировать на железнодорожном вокзале. Подошел санитарный поезд. Из одного вагона вынесли на носилках подышать воздухом молодого красивого парня — в галстук, без рук и ног. Он был помещен в отлично сшитый хромовый костюм-корсет, с лацканами, металлическими крючками и весь был зашнурован. Увидев нас, он закричал:

— Друзья! Застрелите меня! Неужели вам патрона жалко!

В 18 – 19 лет его жизнь представлялась адом.

Владимир Борсоев:

14 октября. Готовимся к встрече противника. В 691-м стрелковом полку в 17.00 немцы без боя забрали в плен 20 красноармейцев, прошляпил комвзвода, бросил взвод и сам удрал. Все равно его за это расстреляют. Досадно. Третий день говорим о приближении противника — и такая беспечность.

Григорий Леонов:

15 октября. Пешком колоннами уходили из г. Антрацита через Красную Поляну на Луганск, а оттуда — на Лиски Воронежской области, где погрузились в вагоны и затем прибыли в Татищевские военные лагеря. Там формировались маршевые роты для отправки на фронт.

Меня направили в Симферопольское пулеметно-минометное училище, которое к тому времени было эвакуировано за Волгу. До войны успел окончить семилетку, педагогическое училище и два года работал учителем.

Григорий Каменев:

Осенью 1941 г. фашисты пошли на штурм столицы. Мое оружие оказалось в полосе главного удара противника. Враг бомбил, бросал танки, но артиллеристы стояли непоколебимо. Едва фашисты успе-

вали выдвинуть вперед танки или пехотные подразделения, как наша батарея оживала, и ее сокрушительный огонь уничтожал технику и живую силу противника.

Владимир Борсоев:

15 октября. Ночью я выехал с 3-й батареей и занял огневую позицию на главном направлении. С 7.00 начался бой под дер. Елизаветовкой, в которой мы при смене позиции были дней пять назад. Видимость очень плохая, стрельбу сначала вели по карте по площадям. К 12.00 видимость улучшилась, вели огонь по самому селу, где висел флаг немцев. В 16.00 наши пошли в контратаку и выбили немцев из с. Елизаветовки.

Как было здорово бить по отступающей немецкой пехоте, когда она в панике бежала в лес! Разведчики батареи после каждого залпа только ахали. Настроение стало совсем другое.

Откуда ни возьмись, в 17.00 с другого края леса появились неизвестные войска силою около пехотного батальона. Они шли по открытому месту. Знать бы точно, что это противник! Но мы не были информированы своевременно, не знали, кто так свободно двигается по открытому месту. Послал разведку для выяснения.

Разведчики доложили, что это противник, но было уже поздно. От них до нашего наблюдательного пункта было не больше 500 метров. Я принял решение отвести батарею назад.

День был горячий, порядком выпустили снарядов, бойцы воодушевлены первыми успехами — потрепали противника.

Василий Погорелов.

16 октября в районе Старой Руссы воздушные разведчики заметили аэродром врага. Погорелов предложил смелый план его уничтожения. Он спровоцировал гитлеровцев сосредоточить на его машине огонь зениток, заставил их «раскрыться». Наши бомбардировщики и штурмовики, не теряя времени, нанесли по аэродрому удар, после которого фашисты недосчитались многих самолетов. В октябрьские дни сорок первого года советские бомбардировщики разрушили аэродром в Сольцах, нанесли непоправимый ущерб многочисленным танковым и механизированным колоннам противника, рвавшимся к Москве и Ленинграду. И все это было осуществлено по разведанным экипажа капитана Погорелова.

Степан Тодышев:

С боями вышли к Волге и с ходу стали налаживать переправу. Река тут была неглубокой, но лошадей мы потеряли столько, что пришлось впрягаться самим.

...Мы вытащили свое орудие на берег, присели на лафет. Вдруг солдат меня в бок толкает и шепотом:

— Немцы, Степа.

Я оглянулся, вижу: они с горки спускаются на машинах, прямо к нам. Но, видимо, заметили нас, и давай разворачиваться. Я сдернул винтовку, прицелился, жму на курок, а выстрела нет. Жму, а выстрела нет. Глянул и зубами скрипнул. У меня, оказывается, ни одного патрона. Я — к ребятам, дайте, кричу, у кого есть. Нет. Ни у кого. Ни одного. Это было 16 октября, в сорок первом.

С утра до вечера тогда отбивались, все боеприпасы расстреляли, а взять негде.

Через полчаса они вернулись...

В том бою много товарищей полегло.

Пали. Но прежде заставили штыками и последними пулями, снарядами замолчать установленные на косогоре фашистские пулеметы. Все же прорвались, выбрались из окружения, на себе тащили орудия с тремя-четырьмя снарядами, а то и вовсе без единого. Я вышел целым. Шел, хотя был ранен в ногу, прошел до конца этот отчаянный марш из окружения, сменяя усталых бойцов, помогавших лошаденке тащить пушку.

Иван Белевский:

Военные действия развивались так стремительно, что к концу октября фронт приблизился к Красному Лучу.

Владимир Борсоев:

17 октября. Село Марвинко. Ночью отошли без всякого давления со стороны противника. Цель отхода я не могу понять. Думал совсем другое, даже составил собственный план разгрома Екатеринбургской группы противника, но высшее начальство решило иначе. Вечером опять-таки по непонятной причине отошли на Рутченково.

Степан Тодышев:

Тяжелое время... Тяжелый сон. Не потому, что болели раны, что не спали сутками, на себе тащили орудия, не потому. Тяжело было оттого, что отступали, оставляли родную землю.

Авраам Прагер:

Оборудование химзавода грузили в вагоны и на платформы только ночью, и только ночью сформированные эшелоны отправляли на восток, в район эвакуации. Для демонтажа оборудования не хватало подъемных механизмов, лебедок, автомобилей. Люди работали с большим физическим напряжением. Положение усугублялось еще и тем, что многие рабочие и инженерно-технические работники отвлекались на ночные дежурства в истребительном батальоне.

И. Козловский:

Гидравлические прессы «Крупп», горизонтальные вальцмашины весили более 5 тонн. Без разборки (не было времени, да и боялись утери частей) снимали их с фундамента и вручную, с помощью простых лебедок, волоком подтягивали на погрузочную площадку производства и погружались на платформу. Это был адский труд. А фронт все ближе и ближе подвигался к Донбассу. При перетягивании прессов лопались стальные тросы лебедок, но крепко мужество рабочих. В последние дни дождливого октября 1941 г. мы давали спать рабочим лишь по 4 часа.

Изумительно работали, демонтируя оборудование, паяльщик Демотко, мастер Святошенко Степан Иванович, аппаратчики Сергей Меркулов и их руководитель старейший и опытный мастер в стране по производству нитроглицерина Кравченко Иван Андреевич. Незадолго до этого его назначили начальником транспортного отдела завода. Ведь коммуникации, оборудование могли иметь остатки нитроглицерина, а это взрывы при демонтаже. Но ни одного взрыва не было. Они умело нейтрализовали все оборудование. Рядом с мужчинами трудились и женщины. Первая стахановка завода вальцовщица Рубашкина А., прессовщица Васютина, варщица Еременко, разбраковщица Литвиненко В. Н., резчица пороха Головатая К. и многие другие. Четко руководил демонтажем механик Феоктистов.

Но было ясно, что несмотря на нечеловеческие усилия, мы не справимся с отгрузкой оборудования. Пресса и вальцы ползли чере-

пашьими темпами от места демонтажа до погрузочных платформ. Нужно было все время переставлять и укреплять ручные лебедки, да и скорость оборота их тяги была ничтожная. Бидинский съездил в штаб 62 армии к генерал-лейтенанту Ковпаку В. Я., и он не отказал в помощи.

На завод прибыло 5 тракторов с бойцами-водителями. Они облегчили нашу задачу. Пресса и валки стали в десятки раз быстрее тянуть тракторной тягой. Немцам не оставили ни одного агрегата.

Владимир Борсоев:

18 октября. Рутченково. Позиции заняли в самом Рутченково на площади. В 13.00 начался бой. Сначала пошли отдельные группы противника. Затем появились машины с пехотой, с пушками на прицепе. Если бы батарея работала хорошо, наводчики были поопытнее, то можно было уничтожить всю эту группу на машинах.

Михаил Сидоренко:

В начале войны мне было 17 лет. В армию не взяли, остался в деревне. Пришли немцы. Молодежь оружие воровала. Как-то меня вызвали в полицию:

— Оружие где?

Я говорю, что плохо вижу, почти слепой, какое там оружие. Но меня избили и увезли вместе с другими в Николаевскую тюрьму, бросили в подвал. Пол бетонный, сыро. На работу взяли... Обед в фуражку получал, тарелок не хватало. Потом погнали пешком в Одессу, погрузили в телятник — товарный вагон, отправили в Бухенвальд. Прямо из тюрьмы — в карантин. «Тиф, тиф!» — боялись его очень, и потому вскоре повезли нас в концлагерь Эрлих. Строили железнодорожный вокзал, работали в тоннеле. Дымно, ничего не вижу, особенно вечером. «Блинден» — слепой, как кличка пристало.

Владимир Борсоев:

19 октября. Сталино. В Рутченково получили приказ позже, чем пехота, и пока собрал подразделение, было уже 23.00. Ночь темная, ничего не видно. Мне дан маршрут двигаться на г. Сталино по проселочной дороге.

Противник был уже в Рутченково, и мы двигаемся почти на встречу ему. Очень мешали собаки, их страшно много, куда ни ткнишь

— все собачий лай, так что никак не скроешь свой путь движения. Все же выбрались в полном порядке и к утру были в Сталино. В городе все горит. Наше отступление народ возмущает. Слышим горькие упрёки.

И. Дробот:

Во второй половине октября 1941 года я получил распоряжение от директора предприятия Бидинского Д. Г. о том, что я назначаюсь начальником эшелона и в любую минуту должен быть готов для принятия эшелона и сопровождения его по назначению по указанному маршруту. Эшелон, который выпал на мою долю, был сформирован из 50 вагонов, и состоял из оборудования производства, производства динамитов, аммонитов, коллоксилина и 250 человек.

По прибытии в Ростов, который уже находился в ведении воинских властей, так как сражения велись недалеко от Ростова. Дальнейшее продвижение эшелона через Дон проходило с большими трудностями. На станции Батайск, где скопилось большое количество подвижного состава. Станция в это время была подвергнута бомбежке.

Ввиду того, что в моем эшелоне находился продукт «ЧП», во избежание каких-либо еще дополнительных неприятностей, эшелон вытолкнули за пределы станции по направлению на станцию Тихорецкая. По прибытии на станцию Тихорецкая, на которой почти все пути также были заняты военной техникой и эвакуированными эшелонами, — снова налет вражеской авиации и бомбежка.

Григорий Каменев:

20 октября наводчик и заряжающий, сраженные осколками, пали смертью храбрых. Я ранен. Но встал к прицелу.

— Снаряд! — приказал подносчику.

Теперь я сам и заряжал, и наводил, и стрелял и подбил три вражеских танка, а потом перенес огонь на пехоту и поджег два бронетранспортера. Вечером на огневую позицию батареи прибыл командир дивизии. Он крепко обнял меня и сказал:

— Спасибо, старший сержант!

Григорий Лысенко:

Тяжелейшие бои шли за Ржев, люди смертельно устали, а тут новость: «Встречайте американскую делегацию». Их интересовала

наша боеспособность. За считанные дни и часы наши подразделения были приведены в идеальное состояние. Приветственным тостом для американцев послужил наш сокрушительный залп по врагу.

Владимир Бурсоев:

20 октября. Бои под с. Яснатовое, в г. Орджоникидзе, Чистяково, в с. Мочалинске.

Зоя Цацуро:

Я оканчивала школу одновременно с курсами медсестер... А тут и война грянула. И всей молодости конец. Поступила в институт, но вместо портфеля с тетрадками взяла в руки сумку с крестом и — в войсковую часть. Из города уходили, когда бои шли уже в Новопавловке...

Константин Аксенов:

20 октября 1941 года наша группа в районе нейтрального села Мешково переправилась по канату через реку и взяли «языка», двух фрицев, которые приходили в село ночью грабить жителей. О приходе немцев в село нам накануне сообщил мальчик лет двенадцати, который днем перебрался через речку, сказал нам, как немцы по ночам бывают у них в селе.

Константин Куриленко:

Когда наши войска отступали, здесь у нас под мостом возле тубдиспансера нельзя было пройти. Колонны шли сплошным потоком вверх, на Луганск.

А второй поток шел мимо кинотеатра Кирова, по улице Карла Маркса, через мост и на Боково-Платово. Эти пошли на Ростов. И ни туда, ни сюда не пройдешь. Три дня продолжался этот поток. А бомбить никто не бомбил.

До 23 октября, пока мы не ушли, не слышно было ни единого выстрела.

Одну бомбу случайно потерял самолет. Я это сам видел. Он похож на наш.

А когда войска отступали, я, Вовка Манзюк и еще Костя Герасимов у нас на усадьбе были. А у нас уже траншея была выкопана. В

каждом дворе должна была быть траншея. Вдруг тревога, мы — в траншею. А тут же войска идут. Представляешь, что такое может быть, если идут войска и начнут бомбить!

Летит один бомбардировщик. Пролетел над городом, посмотрел и улетел. Мы выскочили, стоим, смотрим. И вдруг Манзюк Вовка кричит:

— Самолеты!

Это тот летал за ними и привел их. Представляешь, огромная черная туча летит — девять штук. Залезли мы в эту дырку и сидим, дрожим. Войска же рядом идут по улице, если начнут бомбить... Но он только помахал крылышками и полетел дальше. Это он шел на Дон бомбить, а не нас.

В. Бондарь:

Участвовал в демонтаже оборудования порохового цеха, в погрузочных работах и разрушении сооружений химзавода. Большинство оборудования и семей рабочих и ИТР завода эвакуировали на семи эшелонах, которые ушли из Петровенок до октября.

Руководство завода и руководители цехов оставались на заводе. Сформировали команды и ждали указаний об эвакуации пешим порядком после выполнения работ, связанных с подрывом заводских строений. В числе их был и я.

23 октября, вечером, меня вызвал директор завода Бидинский и распорядился возглавить эшелон № 3, который был уже в 8 км от завода, на станции Петровеньки. Людей на нем не было. Я испросил разрешение взять в помощники кого-нибудь из работников завода, поскольку одному день и ночь в пути надзирать 56 вагонов с оборудованием невозможно. Мне разрешили. Пригласить кого-либо из близких мне сослуживцев я не решился, потому что это значило выделить из большого числа друзей одного человека, поэтому в качестве помощника я пригласил главного механика завода Павла Ивановича Панкова. С ним вечером 23 октября в кромешной темноте на железнодорожной дрезине выехал на станцию Петровеньки. Предварительно зашел домой, где оставалась дальняя родственница, взял ранее приготовленный «сидор» и теперь, уже зная, что не пойду, а поеду, взял с собой большой ковер с намерением использовать его в пути как защиту от холода и дождя. Ковер в будущем путешествии представлял большой интерес еще и потому, что теплушек в эшелоне не было и ехать предстояло на тамбуре вагона. На станции Петровеньки, в темноте, с помощью дежурного железнодорожника нашли свой

эшелон, забрались в тамбур товарного вагона. Через полчаса состав двинулся в направлении Зверево и Ростова.

Уже нескольких ночей в направлении Красного Луча небо пылало отсветами пожарища. Ходили слухи, что немцы взяли Штергрэс, поэтому все каждую минуту ждали команды к движению. Войск в районе завода мы не видели, но местные деревенские жители, приходившие к родственникам на завод, говорили о бредущих по дорогам на Восток разрозненных и дезорганизованных частях нашей армии. Уезжая в тамбуре вагона, от этого зарева я невольно чувствовал облегчение и, конечно, хотел быстрее оторваться от угрозы.

Елена Задорожная:

Шахтеры решили ничего не оставлять врагу, взрывали шахты, железные дороги, увозили оборудование и эвакуировали семьи. Мама и мы, дочери, не отходили от постели больного отца, который только что выполнил нелегкое задание по взрыву шахты. Он был техником-взрывником и начальником склада динамита. Теперь он лежал без сознания, умирал от кровоизлияния в мозг, вызванного пережитым моральным потрясением. Тем временем беспрерывный гул орудий приближался.

Мы похоронили отца за день до прихода в поселок наших войск.

Константин Куриленко:

23 октября 1941 г. ночью мы ушли колонной на Сталинград. А Манзюк оставался. Это гражданское население. Нам приказали идти туда. Вошли в Сталинград мы 22 ноября.

Авраам Прагер:

24 октября 1941 года меня назначили начальником эшелона № 6, и через двое суток, ночью, состав из 62 вагонов с оборудованием, полуфабрикатами, готовой продукцией и людьми тронулся на восток. Наш путь был заранее определен до Сталинграда, через станции Зверево, Ростов-на-Дону, Батайск, Сальск.

В четырех вагонах-теплушках находились люди. В одном из них вместе со мной были военнослужащий Лев Козлов, вольнонаемный Василий Кармаев и Иван Артемьевич Подлесный, а также мастера и рабочие с семьями, всего около 40 человек.

И. Дробот:

В связи с большой загрузкой единственной в то время однопутной железной дороги Тихорецк — Сальск — Сталинград, являвшейся кратчайшим путем для моего эшелона, несмотря на мои возражения, моему эшелону был изменен маршрут Махачкала — Баку с перегрузом через Каспий в Красноводск, а дальше — по назначению. Поразмыслил я и пришел к выводу, что по измененному маршруту мне доставить оборудование по назначению не удастся, но если и удастся, то с весьма значительной потерей времени (в несколько раз). А оборудование должно быть доставлено в кратчайший срок и установлено. К тому же, кто это будет (именно в такое время) производить многократные разгрузки и погрузки без приспособлений и подъемных механизмов, и не исключена возможность при производстве таких работ порчи и поломки оборудования. По прибытии на станцию Кавказская обратился к начальнику станции и военному коменданту с просьбой связаться или связать меня со штабом Южного фронта, доложить о происшедшем и просить содействия направить эшелон по первоначально установленному маршруту.

Связь со штабом фронта состоялась. Я доложил о создавшемся положении. Кто это был, не знаю, но сразу конкретных распоряжений об удовлетворении моей просьбы не поступило, и эшелон последовал на станцию Армавир. По прибытии в Армавир меня вызвали к военному коменданту, который заявил, что ввиду активных действий авиации противника, мой эшелон дальше не пойдет.

Из Армавира эшелон направили на станцию Дондуковская. Там оба паровоза отцепили и угнали. Возникли трудности с питанием людей, их пришлось преодолевать, буквально выпрашивать у организаций и организовывать доставку продуктов питания, особенно хлеба. В результате неоднократных моих выездов в отделение дороги станции Армавир с требованием продвигать эшелон по первому маршруту на станцию Дондуковская прибыла какая-то комиссия, цель которой — оборудование разгрузить, освободив вагоны, а людей направить по совхозам и колхозам. Убедившись в значении оборудования в эшелоне, комиссия согласилась с моими доводами и уехала обратно. Буквально на второй или третий день на станцию Дондуковская прибыли два паровоза, которые подцепили эшелон, и я направился с ним обратно на станцию Тихорецкая. Только прибыл эшелон на станцию Кавказская, там объявили воздушную тревогу, но по той же причине, что и в Батайске, несмотря на объявленную воздушную тревогу, эше-

лон вытолкнули за пределы станции и направлен на станцию Тихорецкая.

Тихорецкую тоже бомбили. Эшелон направили на Сталинград, т. е. по первоначальному маршруту, очевидно, мои сообщения и просьбы перед штабом фронта все же возымели свое действие. На разъезде Горький, не доезжая станции Песчанокоспской, ввиду появления вражеских самолетов эшелон остановили. Эшелон подвергся пулеметному обстрелу и бомбежке авиацией противника.

К счастью, особых повреждений и потерь людей не произошло, если не считать повреждения бомбой пульмана походной автомас-терской и вагона с продуктом особого назначения, не принадлежащего предприятию почтовый ящик № 8, которые были подцеплены к моему эшелону, где и кем — я и сам не знаю.

Иван Журавлев:

С 11 по 29 октября мы демонтировали и отправляли на Урал оборудование, а 29 октября с оборудованием в последнем эшелоне выехал и я. Ввиду того, что никто не знал, свободен ли путь на Ростов, нам приказали ничего с собой не брать, так как все мы попадем в армию. Но путь оказался свободен, и 30 октября приехали в Ростов, где в это время были бои с фашистами.

Николай Лесик:

Получен приказ отправить последний состав, а здание станции взорвать. В оставшиеся несколько минут начальник станции Мережко Георгий Селиверстович, товарный кассир Субботина Александра Степановна, машинист Ивашенко Петр Иванович уложили в несгораемый сейф документацию станции и знамя. В сложившейся обстановке сейф взять с собой невозможно. Принимается решение: все, что нельзя вывезти, оставить в здании станции и взорвать. Груды обломков, камня и кирпича надежно укрыли под собой сейф.

Петр Ростовцев:

Начался... нельзя сказать “грабеж”, но население начало растаскивать. Хлебозавод, овощная база, магазины... все пошло. Кто-то на-доумил маму, и мы натаскали с овощной базы соли. Эта соль спасла нас в оккупации.

Константин Провалов:

29 октября, когда в бою за Чистяково выдалась передышка, мне удалось вместе с начальниками служб провести рекогносцировку очередного промежуточного рубежа обороны. У него было два больших недостатка. Во-первых, правый берег Миуса значительно возвышался над левым, то есть противник получал возможность хорошо просматривать всю нашу оборону, сам при этом оставаясь укрытым от наблюдения с низкого левого берега. В частности, все перегруппировки гитлеровских войск перед 383-й стрелковой могли проводиться скрыто. Артиллерия врага получала прекрасные огневые позиции и наблюдательные пункты. Второй недостаток — река Миус не преграда. Но зато у облюбованного нами оборонительного рубежа имелось и немало достоинств. Главная из них — за спиной, в тылу, находился промышленный город Красный Луч. Он должен дать нам хорошее шахтерское пополнение и помочь рабочей силой при оборудовании обороны. Мы получали возможность использовать его разветвленные и отлаженные коммуникации, в частности, телефонную связь.

Из Красного Луча мы могли получить все необходимые для обороны материальные средства. Город стоял на возвышенности. Она была небольшой, но с нее можно все же было вести наблюдение за противником, находящимся на правом берегу Миуса. И, наконец, фронтовой быт. Наступала зима, для обогрева требовалось много топлива, а его у нас, остановившись мы перед Красным Лучом, было бы неограниченное количество. Город и лежавшие вокруг него многочисленные шахтерские поселки стали бы местом, куда при надобности мы могли бы отводить на отдых свои подразделения и части. А бытовое-то наше положение действительно с каждым днем становилось все хуже и хуже.

Целый месяц никто из нас не мылся в бане. Обувь у бойцов изнашивалась так, что промедление с ее ремонтом грозило тем, что дивизия могла стать в прямом смысле босоногой. Вот такие мысли родились во время рекогносцировки левого берега Миуса, и я принял решение Красный Луч не сдавать, о чем доложил командарму. Он это решение утвердил.

Вечером 29 октября связавшись по телефону с командиром 395 стрелковой дивизии подполковником Петраковским, познакомил с утвержденным решением и его. Комдив 395-й сразу же поддержал: да, будем стоять и не отступим. Договорились о взаимодействии с Петраковским, передал телефонную трубку комиссару дивизии Корпяку. Михаил Семенович в свою очередь обговорил все вопросы предсто-

ящей политработы с Б. И. Санюком, комиссаром 395-й стрелковой дивизии.

Авраам Прагер:

Очень медленно перемещался эшелон на восток. От станции Поворино до Сталинграда мы двигались двойной и тройной тягой (два или три паровоза). В пути следования к составу прицепили еще 12 вагонов с оборудованием нашего завода № 59, брошенных по различным причинам ранее ушедшими эшелонами. Только в Сталинграде, где мы пробыли около двух суток, люди расслабились и почувствовали усталость от бессонных ночей и непрерывного напряжения. Здесь еще не было бомбежек и можно было спокойно привести себя в порядок, даже сходить в баню, ведь в пути мы только иногда имели возможность умыться, не хватало питьевой воды. В Сталинграде запаслись хлебом, водой, кое-какими продуктами.

Решетняк:

29 октября эшелон подходил к Тихорецкой. Узловая станция забита эшелонами с оборудованием, различными грузами, ранеными. Часть рабочих с нашего эшелона отправилась в поселок для закупки продуктов, а человек 50 с детьми — в баню. Спустя некоторое время подошел состав с ранеными под Керчью матросами. Никто не обратил внимания на их предупреждение: «За нами гонятся гитлеровские стервятники. Скоро они будут здесь». Действительно, спустя 10-15 минут в небе раздался зловеющий гул. Самолеты со свастикой сбрасывали бомбы. Люди бежали во все стороны, прижимая к себе детей.

Кондратенко:

Одна бомба угодила в баню и похоронила в ней всех мывшихся там, в том числе и детей. Кругом валялись трупы с оторванными руками, ногами и вывалившимися внутренностями. Сошедшая с ума молодая женщина собирала по кусочкам тело своего трехлетнего сына, которого разнесло взрывом бомбы на части. У матроса оторвало обе ноги, товарищи его несли на себе, пытаясь тельняшками остановить брызжущую кровь.

Решетняк:

Был у нас рабочий Перепелица, один из лучших стахановцев. Веселый и жизнерадостный, он на всем протяжении трудного пути шутил, вселяя в нас бодрость. Он бросился спасать детей, но сам погиб.

Алексей Никонов:

У хутора Натальино, что по дороге к Мценску, погиб почти весь второй батальон нашего полка. Вечная память им, не вернувшимся с войны. Замечательным человеком был наш командир 3 роты товарищ Левин.

Он прибыл на фронт, окончив Ленинградский лесотехнический институт, родом из г. Семенова Горьковской области. Погиб от прямого попадания мины. Мы тогда поклялись за смерть командира отомстить гитлеровцам и слово сдержали.

Евгений Полеводин:

Мне одиннадцать лет. Отец и брат на фронте... Жили мы с мамой в небольшом домишке на углу Октябрьской и Межевой.

Война докатывалась к нам гулом канонады, с каждым днем все ближе и ближе слышались разрывы снарядов, рокот самолетов-разведчиков. Первые бомбы упали в районе детской поликлиники и первой школы. Мы, мальчишки, бегали туда посмотреть, собирали осколки. Железная дорога была взорвана еще при отступлении наших войск. От бомб пострадали красивые здания горного техникума и треста «Донбассантрацит», расположенные на возвышенных точках города.

Иван Акименко:

В поселке Княгиневка, на южной ее стороне, занял оборону первый стрелковый батальон, командиром которого был старший лейтенант Ахмет Мусакаев, а на северной окраине поселка разместился штаб нашего полка. С километровым интервалом от первого стрелкового батальона на западной стороне Княгиневки занял оборону третий стрелковый батальон. Далее с небольшим интервалом располагался второй стрелковый батальон. Вторым батальоном командовал старший лейтенант Тупельняк.

Минометный батальон старшего лейтенанта Григория Гриценко поротно распределился соответственно стрелковым батальонам. Гаубичная артиллерия артполка была установлена на шахте № 4-бис.

День 29 октября прошел в ожидании боя.

Петр Гуленко:

В ночь на 30 октября 1941 г. основные подразделения 383 стрелковой дивизии перешли на левый берег Миуса и заняли оборону:

от Новопавловки до Штергрэса — 696 стрелковый полк полковника Мартынова;

от Штергрэса до Яновки — 691 полк майора Ковалева;

от Яновки до Стрюково — 694 полк капитана Кипиани.

966 артиллерийский полк майора Михайленко установил свои батареи на шахте 4-бис, южнее Красного Кута в районе шахты 7/8 в Ивановском хуторе.

Михаил Алексеев:

Заревел гудок Штергрэса, его гул подхватили все шахты. Люди, жившие в поселке шахты 7/8, кинулись к быткомбинату.

Возле трибуны — 3 отряда испанцев с красными знаменами. Это дети из героической Испании, дети защитников Мадрида. Они уже знают, что такое бомбардировки фашистских стервятников. После того, как их вывезли из Испании, они жили у нас, в доме отдыха шахтеров.

На трибуне директор шахты Шоленко, главный инженер Заволович, парторг Ельшин, машинист электровоза депутат Верховного Совета Екатерина Крикунова, Михаил Барабанщиков и другие рабочие. Вынесли знамя шахты, переходящее красное знамя и знамя школы.

Шоленко сообщил, что согласно приказу штаба обороны города в 11 час. 30 мин. будет взорвана последняя турбина Штергрэс, и мы к этому моменту должны всех шахтеров поднять на-гора.

И вот во время митинга раздался отдаленный гул — взорвали последний блок Штергрэса. Шоленко объявил об организации отступления беженцев на Ворошиловград и что охранять их будет созданный отряд шахтеров.

Второй отряд, во главе с начальником милиции, будет грузить раненых, размещенных в наших школах, и вывозить их в санитарных эшелонах. Бои, как он объявил, уже шли за Дебальцево. Ополченцы должны получить оружие и влиться в шахтерскую дивизию.

Е. Крикунова заверила народ, что мы вернемся с победой и освободим свою землю.

Ельшин сказал, что если у нас заберут скот, дом, шахту, то их можно отбить у врага, а если заберут землю, то все мы останемся рабами на долгие века, поэтому верьте, товарищи, Родина-мать разобьет врага и уничтожит его.

После этих слов шахтный оркестр грянул «Интернационал», и его подхватили сотни людей, и пошли колонны. Во главе колонны шли дети Испании с красными знаменами, затем шахтеры с семьями, а замыкал колонну отряд шахтеров, вооруженный боевым и охотничьим оружием. Выйдя за поселок, колонна остановилась, чтобы проститься с теми, кто оставался.

В это время раздался взрыв, и шахтный копер словно шагнул в сторону развернутых знамен. Многие шахтеры встали на колени, не скрывали слез, они говорили: «Мы вернемся!».

«Фашисты не пройдут!». Дети Испании стройно вторили им: «Но пасаран!». Затем колонны развернулись и двинулись в сторону Штеровки и далее на Ворошиловград.

В областном центре людей расформировали по частям и направлениям. Детей Испании погрузили в поезд и куда-то отправили.

Сергей Горбачев:

Главному инженеру Коренко, шахтерам Захарову, Александрову и мне приказали взорвать шахту. Подготовив все необходимое для взрыва, выжидали до последнего: может, отменят приказ и удастся сохранить ствол. Но кольцо врагов сжималось, патроны вышли. Надо было взрывать и уходить. Дрогнули руки, когда поджигал бикфордов шнур. А потом метнулся в степь, чтобы не видеть и не слышать, как низвергается великан-копер.

Михаил Корпьяк:

Вечером, когда утихла канонада, мы уточнили свои потери. Командир разведроты доложил, что во время отхода за Миус пропал без вести красноармеец Тугай.

Иван Акименко:

30 октября в 4 часа утра немецкая пехота всеми своими силами навалилась на первый стрелковый батальон на южной окраине Княгиневки.

Наша артиллерия несколько раз разгоняла немецких саперов у

Миуса. К 12 часам дня вражеские автоматчики с боем вышли на возвышенность, которая разделяла Княгиневку на две части. Было хорошо видно, как группа немцев подошла к дому, стоящему на этой возвышенности. Немецкий пулеметчик взобрался на крышу дома, а офицер этой группы уселся на стуле возле дома и наблюдал в бинокль за ходом боя.

Возле командного пункта нашего третьего батальона было установлено орудие, которое находилось в подчинении Григория Гриценко. Он и командовал:

— Огонь по дому!

С первого выстрела пулеметчик был сбит, а офицер ранен. Для оказания помощи к офицеру подбежал санитар. Но тут возле них посыпались наши мины. Офицер был убит.

С левой стороны немцы продвигались с боем по огородам на вторую половину поселка. По ним били наша артиллерия и минометы. Немцы, не дойдя до нашего штаба на расстояние одного километра, где от второго и третьего батальонов была проложена кабельная связь, перерезали ее. Три вражеских солдата начали сматывать линию в нашу сторону.

Для устранения повреждения на линии ушли старший сержант Григорий Красников и Николай Вершилов. Они засели в овраге. Когда фашисты подошли к ним, Красников резко потянул телефонный кабель на себя и запутал им фашистов. Вершилов из своей любимой винтовки с оптическим прицелом уничтожил остальных двух фашистов. Таким образом, вся линия связи была отбита у врага.

Немцы, ведя бой в Княгиневке, одновременно накапливали свежие силы в ложине по ту сторону Миуса, куда подходили все новые и новые части со стороны Снежного. В ложину также прибывали колонны с боеприпасами.

Штаб нашего полка оставил северную окраину Княгиневки и отошел на шахту № 2 ВЛКСМ, откуда и руководил боем. На помощь стрелковому полку прибыл кавалерийский полк, который, спешившись, принял бой вместе с подразделениями нашего полка. Общими усилиями наступление немцев было приостановлено. Срывался план фашистов, считавших наступление на Княгиневку одной из главных своих задач. Через нее им открывался кратчайший путь к Красному Лучу.

После боя за Княгиневку наступил период боев местного значения, которые проходили на участках полков в различное время.

И. Козловский:

В полдень 30 октября 1941 года мне позвонил уполномоченный Наркомата безопасности на нашем химзаводе Ямпольский и заявил:

— Забыли заминировать дальние склады... Немедленно выезжай туда и заминируй их!

— Позволь, а где же рабочие? Где тракторы? Где взрывчатка?

— Последних рабочих увели с завода под руководством парторга Давыдова. Рабочих больше нет. Даю в твоё распоряжение выездную пару лошадей Бидинского и в помощь представителя из Главка механика завода № 512 тов. Морозова. Реши вопрос на месте сам.

С Морозовым выехали на дальние склады. Они были набиты колоссальными запасами сырья. В одном из складов обнаружили ящики с пачками тротила. Вдвоем растащили их по складам и уложили детонаторы, подготовили к взрыву. Я направился в пороховое производство, Морозов остался поджигать шнур.

Авраам Прагер:

Как только началась бомбежка станции, мы не растерялись и повели эшелон на ближайший разъезд. Один фашистский стервятник погнался за составом. Опытный машинист стал маневрировать. Одна из бомб попала в хвостовой вагон. Он загорелся. Рядом находились два вагона со взрывчаткой и порохом. Если бы они загорелись, взрыв уничтожил бы весь эшелон. Мне удалось вместе с подоспевшими железнодорожниками на ходу отцепить горящий вагон и тем самым спасти эшелон с оборудованием.

И. Козловский:

Сигналом к взрыву химзавода должен служить взрыв заводской шахты, расположенной рядом с пороховым производством. И вот примерно в 16 часов последовал взрыв на шахте. Я заранее расставил по линиям производства подготовленных подрывников. Была установлена очередность взрыва, чтобы планомерно, без риска для жизни отступать от взрываемых объектов к проходным воротам. Каждый подрывник должен обмотать себя запасным бикфордовым шнуром, иметь во внутреннем кармане запасные детонаторы и запас спичек. Меры, как скоро оказалось, не лишние. Получив сигнал о взрыве, я побежал на полигон завода, расположенный за территорией завода. Подрывники во главе с начальником полигона И. Шороховым ждали

меня. Всю оснастку полигона: артиллерийские системы, минометы, хронографы — давно отправили в глубь страны. Предстояло уничтожить лишь пустующие здания.

Старый вояка, партизан Шорохов И. Е., увы, растерялся: он никак не мог найти в своих карманах спички. Пришлось бросить ему свою запасную коробку. Шнуры зажжены. Все бросились на территорию завода, а вслед за нами грохотали взрывы...

Я дал сигнал зам. начальника цеха № 5 Улановскому В. И. начинать взрывать. Грешен, я не доверял Улановскому. Он лишь недавно поступил на завод, отслужив в морфлоте, потому бежал вслед за Улановским, проверяя, все ли запалы подожжены. Улановский работал четко. Во всех зданиях, а их было более двадцати, шипели подожженные шнуры, и ни одного пропуса.

«Молодец, Веня, — невольно подумал я. — Все ли так справляются с этой чудовищной, столь противной нашему сердцу работой». Линия зарядных мастерских вела к двум корпусам — зданию центральной заводской лаборатории и научно-исследовательской лаборатории завода. Я вбежал в здание и поджег шнур. Спрятавшись в вырытой щели, ждал взрыва. Это было ужасное зрелище. В воздух поднялись миллиарды частичек битого стекла, сверкая всеми цветами радуги. Мы не могли увезти посуду лаборатории. Не было крытых вагонов. Битая лабораторная посуда сияла радугой в лучах заката.

Сердце сжалось. Здесь работали мои главные помощники, исследователи: А. Новорошкина, Р. Султанова, Шарабрина... Много лет трудилась и моя жена. Здесь я проводил большую часть рабочего времени. Здесь мы впервые в СССР провели нитрацию на глицерине из мелассы (т. к. жирового глицерина не хватало в стране). Это был смелый шаг.

Здесь с Кислициным П. разработали взрывобезопасную эмульсию нитроглицерина, нашли причину провала при испытании минометных порохов к батальонному миномету. Дело в том, что после выстрела часть мин летела с огненным шлейфом, падая в 300 метрах от миномета. Сколько упреков, угроз «Ты потерял технологию!», «Почему раньше не было таких явлений?». И вот после упорных трудов найдена причина ненормального поведения порохов. Она заключалась в дефекте поставляемых на завод капсулей, в резком колебании навески взрывчатки в отдельных капсулях.

Много было сделано, а ведь опыта в Союзе не было. И разве нельзя простить слезы, струившиеся по моему лицу при виде этого ужасного фейерверка? Ведь мне было 28 лет.

Но нужно было взять себя в руки и спешить взрывать дальше.

Взмах левой рукой означал начало взрыва линии резки и разбраковки порохов. Ее подрывал техник военпредовского аппарата Игнатенко Тимофеем. Он четко справился со своей задачей.

Осталось подорвать лишь котельную и вновь отстроенное здание военизированной пожарной команды. Котельную должен был подорвать Милютин, а пожарную Мамонов С., но их все не было. Тревога наша возрастала, а шнуры, проложенные к вагону с порохом, все горели и горели. Положение ужасное, но, наконец, прибежал Милютин и Мамонов. Милютин в темноте здания котельной еле нашел шнуры, а у Мамонова дела обстояли хуже: какой-то подлец сумел извлечь капсюли из заложенных нами зарядов в пожарной. Вот тут-то игодились запасные детонаторы и шнур. Мамонов заново вставил капсюли и подорвал здание.

...Завод строила вся страна пять лет. Это был единственный в то время мощный завод нитроглицериновых порохов в СССР. Разрушили мы его за 2 часа.

Прасковья Колесникова:

Возвратилась из больницы домой 30 октября. Немцы вошли в Княгиневку. Был бой. Один советский разведчик по фамилии Тугай оказался отрезанным от своих. Фактически он очутился в тылу врага. Семье Гнилицких удалось спрятать его и переодеть.

Наша улица оказалась нейтральной. Когда стемнело, я, Нина Гнилицкая и Тугай сели на коней и под покровом ночи прибыли в Красный Луч.

Петр Гуленко:

И вот настала одна из последних октябрьских ночей. На реку Миус вышли опаленные боями воины-шахтеры дивизии Героя Советского Союза Константина Ивановича Провалова. Они заслонили наш родной город. На рассвете началось жестокое сражение, длившееся почти две недели.

Враг частями 4-й горнострелковой и 198-й пехотной дивизий прорвался к черте города. Но проваловцы не дрогнули, отбросили его за реку Миус и вынудили перейти к обороне.

В этих боях отличились воины частей майора Бондаренко, капитана Кипиани, капитана Борсоева, майора Ковалева и других подразделений.

Михаил Корпак:

383 шахтерская дивизия в тяжелых боях в ночь на 31 октября вышла к реке Миус. Гитлеровцы получили здесь такой отпор, что захлебнулись в своих потерях. Октябрь, прошедший в боях, дал опыт. Так на рассвете 1 ноября появился неприступный для фашистской армии рубеж Миус-фронт.

Красный Луч имел большое тактико-оперативное значение. Стране и армии нужен был уголь. А краснолучане продолжали добывать его, больше того, к моменту занятия обороны по реке Миус в городе скопилось около 700 тысяч тонн добытого угля, его нужно было отгрузить и отправить в глубь страны.

Ефросиния Литвинова:

В поселке Штергрэс работала в больнице, воспитывала дочь Нину 12 лет. На второй день войны меня и врача с санитаркой оставили в поселке для эвакуации раненых. Вскоре после этого наши полки — 691 и 1/729 отступали за Миус, взорвав мост. Мы на носилках переправляли больных и раненых.

Большую помощь кадровой армии оказывал партизанский ставлинский истребительный батальон, командовал которым т. Нидбаевский.

Михаил Корпак:

Утром комиссар разведроты политрук Спартак Авксентьевич Железный сообщил, что красноармеец Тугай нашелся. Через немецкую оборону его провела Нина Гнилицкая, жительница поселка Княгиневка. С ними пришла подружка Нины. В Княгиневку они возвращаться не собираются и просят оставить их в дивизии. Гнилицкая просится только в разведку.

Командование роты поддержало их просьбу. Но все же, девушка — в боевую разведку? Как быть? Надо серьезно поговорить с самой Гнилицкой и тогда решать.

Константин Провалов:

В ночь на 31 октября, часов около двух, мы приехали на командный пункт дивизии, который располагался в здании горкома партии. На КП встретился с первым секретарем горкома партии И. М. Белев-

ским. В том, как стремительно шагнул он к нам с Корпяком, как коротко пожал руку, чувствовалось, что Белевский находится в сильном волнении.

— Когда будете сдавать город? — резко спросил он.

— Не собираемся.

Наверное, я ответил резко. Мы были утомлены, да еще этот густой поток беженцев на краснолучских улицах...

Иван Матвеевич сдержался, успокоился.

Иван Белевский:

31 октября 1941 года гитлеровцы чуть было не прорвались в центр города. Шли ожесточенные бои по реке Миус, в районах Новопавловки, Штергрэса, Княгиневки, шахты № 12/13. Дивизии под командованием К. И. Провалова и А. Я. Петраковского во взаимодействии с другими воинскими подразделениями отбросили захватчиков за Миус.

Задача городского комитета партии тогда состояла в том, чтобы оказывать всемерную поддержку фронту, защитникам Красного Луча.

Наш прифронтовой горком организовал вокруг себя актив, состоящий из подпольных парторганизаций. Да, в то время в Красном Луче почти все парторганизации были подпольными: время суровое, фронт — рукой подать. В актив также входили беспартийные патриоты, женщины-общественницы. С их помощью мы размещали солдат и офицеров по квартирам. Домохозяйки готовили им пищу, стирали белье.

Мы организовали ремонтные пункты по починке армейского обмундирования, эвакогоспиталь в школе им. Горького. Для госпиталя собрали койки, постельные принадлежности.

Большую помощь нам оказывали подпольные парторганизации шахт № 17/17-бис, № 16 им. «Известий», № 7/8, поселка Хрустальное. Особенно активно проявили себя руководитель подпольной парторганизации шахты № 16 им. «Известий» А. Ивликов, коммунист с 1920 года, руководитель подпольной организации машзавода Т. Кирюхин, который был смертельно ранен немцами за Штергрэсом при выполнении боевого задания: он взорвал вражескую машину с солдатами.

В оказании помощи фронту многое сделал секретарь подпольного горкома партии Алексей Митрофанович Вахначев. Тесную связь с нами держал бывший секретарь Ивановского райкома партии тов. Пацюк.

С помощью актива мы увлекали население города на строительство оборонительных сооружений. Работали ночью. Днем — нельзя. Мог заметить и обстрелять противник.

Труженики Красного Луча отгрузили в глубокий тыл сотни тысяч тонн запасов угля, ценное оборудование со Штергрэса. Работами по отправке топлива руководили второй секретарь прифронтового горкома Алексей Игнатьевич Литвинов, бывший начальник шахты № 16 им. «Известий» Дмитрий Петрович Бобрицкий, один из зачинателей стахановского движения в Красном Луче Иван Федорович Молостов и другие.

Михаил Корпjak:

Так получилось, что Княгиневку пришлось отдать немцам, и между шахтой и поселком стал фронт. Можно ли было спокойно жить с гитлеровцами, если рядом наши!.. И Нина решилась.

— Сегодня ночью или никогда, — сказала Гнилицкая подруге Паше Белогрудовой. Перед дорогой собрала Ирина Андреевна, мать Нины, на стол. Вдруг — стук в дверь.

— Хозяйка, немцев у вас нет? — послышался шепот.

— А ты кто такой? — спросила и поняла, что напрасно. Парень был в красноармейской форме.

— Тугай я, от своих отстал, вот пробираюсь. Воды у вас не найдется?

— Найдется, только тебе сейчас переодеться надо. Немцы могут нагрянуть...

Нина толкнула Тугая в другую комнату. Достала из сундука костюм брата Петра.

— Одевайся, да побыстрее.

Только Тугай уселся за столом с хозяевами, как на пороге застучали сапоги фашистов. Мать перепугалась.

— Что будет?!

А Нина ей:

— Сиди спокойно.

Немцы ворвались и прямо к Тугаю:

— Кто такой?

Нина первая опомнилась:

— Муж, — говорит, — мой.

Поверили, ушли.

Девушки помогли красноармейцу пробраться к своим.

Карп Величко:

Призван в армию в октябре 1941 года. Направили на Центральный фронт старшим оперуполномоченным особого отдела армии. В Смоленской области с группой бойцов попал в окружение. Вели бои в тылу врага, пока силы не истощились и не кончились боеприпасы. Тогда, следуя приказу командования, разбились на маленькие группы и попытались выйти из окружения, но тяжело раненый попал в плен. Вместе с другими привезли в Гомель и поместили в лагерь военнопленных.

Михаил Корпняк:

Нина Гнилицкая хорошо знала окрестности Красного Луча. Она жила здесь с детства. Дочь потомственного шахтера Тимофея Макаровича Гнилицкого тоже связала свою юность с шахтой № 4. Выбирала породу из угля, работала откатчицей, телефонисткой. Вечерами вместе с подругами занималась в стрелковом кружке.

Прасковья Колесникова:

И вот мы в разведроту. Отсюда доложили в штаб дивизии, что разведчик возвратился с двумя девушками. Нас вызвали в штаб. Мы с Ниной заявили, что хотим защищать Родину, хотим на фронт.

Михаил Корпняк:

— Думаю, что принесу пользу разведке, — спокойно говорила Гнилицкая. — Местная я. Каждая тропка, извилина и кустик знакомы мне.

Я слушал и наблюдал за Гнилицкой. Мне стало ясно, что передо мной не совсем обычная девушка.

— На шахте с 16 лет, — продолжала она. — Откатчицей была, сортировщицей, а потом телефонисткой стала. Комсомолка я с 1935 года. Началась война. Просилась в армию. Но не взяли.

Гнилицкая внушала доверие. Я спросил Железного:

— Комиссар, как думаете, получится из нее разведчица?

— Хорошая разведчица из нее выйдет. Командование роты просит зачислить ее к нам.

Нина благодарно взглянула на Железного и улыбнулась.

— Ладно, зачисляйте.

Прасковья Колесникова:

Нашу просьбу удовлетворили. Так мы влились в семью проволочников. Нину зачислили разведчицей, меня — санинструктором.

Иван Белевский:

Жизнь в цехах машзавода не прекращалась. С фронта на завод начали поступать поврежденные танки, самолеты. Была создана специальная бригада, которая производила ремонт боевой техники. Эту бригаду возглавил опытный специалист, умелый организатор коллектива, коммунист Г. М. Микитянский. В состав бригады вошли известные новаторы производства, мастера: электросварщик Борисенко, слесари Беликов, Павлинский и другие. Станки и другое оборудование, инструменты были вывезены в тыл, однако бригада сумела обеспечить своевременное выполнение фронтового заказа. Сутками не выходили из цехов ремонтники. Танки и самолеты обретали вторую жизнь и продолжали громить врага. Ремонт боевой техники прекратился лишь тогда, когда враг уже вступил на окраины города. Коллектив бригады во главе со своим вожаком Г. М. Микитянским влился в ряды воинов.

Владимир Гавриленко:

31 октября все части 18-й армии перешли Миус. Передний край обороны должен был проходить по линии Чернухино — Стрюково — Яновка — Княгиневка — Новопавловка и далее по Миусу. Однако немцы вклинились в оборону 395-й шахтерской дивизии на юго-востоке от Новопавловки и начали продвигаться в направлении на Бокowo-Платово. Захватив совхоз «Боковский», они создали реальную угрозу захвата дороги Антрацит — Красный Луч. Фронт обороны дивизии выгнулся дугой и растянулся до предела. Передовые части дивизии только ценой предельного напряжения могли держать фронт на глубоком изгибе: Новопавловка — совхоз «Боковский» — Есауловка — Нижний Нагольчик — Дьяково — Дмитриевка.

Владимир Борсоев:

31 октября батарея прибыла в г. Красный Луч.

Михаил Корпак:

В свою первую вылазку Гнилицкая провела разведчиков в Княгиневку. Уничтожили фашистов, захватили документы, оружие, «языка». Пробрались к здоту у северной окраины поселка, забросали его гранатами и растворились в темноте.

Константин Провалов:

В 8 часов утра 31 октября противник начал артиллерийскую подготовку. Особенно сильный огонь он вел по району севернее Княгиневки, где оборонялся 3-й батальон 691-го стрелкового полка, которым командовал старший лейтенант А. С. Окунев, и по правому флангу 694-го стрелкового полка. После получасовой артподготовки в наступление пошла вражеская пехота. Под прикрытием холмов правого берега Миуса она пошла к реке в предбоевых порядках и только тут, в непосредственной близости от реки, развернулась в боевые. Густые цепи немецкой пехоты быстро скатились с крутого правого берега и, несмотря на плотный огонь наших артиллерийских батарей, одним рывком сблизилась со своими. Видно было, что противник стремится одним ударом опрокинуть оборону 383-й стрелковой и с ходу захватить Красный Луч. Хотя силы были неравны, батальоны шахтерских полков оборонялись как никогда мужественно и стойко.

А в это же время в тылу у немецкой дивизии с огромным упорством вела бой 6-я рота 694-го стрелкового полка, которой командовал старший лейтенант И. И. Медведев. Она отстала от батальона, уклонилась в сторону и теперь прорывалась на левый берег Миуса.

Владимир Гавриленко:

До полудня 31 октября гитлеровцы вышли к Миусу по всему фронту обороны 383-й дивизии. С высокого правого берега они обстреляли из минометов и орудий южную часть Княгиневки, которую оборонял батальон 694-го полка капитана Шалвы Ивановича Кипиани лошину правее от нее, где окапывались подразделения 691 полка майора Ковалева. Под прикрытием артиллерийского огня немцы перешли Миус, захватили село Яновку и южную часть Княгиневки.

Петр Трофимец:

31 октября истребительный батальон и отряды ополчения действовали вместе с воинами 383-й шахтерской дивизии. Они обороняли Штергрэс, Новопавловку и на этом рубеже остановили продвижение врага. Передовая линия обороны оказалась у самых стен города. Например, в нескольких сотнях метров от улицы Нагорная в поселке ш. 4-бис был передний край обороны с наблюдательным пунктом на терриконе шахты. Приблизительно на таком же расстоянии находились передовые позиции от поселков ш. 2 ВЛКСМ и ш. 162.

Анна Мищенко:

Война — время большого и святого труда. Труда, большого подвига, выдержки, самоотдачи. Меня назначили начальником санитарного поезда. 50 человек было в составе нашего коллектива. Мы никогда не слышали слов «не могу» или «не хочу». Забывая о сне, еде, мы работали, спасая бойцов.

Михаил Корняк:

В 966-й артиллерийский полк Степан Суворов прибыл в разгар ожесточенных сражений осенью сорок первого, когда гитлеровцы любой ценой пытались завладеть Красным Лучом. Ему недавно исполнилось восемнадцать. В школе хорошо учился. Метко стрелял, далеко и прицельно метал учебные гранаты. Любил лошадок, а поэтому назначили его ездовым в артиллерийскую батарею.

Батарею оставили для прикрытия отхода подразделений полка. В последний момент вражеская мина угодила в самый центр расчета орудия. Были убитые и раненые. Фашисты, предвкушая успех, пошли в атаку в полный рост. «Что делать?» — подумал Степа Суворов. А потом развернул орудие, установил его на прямую наводку, заложил осколочный снаряд и произвел выстрел. Взрыв произошел в самой гуще атакующих. Второй выстрел был еще удачнее. Враг оторопел. Оставшиеся в живых гитлеровцы попятились назад.

Екатерина Нужненко:

Ночью пришел из кустов мужчина с большой бородой. Он зашел прямо в хату. Мы все сторонимся — испугались. А мама плачет, обнимает его, говорит, не бойся, подойди, поцелуй, это папа наш. А я

боюсь, не узнаю отца. Он побрился, помылся, переоделся. Мать собрала ему мешок. Он ушел в лес, даже на одну ночь не остался дома. А мама наказала:

— Никому не говорите. Отец бежал из плена и ушел в партизаны.

Но земля слухами полнится. Полицаи стали за нашим домом следить. Тем более что партизаны начали о себе напоминать.

Владимир Гавриленко:

Захватив села Княгиневку и Яновку, немцы продвинулись западнее Красного Луча. Они взяли также шахту № 12. Над левым флангом обороны 696 полка нависла угроза обхода. Гитлеровцы начали продвигаться на поселок Хрустальное и шахту № 7/8. Когда бы немцам удалось захватить их, оборона Красного Луча была бы сломлена. В этот день мне пришлось выехать на Миус.

Евгения Трофимова:

В Караганде нас приняли очень хорошо. Квартиры натоплены, в них — все необходимое для жизни. Краснолучане жили в поселке Майкудук. Меня вызвали в областной комитет партии и направили уполномоченным в колхоз «Путь к социализму». Здесь я вела политическую работу среди колхозников и трудилась вместе с ними в поле, на фермах, там, где было необходимо.

Владимир Гавриленко:

В оперативном отделе дивизии я услышал интересную историю. Ее рассказывали как штабную сенсацию. Полковник Провалов, который командовал 383-й дивизией, не выполнил приказ об отходе на новый рубеж. В ночь на 1 ноября командование армии приказало К. И. Провалову оставить Красный Луч и отойти на линию Штеровка — балка Поповы Луга. Однако комдив решил вести бой на ранее занятых позициях и город не сдавать. За это он получил от командования... не взыскание, а благодарность! Весь день дивизия отбивала натиск гитлеровцев. Положение становилось порой угрожающим до предела. Но все атаки немцев были отбиты с большими для них потерями.

Михаил Алексеев:

Когда шахтерская дивизия заняла оборону города, все население шахтных поселков, особенно молодежь 14 – 16 лет, пришло на помощь. С нашей шахты помогали воинам комсорг Валентин Ременников, его товарищи В. Коротких, А. Загорулько, Л. Дундарева, В. Сопелева, Л. Бобрицкая и многие другие жители нашего поселка. Люди подносили мины, снаряды, оказывали помощь раненым защитникам.

Враг был остановлен. Дивизия перешла в контрнаступление и вышвырнула врага за Миус. Отбили шахты 2 ВЛКСМ, 5-бис, шахту № 12. Тяжкое преступление врага увидели воины на освобожденной шахте № 12. Трудоспособное население немцы угнали. Многие дома заминировали, хотя в них находились женщины и дети. Наши саперы разминировали дома. Но без жертв не обошлось.

Григорий Лысенко:

Один наш офицер решил показать командующему Армией Лелюшенко немецкую самоходку. Разогнал ее и направил на «НП», а остановить не может. Я вижу, что беды не миновать, заденет командующего. Хватаю Лелюшенко за рукав и тяну на себя. А он меня палкой... Разобравшись в ситуации, он угостил меня «Казбеком».

Владимир Гавриленко:

К. И. Провалов решил не пустить немцев в Красный Луч. Он быстро оценил ключевое положение города на высоте. С юга его надежно прикрывал довольно широкий изгиб реки, зеркало водохранилища Штеровской электростанции. Село Новопавловка, опоясанное полупетлей изгиба Миуса, словно передовой форпост, возвышалось над центральной позицией обороны города. Одновременно это обеспечивало твердость соединения левого фланга 383-й с соседом — 395-й шахтерской дивизией.

Константин Провалов:

Накануне я дал слово руководителям города, что будем защищать Красный Луч... Мне казалось невозможным отдать город на растерзание гитлеровцам... Прочитав приказ об отходе дивизии на новый рубеж, я решил просить командование разрешить мне удерж-

живать Красный Луч хотя бы до 8 ноября... Чтобы не пускать оккупантов в день нашего Великого праздника! Посоветовавшись с комиссаром дивизии Корпяком, принял решение: драться дальше, не сходя с места, и Красный Луч не сдавать.

Владимир Гавриленко:

Воины-шахтеры сохранили в основном свои позиции и к утру укрепили их. Кто бы мог подумать, что как раз она, речушка Миус, станет непреодолимым барьером для врага! Но произошло то, чего никто не предусмотрел, на что никто не надеялся.

Гитлеровцы были уверены: на плечах отступающих шахтерских полков они без задержки пересекут небольшую степную речку Миус и сходу возьмут Красный Луч. А там им уже расстилался путь на Ворошиловград с перспективой выхода на Северский Донец.

Иван Денисов:

Мне было 13. В туманное осеннее утро застучали пулеметы на окраине Новопавловки. Немцы заняли соцгородок (поселок Штергрэс) и прилегающие к Миусу возвышенности, а жители на несколько месяцев оказались в прифронтовой полосе. Трудно было жить. Женщины с детьми, старики дневное время проводили в подвалах, а для подростков дни были насыщены событиями. Мы как-то быстро приспособились к фронтовой жизни.

Константин Провалов:

Весь день 1 ноября велись ожесточенные непрерывные атаки на позиции полков Кипиани и Ковалева. Но наши части успели укрепить боевые порядки, образовать систему организованного огня. Гитлеровцы несли тяжелые потери в живой силе и не могли сбить подразделения воинов-шахтеров с их рубежей.

Правда, ценой огромных потерь немцам удалось полностью захватить Княгиневку, и они ворвались в поселок шахты 4-бис. А это уже была окраина города. Позже немцы даже захватили машзавод, однако были оттуда выбиты решительной контратакой защитников города.

Владимир Борсоев:

1 ноября — шахта 4-бис. С утра гитлеровцы начали наступление. Несколько атак были отбиты нами. Батареи работали героически, вели огонь прямой наводкой и в упор разрушали дома, где укрывались немецкие автоматчики. Вечером в с. Княгиневке ночевали: на северной половине — часть нашего полковника Кипиани, на южной половине — противник. За день нами уничтожено 2 миномета и до роты пехоты противника.

Константин Провалов:

Вечером 1 ноября, как всегда, я докладывал командарму об итогах боевых действий дивизии в течение дня. Доклад этот был короткий: несмотря на сильное давление противника, шахтерские полки прочно удерживают занятый по Миусу рубеж. Еще ни разу за все время боев в Донбассе я не испытывал такого глубокого и радостного удовлетворения: здесь, на подступах к Красному Лучу мы устояли. Последующие четыре дня ожесточенные бои продолжались.

Донесение командиру 383 сд

1 ноября 1941 г. в бою на северной окраине с. Княгиневки убиты и похоронены:

Лузан Иван Филиппович. Рядовой. Родился в Тихорецком районе Ростовской обл. в 1913 г.

Куницын Василий Иосифович 1916 г. р. Жена Елена Кузьминична. Село Уткино Задонского района Орловской обл.

Евгения Трофимова:

Мужчины ушли на фронт. Хлеб не убран с площади в 1000 гектаров, а уже наступил октябрь. Комбайны вышли из строя, а ремонтировать их было некому. Пришлось косить на лошадях лобогрейками. В работу включились все — и старики, и дети. Большую помощь оказывали нам подростки. Они заменили мужчин, косили даже ночью при луне. Мне приходилось находиться в степи дни и ночи, ведь все работали от зари до зари. Первое время я выполняла только одну норму, а потом втянулась и стала выполнять до трех. За мною тянулись и остальные труженицы. В течение месяца мы скосили хлеб на площади 840 гектаров и заскирдовали его.

Лозунги тех дней «Все для фронта, все для победы», «Каждый убранный колосок — удар по врагу» были не пустыми словами. Они запали глубоко в сердце каждого труженика. Мы валились от усталости, но не бросали своего поля боя. Вскоре начался обмолот, пошли красные обозы с хлебом. До станции километров 50.

Зоя Цацуро:

Отходили на Ворошиловград. На станции Миллерово было большое скопление воинских эшелонов. Немцы их беспрестанно бомбили. Мы, медсестры, не успевали перевязывать раненых... А что было на переправе через Дон! Все горело! Солнце меркло от дыма. Стоны, крики заглушали взрывы бомб и снарядов. Но мне казалось, что это еще не фронт. И я попросила своего комбата Бугаева направить меня на передовую. Он так страшно посмотрел на меня и как гаркнул:

— Тебе что, этой передовой мало? Чтоб не слышал больше таких разговоров! Поняла?

А поняла я все чуть позже, когда меня контузило и еле извлекли из земли.

Донесение командиру 383 сд

1 ноября 1941 г. в бою в районе шахты № 22 г. Красный Луч убиты и там же похоронены:

Палаташвили Георгий Иванович. Рядовой. 1909 г. р. Жена Мария Освивантовна живет в с. Дзвера Горичского р-на Грузинской ССР.

Удовенко Иван Андреевич. Лейтенант. 1921 г. р. Мать Анна Ивановна. Воронежская обл. Орджоникидзенский р-н.

Крайний Петр Алексеевич. Рядовой. 1913 г. р. Жена Елена Лукьяновна. Деревня Атасова Днепропетровской обл.

Биделенко Иван Данилович. Политрук. 1912 г. р. Жена Наталья Сергеевна. Краснопольский р-н Сумской обл.

Крамской Григорий Кондратьевич. Рядовой. 1896 г. р. Анастасовский р-н Днепропетровской обл.

Валентина Задорожная:

Мы жили тогда на шахте № 4-бис. У нас поселились батарейцы. Началась стрельба. И когда внесли раненого, мы поняли, что живем на передовой.

Александра Бурдукова:

Кто сказал, что ко всему можно привыкнуть? Нет, к смерти привыкнуть нельзя. А ее ох как много было. Привозили тяжелораненых с передовой в госпиталь, расположенный в школе № 1. Их надо было переносить в палаты, а потом вместе с врачами бороться за их жизнь, выхаживать. И каждый раз, когда хоронили очередную жертву, войны, казалось, прощаются с самым дорогим, родным человеком. Приходилось юным медсестрам и кровь свою давать чьему-то брату, мужу, сыну...

Привезли как-то много раненых, мест в палатах не хватало, их укладывали на полу. Молоденький боец, раненный в голову, все время звал кого-то в бреду. Я подошла к нему и спросила:

— Что тебе, дорогой?

А он:

— Мама, мама!

Сердце мое сжалось, слезы навернулись на глаза, но я сдержала себя и говорю ему:

— Потерпи, родной, скоро легче будет.

Донесение командир 383 сд

1 ноября 1941 г. в бою в районе г. Красный Луч убит и похоронен на высоте 162,2 Толмачев Андрей Терентьевич. Рядовой. Село Завгородное Харьковской области.

Михаил Карась:

Я учился в школе ФЗО. Хотелось стать маляром. Фашисты нарушили мои планы. Да что мои планы, моя Родина была в опасности. Мы рыли окопы под Красноармейском. В октябре враг приблизился к Донбассу. Нам приказали уходить... Трудным оказался этот путь. По дороге к Дебальцево налетели немецкие самолеты. Бомбы падали точно. Это были первые бомбы, которые я видел, первые жертвы, которые должен был пережить. Убитых и раненых было много.

Когда мы добрались до Красного Луча, родных моих уже никого не было. Жили мы в районе шахты 2 ВЛКСМ. Там теперь располагались солдаты. Вызвали в военкомат. Приказали уйти в тыл. Триста таких парней, как и я, пошли на Миллерово.

Иван Белевский:

В первых числах ноября враги ворвались в поселок шахты 4-бис, в район машзавода. Но вскоре их оттуда выбили. Город держался. Бои затихали только ночью, но с рассветом разгорались.

Александр Григорьев:

Командир артиллерийского полка Владимир Бузинаевич Борсоев принял меня как добровольца в ряды бойцов. С тех пор так меня здесь и звали: Сашко — сын полка.

Было мне 14 лет. Как мог, помогал разведчикам и артиллеристам. Однажды мне довелось побывать на НП, находившемся на терриконе шахты № 162. Один из бойцов наблюдал за противником в стереотрубу. Дал посмотреть и мне. Левее Княгиневки я заметил пушки. Кричу старшему сержанту:

— Смотри, немецкая батарея!

А он с улыбкой мне отвечает:

— Мы эту батарею целую неделю видим. Ложная она. А вот обнаружить бы надо настоящую.

...И вот я в разведке. На рассвете (это было в ноябре) перешел Миус в районе Штергрэса. Одет был крестьянским подростком, за пазухой кусок хлеба, через плечо веревка для дров. Места здешние мне с детства знакомы. И вот я уже на территории, занятой врагом, под Снежным. Идти дальше было опасно: лес кончился, за ним — открытое поле. Я спрятался на бугре, откуда хорошо просматривался Красный Луч. Постоял еще немного, осмотрелся — никого не видно и не слышно. Решил пройти в другой конец бугра. Когда очутился на самом верху, с испугу присел. Немного подождал, потом чуть приподнялся и разглядел в ветках... замаскированные орудия, недалеко от которых стояли подводы со снарядами. Лошади странные какие-то, с длинными ушами (позднее узнал, что это были мулы).

Понаблюдав я еще немного и стал пробираться потихоньку назад. У речки, наверное, целый час просидел, все прислушивался, нет ли немцев поблизости. Потом пригнулся и беспрепятственно перешел Миус.

На своем берегу от радости побежал. Явился в штаб, доложил дежурному командиру о возвращении из разведки. Он отослал спать. А утром меня вызвал В. Б. Борсоев, расспросил обо всех подробностях, и потом мы вместе пошли на НП, откуда я показал ему холм, за которым укрывались орудия фашистов.

— Молодец, Сашко, за разведку! — сказал Борсоев.

А вскоре наши артиллеристы накрыли эту батарею, и фашисты оттуда больше не стреляли.

Донесение командиру 383 сд

2 ноября 1941 г. убиты и похоронены в балке Хрустальная:

Удовиченко Алексей Степанович. Рядовой. 1918 г. р. Сталинская обл., Петровский район, шахта 5/6.

Иваницкий Андрей Михайлович. Рядовой. 1906 г. р. Сталинская обл., Петровский район.

Лариков Михаил Федорович. Рядовой. 1916 г. р. Сталинская обл., шахта 3/4.

Кулабухов Андрей Андреевич. Рядовой. 1914 г. р. Добропольский район Сталинская обл.

Ероменко Сергей Сидорович. Рядовой. 1913 г. р. Сталинская обл., Петровский район.

Михаил Корпак:

Гнилицкая сразу же включилась в боевую жизнь роты. Честность, скромность, умение вести за собой людей сделали ее любимцей всей роты.

Части совершенствовались оборону и приводили себя в порядок. Приближалась 24-я годовщина Октября. Командование дивизии опасалось, что в праздник немцы попытаются овладеть Красным Лучом. Каждую ночь велись поиски. Нужен был пленный.

Ночью небольшая группа разведчиков во главе со старшиной Владимиром Хацко пошла на поиск. Гнилицкая без единого выстрела провела группу на северную окраину Княгиневки, к дзоту, ловко замаскированному под отдельным деревом. Разведчики ворвались в дзот, перекололи немцев финками, захватили документы, оружие, одного раненного гитлеровца и бесшумно растаяли в ночи, словно призраки. К сожалению, пленный мало что знал. Сведения были более чем скромны. А нам крайне нужно было знать, какие силы в глубине обороны врага, его планы и многое другое. Оставался единственный выход – заслать своего человека в тыл противника. Посоветовались с командирами и решили послать Гнилицкую. Нина согласилась.

— Задача сложная и очень опасная, – предупредили мы Гнилицкую.

— Знаю! И все-таки пойду, – ответила она.

Донесение командиру 383 сд

2 ноября 1941 г. убиты и похоронены в Княгиневке:

Зинько Николай Леонтьевич. Младший политрук 691 сп. Колхоз «Ударник» Витебской области.

Остапенко Василий Савич. Красноармеец 691 сп. Сталинская обл., Мушкетово.

Похоронены на ш. № 160:

Проскурин Николай Иванович. Лейтенант 691 сп. 1921 г. р. Краснодарский край, ст. Гейманов.

Дыхович Иван Сергеевич. Красноармеец 691 сп. 1910 г. р. Снежнянский район, шахта № 4.

Бугаев Ефим Дмитриевич. Сержант 691 сп. 1908 г. р. Сталино, шахта № 8.

А. Приз:

По улице Пионерской расположился медсанбат. Мальчик лет тринадцати помогал санитарам, просил, чтобы его зачислили в армию. Солдаты отшучивались, говорили, что ему надо подрасти.

Оказалось, что нечем кормить лошадей. Этот мальчик сказал, что знает на нейтральной полосе в районе Штергрэса несколько копен сена, и вызвался перевезти их в медсанбат.

Копны оказались заминированными...

Ему пришлось ампутировать ногу. Когда после операции вернулось сознание, он спросил:

— Вы возьмете меня с собой? Я хочу бить фашистов...

Я не помню имени мальчика. Его сразу увезли в госпиталь...

Борис Стремиллов:

Линия фронта установилась между Княгиневкой и поселками шахты 4-бис по трассе подвесной канатной дороги, идущей в Штергрэс. Установилась надолго. Наши войска окопались, соорудили доты и наблюдательные пункты.

Николай Черноморов:

Маша Груй окончила к тому времени лишь семилетку, дальнейшая учеба была отложена на потом. Пока же пошла работать в парикмахерскую кассиром. Присматривалась к работе опытных мастеров,

надеялась освоить эту специальность. Но попрактиковаться никак не удавалось.

Во двор Груев вошел пожилой старшина, спросил:

— Мария Терентьевна Груй здесь живет?

— Да, это я, — ответила Маша.

— Говорят, что вы можете постричь-побрить на передовой наших бойцов. А то праздник подходит, какой же праздник неухоженному бойцу?

— Я ведь и брить-то не умею, только стригла под машинку. Вот Скорик Мария мастер на все руки.

— Ну и хорошо, зовите вашу Марию, — обрадовался старшина.

Он повел девчат на передовую. В балке Сухой их засекли и открыли по ним огонь из минометов. Словом, натерпелись девчата страха, хотя рейд их и окончился благополучно.

В блиндаже устроили парикмахерскую и приступили к делу. Двигалось оно неплохо, да только для бритья требовалась вода, а добывать ее можно только ночью. Зато как приятно девчатам наблюдать за тем, как менялось к лучшему настроение солдат. Работали еще два дня, каждый раз в другом месте. Последний раз трудились в развалинах какого-то строения на шахте № 12. Здесь особенно досаждал артиллерийский обстрел, близкие разрывы сотрясали землю, со стен падала штукатурка и мелкие камни. Но девчата не показывали страха; если человек занят нужным, важным делом, то и страх отступает. Когда управились со своим делом, отвели девчат домой, в пока еще безопасное место. Но покоя они уже не знали. Поняли, что их место на фронте.

Владимир Гавриленко:

11 разведчиков — Железный был двенадцатым — первыми ворвались в центр занятой немцами деревни. Пехотное подразделение, которое должно было закрепить их успех, запоздало. Положение становилось критическим.

— Будем стоять до конца, — сказал комиссар. И разведчики вели неравный бой до тех пор, пока не подошло подкрепление.

Олена Спеціальна:

Мого батька якийсь час дома не було. А от коли він прийшов, я добре пам'ятаю, як він постукав, як мати йому відчинила і тихенько з ним говорила. А на другий день мені наказали нікому не розповідати, що батько вдома. І ось зайшла до нас сусідка, а я при ній кажу:

— Мамо, а я нікому не скажу, що наш батько на печі.

Правда, тітка Олена була не з тих, що могла зробити для нас щось погане.

Батька залишили в селі для підпільної роботи. Якось до нього прийшли зв'язківці, а поліцай вистежив, і батька забрали.

Владимир Гавриленко:

Немцы, поняв, что пробиться им через Красный Луч не удастся, прорвались на южном фронте, на стыке 18 и 9 армий. Левый фланг 18 армии они потеснили до Ровеньков. Части 9 армии откатились дальше на восток.

395 дивизия продолжала удерживать Антрацит.

Антонина Тимофеева:

На Миусе шли жестокие бои. По несколько суток не смыкала глаз, оказывая первую помощь раненым, вытаскивала их из-под огня, а то и рядом с бойцами сражалась с врагом. Не обошли вражеские пули и меня. При защите Красного Луча несколько раз была ранена, но на излечении долго не задерживалась. Разыскивала свой батальон, и все начиналось сначала.

А. Приз:

Когда фашисты подходили к Красному Лучу, мы с сестрой должны были эвакуироваться с документами райисполкома и земельного отдела. Родители наши, отец Приз Герасим Ефимович и мать Приз Марфа Дмитриевна, оставались в городе.

Узнав о том, что фронт остановился и закрепился по реке Миус, я приехала в Красный Луч проводить родных, которые проживали по улице Пионерской в доме № 4. У дома меня остановил часовой.

Оказывается, в нашей квартире размещался штаб 383 Шахтерской дивизии. Командир дивизии Константин Иванович Провалов, вернувшись с передовой вечером, зашел в нашу комнату. Тепло поздоровался, с большим интересом расспрашивал меня о том, где я работаю, что делаю, о самочувствии, много хороших слов высказал о моих родителях, особенно о моем отце, с которым он часто беседовал о положении на фронте.

— От таких вечеров, — говорил Константин Иванович, — я получаю большое удовольствие.

Было время ужина, он всех нас пригласил к столу, где беседа продолжалась, в тот день и ночь на фронте было затишье.

С большим уважением он относился к моей маме. И вот главное — как бы он ни был занят, вечером всегда находил время зайти к нам, рассказать о положении на фронтах. Однажды к нам пришла моя подруга Ольга Владимировна Васильева. Константин Иванович, узнав, что у нас гостя, зашел к нам в комнату и долго рассказывал о зверствах фашистов на оккупированной территории. Константин Иванович всегда помнил о людях. Когда штаб 383 шахтерской дивизии переехал на шахту 7/8, он продолжал заботиться о моих родителях. Он присылал продукты, интересовался жизнью нашей семьи.

Иван Акименко:

Во время первой же бомбардировки погибли жена и ребенок.

Военное лихолетье каждому отмерило полной мерой. И эта мера досталась нашей семье. У меня было три брата. Росли в труде, помогая родным. Учились. А чуть окрепли крылья — разлетелись по родной земле. Я желал стать учителем и мечту осуществил. Но поработать долго не пришлось. В первый же день войны все четыре брата явились в военкомат. Трое сразу же оказались на фронте. А мое заявление военком повертел в руках и отложил в сторону.

— Идите работайте, — сказал он. — Понадобится, вызовем.

В ноябре 1941 г. попал в морскую стрелковую бригаду. Будучи заместителем политрука, находился всегда на передовых позициях.

М. Живлюк:

В первых числах ноября посыльный штаба полка прибыл к нам и передал распоряжение командира полка майора Ковалева и комиссара полка батальонного комиссара Никитина о немедленной явке в штаб командира и политрука батареи.

И вот мы стоим перед командиром и комиссаром полка. Командир полка осмотрел нас с ног до головы и сказал:

— Полк должен изматывать противника. А для этого нужен массированный минометный огонь. Командование решило объединить минометную роту с минометной батареей в минометный батальон полка и назначить вас командиром, а товарища Покатаева комиссаром минометного батальона. Мой разговор с вами считайте приказом и немедленно приступайте к исполнению новых обязанностей.

Комиссар Покатаев, когда обстановка складывалась напряжен-

ной, шел в окопы, на КП и там помогал руководить огнем. Бывало, на место погибшего наводчика миномета становился комиссар. Иногда он занимал место раненного солдата в расчете и подавал мины. Так было в боях за Штергрэс.

Михаил Корпьяк:

...Нужно было знать силу противника, но для этого свой человек должен побывать в тылу у гитлеровцев. Решили послать Нину Гнилицкую.

— Вы должны узнать, — сказал командир дивизии К. И. Провалов, — номера частей, стоящих перед нами, имеются ли танки и места их сосредоточения, есть ли подразделения и части в глубине обороны, и где они стоят.

В. Якунин:

В ноябре 1941 ушел на фронт отец. Я — за ним следом. Далеко не отставал, но и близко не подходил, чтобы не заметил. Думал, доберемся до фронта, там не прогонит. Так добрались до Ворошиловграда, и здесь потерял отца. Узнал, что ночью будут отправлять эшелон. И как только услышал команду на посадку, подумал, что отправляют часть отца. Других частей для меня тогда не существовало. Поезд тронулся. Само собой, я уже был там. Но как был разочарован, когда утром узнал, что это совершенно другая часть. Солдаты поняли горе двенадцатилетнего мальчишки, приютили, успокоили, сказали, что и с ними можно бить фашистов. Так я остался. В 172-й стрелковой дивизии, которая потом стала Павлодарской Краснознаменной. Но все это было потом, а пока повар сержант Румянцев взял меня к себе помощником.

Много позже взялся за меня командир конной разведки капитан Голов. Подучили, форму сладили, коня дали...

Константин Провалов:

Правый и левый соседи дивизии, выполняя приказ командарма, одновременно ударили по врагу и потеснили его. Командир 49-го горнострелкового корпуса противника, опасаясь дальнейшего развития этого успеха, сомкнул боевые порядки 1-й и 4-й горнострелковых ди-

визий к правому флангу и в образовавшийся разрыв двинул 198-ю пехотную дивизию, которая еще с 10 октября все время двигалась во втором эшелоне корпуса. Свежее гитлеровское соединение, введенное в бой в полосе нашей дивизии, ринулось на оборону шахтеров. Главные удары она наносила с двух плацдармов — у Яновки и Княгиневки.

Особенно упорно она наращивала усилия у Княгиневки, наступая в северном и северо-восточном направлениях по балке Хрустальная. Стык флангов 694-го и 691-го полков, продавленный узким острым клином врага, натянулся до предела. И тогда 696-й полк стал позади этого стыка. Командующий армией, видя угрожающее положение, выдвинул из своего резерва 961-й стрелковый полк на участок Яновка — Грабово и, передав его мне в оперативное подчинение, расширил нашу полосу обороны. Однако это расширение в тот момент для нас было при сопоставлении всех плюсов и минусов больше добром, чем злом. 961-й полк был кадровый, с полным штатом личного состава вооружения, имел боевой опыт. Он решительно навис над левым флангом плацдарма противника у Яновки и отвлек туда его силы, которые могли быть использованы для развития успеха 198-й пехотной дивизии.

Михаил Корпак:

Через три дня в четыре часа утра Нина появилась на командном пункте дивизии. Словно человек-невидимка, она прошла передний край немцев и наш, никем не обнаруженная. Сильно пересеченная местность способствовала ей. И все же мы были поражены и обеспокоены этим.

— Эдак и немцы могут пожаловать к нам, — сказал командир дивизии Провалов.

— Не могут, — ответила Нина. — Я где в рост, где на четвереньках, а где и на животе. Но это надо знать, где и как. А немцы не знают.

Нина попросила карту. Докладывая, она показывала места расположения вражеских частей.

Донесение командиру 383 сд

3 ноября 1941 г. убиты и похоронены на ш. № 160:

Чернояров Порфирий Юрьевич. Красноармеец 691 сп. 1908 г. р. Сталинская обл., шахта № 9 «Капитальная».

Сергиенко Александр Каллистратович. Красноармеец 691 сп. 1917 г. р. Сталинская обл., шахта № 12/18.

Меркуин Афанасий Андреевич. Сержант. 1915 г. р. Сталинская обл. Пос. Алексеевка.

Суровцев Владимир Васильевич. Красноармеец 691 сп. 1912 г. р. Сталинская обл., шахта «Пролетарка».

Иван Кондратенко:

Был комиссаром минометной батареи. Четыре раза ранен.

У небольшой деревушки Васильево неподалеку от Москвы в бою был убит командир. Мне пришлось взять командование на себя. Враг занял выгодную позицию. Наши войска теснились в лесу. Рядом — болото. Куда стрелять — непонятно. Тогда я влез на высокую сосну и оттуда командовал батареей. Мины ложились точно в цель. Враг был остановлен. Меня в тяжелом состоянии доставили в госпиталь.

Владимир Гавриленко:

3 ноября немцы возобновили атаки на шахту № 4-бис. На этот раз шахтерам помог дивизион «катюш» майора Зайцева. Залпы реактивных минометов накрыли огненной «скатертью» густые цепи фашистов.

Константин Аксенов:

3 ноября 1941 года я со своей ротой участвовал в жарких уличных боях в селе Новопавловка. Там я ранен в левое плечо. Вместе с ординарцем Колесниковым мы после прочесывания домов вышли к центральной улице и находились у углового дома. Я отдавал приказ пулеметчику Белкину, чтобы он открыл огонь по чердаку дома, который располагался через дорогу. Там засел снайпер. В этот момент я почувствовал удар в плечо. Одновременно увидел, что упал ординарец Колесников. Пуля прошла через обе его щеки, повредила язык и угодила в меня. Продолжать наступление и командовать ротой я приказал политруку, а сам с Колесниковым Егором Николаевичем стал

пробираться под разрывами артиллерийских и минометных снарядов к медпункту, который находился за речкой в колхозном дворе в подвале красного кирпичного здания. Там же был расположен штаб нашего второго батальона 30-го мотострелкового полка войск НКВД.

Донесение командиру 383 сд

3 ноября 1941 г. в бою на северо-восточной стороне села Княгиневки 694 стрелковый полк понес следующие потери:

Летошко Василий Назарович. Политрук. 1918 г. р. Отец проживает в г. Городня Черниговской обл.

Мазур Федор Анисимович. Политрук. 1917 г. р. Жена Полина Алексеевна проживает в с. Желток Днепропетровской обл.

Мисинев Никифор Никифорович. Рядовой 1909 г. р. Жена живет в пос. ш. 30 Кировского района Сталинской обл. Вынести с поля боя и похоронить не удалось.

Боков Лука Иванович. Санинструктор. 1912 г. р. с. Борщевка Харьковской обл. Вынести с поля боя и похоронить не удалось.

Владимир Борсоев:

3 ноября. Сегодня фашисты вздумали повторить наступление, но мощным огнем нашей артиллерии и дивизиона Зайцева (катюши) было выведено из строя больше половины живой силы противника, и его наступательный порыв выдохся.

Днем сидел, попивал чай. В это время разорвался снаряд под окном, вылетели все стекла, и в помещение попало несколько осколков. А я невредим. За последнее время смерть на меня покушалась часто: три раза засыпало на терриконе...

За три дня выведены из строя 2 средних командира. Салахин убит, Гершензон ранен, и ранены три бойца.

Елена Задорожная:

Перепуганные жители забились в погреба и подвалы, и мы с сестрой Валею тоже вырыли погреб под домом, но никто не хотел в него спускаться. Когда к ночи стихала стрельба, приходили жившие у нас военные — командиры батарей Юрий Кустов, Николай Максимов и их друзья, пили чай при коптилке и смеялись над нашим «бомбоубежищем». В один из вечеров без стрельбы в нашу квартиру зашел широкоплечий, статный командир и представился:

— Капитан Борсоев.

Монгольского типа лицо освещалось мягкой улыбкой.

Командиры встретили его почтительно.

— Посмотрите, Владимир Бузинаевич, — шутили они, — этот дом — чудо оборонительной фортификации, творение учительницы (наша школа к тому времени уже была закрыта).

Капитан Борсоев осмотрел подвал и, улыбнувшись, сказал:

— Что ж, неплохо, все-таки укрытие. Лучше, чем ничего.

— Надолго ли понадобится? — спросила я. Борсоев погасил улыбку, немного помолчал. Затем по-дружески и твердо сказал:

— Ненадолго! Собираемся не только остановить немцев у Красного Луча, но и погнать их на запад.

Такой ответ всем понравился. Зашумели, а Максимов даже стал высказывать предположение о том, как будет после войны называться наш город, где враг был остановлен.

Последующая неделя была адски тяжелой. От грохота пушек гудела земля. На нашем доме осталась лишь половина крыши. Вылетели не только стекла, но и рамы.

В. Джежелин:

Впереди, метрах в шестистах, — Миус. Справа Штеровская электростанция. Со всех сторон тянутся к ней провода высоковольтных линий и обрываются у самого здания. Станция мертва. Километрах в двух неугомонно строчит пулемет. Пролетает немецкий самолет-разведчик. Наши позиции на левом берегу Миуса. Берег пологий, лишь кое-где кусты лозы. Правая сторона — возвышенность, заросшая деревьями и густым кустарником. Там хорошо замаскированные батареи, доты.

Семен Пупынин:

Оборона Пулковско-го решала судьбу Ленинграда. С Пулковских высот город виден, как на ладони. Главнейшей задачей нашей дивизии являлось развитие обороны, удержание любой ценой позиций. Вместе с остальными соединениями сорок второй армии выстоять под натиском сильного врага, не пустить его в Ленинград.

3 ноября 1941 г. воины 864 стрелкового полка под командованием Воробьева С. И. после разведки боем пошли в наступление на

Верхнее и Редкое Кузьмино. Их поддерживали подразделение 880 стрелкового полка.

После падения Тихвина неимоверно усложнилась задача обеспечения войск и населения осажденного города продовольствием и фронта горячим и боеприпасами.

Донесение командиру 383 сд

691 стрелковый полк понес следующие потери:

Зинько Николай Леонтьевич. Политрук. 1919 г. р. Похоронен в Княгиневке. Родственники в Чалкинском районе Витебской обл.

Катюков Матвей Васильевич. Младший лейтенант. 1912 г. р. Похоронен в Красном Луче. Родственники на ст. Иловайск, ул. Шевченко.

Кравченко Гавриил Фомич. Красноармеец. Сталино. Шахта № 6.

Карук Архип Акимович. Сержант. 1914 г. р. Похоронен на ш. № 160. Родственники в Сталинской обл. Шахта Чулкова.

Михаил Григорьев:

Шли долго. Не понимали, где находимся. Да это нам и не надо было знать. В непрерывных боях за город Ленина мы полностью полагались на мудрость командиров. Марш-бросок основательно измотал людей. Как-никак 70 километров.

Давно уже съеден «НЗ». Затарахтел над головой «кукурузник», сбросил что-то с парашютом и улетел. В посылке оказалось по сухарю на человека. Какой вкусный сухарь! Откуда-то сбоку ударил немецкий пулемет. Засада! Разведчики не вернулись. Оказалось — всюду немцы. И все-таки нашли небольшой участок, чтобы пробиться.

Иван Кириченко:

В районе совхоза «Штергрэс», когда врагу удалось потеснить наши порядки и захватить окраину села Новопавловки, в бой бросили солдат тыловых подразделений под командованием командира первого батальона Г. Д. Кельбаса. С большими потерями захватчики бежали из села. В этом бою я ранен, но не оставил позиций.

Донесение командиру 383 сд

3 ноября 1941 г. в районе г. Красный Луч 197 стрелковый полк понес следующие потери:

Пышнев Никифор Андреевич. Красноармеец. 854 отдельный батальон связи. Шахта 16/17, Буденновский район, Сталинская обл.

Нефедов Митрофан Васильевич. Красноармеец 691 сп. 1913 г. р. Жена Татьяна Андреевна. Село Кунцевское Курской обл.

Вера Лебединская:

В районе Княгиневки немцы перешли в наступление. Наши пошли в контратаку. Завязался рукопашный бой, в разгар которого то и дело раздались умоляющие голоса:

— Сестричка, помоги!

Вот снова позвали. Кинулась к раненому. Перевязав простреленную ногу, взвалила его на себя, поползла. Вокруг рвутся мины, снаряды, свистят пули, падают сраженные. Ползу, а боец шепчет:

— Оставь меня, сестричка, мне все равно конец, уходи.

— Крепись, дорогой! Слышишь грохот нашей артиллерии, скоро выберемся, и будешь жив.

— Спасибо, родная, век помнить буду.

Михаил Корпjak:

...Еще при жизни Яков Степанович Приходько стал легендой всей армии. Он пришел в шахтерскую дивизию из госпиталя обстрелянным бывалым воином. При первом знакомстве произвел исключительно хорошее впечатление. Назначили Приходько командиром роты автоматчиков и не ошиблись. Он был умелым командиром, быстро сплотил вокруг себя людей. Рота под его командованием стала боеспособным, крепко спаянным коллективом. Люди полюбили его, поверили в него и шли за ним в огонь и в воду.

Петр Гуленко:

На реке Миус в селе Яновка 3 ноября командир отдал приказ:

— Ни шагу назад, стоять насмерть!

Минометная батарея открыла огонь по вползающей в село колонне гитлеровских войск и в течение часа смела ее с лица земли. Остались только разбитые машины, повозки да трупы фашистов.

Константин Провалов:

Нам крепко помог эрэсовский дивизион («катюши»). Своим точным залпом он накрыл на правом берегу Миуса до батальона пехоты с минометами и артиллерией. Это подкрепление двигалось на плацдарм в Княгиневку. Еще до двух рот противника уничтожили батареи 966 артполка и минометчики стрелковых полков.

Владимир Борсоев:

4 ноября. Получил строгий приказ Провалова: упорно удерживать занимаемый рубеж. Не отступать. Будем биться до последней капли крови. Ведем огонь почти бесперывно.

Валентина Задорожная:

Все они были хорошие люди, но отличался добротой и мужеством офицер Борсоев. Он квартировал в нашем же поселке у Лубяновых, потом у Корнеевых.

Елена Задорожная:

Внешне Борсоев был всегда аккуратен, подтянут, чистоплотен. Но особенно поражала нас сила духа этого человека, его хладнокровие. Молодые офицеры были буквально в него влюблены и старались во всем ему подражать. Да и мы, гражданские, тоже храбрились, глядя на капитана.

Донесение командиру 383 сд

4 ноября 1941 г. убиты и похоронены на ш. № 160:

Уткин Павел Афанасьевич. 1912 г. р. Младший лейтенант 691 сп. Курская обл. Деревня Верхопень.

Сергиенко Иван Антонович. 1910 г. р. Красноармеец 691 сп. Сталинская обл., Буденовский район.

Меокушев Афанасий Андреевич. Сержант 691 сп. 1915 г. р. Орловская область, Дубровский район.

Лизогуб Никита Павлович. 1911 г. р. Красноармеец 691 сп. Сталино, шахта № 9.

Евгения Трофимова:

Когда уборка хлеба была закончена, райком партии послал меня в колхоз имени Сталина заместителем председателя по животноводству. Здесь меня избрали секретарем партийной организации. В колхозе оказалось, что в степи стоят скирды необмолоченного хлеба. Сразу же организовала людей, и колхозники вышли на обмолот, хотя уже наступила зима. Стоял ноябрь. За неделю хлеб был обмолочен и вывезен на станцию для отправки на фронт.

Вывозить хлеб было очень трудно. Детей было посылать опасно. Стояли очень сильные морозы. Пришлось попросить стариков. Они согласились и сопровождали обозы.

Михаил Корпняк:

На западной окраине села Новопавловка на ул. Пугачева разместился штаб капитана Кельбаса. Напротив жил в своем доме старый шахтер Иван Данилович Пахоля. Многие жители села эвакуировались. И. Д. Пахоля, прикованный к постели, его дочь Мария и сын Володя остались. Школа не работала, и Володя целыми днями пропадал в штабе батальона. Он стал в батальоне своим человеком. Как все мальчишки в его возрасте, Володя старался казаться старше своих лет. Красноармейцы и командиры привыкли к смышленому пареньку, полюбили его. Особенно пришелся он по душе Пахмутову, учившему Володю владеть автоматом, винтовкой, гранатой. Мальчишка настойчиво и без особых трудностей овладевал военным делом.

— Что тебя тревожит? — спросил как-то Пахмутов. — Сказывай, я пойму.

— Хочу стать солдатом!

— Солдатом? Рано тебе в солдаты...

Володя тяжело вздохнул и присел на землю. Рядом опустился Пахмутов. Долго сидели они молча. Наконец солдат взял мальчика за плечи, притянул к себе и сказал:

— Ладно. Постараюсь помочь.

Прошло немного времени, и вот в одной из контратак Володя бежал вместе со всеми и, кажется, громче всех кричал «Ура!» Он стрелял по удиравшим гитлеровцам из автомата, переданного ему раненым красноармейцем. Володя вырвался вперед, ловко маскируясь, подобрался к укрывшимся за домом гитлеровцам и швырнул в них гранату. Едва утих грохот разрыва, как мальчик бросился туда. Два

гитлеровца лежали мертвые, а третий, раненый, прицелился в Володю из автомата, но промахнулся. Кончился бой, Пахоля прибежал в штаб и доложил комбату:

— Товарищ капитан! Я кинул в гитлеровцев гранату. Двое там лежат, третьего тащат сюда. Вот его автомат, — Володя замолчал, но тут же высказал свою затаенную мысль: — Разрешите оставить автомат у себя.

Кельбас посмотрел на мальчишку, подумал и сказал:

— Возьми, ты честно добыл его в бою, но помни: от меня ни на шаг. Будешь моим ординарцем.

Рая Солодянкина:

В ноябре сорок первого, когда фашисты рвались к городу, стала медсестрой санбата 383-й шахтерской дивизии.

Вера Ковачева:

Как только в городе открылся госпиталь, пошла работать санитаркой. До самой эвакуации работала в перевязочной, в гипсовой. За городом рыли противотанковые рвы, строили другие инженерные сооружения. Во время этих работ поняла, что я на фронте нужнее. Пошла в военкомат...

Владимир Борсоев:

5 ноября. К празднику Великой Октябрьской социалистической революции подвезли «конфеты» (так мы называем свои снаряды). Противник к празднику нам прислал несколько залпов. Все обошлось благополучно, люди уже научились укрываться. В 18.00 провели торжественное заседание в управлении первого дивизиона. Бойцы уверены в победе. Чувствуется, что остался здоровый, крепкий костяк, верные патриоты любимой Родины. Вывесили на вершине террикона шахты 4-бис красный флаг.

Валентина Задорожная:

Как-то забежал к нам Борсоев, и мы подали ему горячего чая. Мы со своей одноклассницей Валею Ланиной сидели в сторонке и жадно ловили каждое сказанное им слово. Мама с Леной и маленькой Майей были в другой комнате. Вдруг — оглушительный взрыв,

зазвенели стекла, посыпалась штукатурка. Нас оглушило взрывной волной, мы оказались на полу. В первую же осознанную минуту я глянула на капитана: жив ли он? А он даже не тронулся с места, сидел, весь засыпанный известью, глиной. Затем, улыбаясь, отряхнулся и, убедившись, что мы все живы-здоровы, вышел из дома.

Борис Галанов:

По Чкаловской улице прошел слух, что в госпитале не хватает кроватей. Тотчас к подъезду госпиталя стали приносить их. За три дня набралось не менее 100 штук.

Владимир Гавриленко:

Приближался октябрьский праздник. Гитлеровцы осатанело рвались к городу. Немецкое командование понимало: время против них. С каждым днем все тяжелее надеяться на успех.

Однако комдив Провалов уже ощутил, что противник выдыхается и скоро настанет переломный момент. Способность дивизии к сопротивлению возрастала с каждым днем. Ведь в это время сотни краснолучан влились в ряды шахтерских полков...

Константин Провалов:

На северной окраине Княгиневки 5 ноября, когда немцы попытались атаковать стык между 2-м и 3-м батальонами 694-го стрелкового полка. Особенно отличилась 4-я гаубичная батарея под командованием лейтенанта Б. С. Тагана. Поставив орудия на прямую наводку, этот молодой командир, пришедший в нашу дивизию с училищной скамьи, в упор расстреливал густые цепи противника. За день батарея уничтожила более 100 гитлеровцев, сожгла два вражеских бронетранспортера.

Николай Инякин:

Пошли с друзьями в штаб Проваловской дивизии. Сказали, что хотим воевать. Комиссар Корпак велел подрасти.

— Придет и ваша очередь, — сказал он.

Семен Гайван:

По заданию командования нас собирали в горьком комсомола по два-три человека, посылали в разведку за фронт в районы Снежного и другие пункты. Со мной два раза ходили через фронт мой тезка Сенья Дружинин и девушка Катя. Они были тоже из ремесленного училища.

Г. Воловик:

Во время обороны Севастополя я получил назначение на должность командира зенитной батареи 55 артдивизиона ПВО Черноморского флота. Когда знакомился с личным составом, обратил внимание на стройного светловолосого юношу. Это был комсомолец Малахов Андрей Васильевич, 1922 года рождения, призван на военную службу в 1940 году Краснолучским военкоматом. Мы не ошиблись, назначив его замполитом батареи. Малахов быстро завоевал авторитет и уважение всего личного состава.

Уже на второй день после того, как мы заняли огневую позицию, около тринадцати часов разведчики доложили, что 15 вражеских бомбардировщиков на сравнительно небольшой высоте заходят на бомбежку охраняемого объекта. Спокойно и слаженно работает отделение управления, определяя исходные данные для стрельбы по цели. Четко выполняются команды у орудий. Потом, разбирая ход боя, я отметил, что ритмичность стрельбы была отличной, но разрывы снарядов показали повышенную рассеянность. Неужели у комендоров дрожали руки? Несколькими часами позже ко мне пришел Малахов и показал небольшую модель самолета. Это для тренировки наводчиков. В стороне от позиции батареи мы поставили мачту, к ней прикрепили трос, к которому подвесили «самолет», и бечевкой заставили его с любой скоростью «пикировать» и «кобировать». Уже к вечеру наводчики начали тренироваться.

Петр Горяной:

Занял наш полк оборону на берегу Миуса. Шахта наша оказалась на краю нейтрального поля. Горькие думы были тогда у меня в голове, представить себе не мог, как это на моей же шахте бой приходится вести с фашистами. Нажимали на нас немцы здорово. Было жарко, а места здесь, вы сами знаете: степи, холмы, балки. Бойцы, мои товарищи, с ног валились от жажды. В полковом котле — ни

росинки. Обед без воды не приготовишь, сухари надоели, в горле пересохло. Артиллерийский и минометный обстрелы головы не давали поднять. Лежу я и думаю, что же делать? Вдруг чья-то рука опустилась на плечо и слышу приятный баритон комиссара:

— Григорьевич, а Григорьевич, ты, говорят, из этих мест, из шахтерского края?

— Да. Вот и моя шахта, — а сердце так и сжалось от боли.

— Идем со мной к командиру полка.

— Знаешь ли ты, товарищ Горяной, где можно достать воды для наших бойцов? — спрашивает командир.

— Знаю, — говорю, а сам в уме прикидываю родники в балках.

Побеседовали со мною командир с комиссаром и дают приказ — провести незаметно взвод бойцов к роднику и наполнить термосы водой. А самый близкий родник сразу же за шахтой. Ну, словом, перед самым носом у фрицев.

Укрепили мы термосы на спинах, уточнили взаимодействие, маршрут и потихоньку, где перебежками, где по-пластунски продвигаемся к цели. Ночь выдалась на редкость темная, нам на руку. Примечаю ориентиры, давно, еще с юности знакомые мне. Чувствую, правильно движемся. И так метров двести не добрались до родника, как слышим глухой, сдержанный разговор по-русски вперемешку с немецким. Большинство слов мы, конечно, не разобрали.

Но по обрывкам речи поняли — захватили немцы кого-то из наших. Смотрим мы в том направлении и видим: приближаются к нам, словно ночные призраки, четыре темных силуэта. Это оказались шахтеры.

— Наши, — сказал один из них. И они поставили ведра и банки, наполненные водой. Это были шахтеры с соседней шахты 5/7. Они решили так же, как и мы, раздобыть воды для своих семей, что под скалами в балках прячутся от бомбежек.

Они брали воду из родника. Десять солдат с офицером и переводчиком — немецкая разведка — окружили шахтеров. Вскоре поняли, что перед ними безоружные местные жители пришли за водой.

Горняки заверили немцев, что советских войск поблизости нет и что можно продвигаться вперед. Успокоившись, фашисты решили отдохнуть. А шахтеры преспокойно возвращались.

— Их можно захватить, — сказал Иван Боговик — один из четырех.

— Верно, — ответили бойцы.

Мы поблагодарили их, вручили им махорку. Короткий военный

совет. Гранаты в руках, автоматы на шее, все подтянулись, готовясь к схватке с врагом. Окружили мы гитлеровцев без шума.

— Руки вверх! — фашисты, увидев нас и услышав русскую повелительную команду, растерялись от неожиданности. Навалились мы на них. Ни одного выстрела, только порывистое дыхание, стоны, резкие выкрики. Связали мы фашистов, наполнили термосы столь желанной водой и благополучно прибыли в штаб.

Иван Божков:

Только отгремел выпускной бал, кажется, вчера прощались с родной классной комнатой, а теперь в ней стоны, запах медикаментов, окровавленные повязки. В госпитале № 3425 день и ночь идут операции. Раненых много. С каждым транспортом их становится все больше.

Разместился госпиталь в здании средней школы по улице Ленина. Что ни класс — палата или операционная. Опытным специалистам-врачам помогали вчерашние школьники Л. Каралкина, сестры Краснопевцевы, А. Спицын. Они были санитарями, нянечками, связистами. Ребята равнялись на взрослых. Видели, как им трудно. Не раз взрослые объявляли подросткам благодарность за отличную службу.

Алексей Дымарецкий:

Дивизия, в которой я служил, вступила в бой с фашистами у Тихвина. Враг рвался к Ленинграду и предпринимал бешеные атаки. В одном из боев началась рукопашная схватка. В пылу не заметил, как вместе с товарищами попал в гущу фашистов. Прикладом автомата успел уничтожить одного, пришиб другого и почувствовал, как шею проткнули штыком. Немец предпринял попытку повторить удар, но не успел. Красноармеец Антипов ударил его прикладом.

Михаил Корпак:

Утром 5 ноября 1941 года в район Кранного Кута из армейского резерва была выдвинута 30 кавалерийская дивизия полковника Пичугина. Сюда же прибыла к тому времени вышедшая из тяжелых боев у Зугрэса и потерявшая в них много личного состава 38 кавалерийская дивизия генерала Кириченко, но она была еще боеспособной, несмотря на большие потери в предыдущих боях. Совместной атакой

30, 38 кавалерийских и 383 шахтерской дивизий продвижение вражеских войск в окрестностях Кранного Кута было остановлено. Попытка фашистов с ходу захватить Красный Луч разбилась о стойкость и мужество советских воинов.

Хотя противнику не удалось овладеть Красным Лучом, он все же создал плацдарм в районе Яновки, Княгиневки и южнее Новопавловки на левом берегу Миуса.

В этих местах проводила боевые действия и итальянская кавалерийская дивизия «Челере», что означает скорая, быстрая, проворная. Силы, конечно, были неравные, если учесть, что на подступах к Красному Лучу в полках 383 стрелковой дивизии насчитывалось от силы 600 – 700 активных штыков, а пополнение пока не прибывало. Но ощутимую поддержку дивизия получила от дивизиона специального назначения ракетных установок «катюш», которыми командовал майор Зайцев. В разное время дивизион Зайцева вел огонь по скоплению войск противника из района Красного Луча.

Г. Воловик:

Следующий налет на наш объект последовал через день. Враг был встречен кучным огнем и слаженной прицельной стрельбой. Как будто огонь вели опытейшие, выдавшие виды зенитчики. Самолеты отвернули от цели. Но от общего строя отделилось шесть самолетов, которые начали заходить на подавление нашей батареи. Мы открыли огонь на самооборону. Самолеты на значительной высоте прорвались к позиции батареи и сбросили на нас бомбы. Бомбы упали в 15 – 20 метрах от огневой позиции батареи. Взметнулись огненные столбы, полетели осколки, комья земли и камни. Наблюдая за товарищами, я с радостью отметил: никто не дрогнул, каждый четко выполнял свои обязанности.

Константин Провалов:

С утра 6 ноября противник попытался опять начать наступление, но когда мы отбили первую атаку, установилось относительное затишье. Больше в этот день гитлеровцы не атаковали. И не потому, что им надо было собраться с силами или произвести какую-то перегруппировку. Противник выдохся. Видимо, получив приказ перейти к обороне, он прямо среди бела дня приступил к земляным оборонительным работам. Вскоре об этом же мне сообщили и командиры соседних с нами частей...

Кто пережил арьергардные бои 1941 года, тому нетрудно понять тогдашние наши чувства. Для нас это было большой победой. Да еще в такой знаменательный день — в самый канун 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Мы знали, что на других оперативных направлениях, особенно под Москвой, на огромном фронте борьбы советского народа против немецко-фашистских захватчиков все еще идут кровопролитные бои. Мы знали, что инициатива по-прежнему остается в руках ненавистного врага. Но после того, как нами была остановлена 198-я немецкая пехотная дивизия 49 горнострелкового корпуса вермахта, мы вдруг почувствовали, что скоро враг будет остановлен повсеместно.

Александр Задорожный:

В ноябре 1941 года батарея тяжелых орудий под командой капитана Колосова уже трое суток вела огонь по переднему краю немцев, срывая их атаки и сметая укрепления. Батарея казалась неуязвимой, быстро меняла позиции и вновь обрушивала огненный шквал на головы врагов.

Утром 6 ноября, прикрываясь дождевой завесой (целые сутки хлестал холодный ливень), батарея вышла на окраину поселка Красный Кут и закрепилась.

В короткие часы отдыха артиллеристы собрались в просторном здании школы. Там же, тогда еще мальчишкой, оказался и я. Я увидел комбата Колосова. Это был высокий, стройный мужчина лет тридцати пяти. Суровое лицо, крепко сжатые губы. С ним был политрук Шереметьев. Комбат говорил:

— Мы встречаем праздник Октября в тяжелую годину. Но растет сопротивление врагу. Переломный момент должен наступить скоро. Придет время, и мы отбросим немцев к воротам Берлина. Я верю, что это будет. Но победа сама не придет, ее нужно завоевать, и мы ее завоюем.

В. Миронов:

Шел пятый месяц войны. Позади нас — город Красный Луч. Наша отдельная зенитно-пулеметная рота прикрывала конницу в оборонительных боях от налетов вражеской авиации.

Утро 6 ноября 1941 г. Стояла тишина, лишь легкий ветер шумел над городом.

Эту тишину нарушил неясный шум. Он нарастал с каждой ми-

нутой, и вот уже стало видно, как на позиции батареи стрелкового полка идет железная лавина танков. Впереди двигалось громадное серое чудовище. На его башне и по бокам зловеще чернели кресты. За ним спешили средние и легкие танки. Густыми черными точками прижимался к броне десант.

Намерения противника стали проясняться для командира полка майора Иванова еще трое суток назад. Враг нацелился на левый фланг — нанести удар в направлении Красного Луча, станции Штеровки с задачей отбросить левый фланг дивизии за город, овладеть железнодорожным узлом и шоссейной дорогой.

И вот дернулись вперед хоботы наших пушек. И заговорила грозно батарея. Семь обгорелых стальных коробок осталось недалеко от позиций. Остальные танки повернули назад. Короткая передышка, и опять этот зловещий гул. Пятнадцать танков двигались на орудия.

— Да, бой будет жаркий, — проговорил командир первого орудия Володин, посмотрев на наводчика Унгарбаева.

И будто в подтверждение сказанного фашистские танки сходу повели оглушительный огонь. Батарея молчала. И когда стали отчетливо видны черные кресты на головном танке, заговорила пушка командира расчета Володина. Танк закрутился на месте, как подбитый зверь. Еще один выстрел, и еще один огромный чадный факел. Лицо командира орудия прочертила скупая улыбка. В прицеле оставалась башня следующего танка, как вдруг что-то приподняло командира орудия. Очнувшись, он увидел, что два танка застыли недалеко от орудия. Пушка тоже молчала. Из строя вышел весь расчёт. Дрожащими руками поднял командир орудия показавшийся невыносимо тяжелым снаряд...

Донесение командиру 383 сд

6 ноября 1941 г. убит Мисинин Семенович Михайлович. Рядовой. Сталинская обл., Петровский район.

Вера Лебединская:

Назначена старшей операционной сестрой и работала в передовой хирургической группе. В боевой обстановке у медиков часто случалось, что запасы стерильной крови иссякали, и тогда на помощь раненым, жизнь которых висела на волоске, приходили сестры милосердия. В том числе и я. Таким образом спасла жизнь 18 обреченным воинам.

А. Львутин:

Четвертая ударная армия, в рядах которой я сражался, стояла насмерть. Наше подразделение дралось у разъезда Дубосеково. Редели наши ряды, но не отступали. Вскоре на помощь прибыли сибирские полки. Здесь же сражались ополченцы-москвичи. Все, кто мог держать оружие, прибыли на защиту столицы.

П. Шевченко:

В ноябре 1941 года нашу армию перебросили на Западный фронт. Фронт тянулся у города Дмитриев, в 30 километрах от Москвы. Сюда же прибыла первая ударная сибирская армия генерала Кузнецова. Мы готовились к контрнаступлению. Нас учили ночному бою.

Г. Воловик:

Батарею перебросили на охрану прибрежного аэродрома Севастополя. Из-за отсутствия зенитной артиллерии фашистские стервятники спускались на небольшую высоту при бомбежке аэродрома. Окопавшись в течение ночи, тщательно подготовились к встрече врага. Велико было ликование личного состава, когда на другой день при первом же налете врага, зашедшего с моря на сравнительно небольшой высоте, после первых же наших залпов головной самолет задымил и рухнул километрах в десяти от берега. Остальные сбросили бомбы, не доходя до цели, и ушли в сторону моря.

Андрей Малахов обходил окопы, обнимал комендоров, приговаривая:

— Молодцы, братцы, уложили фрицев!

Настроение краснофлотцев еще больше поднялось, когда на позицию батареи прибыл комиссар авиасоединения и перед строем объявил личному составу батареи благодарность за меткую стрельбу.

Владимир Гавриленко:

Накануне празднования Великой Октябрьской революции в подразделениях прошли торжественные собрания. На вершину террикона шахты № 4-бис комиссар 1-го дивизиона 966-го артиллерийского полка Ваньков и комсомольцы шахты установили красный флаг.

Константин Провалов:

Представители подразделений пришли на праздничные митинги, которые вечером 6 ноября мы провели во всех полках и отдельных батальонах дивизии. После митинга подняли флаги на терриконах, чтобы утром кумач этих флагов видели все: и жители Красного Луча — как символ их сбывшейся надежды, и наш противник — как символ нашей решимости не сделать больше назад ни шагу...

Владимир Гавриленко:

С утра 7 ноября все вокруг укрыл густой туман. Артиллерия фашистов вела огонь. Гитлеровцы в бессильной злобе хотели затмить советским людям праздничный день. Когда рассеялся туман, и фашисты увидели на терриконе красный флаг, они сосредоточили на нем огонь всех орудий и минометов. Террикон окутался дымом и пылью, будто вулкан. Фашисты не могли попасть, и флаг продолжал победно развеваться над городом.

Иван Журавлев:

5 ноября из Ростова мы приехали в Тихорецк.

7 ноября на Тихорецк налетели 9 немецких самолетов. Там был крошечный ад. По пути от Тихорецка до Сталинграда нас все время бомбили. Ввиду того, что мы сопровождали этот эшелон военного завода, нас никуда не хотели брать в армию.

Иван Карташов:

Краснолучский военкомат направил нас, 50 добровольцев, в Краснодар. После двух месяцев обучения мы оказались на фронте. Сдерживая натиск врага на Барвенковском направлении, наши полки теряли бойцов. Ранило и меня.

Иван Вялов:

Жили мы на левой стороне реки Миус. В наших домах расположились бойцы и штаб первой стрелковой роты. А на правом берегу заняли оборону фашистские войска. Надо было разведать, есть в поселке немцы или нет. Ваня Ткаченко, Володя Воронин и я крутились возле штаба и слыхали от бойцов про эту нужную разведку. Мы предложили командиру роты, чтобы послал нас. Он долго не соглашался,

но мы продолжали просить, и он согласился. С тех пор нас часто стали посылать в разведку. Мы ходили в гражданской одежде. Родные наши ничего не знали до тех пор, пока наш батальон не стали перебрасывать на другой участок фронта. Тогда нам пришлось сказать родным, что мы уходим вместе с батальоном. Моя мама плакала и не пускала. Пришлось звать на помощь командира батальона товарища Твалайбешвили. С тех пор, как мы ушли из Штергрэса, мы все время находились при батальоне, кроме Вани Ткаченко, он ушел в полковую разведку.

Николай Мирошниченко:

Я прогуливался возле полиции, а полицаи там песни горланили — пьянствовали. Я тихом-нишком забрался в их каморку и вынес оттуда 15 карабинов. Все обошлось хорошо.

А на следующий день пошел к деду. Вышел из села, оглянулся, а за мною «хвост». Сынок старосты — однокашник мой Анатолий Пучковский. Я остановился, спрашиваю:

— Ты куда идешь?

— За тобой.

Толкнул его и пошел себе. Глядь, тот снова идет. Я не выдержал, вынул из-за пазухи рогатку, стрельнул. И что вы думаете? Выбил ему глаз. Упал он, кричит, как резаный. Я от него убежал, правда, уже домой. К деду не пошел раз такое дело. Его отец работал при немцах старостой села. Пришли полицаи, забрали меня. Избивали там, допрашивали. Все им надо знать было, куда и зачем шел. Но я молчал, как партизан. Меня закрыли, а сами ушли. Ночью я убежал через окно. Домой некоторое время не появлялся. Сходил к деду Сергею, показал ему, где лежат карабины, и дед увез их.

Петр Гуленко:

В районе Новопавловки враг укрепился на противоположном склоне высоты и для наших бойцов был невидимым. Нужна была информация о расположении огневых точек противника. Обнаружить огневые точки поручили Володе Пахоле. Пионер перешел линию фронта. Разведка была удачной: по данным Володи, артиллеристы открыли огонь по фашистам и уничтожили четыре батареи. Выполняя очередное задание, пионер доставил «языка». Володя с гранатой, которая в любую минуту могла взорваться, шел позади огромного фрица с автоматом на груди.

Ходил Володя в разведку, участвовал в боях. Воины научили Володю обращаться с оружием. Володя подносил боеприпасы, воду, предупреждал об опасности.

Александр Задорожный:

Рассвет 7 ноября застал командира батареи и политрука на командном пункте, расположенном на самом гребне горы Соколовка. Хмурое утро сменилось солнечным днем. В 10 часов батарея дала залп. Взметнулись черные столбы дыма, от залпа четырех тяжелых орудий дрожала земля. Снаряды, шурша, пролетали через КП и поднимали высокие султаны огня за Миусом.

Батарею засекли, и вскоре немецкие мины стали ложиться в ее расположении. Началась артиллерийская дуэль.

— Огонь! — и орудия изрыгали пламя.

— Огонь! — и на горизонте взметнулись багровые фонтаны взрывов.

У прицела крайней справа пушки склонился москвич Лев Бауман. Он совсем недавно оставил студенческую скамью, добровольцем пришел на фронт. И остались на письменном столе в квартире на Малой Бронной незаконченные конспекты по физике. Родных и друзей, живущих в столице, он защищал здесь, на подступах к Красному Лучу.

Во время короткой передышки Лев Бауман прилег у лафета, рядом — подносчик снарядов полтавчанин Иван Гусак. В следующее мгновение прилетел вражеский снаряд. Он попал в орудие. Ивана Гусака убил сразу, наповал. Льва смертельно ранил. Запекшимися губами он только успел прошептать:

— Ах, Иван, Иван...

И погибли москвич Лев Бауман и полтавчанин Иван Гусак на каменистых холмах, на рыжей и холодной земле, но на своей земле, советской. Здесь же, на окраине Красного Кута, в сухом суглинке им вырыли могилы. Здесь и похоронили защитников Красного Луча, защитников СССР, защитников мира.

Вырыли могилы саперными лопатами. А салютовали им ураганными залпами по врагу.

— Огонь! — за Полтаву, за Ивана Гусака!

— Огонь! — за Москву, за Льва Баумана!

Летели снаряды, далекое марево рвали горячие взрывы.

Г. Воловик:

Андрей Малахов стал любимцем, комсомольскою душою батареи. Трудно подобрать слова, которыми можно было бы охарактеризовать боевые, душевные, моральные качества этого замечательного комсомольца. Чем труднее становилось время, чем сложнее была обстановка, тем с большей силой проявлялись качества этого юноши: выдержка, устойчивость, храбрость, безграничная преданность Родине, партии, комсомолу.

В периоды штурмов Севастополя он был образцом мужества, кипучей энергии, выносливости, стойкости.

Варвара Шульга:

Несколько атак автоматчиков были отбиты пулеметным огнем из каменного дома № 1 по улице Садовой в селе Яновка. Пулеметчик Василий Симаков занял выгодную позицию на высоте за домом и сдерживал атаки фашистов, помогая своим товарищам.

Иван Беседин:

Перед рассветом к нам в дом зашли три бойца и сообщили, что наши оставили Княгиневку. Мать накормила военных, и они остались у нас. Старшина (к сожалению, фамилию его не запомнил), два других бойца: веселый, общительный, стройный, с черными усиками, лет двадцати пяти Дудуян и замкнутый, ворчливый, крепкого телосложения, лет сорока — Бабаян. Он постоянно ворчал:

— Воды принеси, Бабаян, обед принеси, Бабаян, когда будет работать Дудуян?

А работы у них хватало у всех. Они были разведчиками. Меня они называли «консультантом» по определению местности между шахтой и Княгиневкой. Лучше подростков, пожалуй, никто не знает расположения шурфов, посадок и балок. В начале ноября Дудуян позвал меня во двор.

— Мы дадим тебе карабин, — говорит. — Пойдешь ночью с нами?

Получить боевое оружие было заманчиво. Я согласился. Около 23 часов зашли за мной. Дали карабин и три обоймы патронов. Радости моей не было предела. Да и задача казалась пустяковой. Мне надо провести их по рву от 4-й колонии шахты и вывести к старому шур-

фу, находящемуся на нейтральной полосе, метрах в 300 ото рва. Там расположился немецкий пулеметный расчет. Его надо уничтожить и захватить языка.

— Без моей команды боевых действий не начинать. Нашего возвращения будешь ожидать во рву, — строго предупредил меня старшина.

Вывел разведчиков к шурфу. И они растаяли в темноте ночи. Трудно сказать, сколько прошло времени. Но для меня это была вечность. Услышал короткую пулеметную очередь, три мощных взрыва, увидел столбы пламени. Подождал еще немного. Немцы подняли стрельбу. «Все, решил я, они погибли». В штабе батальона, что разместился возле террикона шахты № 22, так и сказал:

— Они погибли.

Но не успел заснуть, слышу в коридоре шаги и, как всегда, шутиливый голос Дудуяна. С трудом до меня доходило то, что произошло. Расчет пулеметный разведчики уничтожили и языка захватили. Возвратились к тому месту, где оставили меня, а проводника нет. Рискуя собой, они облазили все вокруг, но безрезультатно. А немцы не прекращали огонь. Бойцы не обиделись на меня, даже не ругали. Обрадовались, что жив.

Ермаченков:

В ноябре 1941 года, действуя на Керченском участке фронта, при нанесении бомбардировочного удара самолет был атакован истребителями противника и получил сильные повреждения. Виктор Николаевич Беликов, раненный в правую ногу, благодаря отличной технике пилотирования и краснолучанину штурману Василию Овсянникову привел самолет на свой аэродром. В период защиты Севастополя экипаж в течение четырех месяцев летал с Херсонского маяка. Группа самолетов, в которую входил и отважный экипаж, за это время уничтожила 18 и повредила 10 самолетов противника.

Иван Беседин:

— Дайте роту, я вышибу немцев из Княгиневки! — кричал дед Сергей, старый горняк, участник Октябрьской революции. — Что вы с ними церемонитесь! Есть среди вас настоящие мужчины?

— Чего ты, дед, кричишь? И без тебя тошно, — сказал комиссар батальона.

— Тошно! — ерепенился старик. — Это хорошо, если тошно!

Значит, совесть не потеряли, — и, махнув рукой, пошел, продолжая ворчать, в другую комнату...

Ошарашенные словами деда Сергея разведчики, остановившиеся в этом доме, что-то сказали о победе, что все равно она будет за нами, и пошли выполнять задание. В тот раз они выполнили его отлично и возвратились без потерь. Помогла политбеседа старика. Ее забыть я не могу, она помогала нам часто. И когда стояли в обороне, и когда гнали фашиста, помогла она и при освобождении Княгиневки.

Александр Перепелица:

7 ноября 1941 г. я был участником военного парада на Красной площади в Москве. Служил тогда в танковых войсках механиком-водителем. До этого, в октябре, принимал участие в обороне столицы, уже бывал в боях. За разведку боем — по Варшавскому шоссе промчался на танке в расположение врага, вызвал огонь его батарей на себя, чем обнаружил вражескую огневую систему на заданном фронтовом участке — награжден первым орденом Красной Звезды.

Еще до парада всему личному составу нашей танковой бригады выдали двухдневный паек и сказали: после парада — сразу на огневые позиции, в бой. Даже была определена боевая задача, к выполнению которой должны приступить.

Танки нашей части до начала парада сосредоточились недалеко от Исторического музея. Холодно. Небо сыпало хлопьями снега. Москва — военный лагерь. Всюду войска. На улицах с оружием дежурили военные и гражданские. Улицы столицы запружены «ежами», в небо смотрели зенитки.

Парад окрылил участников, укрепил веру в то, что враг будет разбит, и мы обязательно погоним его от Москвы. Другого быть не могло. Мы видели по пути на огневой рубеж, какая грозная сила двигалась на защиту столицы. И мой танк был частицей той силы. На какое-то мгновение вспомнил отца — Перепелицу Павла Сидоровича, в прошлом воина Первой Конной армии С. М. Буденного, клинком утверждавшего и отстаивавшего власть Советов в гражданскую войну. Мне запомнился такой момент. На трибуне Мавзолея стоял один-единственный человек — Верховный Главнокомандующий и поднятой рукой приветствовал нас. И что меня удивило, был он в летнем головном уборе — фуражке, хотя холодно было уже по-зимнему.

Борис Стремилов:

7 ноября наши установили красный флаг на терриконе шахты 4-бис, и немцы целый день палили по породе.

Владимир Борсоев:

7 ноября. С утра туман. Никакой видимости. Фашисты ведут беспорядочный, бесприцельный огонь. Когда прояснилось и гитлеровцы увидели на терриконе развевающееся красное знамя, они остервенело обрушились на него огнем из всех средств, у них ничего не вышло.

Елена Задорожная:

Утром 7 ноября мы увидели на самой верхушке террикона развевающийся красный флаг, укрепленный артиллеристами.

Валентина Задорожная:

Целый день немцы палили по флагу. Борсоев, забежавший на минутку к товарищам, весь был покрыт угольной пылью. Он весело сообщил:

— Флаг назло врагу стоит нерушимо. Оказывается, гитлеровцы — липовые стрелки, никак не могут его сбить.

Затем рассказал о том, как его и других завалило породой на терриконе, еле выбрались. Выйдя на крыльцо, он стряхнул шинель, почистил сапоги, и снова предстал перед нами прежний Борсоев: аккуратно облегал его статную фигуру китель с белым воротничком, смуглое красивое лицо было чисто выбрито, и ничто не напоминало о том, что этот человек только что выбрался из когтей смерти.

И. Цветков:

Большую роль в обороне Ленинграда сыграл гарнизон полуострова Ханко. Начиная с первых дней войны и до конца 1941 года полуостров Ханко был форпостом Ленинграда. После ухода наших кораблей из Таллина перед ханковцами была поставлена задача: не пропустить суда фашистов в Финский залив. С этой задачей мы справились.

В ноябре 1941 года в передовой статье газета «Правда» писала:

«Пройдут десятилетия, века пройдут, а человечество не забудет, как горстка храбрецов земли советской, ни на миг не отступая перед многочисленным и вооруженным до зубов врагом, под непрерывным шквалом артиллерийского и минометного огня, презирая смерть во имя победы, являла пример невиданной отваги и героизма. Великая честь и бессмертная слава вам, герои Ханко!»

Полуостров Ханко по своим размерам невелик. Враг, учитывая это, расположил на побережье и островах более ста орудий, которые вели непрерывный огонь по Ханко. Фронта и тыла, как таковых, не было. Было огненное кольцо. Оказавшись глубоко в тылу врага, гарнизон Ханко не только отбивал вражеские атаки, но и наступал. Смелыми неожиданными атаками у врага было отбито 17 островов. В этом большая заслуга отряда капитана Б. М. Гранина.

Несмотря на артиллерийское окружение и яростные атаки врага, гарнизон Ханко в течение 165 дней не дрогнул, не отступил ни на шаг. Чем только ни пугали нас враги, чего только ни обещали, чтобы заставить гарнизон сложить оружие. Но советские воины держались. Два обстоятельства обеспечивали неприступность Ханко: боевая доблесть матросов, солдат и офицеров и мощные оборонительные сооружения круговой обороны, построенные ханковцами. Сто шестьдесят пять дней! Оборона Ханко была массовым героизмом. Весь гарнизон военно-морской базы стоял, не отступая ни на шаг.

Александр Баленко:

Ранним ноябрьским утром 1941 года я поднял самолет с аэродрома. Никто не знал о задании, но друзья догадывались, что день у меня будет жарким.

Надо было разрушить мост через Волгу у Калинина, а немцы его усиленно охраняли. Только перелетели линию фронта — набросились пять вражеских истребителей. Завязался бой. Сходу удалось сбить один самолет. Используя замешательство врага, уклонился от атак и преследований и снова взял курс к цели, несмотря на то, что в самолете было несколько пробоин.

Через мост переправлялась колонна танков. Снизился до 800 метров. Отчаянно захлебывались зенитки. У самого борта разрывались снаряды. Но мы хладнокровно сбрасывали бомбы на мост. Затем на бреющем прошелся над колонной техники противника, скопившейся у переправы.

На обратном пути вражеские истребители еще несколько раз нападали на меня. Убит воздушный стрелок, смертельно ранен ра-

дист, повреждено управление, выведен из строя правый мотор. Самолет изрешечен осколками снарядов и пулями. Надо было оставить самолёт, но я дотянул до своей территории. И лишь когда управлять машиной стало совершенно невозможно, посадил самолет в Московское море...

Вечером в землянке вспоминали погибших товарищей. Я смотрел, как в тесной печурке вьется огонь, перебирал струны гитары и пел любимую песню летчиков.

В. Войпан:

В ноябре 1941 года наша часть проходила через Красный Луч. Жители города помогали бойцам, чем кто мог. Помню, было очень холодно. Я — в пилотке. Нас встретили женщины хлебом-солью. Одна из них попросила меня на минутку задержаться. И пошла в свой дом. Она вынесла мне ушанку и сказала:

— Ждем вас с победой.

Я часто вспоминаю эту женщину и ее драгоценный подарок.

Иван Денисов:

Уже 7 ноября мы, четверо ребят-одногодков, направились в сторону электростанции. Плотины взорвана, в ставке воды почти не осталось. С восточной стороны станции, чуть ли не на середине ставка, стоял грибок. В мирное время и в начале войны там днем и ночью ходил часовой с собакой. Теперь часового не было, а собака осталась под грибком привязанной. Естественно, что она была голодной. И мы решили ее освободить. По грязи начали медленно продвигаться к ней. Но в это время с горы застучал пулемет. Пули зачавкали по грязи. Мы спрятались в бетонную трубу, что под дорогой. Вторая попытка также не удалась. По нам стрельнули уже из миномета. По пути домой Коля Шеремет, рассуждая вслух, выпалил:

— Ну почему так? Немца я бы сейчас убил без жалости, а собаку жалко...

На другой день мы возвратились к ставке. «Командир» Семен Попов логично решил:

— Зачем мы премся туда кучкой? Я пойду один, а вы отвлекайте немцев.

Так мы и сделали. Он пополз по грязи к грибку, а мы втроем выбегали из трубы на некоторое время, и как только пулемет дает очередь, мы прячемся. К счастью, никого не задело. За этим заняти-

ем мы и не заметили, как Семен уже был в трубе с собакой, которая жадно хватала кукурузные лепешки. Дома мы ее подкормили конским мясом. Это была отличная овчарка, и мы отдали ее военным.

Донесение командиру 383 сд

7 ноября 1941 г. убиты и похоронены в г. Красный Луч:

Лузин Федор Павлович. Рядовой. 1912 г. р. Сталинская обл., шахта «Ветка».

Журавлев Андрей Федорович. Рядовой. 1911 г. р. Жена Ольга Свиридовна. Запорожская обл., с. Тарасовка.

Кариков Сирадин Каратович. Рядовой. 1917 г. р. Азербайджан, с. Цевкичи.

Владимир Борсоев:

8 ноября. Как всегда, бой начался с утра.

Обнаружил ОП и НП батареи противника. Накрыли очень удачно, батареи противника замолчали навсегда. Командир отделения разведки сержант Леонтьев сделал смелую разведку, пристрелил четырех немецких офицеров и обнаружил скопившуюся пехоту противника — около 300 человек. Огнем 2-й батареи они обращены в бегство. Хорошо!

Вечером в 18.00 поехал в Красный Луч, в штаб полка. Командир полка майор Михайленко собирается ехать в отпуск по болезни. Хочет оставить меня за себя.

Владимир Донченко:

Штеровская электростанция оказалась в нейтральной прифронтовой полосе. Мне 14 лет. Отец, секретарь партийной организации котельного цеха электростанции, с первых дней войны ушел в действующую армию. Мои товарищи Ваня Ткаченко, Володя Пахоля, Виктор Домашов, Ваня Вялов, Володя Воронин и другие не хотели и не могли в такое время сидеть дома сложа руки. Мы познакомились с разведчиками 383 шахтерской дивизии, помогали им.

Михаил Корпьяк:

Ни одна разведка не обходилась без Нины Гнилицкой. Вскоре ее приняли в члены Коммунистической партии. Она стала ее верной

дочерью, ее бесстрашным бойцом. Через два дня после партсобрани-
я я прибыл в разведроту вручить Нине кандидатскую карточку. Я
давно не видел ее. И вот передо мной стояла прославленная во всей
дивизии разведчица. Знали хорошо о ее подвигах и немцы и охоти-
лись за ней. Но она была неуловима.

— Как воюется, Нина? Тяжело ли? — спросил я ее.

— Как всем, — скромно ответила она. — Я дала клятву бить
врага, где только встречу его. Стараюсь выполнить эту клятву.

Иван Беседин:

Район нашей шахты оборонял стрелковый батальон, команди-
ром которого был тов. Тевлюк, комиссаром — тов. Шейн, начальни-
ком штаба — тов. Внуковский. Связь в батальоне возглавлял тов. Де-
мешкин.

8 или 9 ноября 1941 года немецкая разведка численностью при-
мерно в 50 человек незамеченной подошла до Подвесдора (старое
название группы домов, где жили рабочие, обслуживавшие подвес-
ную дорогу, снабжавшую угольным штыбом Штергрэс), что на окра-
ине шахты № 4-бис. Обнаружили наши часовые вражескую разведку
только здесь. Второму стрелковому взводу было приказано отрезать
пути отхода неприятеля обратно. Взвод начал обходить врага с лево-
го фланга. Но в это время командир взвода младший лейтенант был
убит разорвавшейся вблизи миной. С большими потерями враг ушел
обратно по ложнине в балку, в сторону Княгиневки. А наш командир
взвода был с почестями похоронен недалеко от шахты.

Владимир Борсоев:

9 ноября. Красный Луч. Я — командир полка.

В 9.00 съездил к начальнику артиллерии дивизии. Он разрешил
Михайленко ехать лечиться, оставив меня за командира полка. От-
дал приказ по полку о своем временном вступлении в исполнение
обязанностей командира полка.

Георгий Малидовский:

На подступах к Красному Лучу отражали натиск двух дивизий
противника: горнострелковой и пехотной.

Вражеская пехота силой до одного батальона двинулась на под-
крепление своих частей. Я заметил это и открыл беглый огонь по

противнику. На поле сражения осталось до двадцати фашистов, а остальные побежали назад.

Владимир Гавриленко:

Гитлеровцы устлали своими трупами подступы к городу. Сначала они шли во весь рост. Потом — ползли... Вскоре, обескровленные в безумных атаках, они прекратили наступательные действия, и перешли к обороне. Дальше гитлеровцы не продвинулись ни на шаг.

Майя Задорожная:

Брат Павел — офицер, летчик-истребитель.

Он был незаурядным человеком. Играл на всех струнных, руководил кружками струнных инструментов в первой и второй школах, во Дворце культуры. Павел учился в школе им. А. М. Горького, занимался в аэроклубе. Любил летать, прыгать с парашютом. А больше всего любил играть на скрипке. На Ленинградском фронте 10 ноября 1941 года в неравном бою, сбив 3 фашистских самолета, он погиб.

Иван Белевский:

Улицы Красного Луча заграждены противотанковыми ежами, изготовленными из железнодорожных рельсов. Передний край нашей обороны начал одеваться в колючую проволоку.

По всему городу вырыты окопы, траншеи, возведены блиндажи, другие сооружения оборонного характера. Взвесив возможности, командование дивизии пришло к выводу: зимовать дивизия будет у стен Красного Луча.

На предприятиях наладили производство 82-миллиметровых минометов. В связи с добровольным приходом в 383 дивизию мужского населения Красного Луча возникла необходимость снабдить оружием. Не хватало винтовок. Решили использовать 600 учебных винтовок местной организации Осоавиахима. Нашлись мастера, сделавшие винтовки боевыми.

Донесение командиру 383 сд

Убита 10 ноября 1941 г., похоронена на шахте 160 Дементьева Нина Григорьевна 1924 г. р. Доброволец, санитарка 691 сп. Родные живут в г. Сталино, ул. Трамвайная 6, кв. 6.

Владимир Борсоев:

11 ноября. Сегодня был на шахте 4-бис, где стоит 1-й дивизион. За командира работает молодой лейтенант Максимов. Сделав ему необходимые указания, я пошел ночевать к Максиму.

Хозяйка Мария Федоровна Задорожная. Какая хорошая, гостеприимная культурная семья: мать и три дочери. Старшая Елена — учительница, имеет высшее образование, исключительно скромная, хорошо разбирается в политике.

Елена Задорожная:

Однажды Борсоев принес радостное сообщение:

— Враг остановлен, дальше немцам не пройти, так что мы закрепились у вас надолго.

Тут Николай Максимов подхватил:

— Говорил же я, что Красный Луч станет рубежом, откуда мы и погоним захватчиков назад, а город войдет в историю, на века останется добрая слава о дивизии Провалова — героя Хасана.

Александр Ткаченко:

Сын горняка с шахты № 12 Володя Федоров в самый ответственный момент боя за Ленинград своим горящим танком преградил дорогу удиравшему «тигру», таранил его.

Иван Денисов:

Стремление остановить немцев, а потом прогнать их с нашей земли было не только у взрослых, но и у нас, подростков. И хотя нас отовсюду гнали, мы упорно лезли. Однажды мы встретили нашего соседа Александра Донченко, рослого, красивого парня лет семнадцати. Он распахнул фуфайку и показал нам засунутый за пояс обрез от винтовки. Он был в восторге, а мы дар речи потеряли.

— Откуда, Саша, у тебя такое?

— А я партизан! — выпалил он и разрешил нам пощелкать затвором.

— А нам можно в партизаны?

Нас, четырех хлопцев, он привел в пустой дом недалеко от нашей улицы. Пожилые люди долго с нами разговаривали, жалели, что мы еще не комсомольцы, а под конец сказали:

— Идите, хлопцы, до своих хат. Матери спохватятся, худо будет. Когда будете нужны, мы позовем.

Мы ушли разочарованные. От Саши Донченко потом много раз слышали о подростках, которые ходят в разведку под Дмитриевку, и страшно завидовали им...

Константин Провалов:

12 ноября мы с начальником штаба дивизии полковником Шевченко и комиссаром дивизии Корпяком разговаривали о том, что надо готовить разведку боем. Главную роль должна сыграть внезапность. Как ее достичь? Видимо, во-первых, бой нужно вести ночью. А вторых, небольшим, но сильным и мобильным отрядом. Одной стрелковой ротой, усиленной взводом автоматчиков из отдельной моторизованной разведроты дивизии, и взводом станковых пулеметов. Так я и решил.

Командиром отряда назначили лейтенанта М. В. Подавильникова, а комиссаром — политрука С. А. Железного. Они, получив в свое распоряжение стрелковую роту и разведвзвод, приступили к подготовке этого боя. Для разведки боем была выделена в 696 стрелковом полку рота лейтенанта Корягина. Выбор был удачным. И сам Корягин, и политрук подразделения Ломакин, и командиры взводов лейтенанты Зайцев, Ефремов, младший лейтенант Винник были храбрыми, уже проявившими себя в боях людьми, точно так же, как большинство красноармейцев и младших командиров роты. Ну а политрук Железный подобрал в отряд лучших разведчиков своей роты.

Тамара Плуженко:

Я добилась своего: в ноябре зачислили на курсы зенитчиков. Занимались по 12 часов в день.

Константин Провалов:

14 ноября на фронте обороны дивизии произошла некоторая перегруппировка наших сил. На правом фланге по распоряжению командующего армией оборону занял 197 стрелковый полк 99 дивизии, вошедший в оперативное командование командиру 383 сд. Он сменил 961 полк, выведенный в резерв. На левом фланге к полосе нашей обороны командарм прирезал еще один участок, который мы заняли третьим батальоном 691-го стрелкового полка и третьим ба-

тальоном 696-го. Теперь вся Новопавловка была отдана нашей дивизии. Но полоса растянулась до 40 км.

Г. Рябенко:

Сосредоточив крупные силы на узком участке — два батальона пехоты, две роты танков, дивизион артиллерии и минометов, немцы обрушились на село Новопавловку, чтобы овладеть городом Красный Луч. Против этой группировки фашистов стоял шахтерский стрелковый батальон старшего лейтенанта Туранова. Силы были неравные. Но шахтеры вступили в единоборство с твердой верой в победу. Они метко разили врага. Но все же противнику удалось потеснить батальон и занять южную окраину села ценою больших жертв.

В. Миронов:

Короткая передышка. На огневые позиции прибыл связной. Молча вручил пакет... К нам на позиции прибыла какая-то часть. Послышался шум автомашин, и несколько трехосных мощных грузовиков, закрытых брезентом, остановились в небольшом лесу. А на позиции снова двинулись танки. Артиллеристы устремились к своим орудиям. И снова тяжело застонала от взрывов земля. И совсем не слышным в этом гуле был шум заведенных машин.

Бойцы сбросили брезент. Вороненым отливом блеснули над кабинами автомашин рельсы. Послышался шипящий свист, вечерние сумерки разрезали длинные кинжалы огня. Это по направляющим скользнули сигары снарядов. Заплясал огненный смерч взрыва.

А через несколько секунд небо озарилось ослепительным светом. Горели фашистские танки, земля и враги. Горело железо. Бойцы были ошеломлены увиденным.

То был первый залп «катюш» на этом участке фронта. Это произошло в ночь под 7 ноября 1941 г. Морзянка с «КП» дивизии отбила радиogramму в Москву об успешном применении под Красным Лучом грозного оружия.

Владимир Борсоев:

14 ноября. Проснулся рано и пошел проверить готовность связи — ведь предстоит перемена боевого порядка.

Днем вел огонь по окопавшемуся противнику из орудий 3-й батареи. В результате убито и ранено много немцев: после нашей стрель-

бы они начали на носилках уносить раненых. В ночь с 13 на 14 пришли и добровольно сдались в плен 18 итальянцев. Мы истребили на зеленом бугре 15 немцев, бойцы захватили и поволокли одного раненого арийца, но он, не дойдя до штаба, умер.

Иван Акименко:

15 ноября на участке шахты № 4-бис занимал оборону второй стрелковый батальон, командиром которого был старший лейтенант Григорий Тупельняк. На стыке двух стрелковых батальонов проникли 100 фашистов. Они были переодеты в нашу форму. Некоторые из них говорили по-русски. Строча из автоматов, они пошли в сторону шоссе на дороге, идущей на Красный Луч. Командир полка тов. Кипиани приказал перекрыть место, где они прошли, и одновременно выслал автоматчиков под командованием старшего лейтенанта Василия Портенко для уничтожения фашистов. Наши автоматчики начали косить врага. Много полегло гитлеровцев, уцелевшие стали отходить с боем по направлению к третьей батарее, где им преградили путь артиллеристы под командованием тов. Борсоева. К исходу дня вражескую группу уничтожили.

Г. Рябенко:

Немцы готовились наступать дальше на восток. Улицы села были забиты автомашинами, боевой техникой, в хатах разместились вражеские штабы, солдаты и офицеры. Но шахтеры батальона Туранова, взаимодействуя с батальоном Кельбаса, при поддержке артиллерии неожиданно и настолько стремительно напали на врага, что ему пришлось бежать, оставив продовольствие и вещевые склады, большое количество оружия и боеприпасов. Эта дерзкая боевая вылазка шахтеров длилась три часа, в результате были разгромлены немецко-фашистские части и полностью освобождена Новопавловка.

Константин Провалов:

Видать, противник почувствовал это. На другой день, 15 ноября в 17 часов он силою до пехотного батальона при поддержке артиллерийским и минометным огнем ударил с северо-восточной окраины Княгиневки по балке в направлении поселка шахты 5-бис. Немецкую пехоту встретил сосредоточенный огонь 1 дивизиона 966 артполка. Но гитлеровцы сумели броском преодолеть участок сосредото-

точного огня и завязали ближний бой с нашими стрелковыми подразделениями. Основная их масса навалилась на пятую и шестую роты 694 полка, которым командовали старшие лейтенанты М. Ф. Бец и И. И. Медведев. Дело дошло до рукопашной. В это время капитан Ш. И. Кипиани бросил в контратаку свою резервную роту. Возглавляемая политруком Н. П. Махно, она ударила во фланг наступающего противника. Одновременно подоспела помощь и от артиллеристов. Политрук третьей батареи Д. К. Бондаренко и парторг батареи старшина И. А. Майборода собрали в своем дивизионе всех ездových и этой силой тоже ударили по противнику. Гитлеровцы поспешно отступили, оставив на поле боя более сотни трупов своих солдат и офицеров, большое количество автоматов и четыре пулемета.

Вячеслав Тюменев:

Возле карточного бюро выстраивались длинные очереди. Люди не расходились даже во время артобстрела. Всем хотелось побыстрее получить карточки на хлеб, вот и боялись потерять очередь. Однажды снаряды попали прямо в очередь возле этого бюро. Случайно или где-то сидел корректировщик, но это произошло. Кишки погибших висели на проводах и деревьях.

Алексей Исаков:

Когда первый снаряд попал в очередь у карточного бюро, на мгновение наступила тишина. Только поскрипывало под тяжестью останков расщепленное дерево. Потом вдруг закричали все разом. И я кричал. От ужаса, от безысходности. Эти вопли перекрывали взрывы снарядов. Они, казалось, сыпались, как горох. Люди метались из стороны в сторону. Но как угадать, куда упадет следующий снаряд.

Через какое-то мгновение к кровавому месиву прибежал начальник милиции Федор Осадчий. Он тоже закричал, перекрывая своим мощным голосом голоса всех. Я не взялся бы повторить то, что он произносил, но я понял, что он мне приказывает бежать в госпиталь за помощью. Госпиталь располагался в школе № 2 имени Крупской на улице Ленина. Когда я вернулся с санитарями, оставшиеся в живых уже разбежались. Остались тяжело раненные и мертвые.

Ф. Осадчий, передав заботу о раненых медикам, сам принялся организовывать сотрудников милиции и подоспевших военных на наведение порядка. Собирать фрагменты человеческих тел, снимать их с проводов и деревьев мог не каждый.

Донесение командиру 383 сд

15 ноября в бою на юго-восточной стороне ш. 4-бис убиты:

Тяпкин Андрей Емельянович. Рядовой 1906 г. р. Сталинская обл., Кировский р-н, шахта 17, д. 11-7.

Обераев Виктор Семенович. Рядовой. 1912 г. р. Жена Ксения Архиповна. Макеевский р-н, Сталинская обл., шахта 28.

Похоронены на западной окраине шахты 4-бис г.:

Курилов Сергей Дмитриевич. 1913 г. р. Младший лейтенант. Село Каленок, Орджоникидзевский край.

Кравченко Иван Кириллович. Рядовой. 1915 г. Сталинская обл., Добропольский р-н, колония 8-6.

Игнатенко Николай Емельянович. Рядовой. 1920 г. р. Село Ахтырка Краснодарского края.

Петр Запорожец:

Позиция батареи № 19 береговой обороны базы Черноморского флота была скрыта в складках местности и позволяла вести, огонь. За два дня боев 15 и 16 ноября 1941 года батарея выпустила 623 снаряда, причинивших врагу большой урон.

В. Ковтун:

В сорок первом у нас в поселке Красный Кут стояла артразведка. Мне было тогда 13 лет. А командиру разведки Звереву лет двадцать. Как же он пел под гитару! Разведчики тоже с ним пели, а потом ночью исчезали, видно, уходили на задание.

В последний раз все мы слушали в его исполнении песни «Осень, прохладное утро» и «Синий платочек».

Мама моя напекла им блинов. Их было шесть человек. Потом они, как всегда, пошли на задание. Наутро Зверев не вернулся. После мы узнали, что его тело без головы увезли санитары, её срезало снарядом. Остальных всех в тот же день от нас куда-то в другое место направили...

Я через всю свою жизнь пронесла память о командире Звереве, и забыть его не могу. Как сейчас вижу этого стройного красивого юношу с гитарой в руках и слышу его песни. Ребята шли на смерть, но пели, а мы, слушая, плакали, провожая их, и верили, и надеялись встретиться когда-нибудь... Спасибо таким людям, что делятся с нами теплом души своей. Злые не поют...

А. Шейн:

Наш 691-й стрелковый полк 383-й шахтерской стрелковой дивизии занял оборону по реке Миус от Штергрэса до шахты 2 ВЛКСМ. Фашисты рвались в город. Враги несли большие потери, редели и наши ряды. Пришлось сдать Княгиневку.

Владимир Борсоев:

Вражеские самолеты-разведчики, корректировщики ежедневно висели в воздухе над линией фронта, стремясь обнаружить наши огневые позиции. Я приказал подготовить ложные артиллерийские позиции. В районе поселка Хрустальное в глубокой балке вместо пушек поставили колеса от старых телег и положили на них бревна. Всю эту «артиллерию» замаскировали сетками. С этого места наш артиллерийский дивизион ночью открыл ураганный огонь по позициям врага. И тут же перебрался в другое место. Противник два часа бил по нашим ложным позициям и этим обнаружил свои. Вражеские батареи уничтожены.

Елена Задорожная:

Был случай, когда после канонады стрельба к полудню совсем стихла. Целую ночь стояла зловещая тишина. Изредка трещали автоматы, и мы в страхе притаились, ни разу не открывали дверь на улицу. Стало жутко. Но с утра нового дня пушечная стрельба и говор пулеметов возобновились. Часов в 10 к нам кто-то постучал.

Открываем дверь: на крыльце наши артиллеристы.

— Куда вы исчезали?

Они смеются:

— Немцы к вам не заходили? Ночью они были в крайних домах. Но мы им с утра дали жару, человек триста полегло.

— А где же Владимир Бузинаевич? — спрашиваем мы.

— Он все время возле батарей, между прочим, на чердаках домов кое-где засели немецкие автоматчики. Будьте осторожны.

К вечеру Борсоев пришел к нам взволнованный. Стал расспрашивать о жизни, подтвердил сообщение о том, что прошедшие сутки мы «были у немцев». Снял шинель, и мы ахнули: левая пола во многих местах пробита пулями.

— Это когда же по вам стреляли?

— А вот сейчас, когда шел на КП. Как видите, все пули мимо меня летят, — и он весело засмеялся.

Владимир Борсоев:

15 ноября. С утра сильных боев не было, с обеих сторон артиллерийско-минометная перестрелка. Пошел к переднему краю и зашел к Корнеевым, они мне предложили помыть голову. Я посидел немного, пока грели воду.

В это время противник начал артподготовку по поселку шахты 4-бис. Все стекла вылетели. Слышу: очень близко стрельба автоматчиков. Я вышел посмотреть, что делается. Вижу — немцы развернутым строем идут вперед, строча на ходу из автоматов. Некоторые уже в 50 – 100 метрах от меня. Я пробежал шагов 100 и окончательно выдохся. Местность подъемистая, грязь, а я одет плотно. Оглянувшись, немцы подошли еще ближе. А впереди — совершенно гладкий подъем. Пули летят все гуще и гуще. Тогда я решил встать и пойти во весь рост: все равно не уцелеть: нагнусь — убьют, и пойду во весь рост — убьют... Уж лучше смерть принять стоя. Иду, пули около меня, как град, но ведь уцелел! Пришел на НП, а там суматоха: связь с двумя батареями прервалась. Делать больше на НП было нечего. Максимова послал в третью батарею, сам поехал в первую. Совместно с подошедшей группой наших автоматчиков выбили противника из поселка шахты 4-бис и восстановили прежнее положение. Противник отошел с большими для него потерями. Полегло около 300 немцев.

Этот прорыв на узком фронте для всех бойцов и командиров послужит большим уроком. Мы будем, конечно, бдительнее.

Константин Провалов:

16 ноября к вечеру такой же удар немцы нанесли по участку 197-го стрелкового полка. С большими потерями в живой силе после ожесточенного боя противник был тоже отброшен.

Г. Рябенко:

На участке Княгиневка — Штергрэс — западная часть Новопавловки сражался батальон Глеба Демьяновича Кельбаса. Рано утром по Новопавловке и Штергрэсу ударил залп вражеской артиллерии. Массированный артналет длился полчаса. Советским воинам стало ясно, что немцы решили идти в наступление. И действительно,

вскоре на высоте «Яблочко» показались танки и самоходные орудия, а за ними пехотинцы. Они спускались по склону на рубежи шахтерского батальона под прикрытием оружейно-минометного огня. Термитными снарядами были зажжены постройки. Немцам удалось прорвать оборону. Около 80 гитлеровских головорезов повредили связь, окружили хату, в которой размещался батальонный штаб. Здесь вместе с командиром Кельбасом было еще пять воинов. Они смело вступили в бой с врагами. На немцев полетели гранаты, автоматные очереди косили их. А когда кончились патроны, воины выскочили из подожженной хаты и сразились с ними врукопашную. Тем временем к горстке храбрецов подоспело подкрепление автоматчиков. Их привел комиссар полка Михаил Романов. Третья рота, находившаяся во втором эшелоне, ударила во фланг немцам и прижала их к Миусу. Пулеметный расчет сержанта Сакало истреблял фашистов с левого фланга. Атака немцев захлебнулась, на поле боя валялись сотни трупов фашистов, тут и там пылали танки и самоходные орудия. В этом бою был ранен заместитель политрука Титков. Фашисты набросились на него, скрутили ему руки. Титкова повели под конвоем. Он побежал к своим. Фашист выпустил автоматную очередь, ранил его. Поблизости разорвалась граната, но Титков бежал, напрягая силы. Навстречу поднялись бойцы. Сразив фашиста, гнавшегося за Титковым, они оказали замполиту первую помощь и предложили отправиться в госпиталь.

— Пока рука моя может держать оружие, — убежденно сказал Титков, — буду сражаться и уничтожать врагов.

Соколов:

На мой батальон фашисты бросили крупные силы. Они хотели отбить поселок, освобожденный утром советскими войсками. Видимо, передышки не предвидится, — слушая пулемётную трескотню, подумал я. Там, за Миусом, в сером пыльном тумане вырисовывались грязно-зеленые фигурки вражеских солдат. Они цепью перебегали к поселку, с каждым рывком приближаясь к нему. Их было много, так много, что капитан пришел к выводу: его поредевшему в последнем бою батальону поселок не удержать. Да и боеприпасы на исходе. Для затяжного боя их не хватит. После беглого осмотра наступающих тревожно крикнул в телефонную трубку:

— «Волга», «Волга!» Я — «Дон!»

«Волга» — это позывной штаба полка, «Дон» — это он, командир батальона.

На другом конце провода, в штабе полка, тоже взяли трубку. Доложил обстановку:

— Товарищ подполковник, случилось непредвиденное. Фашисты лезут напролом. Видно, не удержать, забуксовал. В батальоне немногим больше роты бойцов. Боеприпасы на исходе. Пополнение было бы кстати.

Из штаба ответили:

— На помощь не рассчитывай. Держись своими силами.

Я положил трубку и тут же, не колеблясь, принял решение поселок отдать противнику. День клонился к вечеру. Бой утихал. Немцы опять вступили в поселок. Поредевший батальон, отступив, закрепился на прежних исходных позициях, с которых он еще совсем недавно, всего несколько часов назад, начинал наступление. Скрепя сердце, сообщил в штаб полка: поселок сдан врагу. И еще раз напомнил о подкреплении. Из штаба ответили:

— Не валяй дурака! Поселок отбери обратно! Своими силами. Это приказ.

Вот так ситуация. Но приказ есть приказ. На фронте он — закон боевой жизни. Его надо выполнять

А немцы тем временем засели в домах, принялись за хозяйственные дела, очевидно считая, что русские их больше не потревожат. По улице засновали фашистские солдаты. Они куда-то переносили ящики, банки, ведра. В крайнем дворе задымила походная кухня. Тоскливые мелодии губных гармошек неслись почти из каждого двора. «Похоже, боевых действий гитлеровские вояки сегодня проводить не будут».

Настроение у меня было паршивое; потерянный поселок нужно брать. Но чем и как? В ротах остались десятки бойцов. Много раненых. От батальона — одно название. Но поселок надо вернуть. Этого требует приказ.

После тягостных раздумий пришел к выводу: нужно пойти на хитрость. За поселком высилась господствующая высота, только овладев ею, можно освободить поселок. Поредевшему батальону это не под силу. Такой «орешек» может раскусить только стрелковый полк, да и то, если начнет наступать вот с этих мест, где расположен мой батальон.

План предельно прост, но связан с большим риском: с приходом темноты обойти злополучный поселок и захватить высоту во вражьем тылу. Если операция удастся, — немцы сами оставят поселок, сидеть на виду под грозящим обстрелом они не захотят.

Приказал бойцам сплести длинную веревку из запасных обмоток, которых в батальоне оказалось в достаточном количестве. Хорошая получилась веревка, даже была испытана на прочность.

— Привяжем к ней разные железки с побрякушками и быстро протянем мимо поселка, да так, чтобы шума было больше. Металлическим звоном и лязгом, скрежетом металла отвлечем фрицев от главного. А тем временем вон на той высоте постараемся навести порядок. И будет фрицам хорошая банька. Жарко будет им после этого.

С наступлением ночи, оставив двух бойцов с необычной «приманкой», батальон незаметно для врага оседлал господствующую высоту. Гитлеровцы, разбуженные ночью по тревоге, долго «воевали» с длинной веревкой, увешанной консервными банками, пробитыми котелками и касками, которые мы с шумом тянули по ложине, огибающей поселок. Ночная операция, для врага была неожиданными.

Едва только первая мина разорвалась в центре улицы, как в поселке все пришло в движение. Немцы определили, что мины к ним летят с тыла. Это подлило масла в огонь, беспорядочно звучал гортанный крик офицерской команды. Толпа солдат, охваченных паникой, бросая оружие, метнулась за поселок. Положение на этом участке фронта было восстановлено. Узнав о нашей ночной «операции», командир дивизии вызвал меня в штаб для беседы. Выслушав с должным вниманием, генерал обнял меня и сказал:

— Молодец, сынок! Это просто по-суворовски — бьешь врага не числом, а умением, хитростью. За находчивость хвалю. За то, что людей в батальоне бережешь, — низкий поклон тебе. Беречь солдат — это главное. Поселок держи, он имеет исключительно важное значение для целого фронта. Хвалю за службу, сынок!

Борис Стремилов:

Примерно во второй половине ноября у нас на квартире остановились командир 2-й роты 691 с. п. лейтенант Грицай родом из Днепропетровской области. Вскоре он был тяжело ранен, и его заменил лейтенант Герасимчук из Житомирщины. Политрук роты Ананьев из Белоруссии, командир взвода лейтенант Оболонко из Воронежской области, старшина роты Нефедов из Донецка и пятнадцатилетний паренек в военной форме Ваня Вялов из Штергрэса. Поэтому в нашем доме всегда было полно военных: кто-то прибывал к командирам, кто-то к старшине. Более 2-х месяцев изо дня в день я их встречал и провожал на передовую.

Петр Гуленко:

13-летний мальчишка Витя Жибика бегал среди солдат 383 стрелковой дивизии, присматривался, как шахтеры с большим напряжением сил обороняют левый берег Миуса. Тогда враг не давал возможности поднять голову в районе шахты № 12 и «Нерудстали», простреливая каждый метр земли из пулеметов, минометов и орудий.

Витя решил помочь защитникам города. В штабе созрел оперативный план: пустить свободную лошадь в сторону врага, а за нею «на розыск» — Витю. И он прошел. Все увидел, запомнил, вернулся в расположение полка, доложил командованию. И гвардейские «кастюши» майора Зайцева точным огнем смели с лица земли позиции фашистов. Так Витя Жибика стал разведчиком и сыном полка.

Мария Козьмина:

Красный Луч, оказавшийся в прифронтовой полосе, жил по законам военного времени. Днем — артобстрелы и бомбежка, ночью — гул моторов. Линия фронта близко. Исходя из сложившейся обстановки, перестроил свою работу городской комитет комсомола, школьный отдел, в котором мне довелось работать. Комсомольцы ухаживали за ранеными в госпитале, несли дежурство в ночное время. Лучших своих представителей горком партии и комсомольская организация направляли в шахтерские дивизии. В военкомат нескончаемым потоком продолжали поступать заявления с просьбой об отправке на фронт. Этой мечтой жила не только я, но и многие мои сверстники.

Константин Провалов:

17 ноября картина повторяется. Только теперь уже на участке 694-го стрелкового полка. Здесь удар двух пехотных рот фашистов пришелся по первому и третьему стрелковым батальонам. Снова у немцев потери. И снова они отходят.

Донесение командиру 383 сд

17 ноября 1941 г. убит и похоронен в районе шахты 2 ВЛКСМ Платонов Виктор Дмитриевич. Заместитель политука. 1905 г. р. Сталинская обл., рудник Шиловка.

Алексей Кедов:

Возвращение разведчиков с «языком» было трудное. Немец был рослый, тяжелый, раненный в ногу, он не мог идти. Пришлось его нести вчетвером. В Леонтьевском лесу разведчики поджидали темноту и вдруг увидели пароконную подводку. На подводке чинно восседал полицай с винтовкой в руках. Судя по одежде, другой, наверное, беглец из лагеря. Разведчики подводку остановили. «Полицай» как увидел звёздочки на пилотках разведчиков, бросил оружие и крикнул:

— Братцы, не стреляйте, мы свои!

Разведчики не стали разбираться, свои или чужие. Они связали «полицая», уложили рядом с немцем на подводку. Дождавшись темноты, переправились через Миус и поздно ночью были в штабе дивизии в Красном Луче. «Полицай» оказался нашим лейтенантом Иваном Дмитриевичем Биркусом. Он рассказал, где воевал, как его часть попала в окружение. Назвал фамилии командиров, как продвигался к линии фронта, чтобы перейти к своим, но был схвачен полевой жандармерией и отправлен в город Снежное, где в числе других был закрыт в товарный вагон, стоявший на станции. Проломив пол в вагоне, ночью лейтенант Биркус вместе с сержантом Кузнецовым бежал. Они пробрались к лесу, а под утро зашли в село. В первом же доме их усадили за стол. Не успели беглецы поблагодарить хозяйку за обед, как в селе появились полицай. В каждом доме делали обыск. Хозяйка спрятала их в сарай. С чердака сарая они наблюдали за селом. В дом зашли два полицая, беглецы насторожились. Один полицай решил проверить сарай, долго ширял штыком в сено. Лейтенант прыгнул ему на спину и свалил полицая. Началась борьба. Полицай был рослый, сильный, они вдвоем с сержантом еле с ним справились. Убедившись, что полицай покинули село, лейтенант Биркус натянул на себя униформу полицая. Взял карабин и повел впереди себя сержанта Кузнецова, как пойманного беглеца, в сельскую управу. Выходили из домов старухи, совали в руки «арестованному» кто вареную картошку, кто початок кукурузы. В управе «конвоир» потребовал лошадей, чтобы отвезти пойманного в жандармерию.

Донесение командиру 383 сд

17 ноября 1941 г. в бою на северной окраине с. Княгиневка убиты и похоронены:

Гонтаренко Андрей Петрович. Младший лейтенант. 1909 г. р. Сумская обл. с. Ступивка

Волошин Иван Филиппович. Рядовой. 1916 г. р. Жена Екатерина Акимовна. Сталинская обл., Кировский район, ш. 30.

Жданов Андрей Митрофанович. Рядовой. 1910 г. р. х. Костина, Сталинская обл.

Ткачев Андрей Семенович. Рядовой. 1909 г. р. Жена Рита Яковлевна. Курская обл. с. Олышанка.

Кочетов Василий Иванович. Рядовой. 1909 г. р. Жена Матрена Федоровна. Маланино-Елецкое Воронежской обл.

Лавренчук Анатолий Филиппович. Рядовой. 1910 г. р. Отец Филипп в Житомирской обл.

Золтых Егор Васильевич. Рядовой. 1914 г. р. Жена Матрена Степановна. Село Перекоповка Воронежской обл.

Агапов Андрей Матвеевич. Рядовой. 1911 г. р. Жена Анна Яковлевна Курская обл. Село Лошаково.

Корниец Григорий Захарович. Рядовой. 1900 г. р. Жена Мария Игнатьевна. Винницкая обл. Село Журовка.

Бложкин Дмитрий Петрович. Сержант. Жена Евгения Андреевна. Сталинградская обл.

Шахман Владимир Абрамович. Рядовой. 1907 г. р. Жена Лидия Несторовна. Каменец-Подольская обл.

Крошко Алексей Тимофеевич. Рядовой. Жена Анна Ивановна Красноярский край. Село Тимошево.

Метелкин Дмитрий Андреевич. Рядовой.

Бабин Николай Фомич. Командир отделения 1922 г. р. Жена Неонила Сафроновна. Сталинградская обл. Село Коростенково.

Вольных Петр Федорович. Рядовой. 1909 г. р. Жена Анна Васильевна. Майкоп, кирпичный завод.

Крыжановский Иван Семенович. Рядовой. 1904 г. р. Жена Ольга Дмитриевна. Майкоп.

Литвинов Александр Яковлевич. Командир отделения. 1914 г. р. Жена Мария Филипповна. Станица Ивановка Краснодарского края.

Владимир Борсоев:

18 ноября. Нахожусь в первом дивизионе на главном направлении наступления противника, здесь нет командира. Максимова отправил для связи с пехотой. С утра противник пытался вклиниться в полосу нашей обороны и под ураганным огнем моего дивизиона отошел с большими для него потерями.

В 10.00 пошел позавтракать. Только успел покушать, как под окном в двух метрах разорвался снаряд — дымовой. Стекла вылетели,

в доме полно дыма, немного почихали и пошли: я на НП, адъютант за продуктами, ординарец остался ремонтировать окна — распределение труда.

Донесение командиру 383 сд

18 ноября 1941 г. убиты и похоронены на ш. № 160 воины 691 стрелкового полка:

Бузов Степан Павлович. Старший сержант. 1910 г. р. Село Леодоховка Орловской области.

Рудь Иван Семенович. Младший политрук. 1917 г. р. Село Слободское Тульской области.

Васюченко Григорий Дмитриевич. 1908 г. р. Красноармеец. Село Сногое Курской области.

Прошин Петр Алексеевич. Красноармеец. Деревня Конконорка Казанской области.

Сур Иван Карпович. Красноармеец. 1916 г. р. Село Конский Раздол Запорожской области.

Константин Провалов:

Три вечера подряд немцы сами ведут силовую разведку. Что же делать? Сегодня, 18 ноября, в 23 часа Подавильников должен выступать, а мы только-только отбили гитлеровскую атаку. Но, может, это даже и к лучшему? Противник наверняка не ожидает, что после его натиска мы вдруг тоже начнем атаковать, и бдительность его притупится. Да, отменять разведку не имеет смысла. Ночь выдалась темной, холодной, с ветерком. Атака получилась дружной и стремительной. Рота ворвалась в окопы немцев и завязала там рукопашный бой. Гитлеровцы ожесточенно сопротивлялись, к тому же они имели численное превосходство. Однако противник все же не выдержал натиска и, поспешно оставив южные скаты высоты 178.9, отошел в Книгиневку. Через несколько минут на захваченную высоту обрушился шквал огня. Была фашистская артиллерия, пулеметы, пронзая освещенную ракетами зеленую ночь десятками трасс. На всех наблюдательных пунктах офицеры наносили на карты огневые позиции врага. В 2 часа ночи я дал три красные ракеты — сигнал на отход отряда. Отряд вернулся. Его привел политрук Железный. Шестеро бойцов из роты лейтенанта Корягина были ранены, двое убиты.

Донесение командиру 383 сд

18 ноября 1941 г. в бою на северной окраине с. Княгиневка убиты и похоронены:

Агашальян Вашай Валеевич. Рядовой. 1902 г. р. Жена Монут Оканова Николаевна. с. Ужаных. Коломский район, Армянская АССР.

Давидьян Михаил Анронстович. Рядовой. 1914 г. р. Родственник Сирян Арабух в Азербайджанской ССР.

Чабукьян Шало Санович. Рядовой. 1913 г. р. Родственница Колман Якимовна в Грузинской ССР, с. Кведосикорат.

Гогитидзе Юзеф Хазанович. Рядовой. 1914 г. р. Родственница Харазай Хурно Алиевна живет в Аджарии. Сельсовет Хусудбан.

Годскорадзе Давид Ваг. Рядовой. 1913 г. р. Грузинская ССР, Зис-тафонский район, с. Зирвет. Жена Барбадзе Варвата Ипольтовна.

Мегрушвили Рубен Степанович. Рядовой. Село Таргорзиви Горийского р-на. Грузинской ССР.

Юдин Константин Григорьевич. Рядовой. 1989 г. р. Одесса, Фрунзе, 105. Жена Мария Константиновна живет в Горловке Сталинской обл.

Майборода. Командир взвода.

Болошников Василий Кириллович. Рядовой. 1903 г. р. Родственница Анна Митрофановна живет в Ивановском районе.

Катькало Степан Леонтьевич. Рядовой. 1918 г. р. Жена Мария Ивановна живет в с. Куйбышевка Запорожской обл.

Князев Яков Давыдович. Рядовой. 1898 г. р. с. Каменка-на-Днепре Запорожской обл.

Галитулаев Гасо Апаулович. Рядовой. 1920 г. р. Дагестанская АССР, Касумский район, с. Корго.

Смоначев Кирилл Карпович. Рядовой. 1906 г. р. Колхоз «Красный». Краснодарский край.

Атальян Константин Авенесович. Сержант 1909 г. р. Нагорный Карабах.

Владько Алексей Тимофеевич. Рядовой. 1909 г. р. Родственники живут в с. Свирково Сумской обл.

Ряскин Иван Иванович. Рядовой. Майкоп.

Бояринов Николай Прокофьевич. Сержант. 1909 г. р. Жена Мария Федоровна. Село Степное Ямпольского района Сумской обл.

Караульный Иван Никифорович. Рядовой. 1921 г. р. Жена Галина Александровна. Киевская обл., Тельневский район, с. Майданец.

Храпаль Иван Ефанович. Рядовой. 1918 г. р. Холост. Полтавская область.

Пономаренко Иван Петрович. Рядовой. 1915 г. р. Антрацит, шахта 2/24-бис. Нова колона.

Гесо Григорий Иванович. Рядовой. 1899 г. р. Жена Екатерина Григорьевна живет по адресу Запорожская обл. Гениченский район с. Семихатка.

Кривовязов Евгений Порфирьевич. Рядовой. 1923 г. р. Жена Александра Михайловна. Киев.

Константин Провалов:

Гитлеровцы снова возобновили наступление. Они начали пробиваться на Хрустальное и шахту 7/8. Если бы немцам удалось их захватить, оборона Красного Луча была бы прорвана, и они смогли бы овладеть городом. Но этого, к большому счастью, не случилось в значительной мере потому, что краснолучане поднялись на помощь его защитникам. Многие из них с оружием в руках принимали участие в отражении вражеских атак. Это очень помогло дивизии.

Донесение командиру 383 сд

18 ноября 1941 г. умер от ран и похоронен в с. Яновка Поливода Дмитрий Иванович. Рядовой. 1903 г. р. Жена Анна Никитовна живет на хуторе Победа Ростовской области.

Прасковья Колесникова:

Сегодня ночью — разведка боем. Пойдет взвод и я с ним как санинструктор. Я готовлюсь к этому своему первому боевому крещению. Привожу нервы в порядок. Боязно первый раз. Но я стараюсь взять себя в руки. Мне помогает то обстоятельство, что я уже сталкивалась с немцами. Видела их вблизи. Я жила в Княгиневке, а работала в больнице ШПРЭС. Немного здесь я поработала. Донецкую школу медсестер окончила в 1940 году. Все медицинские работники пошли на фронт. Меня не призывали. Мне еще не было восемнадцати лет.

Сегодня — разведка боем. Волнуюсь, говорю себе: «Крепись, Прасковья, покажи, на что ты способна». Взвод под командованием замполита роты Ивана Ивановича Минакова тихо добрался до передовой.

И вот — миг, бросок в окопы врага. Завязался бой. Я просто ошалела. Не могу ничего сообразить. Потом пришла в себя. Вижу

раненых бойцов. Скорее, скорее спасать, оказывать разведчикам первую помощь. Под огнем оказывать...

14 раненных перетащила на спине в укрытие. После боя пришли сюда с «языком» наши бойцы. Мы понесли раненых в Красный Луч, в санбат. 4 из них умерли в дороге.

Тяжела была потеря.

Но мы все же взяли «языка». Говорили, разведка получила очень важные сведения, которые позволили дивизии еще сильнее укрепить оборону, еще больше уничтожить гитлеровцев.

Владимир Борсоев:

19 ноября. Решили наступать на село Княгиневку — набираемся смелости.

Донесение командиру 383 сд

19 ноября 1941 г. похоронены на ш. № 160 воины 691 сп.:

Попов Николай Корнеевич. Красноармеец. 1921 г. р. Убит 19 ноября в Штергрэсе. Краснодарский край, ст. Алексеевка.

Белоусов Ерофей Трофимович. Красноармеец. 1910 г. р. Красноармейск, Сталинская обл.

Василий Погорелов.

За 33 успешных боевых вылета Василий Погорелов в ноябре 1941 года награжден орденом Ленина. Его приняли в ряды Коммунистической партии.

Алексей Кедов:

Пули пролетали над головой, фашисты упорно сопротивлялись, зацепившись за сильно укрепленный плацдарм на Миусе. Пулемет бил с берега, и левый фланг нашей цепи никак не мог подняться в атаку. Нужно подавить огневую точку противника. Постарались минометчики капитана Карасева, и пулемет замолк.

Григорий Любимов:

20 ноября 1941 года наша дивизия освободила Малую Вишеру, с боями продвинулась до г. Чудово и тем самым способствовала ос-

вобождению г. Тихвина. Замкнуть второе кольцо окружения вокруг Ленинграда фашистам так и не удалось.

Иван Беседин:

20 ноября к командиру минометного батальона 691 стрелкового полка 383 шахтерской дивизии, штаб которого располагался в поселке шахты № 160, обратились юные брат и сестра с просьбой принять их добровольцами в действующую армию. Они заявили, что их мать против этого ничего не имеет, а долг комсомольца — бить врага. Комбат М. Н. Живлюк, комиссар А. И. Покатаев и начальник штаба батальона Д. Д. Внуковский решили пойти помочь им.

Так девятнадцатилетняя комсомолка Катя Пилипенко была зачислена во взвод связи, а шестнадцатилетний брат ее Алексей, тоже комсомолец, — в минометный расчет второй минроты.

Семен Пупынин:

Связь с Ленинградом поддерживали только транспортные самолеты. Войскам первой линии 20 ноября 1941 г. еще раз снизили нормы продовольствия. Бойцы стали получать в сутки лишь один сухарь весом 75 граммов и 350 граммов блокадного суррогатного хлеба.

Донесение командиру 383 сд

21 ноября 1941 г. убит и похоронен в районе шахты 2 ВЛКСМ Грубый Александр Терентьевич. Рядовой. 1908 г. р.

Михаил Корпняк:

Отряд, возглавляемый Спартаком Железным, вскочил ночью в траншеи врага. Разведчики действовали штыками, кинжалами, прикладами. Налет был настолько неожиданным и стремительным, что гитлеровцы были выбиты с двух линий окопов, и бросили оружие. Блестяще выполнив задание, отряд возвратился с трофеями и привел «языка».

Воля бесстрашного комиссара цементировала волю разведроты. Действовать, как Железный, бить врага, как Железный, — стало традицией разведчиков-шахтеров.

Г. Воловик:

К концу ноября наш дивизион перевели непосредственно в город для противовоздушной охраны бухты. Когда немцы прорвались на северную сторону Севастополя, нашей батарее пришлось отражать танковые и пехотные атаки. За период обороны Севастополя на счету батареи 7 сбитых и много поврежденных самолетов. Наша батарея разбила 6 танков, уничтожила до 150 гитлеровцев. Несли потери и мы.

Алексей Кедов:

Миус в районе Сауровки — Дмитриевки — узкий и мелкий. Переправа была не из сложных. Мы пошли в атаку. Ни единого выстрела. Фашисты подпускали нас поближе. До окопов противника оставалось метров 20. Навстречу нам полетели гранаты.

Завязалась рукопашная. Я видел, как прыгнул в окоп сержант Науменко. Тотчас сзади на него навалился фашист. Он уже занес нож над головой сержанта, но я успел нажать на спусковой крючок автомата. Прозвучал выстрел. Очереди не получилось — заело механизм оружия. В следующее мгновение я увидел, как немец медленно разжал ладонь и трупом повис на спине сержанта. Все произошло очень быстро, так что трудно и передать. Опомиться не успел, как оказался в лапах трех гитлеровцев. Теперь на помощь мне пришел сержант Науменко. Короткой автоматной очередью он сразил их...

Николай Любарский:

Потянулись дни беспокойные, полные неясных чувств и тревог за себя, за Родину, за народ. Стоя на посту и кутаясь в воротник от холодного осеннего дождя, недоумевал — почему мы с Иваном Сало, тысячи других, вдруг были вырваны из налаженной жизни и теперь вынуждены ценой тягостей, лишений, может быть, ценой жизни отстаивать свободу, свое будущее.

— Виноватого ищешь? — спрашивал политрук роты Куликов. — Это хорошо! Врага надо понять. Его ненавидеть надо за то, что он и является источником людских бед. И знай, эта народная ненависть, как и любовь, будет вечна.

Михаил Корпjak:

То утро началось обычно — перестрелка по всему переднему краю. Но к 10 часам минометный и артиллерийский огонь усилился. Снаряды ложились густо, и вскоре небо затянулось черным дымом, в воздухе плясали, присвистывая, осколки и комья земли. Лавина смертоносных снарядов передвигалась от Штергрэса к шахте № 160. Было ясно, что наступают. Фашисты рвались к Штергрэсу. Наши бойцы, оборонявшие поселок, цеплялись за каждый дом. Медленно отходили на северную окраину. Нужна контратака. И тогда в небе появились два зелененьких огонька; тотчас разведрота пошла в наступление во фланг немцам. Те не ожидали такого удара, не выдержали и начали пятиться, но отстреливались яростно, зло. Под их сильным автоматным огнем залег взвод, в котором была и Нина Гнилицкая.

Выбыл из строя командир, и тогда Нина поднялась во весь рост, крикнула:

— Вперед, шахтеры, не давайте опомниться гитлеровцам! Бей их, гадов! — И побежала, расчищая себе дорогу автоматным огнем. Не могли после этого разведчики лежать в укрытии. «Ура» понеслось над темными курганами, и через несколько мгновений Гнилицкая почувствовала, что бежит не одна, а потом увидела обгоняющих ее товарищей. Вдруг она остановилась: заметила провод немецкой связи, полоснула финкой, и бросилась дальше. Из окна домика застрочил автомат. Пробралась к дому, швырнула в окно гранату, «успокоила» гитлеровцев. А тем временем ее товарищи очищали поселок от захватчиков. Не выдержали фашисты, побежали. Через некоторое время все стихло. Отбили атаку, удержали Штергрэс.

Николай Картавенко:

Когда фашисты начали первый штурм Севастополя, нашу группу артиллерийских корректировщиков послали в тыл врага. Ночью с катера высадили у мыса Сарыч.

В районе Байдарских ворот ведем наблюдение за противником. Нам надо пробраться на господствующую высоту метрах в тридцати от немецких окопов. Мы корректируем огонь всей корабельной артиллерии. Конечно, нас сразу запеленговали и открыли огонь из минометов, пушек, а мы продолжали корректировать стрельбу нашей артиллерии. Только ночью наступала передышка, и мы ползли к ручью набрать живительной влаги.

Владимир Борсоев:

22 ноября. Пять месяцев идет кровопролитная война. Пять месяцев народы Советского Союза героически отстаивают свою независимость и свободу, свое счастье. Пять месяцев Гитлер бросает своих головорезов на убой. Противник остановлен почти на всем фронте. Он бросает все силы на Москву, чтобы любой ценой овладеть нашей прекрасной столицей. Но не выйдет! Мы не позволим поганым гитлеровским сапогам топтать прекрасные улицы славной Москвы.

День прошел спокойно. Мы им на завтрак, на обед и на ужин прислали «конфет» порядком. Ночью собираемся к ним в гости.

Валентина Задорожная:

Позже нам военные помогли выехать из разбитого вконец дома в центр Красного Луча — на три километра от передовой. Перевезли имущество, и нам стало жить там значительно лучше.

Елена Задорожная:

Горько было сознавать, что наша жизнь несколько изменилась к лучшему, а военные люди, ставшие нам родными, как братья, остались в том же пекле, сражаются без сна и отдыха. И они стали редко к нам заглядывать. Заехал однажды Борсоев, порадовался, что нам стало лучше. Все в нашем доме замечали, что он человек очень скромный и даже застенчивый, восхищались его хорошими привычками, спокойствием, вежливостью. Немногословен, сдержан, всегда доброжелателен.

Василий Левицкий:

Первые месяцы войны были самыми тяжелыми. И не только потому, что было разбито мое оружие, что на глазах погибали товарищи. Самым тяжелым было сознание собственного бессилия, необходимость отступать перед превосходящей мощью врага. Но были и успехи.

В конце ноября 1941 года наш артиллерийский полк участвовал в освобождении Ростова. Контрнаступление Красной Армии под Ростовом сорвало план немецкого командования прорваться на Кавказ.

Жанна Соболев:

Блокадный Ленинград. Вызвали в блиндаж командира. Такое случается редко. Приказано отправиться в расположение соседней части. Там тяжело ранен командир той части.

И почему они поручили это мне?

Неужели там нет своего санитара? Путь недалекий, но трудный. Он простреливается фашистами. До окончания обстрела по полчаса приходится лежать не шевелясь.

Я все-таки добралась и оказала помощь. И была с воином, пока его не отправили в тыл.

Пелагея Токарева:

Над поселком совхоза Петровского фашисты подбили наш самолет. Жители поселка организовали сбор средств на построение нового самолета. Я пожертвовала зарплату двух месяцев — 500 рублей.

Борис Стремилев:

Мне шел двенадцатый год, поэтому я быстро нашел общий язык с Ваней Вяловым. Мы подружились.

Пришла зима. Тогда много солдат, особенно из числа южных народов, пострадало от холода. Все больные были размещены по квартирам жителей на расстоянии 1,5 км от окопов.

Старался быть полезным. Старшина охотно брал меня с собой (мама и бабушка не возражали). Помогал подносить горячую пищу красноармейцам. Зима была снежная, и кухня могла подъехать только к балке, ближе нельзя было. Как правило, я нес хлеб, а старшина — термос. Все это происходило в темное время суток. Ходили в белых халатах. Из нательных солдатских рубашек мать сшила халат и мне.

Приходил к Ване Вялову Володя Воронин, его приятель, тоже из Штерггрэса. Они переодевались в гражданскую одежду и уходили на задания. За них мы все переживали и радовались их возвращению, а для меня они были настоящими героями.

Жанна Соболев:

Засыпан до пояса в снег блокадный Ленинград. Улицы похожи на окопы. Темные дома без стекол. Стены даже изнутри покрыты инеем. Здесь уже все умерли.

Виктор Домашов:

Вступить в Советскую Армию я решил, когда немцы ворвались в наш городок и начали свой разбой. Тогда был убит мой товарищ Володя Зубенко и много других людей. По разгрому фашистов действовала группа под командованием Комарова. Немцы засели в домах и на чердаках, вот тут-то мы и помогли: указывали подходы к домам и чердакам.

Почему мы вступили в армию? Вялов, Ткаченко и Воронин немного раньше вступили, а я после разгрома в городке фашистов. Мать моя была тогда в отчаянии, боялась, но потом смирилась. А отец у меня умер до войны, в 1939 году.

Владимир Борсоев:

23 ноября. Ночью, порядочно угостив немцев «конфетами» (снарядами), побывал на передней линии. Там лежат уже 9-й день трупы немецких солдат, убитых 15 ноября 1941 г.

Их разодрали собаки.

Михаил Корпьяк:

В Княгиневке Гнилицкая выследила дом, в котором собирались на вечеринки немецкие офицеры. Ноябрьской ночью Нина провела туда группу однополчан.

Сняв часового, разведчики забросали дом гранатами. Двенадцать гитлеровцев были уничтожены. Нина привела группу лейтенанта Алехина в село Яновку. И там советские разведчики нанесли врагу удар, а одного офицера доставили в штаб дивизии.

Два радостных события произошли в жизни Нины Гнилицкой в ноябрьские дни. Храбрую разведчицу наградили медалью «За отвагу» и приняли кандидатом в члены партии.

Валентина Задорожная:

Ни разу мы не слышали, чтобы Борсоев кого-либо из своих бранил, осуждал или жаловался на какие-то трудности. Никогда не рассказывал о своих военных делах. Мне кажется, что он стеснялся своей силы, боялся, как бы товарищи не посчитали его нескромным.

Донесение командиру 383 сд

24 ноября 1941 г. убит и похоронен на ш. № 160 Маркарян По-
крат Гарибитович. Красноармеец 691 сп. 1915 г. р. Жена Вартук Ва-
писеевна Маркарян. Абхазская ССР, Гаврийский район, с. Мичатин.

24 ноября 1941 г. убит и похоронен в г. Красный Луч Абзанов
Фарпин Абзанович. Рядовой. 1913 г. р. Татарская АССР, с. Кучечены.

Владимир Борсоев:

24 ноября. Первый день наступления, первая артподготовка. Ар-
тподготовка прошла не совсем гладко. Начали не одновременно, за-
держались с подвозом боеприпасов, но наша пехота продвинулась
немного вперед.

Михаил Корпьяк:

Вскоре Гнилицкая снова побывала в тылу врага. В этот раз уста-
новила, что в хуторе Коренном сосредоточиваются большие силы
противника. Это серьезная угроза Штергрэсу — оттуда прямая доро-
га в Красный Луч.

Павел Юрченко:

В суровые месяцы зимы сорок первого враг все ближе и ближе
рвался к Ленинграду. Город был отрезан от внешнего мира. Муже-
ством и стойкостью прославились ленинградцы. Единственная до-
рога, связывающая Ленинград с Родиной, пролежала через Ладож-
ское озеро. Я был в числе фронтовых водителей, кто водил автомо-
биль по ледяной трассе. Не бросал баранку ни в лютую метель с 40-
градусными морозами, ни в бомбежку, ни при массированных артил-
лерийских обстрелах.

Донесение командиру 383 сд

24 ноября 1941 г. 197 стрелковый полк понес следующие поте-
ри.

Убиты и похоронены в селе Хрустальное:

Васик Павел Тимофеевич. Красноармеец. 1908 г. р. Жена Анас-
тасия Сергеевна. с. Чудновцы Полтавской области.

Азерный Каим Абрамович. Красноармеец. 1902 г. р. Жена Ирина Степановна. Грушевский район Одесской области.

Лейко Иван Мефодиевич. Красноармеец. 1905 г. р. Жена Мария Ивановна. Пос. Островского, Сталинская обл.

Гурин Михаил Семенович. 1917 г. р. Сержант. Мать Ефросиния Прокофьевна. Село Гуренковка Харьковской обл.

Штефан Кузьма Степанович. Красноармеец. 1901 г. р. Жена Нина Никифоровна. Село Штефани Полтавской обл.

Козупице Яков Елисеевич. Младший сержант 1912 г. р. Жена Пелагея Фоминична. Запорожской области.

Пуговкин Михаил Григорьевич. Красноармеец. 1910 г. р. Жена Наталья Павловна. Кировский район Днепропетровской области.

Бегунов Макар Афанасьевич. Красноармеец. 1910 г. р. Жена Прасковья Яковлевна. Кировский район Днепропетровской области.

Анисимов Павел Семенович. Красноармеец. 1922 г. р. Мать Ксения Сергеевна. Киров, Смоленской области.

Таран Иван Алексеевич. Красноармеец. 1921 г. р. Отец Алексей Моисеевич. Село Журовка Черниговской области.

Волошин Петр Иванович. Красноармеец. 1923 г. р. Отец Иван Яковлевич. Село Маяки Сталинская обл.

Мельник Аксентий Андреевич. Красноармеец. 1914 г. р. Мать Марфа Калениковна. Село Глинское Винницкой обл.

Гуржий Николай Степанович. Красноармеец. 1908 г. р. Симферополь, ул. Курцовская, 58.

Макаров Николай Михайлович. Красноармеец. 1920 г. р. Мать Анастасия Федоровна. Село Куратовка Калининской обл.

Нахадзе Отар Самсонович. Замполит. 1922 г. р. Мать Тамара Захаровна. Тбилиси.

Шестеренко Николай Андреевич. Младший лейтенант 1915 г. р. Брат Шестеренко Михаил Афанасьевич. г. Запорожье.

Румянцев Алесей Петрович. Ком. взвода 1925 г. р. Жена Костюченко Зинаида Александровна. Село Сидоренко Калининской области.

Касьянов Алексей Лаврентьевич. Лейтенант. 192? г. р. Отец Лаврентий Филиппович. Зверево Ростовской области.

Хрикин Павел Александрович. 1914 г. р. Жена Вера Зиновьевна. Пос. Суворово Запорожской области.

Михаил Корпjak:

Месяц пробыла Нина в дивизии, но он был равен жизни. Все, что копилось в ее душе многие годы, вся ненависть к врагу и любовь к Родине, выплеснулись в одном стремительном порыве. Всего месяц пробыла Нина Гнилицкая в дивизии, но ее приняли кандидатом в члены партии.

Нина была любимицей дивизии. За ней охотились немецкие снайперы, за ее голову фашисты обещали солидные награды. Ее знали в лицо. Но она, невзирая на опасность, снова и снова переходила линию фронта, чтобы добыть сведения, так необходимые нашему командованию.

Донесение командиру 383 сд

26 ноября 1941 г. в бою на северной окраине села Княгиневки убиты:

Шарвадзе Семен Тарасович. Рядовой. 1907 г. р. Грузия, с. Карынь.

Ландадзе Елистрат Косанов. Рядовой. 1905 г. р. Жена Мария Денисовна. Тбилиси, ул. Индустриальная, 1.

Бельцев Павел Григорьевич. Рядовой. 1902 г. р. Одесская обл. с. Коломна.

Копыт Иван Петрович. Рядовой. 1909 г. р. Жена Анна Яковлевна. Краснодарский край, станица Шкуринская.

Садыло Григорий Сидорович. Рядовой. 1909 г. р. Жена Мария Тихоновна живет в с. Запорожский Днепропетровская обл.

Вольсович Михаил Владимирович. Рядовой. 1907 г. р. Жена Вера Евстафьевна. Сталино, Комсомольская, 67.

Екатерина Нужненко:

Нам партизаны передали, что нужно уйти в лес. Предполагается большой бой, и есть сведения, что каратели намерены расстрелять всех, чьи родственники на фронте.

Немцы уже сильно на партизан серчали. Те подрывали поезда, громили склады немецкие.

Дали нам партизаны лошадь с упряжкой. Мы все свое сложили и поехали. Только до железной дороги доехали, а в село уже снаряды полетели. Стали бомбить. Мы лошадь гнали быстро. Я сзади погоняла корову, что была привязана к телеге. Она все понимала.

Донесение командиру 383 сд

26 ноября 1941 г. убиты и похоронены на ш. 4-бис:

Живонов Иван Владимирович. Рядовой. 1915 г. р. Хасанская обл., г. Черноморск, Фрунзе 2.

Шуший Давид Ионович. Рядовой. 1905. Жена Рива Давидовна. Одесса, Комсомольская 1.

Нина Снежко:

На войну ушла самовольно без материнского благословения. В Краснодаре окончила краткосрочные курсы санинструкторов. Зачислили в 353 дивизию. Мы держали оборону неподалеку от Фащевки, так что дом был почти рядом. Чтобы успокоить маму Аграфену Самсоновну, через бойца, который отправлялся в Красный Луч, передала ей записку: «Дорогие родители! За меня не беспокойтесь. Я живу хорошо. От опасности далеко. Работаю при военном госпитале саниитаркой». Обратный адрес не написала. И бойцу сказала, чтоб не говорил, где находимся. Конечно же, я написала неправду. Холодная зима, окопы, блиндажи не создавали уюта. Больше того, немцы нагнали с каждым днем. Обстрелы, атаки, бомбежки... С увеличением количества раненых прибавлялось и работы медикам. Нелегко было, тем не менее, держались.

Донесение командиру 383 сд

29 ноября 1941 г. убит на ш. № 160, похоронен на ш. 17. Твердохлеб Аполлон Васильевич. Младший политрук 691 сп. 1910 г. р. Жена Мария Самойловна Скляренко. Сталинская обл., станция Яма.

Похоронены на ш. № 160 воины 691 сп.:

Вердин Сатабула Исаакович. Политрук. 1915 г. р. Башкирия, Ердикиевский район, Устмантошлинск.

Лавлишин Иван Терентьевич младший политрук. 1912 г. р. Село Канатковое Винницкой области.

Борис Стремиллов:

В квартире было тесно, но никто на это не жаловался. Наша семья делилась продуктами питания с постояльцами. Особенно всем нравилась кукурузная каша с молоком. Многие воины мне запомнились. У соседей Крючковых на квартире стоял ст. лейтенант Григо-

рян из Армении; у Боговиковых — Квадибадзе и Майсурадзе; у Егоровых — дагестанец Саламов. У него обморожены ноги. Ботинки не мог обувать, ходил в портянках. Мама разрешила, и я снял глубокие галоши с отцовых валенок и отдал солдату. Он был очень рад.

Донесение командиру 383 сд

30 ноября 1941 г. убит и похоронен в Красном Луче Смолий Федор Митрофанович. Красноармеец 691 сп. 1892 г. р. Доброволец. Жена Смолий Пистина Терентьевна. Совхоз Шевченко Запорожской области.

А. Шейн:

В декабре я с ротой бойцов прикрывал полковую разведку, направлявшуюся в Княгиневку. Во время этой разведки был убит младший лейтенант, фамилию его я уже не помню. Мы похоронили его на шахте 4-бис. В том бою отличились командир отделения Жаворонков, командир роты лейтенант Попов и красноармеец Бричкин. Нам помогало местное население, особенно пионеры и комсомольцы. После той разведки боем они помогли нам доставить из Княгиневки на шахту 4-бис трофеи. Особенно из ребятишек отличился Ваня Беседин. Не раз он провожал советских бойцов скрытыми путями в интересующие разведчиков населенные пункты.

Донесение командиру 383 сд

1 декабря в селе Яновка похоронены:

Марсян Андрес Абгорович. Рядовой. 1922 г. р. Армянская ССР. Степановский район.

Коваль Федор Иванович. Рядовой. 1914 г. р. Жена Надежда Кузьминична. Тбилиси, Комсомольская, 6.

Щербак Леонид Александрович. Рядовой. 1918 г. р. Жена Екатерина Ивановна. Харьков.

Александра Щукина:

В декабре папу мобилизовали на фронт. Мама осталась с четырьмя детьми и ждала нового младенца. Он должен был появиться в апреле 1942 года.

Павел Шкейров:

В первых числах декабря наша часть получила приказ перейти в деревню Коконь. Для выполнения этого приказа предстояло преодолеть Ладожское озеро. Оно хотя и замерзло, лед был еще не очень прочным. Мы видели полыньи, затопленные автомобили.

Путь, по которому прошли мы, впоследствии стал Дорогой жизни. Эта дорога дала возможность начать доставку продовольствия по льду в Ленинград, а также вывозить из Ленинграда раненых и детей.

Во время перехода озеро напоминало ледяную равнину. Гладкую, как стекло.

Иван Цымбал:

После одного жаркого боя мы встретились с братом Володей. Я рассказал ему о матери. Воин пошатнулся и упал. Он не мог примириться с мыслью, что мать замучили.

Полгода провалялся он в госпитале, а в истории его болезни появилась запись: «После известия о гибели матери».

И. Сошнин:

Меня война застала на заставе отдельного берегового отряда на полуострове Ханко. Наша задача — контролировать территорию, прикрывать Ленинград от неприятельского флота со стороны Балтийского моря.

Финляндия объявила, что она находится в состоянии войны с Советским Союзом. Мы не спали ни днем, ни ночью, укрепляли границу. Финны долго не заставили себя ждать. Рванулись в атаку. Но они не достигли первой линии обороны. Одни, попав на мины, взлетели в воздух. Другие были в упор расстреляны ружейно-пулеметным огнем из наших огневых точек. Очень немногим удалось удрать обратно. Вторая атака была комбинированная: с суши и с моря. Со стороны моря свое дело сделали наши моряки, а со стороны суши повторилось то же самое, что и при первой атаке.

Несколько попыток было сбросить нас в море, но все атаки врага были отбиты. Убедившись в невозможности сломить сопротивление защитников полуострова Ханко, главнокомандующий финской армией Маннергейм прибег к уловке, пытаясь проверить наше моральное состояние. Он написал обращение к советским воинам, что-

бы мы сдались в плен. Но мы ему ответили в стиле знаменитого письма запорожцев к турецкому султану.

После этого финны по несколько раз в сутки подвергали каждый квадрат огневому налету. Земля изрыта бомбами и снарядами. Горели лес, трава. Рвались боеприпасы. Мы задыхались, но стояли. А когда прекращалась бомбежка квадрата, мы снова принимались ремонтировать или строить дзоты.

Были жертвы, были потери. Но гарнизон стоял. Казалось, мы находились на огнедышащем вулкане.

2 декабря 1941 года гарнизон полуострова Ханко эвакуировался. В единоборстве с превосходящими силами противника он вывел из строя много живой силы и техники врага.

Владимир Боженко:

В пехотном училище получил направление в Сталинградский военный округ. Из Сталинграда выехали теплушкой в г. Фролово. В пути следования теплушка остановилась в степи. Мы трое суток стояли в ожидании снегоочистителя. Наконец прибыли в пункт назначения — станция Аркада, г. Фролово.

Ночью в какой-то хате получил должность, стал командиром пятой стрелковой роты. Она находится в селе Александровка, в школе.

Солдаты — новобранцы. Призваны в Донбассе. В том числе и в Красном Луче, окрестных поселках. Они еще в цивильном. Одна винтовка на всю роту. В пятой роте нет ни одного среднего командира. Командир батальона Калашников, увидев во мне энергичного человека, сказал:

— Сыночек, наводи порядок в роте.

Через двое суток рота была вооружена деревянными винтовками и пулеметами. Учил, как ползти по-пластунски, подрывать танки, забрасывать гранатами окопы, подрывать доты, дзоты, как вести бой в лесу, на открытой местности, в селе, городе, с танками и без танков. В общем, моя пятая рота по большинству показателей выходит на первое место.

Несмотря на декабрьский мороз 41 года я продолжал сколачивать свою мобильную роту. Ведь мне с ней воевать. От того, как хорошо усвоят военную науку мои подчиненные, зависело, доживем ли мы с ними до победы.

Донесение командиру 383 сд

4 декабря 1941 г. на северной окраине села Княгиневки убит Монтюлов Алексей Иванович. Лейтенант. Отец живет в Краснодарском крае, ст. Васеньки.

Николай Васильев:

Бои под Москвой. Я везу взвод из 4-й истребительной дивизии. Внезапно налетели «мессеры». Поливают нас свинцовым огнем. На головы сыплются бомбы. Но, к счастью, ни одна не попала в нашу машину. Я остановил их, потребовал, чтобы все солдаты взяли оружие и стреляли по самолетам противника. Самолеты шли так низко, что можно было рассмотреть лица пилотов. Вот мы и дали по ним залп из винтовок. Самолеты, видно, израсходовав боезапас, удалились. Проще всего убежать, но надо во что бы то ни стало сражаться с противником, доказывая, что мы не боимся его. Победа придет к нам за нашу смелость. Тогда мне дали медаль.

Александр Кузьминов:

— Мама, почему они не эвакуировались? — спросил я, показывая на большой штабель человеческих тел, не думая, что и нас завтра, может быть, ждет та же участь.

— Они призваны честью своей, своей смертью жизнь защитить. Защитить Родину. Ленинград оттянул на себя большую часть фашистов, поэтому и под Москвой мы выиграем наступление!

— И наш папа тут? (Друзья с завода Марти сообщили, что он погиб там при бомбежке).

Пронзительно завывала сирена воздушной тревоги.

— Не знаю... Пошли быстрее!

Сама же остановилась и, прижавшись к холодной стене дома, зарыдала:

— Звери! Что они наделали?!

Вскоре из нашей большой квартиры № 14 в доме № 19 по улице 12-й Красноармейской, из 13 человек остался... один я.

— Они с честью пали за свободу Родины! — звучали в голове слова мамы.

Вера Самойлова:

Справа от окна лежал молодой сержант, раненный в ногу. Пуля прошила ему голень чуть выше колена, задев бедренную кость. Рана плохо затягивалась, гноилась. Сержант, мучаясь от боли, сжимал челюсти, ложился на спину и так проницательно и терпеливо всматривался в точку на потолке, что, казалось, в ней он видит свое будущее, которое хочет разгадать.

Делаю уколы, перевязки, смотрю за постелью, чтобы воинам удобно было лежать. Одного подбодрить, другого пожалеешь, третьему скажешь доброе слово. Цель была одна — быстрее поставить их на ноги. Как-то к вечеру так устала, что, привалившись грудью на подоконник, задремала, не услышав, как в палату вошли. Оглядываясь через минуту и подпрыгиваю от радости. У кроватей моих подопечных вижу девочку лет двенадцати, одетую в прозрачное дымчатое платьице. В ее худеньких ручонках был пышный букет полевых цветов. Об их назначении догадаться было не трудно. Раненым. Девочку я расцеловала, а букет по частям присоединила к своим розам.

Петр Гуленко:

Действия шахтерских дивизий с воздуха поддерживали летчики Героя Советского Союза Марины Расковой. Ее авиаполк в то время дислоцировался на полевом аэродроме в районе пос. Ивановка и был укомплектован самолетами У-2. Бомбометание летчицы выполняли только ночью. Поэтому полк и назывался полком ночных бомбардировщиков.

Иван Беседин:

В декабре ударом со стороны шахт № 162, 2 ВЛКСМ и № 4-бис наши выбили немцев из Княгиневки. К тому времени я считал себя уже бывалым воином. А в глазах своих сверстников, иногда видевших меня с карабином, я был почти героем. В конце дня мы возвращались с разведчиками из Княгиневки на шахту № 4-бис по глубокому снегу. Вижу — блиндаж. Заглянул в него. Над головой увидел связанные шнурком, подвешенные к потолку пластмассовые ученические чернильницы, в некоторых из них торчали палочки. Решил, что это для ночного освещения, взял за донышко, повернул палочкой к себе.

— Ложись! — прогремел голос Бабаяна.

Не понимая, что происходит, я упал.

— Ползи ко мне, — приказал он. Отошли метров 50, и он выстрелил из карабина по палочкам, раздался взрыв. Так я познакомился с «сюрпризом», рассчитанным на то, что входящий в низкую дверь блиндажа зацепит его головой. Я был ростом мал, потому «сюрприз» оказался над головой, а руками до «палочек» дотронуться не успел, — это были взрыватели.

Василий Портенко:

В Красном Луче в нашу дивизию вступило много добровольцев. Ведь у многих из них кто-нибудь да служил в шахтерской дивизии. У кого муж, у кого сын, у кого жених. Вот и приставали, притыкались к родному плечу.

Борис Стремиллов:

В начале декабря 1941 года из состава команды разведчиков, ходивших в разведку боем, погибло 2 бойца. Их на плащ-палатках притянули боевые друзья. Похоронили в конце улицы Долгая, в бомбоубежище.

Леонид Тимченко:

В декабре на Миус-фронте велись бои местного значения. В то время в шахтерской дивизии заговорили о снайпере Максиме Брыксине. Счет уничтоженных им гитлеровцев рос ежедневно. У Брыксина появились последователи: Фаустов, Ипатов, Ералиев и многие другие.

Когда этот счет перевалил за сто, Максим Брыксин получил приветствие от военного совета 18-й армии и ценный подарок, а главное — именную винтовку с оптическим прицелом. Число снайперов в 395 шахтерской стрелковой дивизии быстро росло. В полках появились снайперские отделения, взводы.

Петр Гуленко:

Не раз ходил Витя Жибика в разведку и приносил ценные данные. Но однажды пулеметные очереди настигли его. И он оказался в глубоком тылу, в госпитале.

Михаил Корпjak:

Зима была в разгаре, но было ясно, что с установлением теплых дней немцы не преминут перейти в наступление. Княгиневский плацдарм висел над Красным Лучом как дамоклов меч. Командование дивизии задалось целью ликвидировать его. Операцию решено было провести внезапно, ночью.

Во всякой войне, во всяком бою много случайностей. Малейшая непредвиденная деталь, которую часто и невозможно учесть, — и «господин случай» главенствует.

Группа разведчиков под командованием комиссара роты Спартака Железного проникла в Княгиневку, замаскировалась во дворе пустовавшего дома, недалеко от штаба немецкого батальона, и ждала назначенного времени.

Без двадцати два. Темень. Тишина нарушается только раскатами выстрелов на передовой да шагами патруля. Напряжение разведчиков нарастало. И вдруг что-то изменилось. Еще ничего не видя и не зная, разведчики внутренне почувствовали: что-то случилось.

Железный собрал возле себя разведчиков и сказал:

— Товарищи, задача усложнилась. Идет смена. Если пройдут немцы мимо — задачу мы выполним. Если обнаружат, займем круговую оборону и будем драться здесь.

Железный указал позиции разведчикам. Гитлеровцы приближались. Их собаки насторожились, подняв лай.

— Ждать больше нельзя. Огонь! — шепотом передал команду Железный.

Восемь вспышек, восемь взрывов гранат в гуще немцев. Упал немецкий офицер — Гнилицкая умела стрелять. Уцелевшие гитлеровцы бросились врассыпную. Пули разведчиков догоняли их и пришивали к земле. На месте осталось не меньше 30 трупов. Убегавшие фашисты открыли беспорядочный огонь.

Железный вновь собрал вокруг себя разведчиков.

— Друзья! Сейчас отсюда не выбраться. Наседать будут со всех сторон. Но мы будем драться до конца. Задача ясна?

В самом начале боя осколок мины ранил Железного в ногу. Нина Гнилицкая перевязала его. И он снова идет на врага.

— Вперед, ребята, только вперед!

Тают ряды бойцов комиссара Железного, один за другим выбывают из строя его товарищи. Немцы увидели, что их атакует горсточка людей, и все туже смыкается огненное кольцо вокруг Спартака

Железного. Комиссар отослал в тыл связного — пятнадцатилетнего Юру Рязанова.

Гитлеровцы бросились в атаку. Нина перебегала от бойца к бойцу, подбадривала хлопцев:

— Держись, друг. Ни одной пули мимо. Береги патроны.

И тут же показала пример отличной стрельбы. 20 минут длился массивный минометный обстрел группы отважных. Разрывы мин оглушили разведчиков. В живых осталось 5 человек. Пять человек истекали кровью. Железный уже не мог передвигаться. Он стрелял только с одной позиции. Нина, израненная осколками мин, собрав силы, меняла позицию.

Приближался рассвет. Более 60 гитлеровцев от пуль и гранат разведчиков успокоились навечно.

И вот наших осталось трое: Спартак Железный, Нина Гнилицкая и красноармеец Евтушенко. Еще атака. Гнилицкая подпустила атакующих как можно ближе и в упор расстреляла группу фашистов.

Через несколько мгновений пуля пробила шею Железного. Он падает, заснеженная земля краснеет от крови. Немцы окружают его, они хотят взять комиссара живым. Железный знал, что эти минуты в его жизни — последние. Он вынул из кармана свой партбилет, еще раз посмотрел на него и крепко зажал в левой руке. Правой же рукой приготовил к бою пистолет и начал в упор расстреливать нападающих врагов. Каждая пуля — в цель. Но нет больше патронов, иссякают последние силы.

Немцы бросились снова в атаку. Нина зубами выдернула чеку из гранаты и швырнула ее в самую гущу атакующих. Убегавших нагнали меткие пули Нины.

Умолк автомат Евтушенко. Нина осталась одна. Гитлеровцы со всех сторон бросились на нее. Патроны кончились у разведчицы. Зная по опыту, что русские стреляют и мертвые, фашисты осторожно начали приближаться к Гнилицкой. Нина выстрелила из пистолета. Слабеющая рука уже не сумела направить последнюю пулю в собственное сердце. Пистолет выпал из ее руки.

Иван Акименко:

Последний бой Нины Гнилицкой и Спартак Железного был в ночь на День Конституции — 5 декабря 1941 года. Был тот бой жестоким и дерзким. До последнего дыхания мужественно сражались воины с захватчиками.

Михаил Корпjak:

Уцелел из группы разведчиков только Евтушенко. Он был ранен, а когда кончились патроны, спрятался. Конечно, немцы нашли бы его, но они его не искали, решив, что все разведчики убиты. День Евтушенко отлежался в убежище, а ночью дополз до своих. Он и рассказал нам об этом бое.

Владимир Гавриленко:

Комиссар 465 разведроты 383-й дивизии Спартак Авксентьевич Железный лежал на спине. Когда тело Железного освободили от снега, оказалось, что верхняя часть его обгорела. Обуглилась только верхняя часть тела — главным образом грудь и плечи. На голове обгорели волосы и слегка верхний покров кожи. Нижняя часть тела не была повреждена. Сохранились синие командирские брюки. На ногах аккуратно завернуты полотняные портянки, под ними чулки из белой шерсти домашней вязки. С мертвого Железного немцы сняли валенки. Правая рука обгорела от плеча до локтя. От локтя до кисти она была совершенно цела. Ладонь вытянутой вдоль тела правой руки была в таком положении, будто из нее только что вынули пистолет. Пальцы рук были целы. Левая рука была сведена судорогой в локте и застыла на морозе в положении поднятом вверх. Кисть ее обгорела в пламени какой-то горючей жидкости, но была цела и сжата в кулак.

Почему я говорю о горючей жидкости? При самом тщательном осмотре местности не было обнаружено никаких следов костра, пожара, или других следов огня от сгорания соломы, веток, дров, досок и т. п. Кроме того, труп Железного обгорел только сверху, со стороны груди, в плечах, где тело охватывало жаркое пламя жидкости, политой сверху. Спина не была повреждена. Подтаявший от огня снег, образовал под трупом лужицу, которая потом замерзла на морозе. Когда стали осматривать тело, чтобы установить причину смерти Железного, на нем не нашли ни одной раны. Только на шее был замечен след легкого касательного ранения. По-видимому, от осколка мины. Но вот на голове, сантиметров на пять выше правого уха, на слегка обгоревшей коже было видно входное отверстие пули. Выходного не оказалось. Пуля застряла в голове. По обмеру это отверстие подходило к калибру нашего пистолета ТТ. Тело Железного и тела погибших разведчиков привезли в медсанбат в Хрустальное. Здесь тела еще раз осмотрели врачи. Обратили внимание на сжатый кулак левой руки Железного. Раскрыть окаменевшие на морозе пальцы не было воз-

возможности. Один из врачей взял хирургические щипцы и сломал сначала мизинец, а потом и безымянный палец на левой руке Железного. В конвульсивно сжатой руке Железного (большой руке бывшего кузнеца) оказался партийный билет, согнутый в кулаке в полутрубку. Край билета обожжены огнем, но в середине он был совершенно цел.

Все трупы, подобранные рядом с Железным, лежали в шинелях и полном обмундировании. Труп Нины Гнилицкой при мне не нашли. Что было дальше, я не знаю. Дело в том, что была получена телеграмма о моем срочном отбытии в редакцию. После похорон Железного (хоронили его одного) я немедленно выехал из Красного Луча.

Похороны Железного. Гроб стоял в вестибюле клуба шахты 7/8. Так как рука Железного была высоко поднята вверх, то гроб пришлось сделать очень высоким в виде большого ящика. Тело комиссара было покрыто простыней, а рука с отломанными пальцами не была прикрыта. Возможно, люди не знавшие происхождения этого увечья, потом и распустили слух, что пальцы на руках у Железного были отрублены.

Донесение командиру 383 сд

5 декабря 1941 г. в бою на северной окраине села Княгиневки убиты:

Малюгин Евгений Федорович. Рядовой. 1908 г. р. Жена Дарья Ивановна. Тбилиси, Германовская, 1.

Титчиташвили Рвас Алексеевич. Рядовой. 1907 г. р. Тбилиси. Комбасенская, 19.

Бедашвили Илья Федорович. Рядовой. 1909 г. р. Жена Мария Ильинична. Тбилиси, Гремочевская, 30.

Магриашвили Тавет Семенович. Рядовой. 1913 г. р. Жена Мария Кондратьевна. Грузинская ССР.

Герванишвили Кирилл Николаевич. Рядовой. 1907 г. р. Жена Надежда. Грузия, Вунский район, с. Сарры.

Федчук Иван Ефимович. Рядовой. 1910 г. р. Жена Елена Петровна. Волынская обл., село Руткол.

Баранов Федор Ефимович. Рядовой. 1914 г. р. Жена Полина Васильевна. Село Алексеевка Ворошиловградской обл.

Аносов Василий Петрович. Рядовой. 1912 г. р. Анастасия Васильевна жена. Днепропетровская обл.

Дубовик Роман Корнеевич. Рядовой. 1917 г. р. Краснодарский край.

Джугели Константин Олесович. Рядовой. 1901 г. р. Абхазия, Гудаудский район.

Чушба Танви Искаф. Рядовой. 1913 г. р. Отец Леонтий Семенович. Абхазия. Село Кулагндрева.

Морозов Трофим Семенович. Рядовой. 1913 г. р. Евдокия Захаровна. Чкаловская обл. колхоз «Искра».

Саликов Аким Трофимович. Рядовой. 1907 г. р. г. Батуми. Жена Нина Федоровна.

Инапшба Ливерсан Котитов. Рядовой. 1906 г. р. Отец Инапшба Михаил. Абхазия, Очемчури.

Кулебатов Нусурат. Рядовой. 1905 г. р. с. Аппан Бакинской обл.

Алактаров Хасмамот Анишан. Рядовой. 1907 г. р. Бакинская обл. село Аппан.

Ахмедов Хачбаба Терджалитфали. Рядовой. 1905 г. р. Бакинская область.

Мастуфеев Аачамса Аджубагуни. Рядовой. Бакинская обл.

Георквян Рубей Акопович. Рядовой. Жена Елена Ефремовна. Ереванская обл., Новобазилеский район, село Новобазит.

Тарачан Георгий Течелович. Рядовой. Отец Альменул Баладегович. Ереванская обл., Новобазилеский район, село Новобазит.

Госпольян Гурия Степанович. Рядовой. 1908 г. р. Жена Лиман Баладиговна. Ереванская обл., Новобазилеский район, с.Новобазит.

Огонесян Армамач Егорович. Рядовой. 1908 г. р. Отец Айнаджих Саркисович. Ереванская обл., Новобазилеский район, село Новобазит.

Цоготальян Айрик Айранетович. Рядовой. 1908 г. р. Ереванская область, Новобазилеский район, село Новобазит.

Хачиковьян Парур Икранович. Рядовой. 1910 г. р. Ереванская область, Новобазилеский район, село Новобазит.

Омирьян Амазаса Макартич. Рядовой. 1914 г. р. Овсик Гевазаровна. Ереванская обл., Новобазилеский район, село Новобазит.

Чижов Иван Федорович. Санинструктор. 1912 г. р. Жена Анастасия Петровна. Курская обл., с. Пушкарное.

Юшин Митрофан Васильевич. Рядовой. 1911 г. р. Отец Василий Степанович. Орловская обл. Задонский р-н, с. Юрьевка.

Лисицын Григорий Иванович. Рядовой. Жена Анна Дмитриевна в Орджоникидзевском крае. г. Новомайский.

Дадомбров Марсахат. Наводчик. 1920 г. р. Казахская ССР, село Баранов.

Щербина Иван Иванович. Наводчик. 1906 г. р. Жена Меланья Марковна. Черниговская область, Ольшанский район, с. Скореша.

Стрельников Василий Тимофеевич. Рядовой. 1914 г. р. Жена Екатерина Федоровна. Тульская область, Нижне-Пошанское.

Попов Сергей Иванович. Повар. 1915 г. р. Сталинская область, Макеевский район, шахта № 17.

Мария Журавлева:

Волховский фронт. Декабрь 1941 г. В нашей медсанроте — 30 человек. Каждые два дня по трое мы сменяли друг друга на пункте первой помощи, который находился в шестистах метрах от передовой. Санинструкторы, бойцы выносили с поля боя раненых, мы оказывали им первую помощь и затем на повозках, запряженных собаками, отправляли в санроту.

Донесение командиру 383 сд

Убит 5 декабря 1941 г. Похоронен в селе Веселый Гай.

Юрасов Николай Артемович. Рядовой. 1916 г. р. Сталинская обл., Кировский район, Рутченково.

Сиробаба Василий Яковлевич. Красноармеец. 1910 г. р. Жена Мария Петровна. Село Васильевка Сталинская обл. Умер от ранения 5 декабря 1941 г.

П. Шевченко:

6 декабря 1941 года внезапно перешли в наступление по всему фронту, без артподготовки и авиации. Врага застигли врасплох. Мы прорвали его оборону и дошли до города Клина.

К. Маренко:

При обороне Красного Луча дивизия занимала оборону по фронту 25 – 30 километров. Командующий артиллерией дивизии подполковник Урманов и командир полка подполковник Тараканов предложили каждой пехотной части придать батарею. Борсоев настоял на своем:

— Противника необходимо бить массированным огнем, по меньшей мере, дивизионом. Необходимо маневрировать «колесами», систематически менять огневые позиции.

Борсоев оказался прав. Меняя огневые позиции, артиллеристы

массированным огнем наносили сокрушительные удары по гитлеровцам, не давая им покоя ни днем ни ночью.

Евдокия Щетинина:

В блокадном Ленинграде к злейшему врагу — голоду — присоединился не менее страшный враг — холод. Он, казалось, скрючивал все тело, затормаживал процесс мышления. Несмотря на холод, голод, отсутствие электроэнергии, транспорта, нехватку воды и другие беды, которые принесла война, люди не пали духом, не склонили головы. Город жил, и не только жил, но и трудился.

Из продовольствия получали только скудный паек суррогатного хлеба. В комнатах из-за холода не раздевались, ходили в пальто, шапки, платках, валенках. Хорошо, если у кого-то в квартире была железная печка «буржуйка», в которой, чтобы согреть воду, сжигали мебель и другие вещи. Вместо электричества — лучина или коптилка, которые больше давали копоти, чем света. И все же каждое утро голодные, истощенные шли на работу: на заводы, в лаборатории, больницы, библиотеки. Нам никто не приказывал. Шли по велению сердца.

Чтобы не опоздать на работу, вставали очень рано. Ведь приходилось идти пешком несколько километров. Выходили на улицу, когда там было совсем темно. Не светился в окнах огонек, не горели уличные фонари. Город был затемнен. Рассвет в Ленинграде наступает, особенно зимой, поздно. Из-за густой темноты вначале людей не видно на улице, только слышались шаркающие звуки шагов сотен ног. Эти звуки сливались вместе, и получалось, будто огромное чудовище скребет по земле. Ни смеха, ни плача, ни разговорной речи. Люди двигались молча. У многих поверх платков и шапок голова повязана кусками ватного или шерстяного одеяла, частями старого пальто или фуфайки. На ногах поверх ботинок такие ж утепляющие материалы.

У меня, как, вероятно, у всех идущих на работу, было одно желание: дойти. Но не все доходили.

Отработав смену в холодном помещении, шли домой, опять в холод. Обратная дорога не была приятной прогулкой. Часто попадали под бомбежки и артиллерийские обстрелы. Снова жертвы. Бывали и такие случаи, когда с работы выходили в 6 часов вечера, а домой приходили только в 11: отсиживались в бомбоубежищах. Придешь домой, и чтобы согреться и заглушить чувство голода, скорее ложишься спать. Набрасываешь на себя все, что есть из теплых вещей. Но

сон не был безмятежным. Спишь, но прислушиваешься, где хлопают зенитки, далеко ли вражеский самолёт. Если близко, схватываешься и бежишь в бомбоубежище, а там стоя, в лучшем случае, прислонившись к стене или к плечу близкого человека, досыпаешь. Так тянулись дни, месяцы.

Утром, если оставил от вчерашнего пайка кусочек хлеба (некоторые съедали весь хлеб сразу же после получения), съедаешь его с горячим кипятком — и на работу. Другие же шли на работу с пустым желудком. Несмотря на суровые условия, народ выстоял.

Вряд ли ленинградцы осознавали все величие своего подвига. Откуда люди черпали выносливость, силу, мужество? Вероятно, в каждом жила неистребимая вера в светлый день Победы.

Мария Журавлева:

Работать приходилось сутками. Сколько шел бой, столько мы и принимали раненых. Уставали так, что засыпали на ходу. Особенно тяжело было, когда наша часть оказалась окруженной врагом. Два месяца мы были отрезаны от своих, но продолжали сопротивление. Наконец наступил день, когда кольцо окружения сдавило нас, и мы получили приказ взрывать все, что нельзя взять с собой, чтобы врагу ничего не досталось. Мы начали прорыв кольца. Чем закончился этот прорыв, сказать не могу. Во время боя была контужена и оказалась в плену...

Петр Гуленко:

Андрей Петрович Романченко начальник артвооружения полка в 383 дивизии. Когда полк защищал подступы к Новопавловке и поселку ШГРЭС, враг ворвался в боевые порядки наших бойцов и начал забрасывать их гранатами. Романченко оказался старшим командиром среди солдат, принял на себя командование, провел бой и отвод группы. Подоспевшее подкрепление выбило противника с наших позиций.

Андрей Сафонов:

Пришел в сознание только на вторые сутки. Голова, глаза и ноги были в бинтах. Тело ныло и болело. Понимал — что-то случилось, но никак не мог сообразить, что именно. Вдруг вскочил, ощупал руками воздух, кровать... Ослеп! Кому теперь нужен... Стоял молча, стис-

нув руками голову. Осторожно взяла за руку медсестра. Успокоила, заставила лечь. Потом, пошелестев бумагами, сказала:

— Вы будете видеть, лейтенант. Обязательно.

И поплыли госпитальные дни и ночи... Товарищи по палате шутили, смеялись, пели песни, а я все думал об одном: буду ли видеть. За окном завывала метель, валил снег. Воспоминания лезли в голову, бередили душу.

Мария Козьмина:

Узнав, что идет набор в спецшколу, настоятельно попросила направить меня на учебу. Брала только добровольцев. И я взяла в военкомате повестку о призыве в армию. Отец уже был на фронте, мать оставалась с моим младшим братом. И я уехала поездом, в открытом вагоне из-под угля, в Луганск. Тогда дорогу на Ворошиловград только начали строить.

В комиссии люди в военной форме задавали вопросы:

— Почему ты хочешь на фронт?

— А если попадешь во вражеском тылу, к немцам?

— А если пытки — выдержишь?

Страшные вопросы, но они были.

Иван Знова:

В районе Новгорода на аэродроме мы обнаружили замаскированные бомбардировщики «Ю-88». Через несколько часов в небо поднялись наши самолеты. Фашисты не ожидали налета советской авиации. Было сожжено более 30 самолетов противника и уничтожено много другой техники и живой силы.

Михаил Корпjak:

Зима сорок первого была сурова, с обильными снегопадами. Краснолучане добровольно снабдили бойцов теплыми вещами: полушубками, валенками, рукавицами. В дни жестоких боев медико-санитарный батальон дивизии не справлялся с обработкой раненых. Поток их был настолько велик, что в отдельные дни врачам приходилось стоять за операционным столом по 10 – 12 часов подряд. Хирурги и операционные сестры буквально валились с ног. Краснолучские медики в помощь медсанбату создали госпиталь, снабдив его необходимым имуществом и укомплектовав медперсоналом.

Федор Ананько:

С боем мы взяли Волоколамск. Сделать это было не просто. Фашисты облили высоту водой, и гора покрылась толстым слоем льда. Атаки нашей 24 отдельной танковой бригады ничего не дали, кроме потерь. Тогда в бой вступила артиллерия. Она превратила эту высоту в пашню.

Страшные злодеяния оставляли за собой фашисты. Отступая, они сгоняли население сел в дома и сжигали людей. Священной ненавистью пылали сердца советских воинов. Они шли в бой, чтобы победить, чтобы отомстить врагу за свой народ, за поруганную землю. Моральный дух советских войск был высоким.

Михаил Корняк:

С установлением фронта на Миусе немецкая пропаганда усилила свою работу. Она всячески старалась морально неустойчивых бойцов дивизии побуждать сдаваться в плен. Для этого часто рассылались листовки и целые пачки так называемых «пропусков», в которых было приглашение переходить на сторону противника, обещание рая после сдачи.

Мария Журавлева:

Нас погрузили в вагоны и повезли в Германию. Дважды пытались бежать, но оба раза немцам удавалось схватить. Избитых возвращали в эшелон. Только третья попытка увенчалась успехом. Было это в Брест-Литовске. Как быть, куда податься, мы с подругой просто не представляли. Наши злоключения передать не просто. В конце концов, нам удалось найти партизанский отряд. Медработников в отряде не было, и нам очень обрадовались.

Алексей Дымарецкий:

9 декабря 1941 года г. Тихвин был освобожден, что дало возможность улучшить обеспечение блокадного Ленинграда. За Тихвином немцы закрепились у переправы через реку Волхов. На главном направлении находился мой пулеметный взвод. Как мог, воодушевлял солдат. Здесь получил сразу четыре пулевых ранения.

Мария Савичева:

Сдала партизанскому отряду 12 винтовок и боеприпасы. Сколько пришлось пережить, прежде чем появились 12 винтовок. Вроде бы мало. Но для партизан каждый ствол был дорог.

Андрей Сафонов:

39 особая ударная бригада, крещение под Москвой. Без единого выстрела взяли деревню. Хитрость помогла да глубокий снег. В пояс сугробы лежали. Зарылись в снег, сделали коридор и застали врасплох фашистов...

Впадал в забытие и ясно видел перед собой друзей своих — казаха Амакабедова и полтавчанина Коноваленко. Красивые, рослые парни. Им Родина доверила свою судьбу. И сейчас они идут на боевое задание. Нужно взять «языка». Сняты часовые. Коноваленко отлично владел немецким и решил пойти на риск. Подбежал к штабной двери, застучал кулаками, что есть духу, крича по-немецки. Отворилась дверь штаба. И мы схватили «языка». Попался офицер, да какая птица! Ушли спокойно. Опять отделались без ранений. Самое опасное было потом, на Калининском направлении. Бой за деревню Ивановщину.

Мария Журавлева:

В партизанском отряде мне приходилось заниматься не только вопросами медицины. Как и все, ходила на задания, участвовала в операциях. Во время одной из них разгромили немецкую комендатуру.

Василий Левицкий:

В декабре полк перебросили под Москву. Потом была Старая Русса. Приехали на станцию Парфино, разгрузились и по глубокому снегу, направились к огневым позициям. По оживлению на прифронтовых дорогах и по другим признакам солдаты чувствовали — предстоят жаркие бои. Так оно и получилось. Вскоре наши части перешли в наступление. Артиллеристы молотили долговременные укрепления врага, крушили его оборону. До хрипоты кричал я в телефонную трубку, передавая с наблюдательного пункта на батарею информацию командиру.

Задачу по прорыву блокады Ленинграда в тот раз выполнить не удалось. Однако противнику юго-восточнее Ленинграда в районе Старой Руссы и Демьянска был нанесен большой урон. Наши войска в ходе этих операций сковали все соединения группы «Север».

Андрей Сафонов:

Через неделю сняли повязку. На душе стало легче и светлее. Зима была в полном разгаре. Однажды утром показалось, что вижу. Вскочил с кровати, подошел к репродуктору, вслух прочел надпись: «Завод имени Калинина». На минуту воцарилась тишина. Потом палату огласили крики «Ура!». Радовались все: и раненые, и врачи. Это была победа жизни над смертью.

Михаил Зайчук:

Шел декабрь сорок первого. Тяжёлый, грозный декабрь войны. Через Красный Луч проходили части Красной армии. Я, шестнадцатилетний мальчишка, прошу маму разрешить уйти вместе с бойцами.

Благословила мать сына.

Нелегким был путь. Пешком дошел до Сталинграда. Служил в полевой разведке. На каждом задании смотрел смерти в лицо. С заданий возвращались не все.

Леонид Тимченко:

В политотделе дивизии была такая должность — инструктор по разложению войск противника. Занимал ее капитан Чеховский. Это был инициативный политработник. Нужно забросить листовки на передовую к противнику, смотришь, его солдаты, используя лук с тетивой, забрасывают десятки листовок в окопы врага. То они запускают бумажные змеи, если позволяет ветер, и с их помощью разбрасывают листовки на территории противника. То сам офицер с громкоговорителем выедет на передовую.

Анна Шерстнёва:

Я вошла в кабинет военного комиссара и потребовала отправить на фронт. Тот с удивлением оглядел меня и переспросил:

— Вы санитаркой хотите быть? А выдержите?

— Выдержу.

Я получила назначение на фронт. В те трудные дни наши войска несли большие потери в боях с превосходящими силами врага. Трудно было на переднем крае, особенно во время длительных артобстрелов и бомбежек. Земля вокруг дрожала, а я, худенькая женщина, ползала между трупами, надеясь найти среди них живых. Старалась не замечать огненного смерча, все время убеждала себя, что эти вражеские подарки не для меня. Меня ждут раненые в этом адском огне.

Борис Винниченко:

В сорок первом погибла вся моя семья.

Василий Лярский:

Всю войну был на переднем крае. Не раз лицом к лицу встречался в фашистскими танками, и те поворачивали вспять, не выдержав огня моих батарей, а иные оставались перед фронтом полка обезглавленные, закопченные, с разорванными бортами и гусеницами.

Приземистого, коренастого, меня вроде и пуля не брала, и осколки облетали стороной. Несмотря на тяжелые бои в отступлении и обороне, когда в каждом расчете оставалось по 2 – 3 человека вместо семи, на мою долю не досталось ни одной царапины.

Но всякому везению бывает предел.

Леонид Тимченко:

Вся работа журналистов была нацелена на то, чтобы рассказать правду солдату о зверствах фашистов, донести до его сердца боль народа, распространить опыт лучших бойцов. Вот, например, сообщение из фронтовой газеты 9 декабря 1941 г.:

«На южной окраине большого села Д. еще шли упорные бои с отходящими немецкими войсками, а навстречу бойцам подразделения старшего лейтенанта Куркина выходили старики, женщины и дети.

Всюду видны горящие дома, а те, которые внешне выглядят целыми, стоят без окон, дверей. Разрушены сараи, погреба. В центре, у школы лежат трупы местных жителей. Это следы хозяйничанья фашистских захватчиков. Немцы, покидая село, пытались увести все население. Под угрозой расстрела они заставляли крестьян вместе с собой отходить на запад. Тех, кто сопротивлялся, расстреливали.

Оставшиеся в живых спешат рассказать о зверствах и издевательствах гитлеровских сатрапов над местным населением. Нас пригласил к себе в дом 63-летний колхозник Гаврила Джугай.

— Вот мой дом, смотрите на немецкие порядки, — сказал колхозник. В доме все окна выбиты, двери изломаны, печь разрушена. Разбиты стол, стулья, шифоньер. Всюду следы прикладов. Немцы забрали птицу, хлеб, скот, что не успели съесть, — увели и увезли. Такая участь постигла каждый дом.

Колхозница Мария К. отказалась стирать белье немецким солдатам. За это она и ее муж там же, в квартире, были расстреляны.

Всюду трупы. При виде этой картины у бойцов еще больше закипала ненависть к фашистским бандитам. Еще смелее и яростнее вели они бой за высоты на южной окраине села, уничтожая ненавистных оккупантов. Смерть и только смерть бандитам!»

Борис Галанов:

...В зеленой донецкой степи у стен шахтерского города Красный Луч немцы были остановлены. И надолго. Потянулись недели и месяцы жестокой позиционной войны. Несмотря на все усилия, противнику не удалось продвинуться ни на шаг. Красный Луч выстоял. Целыми днями над Красным Лучом висели фашистские самолеты. Целыми днями его обстреливали дальнобойные орудия, а огонь корректировали немецкие наблюдатели с прилегающих к городу высот.

Заратхан Шомахов:

Парадокс на парадоксе. Фронт назывался Южным, но я не помню таких морозов и вьюг, как в ту зиму на Миусе. И не потел так никогда.

В моей красноармейской книжке, датированной 1941 годом, на последней странице есть такая запись: «С 14 ноября по 10 декабря под огнем противника поставил мин — 55, обезвредил — 120, поднес к местам минирования — 180. Да, попотел при таких играх со смертью».

Было это в районе Красного Луча, поселков Садово-Хрустальский, Княгиневка.

12 декабря батальон 696-го полка неожиданной стремительной атакой немцев был выбит с позиций, которые занимал на берегу Миуса. Враг мог закрепиться, а любой плацдарм, даже самый малый, — это постоянная угроза развития с него наступления. Комдив сказал:

— Это вроде чирья под мышкой.

Командир батальона получил категорический приказ восстановить положение. Но если батальон не смог усидеть в окопах, то вернуть их своими силами и подавно не осилил бы, и пришлось его подкреплять всем, чем возможно. Влили в штурмующий батальон и саперов.

383-я дивизия сформирована из шахтеров Донбасса, она до последнего так и именовалась шахтерской, но уже в декабре 41-го во всех полках, батальонах, ротах и батареях были люди, которые ни к шахте, ни к Донбассу никакого отношения не имели. Вместе со мной в дивизионные саперы попали мои земляки-кабардинцы Залимгери Абанокков, Кобон Кизов, Махмуд Тарчоков, Аубекир Хожаев. И в том бою, о каком идет речь, я участвовал в составе роты, которой командовал цитрусовод из Абхазии по фамилии Одишария, а заместителем был Тимошенко из Одессы.

Леонид Тимченко:

Все в дивизии знали медсестру Лену Маевскую. Я позволил себе спросить, сколько раз Елена Петровна отдавала свою кровь для спасения раненых. Она ответила просто: «Разве это можно сосчитать? Всегда, когда нужно было».

И. Дробот:

Дальнейшее продвижение эшелона военного завода проходило с большими трудностями. По прибытии на станцию Маныч эшелон остановили, переформировали. Вагоны с людьми отцепили. Оба паровоза угнали с вагонами, в которых ехали люди, так как начинались холода и выпал небольшой снег.

Опять начались те же мытарства, что и на станции Дондуковская, поездки в Сальск в отделение дороги с требованием продвигать эшелон с оборудованием по назначению.

Неоднократные требования в отделении железной дороги в г. Сальск возымели все же действия, и примерно через 10 дней подали два паровоза, и эшелон двинулся дальше.

По прибытии в Сталинград меня вызвали к военному коменданту, последний сообщил, что мой эшелон разыскивает Наркомат боеприпасов, ему присваивается литер «Глагол» и он должен дальше продвигаться по «зеленой улице». Это меня обрадовало. Дальнейшее продвижение пошло лучше, однако мытарства продолжались.

Со станции Дема часть эшелона с оборудованием коллоксилинового производства я направил в Башкирию; часть эшелона с оборудованием динамитного и аммонитного производства я направил в сопровождении ответственных товарищей по назначению на станцию Дудинка, которые успешно доставили оборудование к месту назначения.

Оставшуюся часть эшелона с оборудованием производства пороха я сопровождал сам по назначению. По прибытии на станцию Калино меня встретил представитель предприятия Почтовый ящик № 397 тов. Анкушев, который предъявил мне документ, подписанный заместителем Наркома боеприпасов. В документе говорилось, что тов. Анкушев уполномочивается на розыск моего эшелона с указанием мне о частичной переадресовке этого оборудования предприятию Почтовый ящик № 397 и просьбой к железнодорожным работникам оказывать в этом содействие.

Валентина Викторова:

После курсов, став радистом первого класса, рвалась на фронт. Дважды приходилось выходить из окружения, дважды была контужена. Самым дорогим считала Родину и готова была отдать за нее жизнь. Мужественно перенесла потерю братьев. Ни один не вернулся домой. Все погибли в боях за Родину.

Заратхан Шомахов:

Фашисты, когда выбивали батальоны с позиций, взяли неожиданностью и напором. На это сделали ставку и наши. Я слышал, как комбат выпрашивал у командира дивизии артиллерийско-минометный удар перед атакой, а тот ему внушал, что погубит такая подготовка дело, немцы как следует подготовятся к отражению атаки, когда наши пушки «предупредят» их об этом. Не убедил командир капитана, и тот понуро сообщил их ротному и другим, что атаковать будем «молча».

Но это как раз и обеспечило успех.

Очень понравились мне действия ротного Одишария, потому, видно, и фамилия так отчетливо врезалась в память.

Мороз трещал, снег застилал глаза. Но и немцам не легче, думают они, что русские вряд ли решатся отбивать позиции, да еще без артподготовки.

А мы решились. И еще одно помогло. Поползли вперед, едва

начало темнеть, когда боя меньше всего ожидали. Рота Одишарии первой поползла буквально вплотную. Был договор ждать сигнала комбата, но молодец ротный, подал сигнал раньше, а вдруг обнаружат... Когда по сигналу поднялся весь батальон, одишариевцы были уже во вражеских окопах. А это все: когда атакуют спереди, а в твоих окопах уже орудут, то никто не удержится, страх и паника одолеют.

Роза Мазур:

В 1941 в семнадцать добровольцем вступила в ряды Красной Армии и была зачислена связистом в артиллерийско-минометный полк.

Заратхан Шомахов:

— Я в окопах! Я в окопах! — доносился крик комбата от телефона. Вот тогда и ударили (хоть и слабенько) пушки и минометы. Фашисты бежали через Миус на правый берег.

А мне не повезло. Бой уже стихал, и я рассуждал о том, что теперь делать: оставаться ночевать в роте Одишарии или идти «домой», к саперам, как вдруг острая боль прошла левое плечо... Большого значения ранению не придал, но в Красном Луче определили, что оно сложное, и попал я в далекий зауральский Шадринск.

Дарья Иванова:

Советские самолеты сбрасывают крымским партизанам продовольствие и связных. Связные — это мы. Приземлившись в районе между Феодосией и Джанкоем, спрятали снаряжение и парашюты и направились в Севастополь. Вот и первая проверка документов. Она была долгой, тщательной, и за часы, проведенные в комендатуре, пришлось многое пережить. Ведь немцы уже знали о сброшенном десанте. Но тщательно подготовленные документы не подвели. Вскоре в эфире звучали позывные радиостанции. Работая рядом с вражеской полевой жандармерией, мы успешно выполнили задание.

Владимир Боженко:

В декабре 1941 г. в Сталинградском военном округе принял в командование 5 роту 854 полка 277 стрелковой дивизии, с которой вскорости попал в бой на реке Оскол.

Враг остервенело напирал. Мою роту атаковали танки. Комбат, капитан Калашников, призывает по телефону:

— Володя, сынок, держись! Огонь, огонь, мой герой!

Я метался по траншее, стрелял из пулемета, бросал гранаты, воодушевлял бойцов... Выдержали, хотя от роты осталось 16 человек. Устояла и вся наша, как фашисты называли, «шапошная» дивизия. Мы заняли оборону, бдительно следя за маневром врага.

Михаил Матвеев:

Зимой 1941 года наши танкисты под Москвой вели бои с противником, стремясь прорвать его оборону. В одной из атак наши танки прорвались через первую траншею врага и начали давить гусеницами пулеметные точки, давая возможность пехоте овладеть рубежами вражеской обороны. Экипаж танка — лейтенант Василий Колупаев, сержанты Алексей Иванов, Мирза Вахабов, рядовой Иван Гущин настолько увлеклись успехом, что оторвались от соседей и при преодолении противотанкового рва застряли. У танка заглох двигатель. Неоднократные попытки его завести были безуспешны.

Фашисты подтянули поближе противотанковое орудие и решили с близкого расстояния с ним расправиться. Однако броню танка им пробить не удалось, а наши танкисты противотанковое орудие врага уничтожили вместе с расчетом.

Другие наши танки под сильным огнем противника отошли на исходные позиции, а экипаж танка Колупаева считали погибшим: видели, как враги в упор расстреливали беззащитный танк из орудия. Штаб послал родственникам танкистов извещения о их гибели. Но экипаж танка Колупаева не погиб.

Владимир Борсоев:

13 декабря. Красный Луч. Я — заместитель командира полка. Временное командование полком кончилось. Приехал командир полка Великий, орденосец (Красное Знамя) за финскую войну. Я назначен зам. командира полка. Днем съездил на НП. Порадовал свою душу артиллериста — пострелял из орудия сам. Разбил кухню и угодил в группу солдат, собиравшихся обедать. Выпустил 7 снарядов, а жертв у противника больше 10.

Вечером получен приказ: батальонному комиссару Некрасову поехать в распоряжение ГлавПУРККА (Главное Политическое Управление Рабоче-крестьянской Красной Армии). Жаль, что уезжает

— комиссар хороший, требовательный, грамотный, но ничего не сделаешь. Человек пошел на выдвижение.

Алексей Васильченко:

«Я дал клятву: пока бьется мое сердце, до тех пор буду уничтожать проклятых фашистов».

Донесение командиру 383 сд

13 декабря 1941 г. 197 полк понес следующие потери:

Убиты и похоронены в селе Хрустальное:

Данильченко Иван Федорович. Красноармеец. 1903 г. р. Жена Мария Анисимовна. Село Калайденцы Полтавской обл.

Ананко Александр Михайлович. Красноармеец. 1917 г. р. Жена Ольга Семеновна. Горные Лубны Полтавской области.

Юлдашев Кушебек. Красноармеец. 1916 г. р. Джаловатская область, Ташкомирский район, старый Базар.

Ходос Яков Петрович. Красноармеец. 1907 г. р. Жена Надежда Федоровна. Село Пески Полтавской области.

Журба Лаврентий Иванович. Красноармеец. 1911 г. р. Жена Анастасия Антоновна. Хутор Свистуны, Сталинская обл.

Ханин Сергей Федотович. Красноармеец. 1901 г. р. Жена Агафия Антоновна. Рудник Свердлова. Сталинская обл.

Резник Михаил Андреевич. Красноармеец. 1904 г. р. Жена Вера Ивановна. Село Чуревка Харьковской области.

Владимир Боженко:

На рассвете ст. политрук Смирнов, запыхавшись, подскочил ко мне:

— Выручай седьмую роту! Вперед!

Туман, беспросветная мгла. А впереди слышен крик: «Давай, давай, быстрее давай!». Кто кричит — не понять. И тут — залп. Я выхватываю пистолет, ору:

— Товарищи, за Родину, за Сталина — вперед!

Вдруг, откуда ни возьмись, фашист передо мной. Нажал на курок, осечка. Но великое счастье не миновало меня. Политрук Смирнов сумел опередить действия врага, сразив его из автомата. Об этом я узнал уже в госпитале.

7-я рота погибла. Моя заняла ее трудно представить. Раздетые, многие босые... немногие вырвались из пекла. Те, кому повезло, догнали свои части и вышли с боями за Дон — севернее Калача.

Михаил Корняк:

Части дивизии вели активную оборону. Они наносили противнику ощутимые удары. 13 декабря 1941 года газета «Правда» в своей передовой статье высоко оценила боевые действия частей 383 шахтерской дивизии. Это вдохновило личный состав на еще более активную борьбу с гитлеровскими захватчиками.

Михаил Матвеев:

Когда наступила ночь, командир танка послал рядового Гущина на разведку. Но только тот покинул танк, как по нему немцы открыли огонь, и автоматная очередь сразила танкиста. В танке осталось только трое, и они поклялись не сдаваться врагу ни при каких условиях и обстоятельствах.

Ночью фашисты подобрались к танку и, барабана по броне винтовками, требовали сдаться. Обещали сохранить жизнь, в противном случае грозили танк сжечь вместе с экипажем. Комсомольцы сражались трое суток. У них был небольшой запас продуктов, но не было воды. Ночью открывали люк, набирали снега и так утоляли жажду.

На четвертый день услышали гул мотора. Обрадовались, думали свои. Однако увидели крест на борту приближавшегося танка. Из него вышли танкисты, прицепили тросом наш Т-34 к своему танку, и тут стало ясно, что немцы решили утащить наш танк к себе в тыл. В этот критический момент место механика — водителя занял сам командир танка Колупаев. Он выключил сцепление и вражеский танк без особых усилий вытащил нашу машину из рва, а когда местность стала ровной, попробовал включить мотор. Это ему удалось. Лейтенант выжал сцепление и дал возможность двигателю набрать полные обороты. Фашисты, очевидно, не слышали работы мотора нашего танка и продолжали двигаться вперед.

Когда двигатель вышел на нужный режим, Колупаев нажал на тормоза и фашистский танк забуксовал. В этот момент лейтенант включил первую передачу, «тридцатьчетверка» сделала свой первый небольшой рывок, а превосходство в мощности мотора Т-34 сделало свое дело. Роли поменялись. Лейтенант дал полный газ, двигатель неистово заревел, и «тридцатьчетверка» уверенно потащила фашист-

ский танк в сторону нашего переднего края обороны. При переходе через вражеские траншеи, немецкий экипаж покинул танк.

«Тридцатьчетверка», буксируя исправный фашистский танк, прибыла в расположение своей части. Радости от такой неожиданной встречи и такой невероятной удачи не было конца. О подвиге лейтенанта Колупаева и его боевых друзей в те дни писали многие газеты.

Отважный командир танка Василий Колупаев награжден орденом Красного Знамени, а сержанты Иванов и Вахабов были награждены орденами Красной Звезды, рядовой Иван Гушин награжден орденом Красной Звезды посмертно.

Донесение командиру 383 сд

15 декабря 1941 г. 197 стрелковый полк понес следующие потери:

Убиты и похоронены в селе Хрустальное:

Луканенко Федор Иванович. Красноармеец. 1901 г. р. Жена Анна Савельевна. г. Часов Яр, Сталинская обл.

Новиков Михаил Григорьевич. Красноармеец. 1902 г. р. Жена Зинаида Павловна. Часов Яр, Сталинская обл.

Будников Ефим (так в документах) Самойлович. Красноармеец. 1902 г. р. Жена Наталья Тимофеевна. Часов Яр, Сталинская обл.

Резник Леонтий Митрофанович. Красноармеец. 1901 г. р. Жена Анастасия Сергеевна. Село Белояровка, Сталинская обл.

Бараников Григорий Свиридович. Красноармеец. 1906 г. р. Жена Елена Федоровна село Новоалександровка Запорожской области.

Симулян Карегин Абрацумович. 1911 г. р. Красноармеец. Жена Бурастар Самот. Село Бадурян Агенского района.

Криворучко Сергей Лазаревич. Красноармеец. 1917 г. р. Сестра Малтчкова Мария Лдахзаревна. Село Куринское, Саранский район.

Асланян Валашак Новосарнович. Красноармеец. 1906 г. р. Жена Асланян Гуари Матасович. АМССР г. Новобагамет.

Салателян Мачашак Абрамович. 1912 г. р. Красноармеец. Село Уплидихи АМССР.

Бондаренко Василий Тимофеевич. 1907 г. р. Красноармеец. Жена Нина Семеновна. Село Коническ Запорожской обл.

Дмитренко Павел Архипович. Красноармеец. 1898 г. р. Жена Анна Кирилловна. г. Орехово Запорожской области.

Ефименко Марк Алексеевич. Красноармеец. 1903 г. р. Жена Ефросинья Прохоровна. Сельсовет Золотручский, Сталинская область.

Алехин Дмитрий Андреевич. Сержант. 1905 г. р. Жена Мария Васильевна. д. Прилипки Орловской области.

Курбаналиев Евгений. Рядовой. 1919 г. р. Отец Курбан Алиевич. Карельская АССР, село Киркольское Отской области.

Анна Гуленко:

Ну почему, почему меня не берут на фронт? Ведь я же добровольно! — глотая слезы, думала я, уже в который раз возвращаясь из военкомата. Мала. Всего шестнадцать лет. Но разве от этого меньше моя боль, желание гнать фашистскую нечисть с родной земли?

Но вот, наконец, повезло. Провалов К. И. поручил Ивашко создать ансамбль для выступлений на передовой и в госпиталях. Я любила петь. Григорий Федорович вспомнил обо мне:

— Аня, иди в ансамбль.

Я была готова идти в ту же минуту, но боялась, что родители не отпустят. Григорий Федорович поговорил с отцом, и тот согласился отпустить меня с ансамблем.

Вместе с другими артистами задорным танцем и задушевной песней помогала солдатам отдохнуть в короткие промежутки между боями, вновь обрести силы. А как нужны были эти выступления раненым!

Но не только мой голос пригодился на фронте. Я стала санитаркой. Выносила раненых, делала перевязки, даже помогала хирургу во время операций, стирала бинты, работала на кухне...

Зинаида Гармаш:

В представлении на награду говорится: «Спасла жизнь 17 тяжело раненых танкистам». Одна строка, а за ней целая история. Нужно было открыть люки мертвых танков, вытащить обгоревших парней, доставить их в медсанбат. Я одна и семнадцать тяжело раненых, которым нужна немедленная помощь.

Донесение командиру 383 сд

16 ноября 1941 г. 197 полк понес следующие потери:

Убиты и похоронены в селе Хрустальное:

Боровой Давид Иосифович. Сержант. 1919 г. р. Отец Иосиф Миронович живет в селе Васильевке Сталинской обл.

Степанов Иван Сергеевич. Красноармеец. 1919 г. р. Отец и жена Мария Алексеевна. Призывался из с. Кемля Мордовской ССР.

Белишко Сергей Иванович. Красноармеец. 1910 г. р. Жена Ольга Семеновна. Село Миргородчи Полтавской области.

Селенко Николай Афанасьевич. Красноармеец. 1917 г. р. Мать Ефросинья Леонтьевна. Село Нескучное, Сталинская обл.

Панкратов Иван Николаевич. Красноармеец. 1896 г. р. Жена Марфа Петровна. Керчь.

Кононенко Василий Иванович. Младший нач. состав. 1901 г. р. Жена Клавдия Ивановна. г. Керчь.

Ковалев Еремей Степанович. Красноармеец. 1914 г. р. Жена Антонина Леонтьевна. Сватово Ворошиловградской обл.

Сюбаев Нежзам Мусьевич. Красноармеец. 1921 г. р. Мать Лидия Ивановна. Село Спринчись, Мордовская АССР.

Ребров Александр Григорьевич. Младший нач. состав. 1911 г. р. Жена Анна Игнатьевна. Симферополь.

Иван Городний:

Во второй половине декабря 1941 года по всему Севастопольскому фронту немцы начали наступление. Они сосредоточили на главном направлении нашего четвертого сектора около 50 орудий крупного калибра на каждый километр фронта. Туда же противник бросил тяжелые танки и авиацию. Враг рвался к Северной бухте, но его ожесточенные атаки мы отбивали. Двенадцать дней рота пулеметчиков под командованием старшего лейтенанта Суковникова и политрука Петренко отражала удары противника. Погибли командиры. Командование ротой взял на себя лейтенант Алиев, а я возглавил первый взвод. Наши ряды редели. Но мужество и стойкость множились.

Анна Гуленко:

Хор наш пел на железнодорожной станции, на перроне, откуда уходили на фронт эшелоны с бойцами. Слова и нотные партии учили здесь же. Так мы и «Священную войну» выучили.

...Раннее утро. Белесая дымка тумана еще не рассеялась, на улицах города оживление. Наш хор — на станции. Провожающие, солдаты, командиры — все в одном строю. Слезы, дрожащие руки матерей, стиснутые в кулаки руки бойцов, стоны и крики...

Подходит эшелон, мы выстраиваемся и поем:

«Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...»

И все вокруг замирает. Ни одного звука, ни шевеления, тишина... Только паровозные гудки и шум проезжающих машин пронзают это безмолвие.

Пока цепляли паровоз, мы пели. Потом — прощание, а мы поем веселые песни, чтобы хоть как-то поддержать тех, кто расставался с близкими.

Вокруг — человеческая боль, скорбь и одно на всех несчастье, которое объединило людей.

Эшелоны шли и шли. Военкомат работал сутками. А мы пели... Я знаю, что чувствовали бойцы, уходящие на фронт из родного дома. Эти минуты расставания у каждого из них запечатлелись в памяти, а потом поддерживали во время военного лихолетья.

Владимир Борсоев:

17 декабря. Составил программу для обучения красноармейцев на младших командиров. Вечером пришло пополнение, теперь полк укомплектован на сто процентов.

Снег растаял. Что за Донбасс! Говорят, иногда бывает всю зиму грязь.

Елена Задорожная:

Он тщательно скрывал и свою доблесть, и душевное богатство. Казалось, что он сжимает в себе невидимую внутреннюю пружину. Но как раскрывалась его душа, как он буквально расцветал, когда встречал понимающего его собеседника, единомышленника, интересного оппонента в спорах по вопросам политики, философии и литературы. Он любил умных людей. Но с большим интересом слушал сначала других, а потом лишь излагал свои мысли. С большой любовью говорил о Бурятии, сильно беспокоился о семье, видно, был хорошим отцом и мужем. Находил время и для чтения. Любил помечтать, заглянуть в будущее. Да, Борсоев был строгий реалист и в то же время романтик.

Был у нас гостем по случаю годовщины Октября и на моих именинах, когда мама пригласила наших военных друзей. Истинное удовольствие Борсоев испытывал не от выпитой рюмки, а от общения с интересными людьми. Во всем ему хотелось видеть воплощение красоты, гармонии, человечности и высокой идеи. В этом стремлении он переоценивал и идеализировал людей. В том же, насколько он сам был скромн, мы убедились в связи с награждением его орденом Красной Звезды. Однажды вместе с товарищами он нагнал меня на улице, когда я шла с ведрами воды. Снял с моих плеч коромысло с ведрами, поздравил с днем рождения (узнал об этом от мамы). Настроение у него было отличное: в тот день ему был вручен орден. Но со мною он не поделился этой радостью. И когда военные собрались на именинный вечер со своими «харчами» (немало смутив нас этим), на кителе Борсоева поблескивал новенький орден. На вечере, разумеется, стали его поздравлять, Владимир Бузинаевич смущенно ответил:

— Эта награда не мне одному, это заслуга моих боевых друзей, присутствующих и отсутствующих здесь.

Донесение командиру 383 сд

17 декабря 1941 г. убиты и похоронены в г. Красный Луч:

Столяров Максим Сидорович. Рядовой. 1914 г. р. Отец Сидор Ефимович. Сталинская обл., ш. «Красная Звезда».

Чепцов Федор Лактионович. Рядовой. 1909 г. р. Жена Елена Акимовна. Краснодарский край, станица Кожевская. Похоронен на шахте № 160.

Андриашвили Дмитрий Алексеевич. Рядовой. 1909 г. р. Жена Тамара Дмитриевна. Грузия, Туржинский район, село Лукидан.

Мария Тищенко:

Вместе с другими девушками, имеющими «подходящие» специальности, призвали в армию. Сначала работала парикмахером, стричь и брить приходилось прямо в окопах.

Долго не могла привыкнуть, к тому, что гибнут люди, проливается кровь.

Не только стригли, стирали, готовили, работали в санбате, вывозили раненых, а когда требовала обстановка, — брали в руки винтовку и шли в бой.

Анна Гуленко:

Через некоторое время, когда уже выпал снег, мне принесли повестку: «Манько Анне Михайловне явиться на сборный пункт на площади им. Кирова. Иметь кружку, ложку...»

С Пашей Лободой мы пришли на сборный пункт, потом отправились в штаб в пос. Ивановка. Хор передали в распоряжение 383-й стрелковой дивизии. Начались репетиции, прибыл новый баянист Жорик Стадник, и мы пошли по полкам — Красный Кут, больница поселка Хрустальное, Антрацитовский р-н, окопы на берегу реки Миус. Мы были на передовых. Нас ждали, звали в полки. Как только затишье, мы идем в окопы и поем. О Родине, о Любви, о жизни. А еще — о стойкости запорожских казаков и красоте родного края. Что значили для солдат эти песни? Это — как запах украинских трав, пение соловья и вкус домашнего хлеба посреди ада войны...

Ахмет Ералиев:

До прихода в шахтерскую дивизию я был пулеметчиком. Война застала в Молдавии. Там выпустил первую ленту патронов по врагу. За рукоятку пулемета взялся, когда в бою вражеская пуля сразила товарища. В упор расстреливал пьяных румын, шедших в атаку. И меня ранили, но не ушел с боевого поста. Сотнями трупов заплатили гитлеровцы за смерть боевого друга.

Учебная рота, куда был зачислен после госпиталя, стояла во втором эшелоне. Пришлось сменить специальность. Быстро подружился с винтовкой. На стрельбах она была без промаха.

В дни обороны Красного Луча попросил разрешения у командира сходить на «охоту» за фрицами. В первой же засаде в долине Миуса уничтожил трех фашистов. Через полтора месяца стал снайпером сотенником.

Октябрина Борисенко.

Смертельно ранило командира минометного взвода. Октябрина, заметив это, подала команду:

— Командир тяжело ранен, взводом команду я.

Когда закончился бой, и командование узнало, что взводом руководила санинструктор Борисенко, ей объявили благодарность за находчивость и отличное ведение огня. Октябрину направили на краткосрочные курсы по минометному делу. Затем ей доверили команду

взводом. Не одна сотня гитлеровцев нашла свою могилу у стен Красного Луча от огня минометчиков старшего сержанта Октябрины Борисенко.

А. Савина:

Бомба попала в дом нашей соседки, разворотила его, но по счастливой случайности трое ее детей и она сама остались живы. А рядом, у другой соседки, убило сразу двоих детей, сына и дочь — моих ровесников. Сколько горя видела улица Чкалова!

Владимир Борсоев:

20 декабря. Был на НП 2-й батареи, попал под обстрел артиллерии противника. Снаряд разорвался в 3 метрах от нас, но вреда не принес. Проехал по городу. Что отраднo — все восстанавливается. Учреждения вернулись на свои места, школы ремонтируются. Населению дают хлеба по 200 граммов на душу.

Любовь Травина:

Вскоре после вступления гитлеровцев в наш небольшой поселок, расположенный неподалеку от Дебальцево, мне представилась возможность перебежать к своим. Однако те несколько дней, что провела в глухом подвале, я считаю, пожалуй, самыми горькими в моей жизни.

К тому времени мы знали уже о зверствах фашистов. И все-таки мне казалось не столько страшным, сколько противоестественным их даже самое кратковременное пребывание на нашей родной земле.

Я вспоминала чудесную довоенную жизнь, родную школу, пионерские костры и сборы, наши чудесные планы. И когда видела в узкую подвальную щель их, ненавистных захватчиков, то просто задыхалась от ярости. Что же, наверное, это и была она той самой «яростью благородной», воспетой в чудесной советской песне, которая не только меня, но и множество других наших женщин привела в Советскую Армию.

Я работала в бригаде по подготовке самолетов к вылету: заряжала авиапушки и пулеметы, подвешивала бомбы, а нередко и знаменитые «эрэсы». Иногда выпадали дни, когда летчики наши совершали по 7 – 10 боевых вылетов в день. Бомбили не только мы, а бомбили и нас. Так что без жертв не обходилось.

Вера Рубаха:

В 1941 г. угнали в Германию, в лагерь смерти «Равенсбрюк». Четыре года находилась в этом лагере, где меня знали только по номеру 1069. В лагере мечтали о жизни, свободе. Прошло четыре долгих года, прежде чем нас освободили.

Александр Гончаров:

Демобилизован со строительства оборонительных сооружений и направлен на работу по специальности: на виду у врага добывать уголь.

Сначала работал на шахте № 7/8.

Донесение командиру 383 сд

21 декабря 1941 г. убит и похоронен в балке Хрустальная Илуридзе Василий Ильич. Стрелок 1908 г. р. Жена Мария Григорьевна. Грузия, Горненский район, с. Мадурд.

Владимир Борсоев:

21 декабря. С командиром дивизии ездили на рекогносцировку. Задача: удержать ранее занимаемый рубеж, ударом одного полка овладеть дер. Грибовкой. Правее от нас в направлении на Сталино — Мариуполь должен быть серьезный удар.

Иван Акименко:

Подразделение 694 стрелкового полка, в котором я служил командиром взвода связи, располагалось как раз в поселке Хрустальном. Морозным ранним утром 22 декабря 1941 года — это мне хорошо запомнилось — наш старшина спешил доставить завтрак на передовую. Вдруг, откуда ни возьмись, в балке Широкой, то есть в нашем ближнем тылу, — фашистские автоматчики. В схватке с ними любимец полка старшина Тимошенко погиб, а враги, будто сквозь землю провалились.

Я решил прочесать со своим взводом с детства мне знакомую сильно пересеченную местность. Перевалив через первые пригорки южнее бывшей шахты № 5-бис, мы вдруг обнаружили шурф. Не здесь ли враг притаился?..

Оставив наверху охранение и захватив с собой шахтерские лампы, добытые у жившего неподалеку старого горняка Сидора Перепелицы, я с четырьмя бойцами сразу же спустился под землю. Пройдя метров семьсот – восемьсот, наткнулись на еще один выход из шахты. Поднялись, огляделись — тихо и ни души кругом. Снова спустились вниз и шли до тех пор, пока штрек не вывел нас в район шахты № 5/7, то есть уже в ближний тыл немцев. Первым поднимаюсь к поверхности и что же вижу? Прямо передо мною у шурфа — спина стоящего на посту фашиста, а метрах в двадцати от него какое-то построение вражеских солдат и офицеров, около 200 человек.

Что делать?.. Хватаем зазевавшегося часового и, не дав ему пикнуть, швыряем вниз головой. А затем начинаем наблюдать за происходящим. Через считанные минуты перед строем остановилась черная легковая машина, из которой вышли несколько офицеров. Строй гаркнул приветствие, и началась, видимо, процедура вручения наград.

Стоящему рядом со мной сержанту Вершилову не терпится:

— Товарищ лейтенант, ладно я пульну гранату для веселья фрицам?

— Это почему же, — говорю, — гранату? Давайте пульнем сразу пять, каждый по одной! Через несколько мгновений пять гранатных взрывов грохнули в самой гуще врагов. Так сполна получили фашисты за смерть нашего боевого друга.

Евгения Трофимова:

Всю зиму женщины не только работали в колхозе, но вечерами у себя дома готовили теплые вещи для солдат и отправляли их на фронт.

Как секретарю партийной организации мне часто приходилось выступать перед колхозниками, рассказывать о Красной Армии, о зверствах фашистов. Как раз в это время гитлеровцы казнили Зою Космодемьянскую. Люди плакали, в каждом доме было горе. Никто не жалел ни вещей, ни денег, чтобы помочь фронту. Наше село собрало 120 тысяч рублей на танковую колонну.

Это была трудная зима.

Виктор Домашов:

В декабре 1941 года меня и Володю Воронина послали в тыл противника, там мы пробыли около 10 дней. Тогда же, в декабре, нем-

цы атаковали Штергрэс. Наша группа во главе с Комаровым находилась в засаде в здании техникума и приняла первый удар на себя. Затем подошло подкрепление из батальона Твалайбешвили, и атаку мы отбили. Вскоре после этого я вступил в комсомол. До армии не успел, ведь учился только в 6 классе.

Тихон Николенко:

В декабре наш полк погрузился на корабль в городе Потти и после продолжительного плавания в Черном море прибыл в город Севастополь. Здесь мы заняли огневые позиции. С первых дней обороны Севастополя мы часто подвергались бомбежкам со стороны немецкой авиации и несли потери.

В декабре немецкое командование предприняло очередной штурм Севастополя. Наша батарея отбивала атаки немецких войск, но силы были неравные, и мы несли большие потери в живой силе и технике.

Очень часто нарушалась связь наблюдательного пункта с огневыми позициями, и мне как связисту часто приходилось восстанавливать связь под обстрелом противника.

Несмотря на превосходство сил противника, в этих боях нам удалось потеснить немецкие части и улучшить свои боевые позиции.

Донесение командиру 383 сд

22 декабря 1941 г. убиты и похоронены в г. Красный Луч:

Лебедев Василий Кузьмич. Рядовой. 1913 г. р. Сталинская обл., Горловка.

Цветчик Александр Алексеевич. Рядовой. 1915 г. р. Жена Пелагея Петровна. Орджоникидзе.

Руденко Анна Даниловна. Санинструктор. 1923 г. р. Москва, ул. Прозникова, 33.

Ибрагимов Тимур Калинович. Рядовой. 1910 г. р. Жена Фирюзе Мартысовна. Умер от тяжелых ран. Армянская ССР, Базаркачарский район, с. Бабаджан. Похоронен в Красном Куте.

Владимир Борсоев:

22 декабря. Сегодня исполнилось 6 месяцев Отечественной войны против гитлеровских орд, 6 месяцев разрухи, 6 месяцев страданий.

Мария Савичева:

Страшно было выполнять задания. Но убежденность в том, что нужно бороться и победить, всегда одерживала верх над страхом.

За себя боялась меньше всего. Страшно было за двух малолетних детей и родителей.

Василий Турчин:

Зимой заготавливали лес. Мы знали, что из такого леса делают фанеру для самолетов. Женщины продолжали работать в колхозе, а нас, «мужчин», отправляли на заготовку и вывозку леса. Был такой лозунг: «Не выполнил норму — не уходи из лесу». Мальчишки старались и давали каждый день полторы — две нормы. Делали это в сорокаградусный мороз, в глубоком снегу. Сугробы достигали полутора двух метров. Нужно было загрузить лесом сани, а бревна длиной от 4,5 до 12 метров, да такие толстые, что и не обхватишь. Собирались по несколько человек, кое-как грузили бревна на сани. В конце дня, как бы ни устали, бежали в контору, узнать показатели. И если у тебя показатели оказывались лучше, очень гордились.

Иван Смешко:

Училище закончено, но нас, нескольких выпускников, направили в Томск продолжать учебу. И опять мы возмущались, подавали рапорты о направлении на фронт, и опять пришлось выполнять приказ. Можно понять нас — товарищи ехали на запад, а мы в глубокий тыл, на восток.

Донесение командиру 383 сд

25 декабря 1941 г. убиты и похоронены в селе Хрустальное:

Макухин Петр Григорьевич. Рядовой. 1912 г. р. Жена Марфа Ивановна. Краснодарский край, ст. Ново-Архангельская.

Черимов Мамед Агапович. Рядовой. 1908 г. р. Отец Агалор Ахлорович. Азербайджан, г. Спанагир.

Мурадов Рамазан Мудахомидович. Рядовой. 1910 г. р. Жена Салихат Мусаевна. Азербайджан, с. Озанта.

Константин Провалов:

25 декабря, когда гитлеровцы отмечали рождественский праздник, мы нанесли удар по Яновке. Тяжелей всего пришлось 3 батальону Н. М. Гоголева. Батальон наступал по открытому месту, скрытых путей подхода к окраине поселка не было, снег глубокий. Несколько раз комбат поднимал бойцов в атаку, и несколько раз батальон откатывался. Комбат приказал младшему лейтенанту Василию Украинскому собрать из батальона всех автоматчиков, одетых в белые маски-халаты. Таких оказалось 8 человек. Украинский — девятый. Этой группе поставили задачу пробраться к правому флангу противника и оттуда, когда батальон снова поднимется в атаку, ударить по пулеметным точкам. Задачу группа В. Украинского выполнила точно. Когда до вражеских окопов осталось всего метров сто, Николай Михайлович Гоголев упал, сраженный осколками мины.

Плацдарм у Яновки был ликвидирован, а Н. М. Гоголев 12 января 1942 г. умер. Похоронили Николая Михайловича Гоголева в Красном Луче на городском кладбище.

Донесение командиру 383 сд

25 декабря 1941 г. убиты и похоронены между ш. 7 и 8:

Корнеев Петр Николаевич. Рядовой. 1919 г. р. Жена Мария Петровна. г. Орел.

Каракшов Каврун Асланович. Рядовой. 1904 г. р. Азербайджан, село Косондра.

Владимир Борсоев:

25 декабря. Наступление на дер. Грибовку началось в 5.00. Деревня большая, немцы укрепились крепко: улицы забаррикадированы, деревня окружена деревянно-земляными сооружениями. Нужно отдать справедливость немецким солдатам — хорошо работают по оборудованию позиций. За весь день мы сумели только вклиниться на окраину деревни.

Григорий Шефатов:

В 1941 году зачислили военфельдшером в 395-ю шахтерскую дивизию, воевал на Миусе. Однажды пришлось участвовать в раз-

ведке боем, из самого пекла выносил раненых. Тогда из ста бойцов в живых осталось только 17. Спасая раненых, сам был ранен.

Донесение командиру 383 сд

25 декабря 1941 г. убиты и похоронены в районе ДК:

Федоренко Василий Иванович политрук. Комиссар батальона. 1900 г. р. Жена Клавдия Семеновна. Сумская обл., Шостка, Интернациональная, 14.

Зяблов Юрий Филимонович. Лейтенант, командир роты. 1919 г. р. Жена Мария Ивановна. Горьковская область. Муромский район, с. Мишино.

Любашенко Иван Герасимович. Рядовой. 1909 г. р. Жена Агриппина Сергеевна. Запорожская обл. Новотроицкий р-н.

Александр Мерекин:

Сегодня ночью наши стрелки случайно заарканили одного немца в районе Княгиневки у Миуса, на нейтральной полосе. Никакого боя не проводили, а «языка» взяли.

— Молодцы, бойцы, выручили полковую разведку, — поблагодарил их командир полка майор Кипиани Шалва Иванович. А было это так. Часов в 11 ночи, воспользовавшись фронтовым затишьем, рядовые Деркач и Самойлов с большим пятиведерным термосом направились к реке за водой. Дошли благополучно. Набрали воды. Уже собирались идти в роту. Рядовой Самойлов увидел немца. Подходит он к реке с ведром. Прятаться и стрелять, рассказывали они, не было никакого смысла, немец оказался в 3 или 4 метрах. Они решили по-доброму, мирному с фрицем поговорить:

— Дойч золдатэн! Комм! Комм! Никс капут!

(Немецкий солдат! Иди! Иди! Не конец!).

— Русь золдатэн никс капут!

(Русский солдат не конец!)

Кое-как заученными фразами пытался объясниться Деркач с немцем. Тот, очевидно, все понял. Поправил автомат за плечом, махнул рукой в свою сторону, стал на колени у проруби, зачерпнул воды. Наши бойцы в одно мгновение прыгнули на него, повалили навзничь. Деркач сунул мокрую рукавицу немцу в рот, чтобы не орал, а Самойлов два раза окрутил веревкой его тело. Все было сделано так быстро, что немец не успел крикнуть. За один конец веревки взялся Са-

мойлов, за другой Деркач. Заарканенный веревкой немец послушно зашагал в расположение нашей роты. От победного возбуждения два товарища даже забыли, зачем они приходили к реке.

Термос и немецкое ведро остались на долгое время у проруби и служили ориентиром нашим минометчикам.

Для меня термос и ведро были целью № 10, так как я командовал минометным взводом.

Иван Белевский:

В городе продолжал работать завод горного машиностроения, который возглавлял директор Жаров. Кроме традиционного горного оборудования завод стал изготавливать скобы и шанцевый инструмент (топоры, кайла и прочее).

Донесение командиру 383 сд

28 декабря 1941 г. убит и похоронен в районе Яновки Алексеев Григорий Иванович. Рядовой 696 сп. 1900 г. р. Жена Ксения Ефимовна Алексеева живет в Лосевском районе Воронежской обл.

Владимир Борсоев:

28 декабря. Красный Луч. Удар по Грибовке подействовал на немцев ошеломляюще: они в эту ночь без боя оставили Яновку, ш. № 12, ш. «Днепрострой», Княгиневку и оттянули свои войска назад. Получен приказ фронта о награждении меня орденом Красной Звезды. Был у Солуковцева, его хозяйка культурная женщина, учительница. С материнской любовью приняла меня, по случаю награждения выпили и пообедали.

Петр Минасенко:

После разгрома фашистов под Москвой наша бригада расположилась в районе Можайска. Как-то утром меня вызывают в штаб и спрашивают:

— Вы знаете Москву?

— Знаю. Там живет моя теть.

— Доставьте пакет по назначению. И можете навестить свою тетю.

Отправились вдвоем с одним офицером. Адресата пришлось по-

искать. По ошибке попали в соседнюю квартиру. Дверь открыли две девушки.

— Вам не требуются чернорабочие?

Подружки переглянулись.

— Пожалуй, дело и для вас найдется, — бойко ответила сероглазая блондинка, — раздевайтесь, будьте, как дома!

Познакомились. Оля и Катя засуетились. Завели патефон с «Катюшей», на столе появился чай. Прощаясь, чуть задержал руку Оленьки, пристально посмотрел в ее глаза и серьезно спросил:

— Оля, вы будете мне писать?

Она оторопела, потом улыбнулась.

— Буду!

Эти минуты случайной встречи, положили начало любви и дружбе на всю жизнь.

Полина Ткаченко:

Валю вызвали в райком комсомола. Возвратилась домой задумчивая, обняв меня, тихонько сказала:

— Мамочка, я должна уйти на фронт. Это мой долг.

Тяжело было расставаться с дочерью. Провожая сказала:

— Береги себя.

Валю зачислили в 383 шахтерскую дивизию. Она окончила специальные курсы и стала радисткой.

Мария Лысенко:

А как страшно, когда бомбят составы! Враги знают, что везут раненых, и все равно бомбят.

— Возможно, ошибочно?

— Как же можно ошибиться, если на крыше каждого вагона нарисован огромный крест. Не заметить его невозможно.

Когда бомбежка начинается, машинист останавливает поезд, чтобы эшелон не пошел под откос. А немцам того и надо. Попадать легче в неподвижную мишень.

Может, правильно, может, нет, но наш старшина был боевой очень. Бежит по-над составом и кричит: «Кто ногой шагнет на землю, стреляю на месте». А потом, когда узнали, что он только пугает, перестали бояться. Но, конечно, из вагонов не выходили. Раненых не бросишь.

И горели вместе с ними.

Мария Журавлева:

Во время рельсовой войны ровно в двенадцать часов от Минска до Бреста взлетела вся железная дорога. В этой операции участвовали все партизанские отряды, действовавшие вокруг железных дорог. Заранее обусловили, где какой отряд взорвет полотно. Каждый из партизан получил толовую шашку, спичку. Цепочкой, метрах в 15- 20 друг от друга растянулись вдоль полотна. Надо было подкопать землю под рельсом, заложить толовую шашку, поджечь шнур и скатиться с насыпи.

Михаил Корпьяк:

26 декабря 1941 года Яков Степанович Приходько с группой автоматчиков участвовал в налете на село Грабово. Непрерывный огонь не давал возможности нашим пехотинцам преодолеть небольшую речушку, и тогда поднялся Приходько. Он открыл шквальный огонь по врагу и, по грудь в воде, перешел на тот берег, а за ним устремились его бойцы. Вода чавкала в сапогах, коркой льда покрывалась на морозе одежда, но автоматчики стремительно пробивались вперед. Они ворвались в село и выбили из него фашистов.

Константин Провалов:

Отход роты Медведева осталась прикрывать группа бойцов из одиннадцати человек. Командовать ею было приказано сержанту Я. С. Приходько. Эта группа, заняв для обороны кирпичный дом Анны Ефимовны Самойленко в селе Грабово, встретила гитлеровцев огнем. Появились раненые. Сержант отправил четырех вышедших из строя бойцов на другой берег Миуса в расположение своего полка. Между тем под прикрытием оружейного огня гитлеровцы подобрались к самому дому. Бой горстки наших воинов под командованием сержанта Приходько продолжался до самого вечера. Еще дважды командир отправлял своих раненных подчиненных на левый берег. Когда начало смеркаться, в доме остались только Приходько и красноармеец Долженко.

Михаил Корпьяк:

Когда подразделение возвращалось на исходные позиции, автоматчики отходили последними. Прикрывать их отход остался При-

ходько с двумя бойцами. Они засели в небольшом домике и стали ждать. Вот в конце улицы показалась группа гитлеровцев. Подпустив их ближе, Приходько и его товарищи скосили их длинными очередями. Но и с другой улицы выскочили новые группы фашистов. Они окружили домик. Один автоматчик был убит. Другой ранен. Приходько оглушило. Он был ранен в голову, но Яков не выпускал из рук автомата. Гитлеровцы не могли взять домик. Тогда они подкатили противотанковую пушку. Гитлеровцы решили, что в домике уже никого нет в живых. Подобрали своих убитых и, злобно ругаясь, ушли.

Борис Горбатов:

Бой продолжался до темноты. Сержант был уже ранен в голову, но автомат из рук не выпускал. Уже горела крыша дома, сарай, надворные постройки...

Ночью Яков Степанович Приходько выбрался из разрушенного дома, взяв на плечи раненного товарища, переправился через Миус в расположение своей части.

11 часов продолжался бой Приходько с нападающими фашистами, во время которого в окно дома влетела немецкая граната с длинной деревянной ручкой. Приходько схватил гранату на лету и выбросил через проем окна на улицу. Граната разорвалась у ног фашистов.

Донесение командиру 383 сд

29 декабря 1941 г. убиты и похоронены в Княгиневке:

Ковалев Данил Петрович. Рядовой. 1913 г. р. Мария Яковлевна. Сталино, рудник «Ветка».

Полушеев Григорий Андреевич. Рядовой. 1907 г. р. Жена Екатерина. Ворошиловградская обл., шахта Володарского.

Сулим Николай Никифорович. Рядовой. 1911 г. р. Жена Анна Наумовна. Краснодарский край.

Волошин Иван Петрович. Рядовой. 1902 г. р. Жена Наталья Никифоровна. пос. Войкова Ворошиловградской обл.

Скориков Петр Гордеевич. Рядовой. 1902 г. р. Жена Пелагея Ивановна. Краснодарский край, х. Курченко.

Елена Наумова:

Зимой дивизия закрепились на подступах к Ленинграду. Я решила стать снайпером. Твердо держали молодые руки трехлинейную

винтовку. На расстоянии 100 метров все пули ложились в мишень. Умение метко стрелять пригодилось мне в дальнейших боях.

Донесение командиру 383 сд

29 декабря 1941 г. Умер от отравления метиловым спиртом и похоронен в Красный Луч Сорокин Федор Антонович. Младший сержант. 1922 г. р.

Авраам Прагер:

29 – 30 декабря 1941 года я сдал все оборудование, материалы и различные документы своего эшелона руководителям строящегося завода.

Донесение командиру 383 сд

29 декабря 1941 г. убиты и похоронены в г. Красный Луч в районе шахы им. Кагановича:

Лещенко Павел Власович. Рядовой. 1922 г. р. Отец живет в Киевской обл., с. Хижняк.

Гугунашвили Шалва Дмитриевич. Рядовой. 1914 г. р. Грузия, Тбилисский район, с. Парт-копи.

Арсенов Тихон Евдокимович. Рядовой. 1912 г. р. Холост. Сумская обл., с. Стариково.

Анна Мищенко:

Бомбежки, бомбежки, бомбежки... Враг сбрасывал бомбы на санитарные поезда. Больше того, охотился за ними. Не повезло и нам. Разбомбили наш поезд. Остались только исковерканные платформы. Началась бомбежка около десяти вечера, закончилась в половине четвертого утра следующего дня. Три недели не могла прийти в себя после того ужаса, который пришлось увидеть во время этой бомбежки.

Донесение командиру 383 сд

29 декабря 1941 г. убиты и похоронены в районе Яновки:

Лавринов Прокофий Афанасьевич. Сержант. 1906 г. р. Архангельск.

Погдарьян Саракьян Антонович. Сержант. 1910 г. р. Армения, Кировакан.

Юшкевич Владимир Мефодиевич. Сержант. 1918 г. р. Могилевская область, Бобруйский район, с. Михайловка.

Михайлушкин Александр Михайлович. Рядовой. 1920 г. р. Отец Михаил Лаврентьевич. г. Белев, ул. Рабочая, 14 Тульской области.

Фролов Иван Григорьевич. Рядовой. 1921 г. р. Отец Григорий Афанасьевич. с. Сухарево, Шереметьевского район, Татарской АССР.

Сосновский Александр Григорьевич. Рядовой. 1911 г. р. Жена Любовь Сергеевна. Майкоп, ул. Мопра, 31.

Фурсов Иван Васильевич. Рядовой. 1909 г. р. Жена Анастасия Васильевна. Ольховский сельсовет Курской области.

Николай Угланов:

Декабрь. Немецко-фашистские дивизии вплотную подошли к Ленинграду. Балтийский флот сосредоточился в Кронштадте. С некоторых кораблей сняли орудия для отправки на фронт. Личному же составу флота зачитали обращение члена Военного Совета Ленинградского фронта А. А. Жданова об организации бригад морской пехоты. Вместе со всеми написал рапорт о зачислении в морскую пехоту и я. Командир бригады, в которую меня назначили, познакомившись с документами, сказал:

— Принимай роту разведчиков, капитан-лейтенант.

Одно дело служба на флоте, где все досконально изучено, подобра и обучена команда, а другое дело — пехота. Моряки не были обучены ведению боя в пешем строю.

— Справлюсь ли?

— Я тоже не готовился командовать бригадой. Будем учиться и учить людей в ходе боя.

Учиться и учить! От умения разведчиков передвигаться по-пластунски, окапываться и маскироваться, вести наблюдение зависел успех выполнения задания. И я настойчиво учил матросов, и вместе с ними учился сам. Командование поставило задачу достать языка. Выполняя приказ, мои разведчики проникли в тыл противника и доставили немецкого офицера.

Александр Перепелица:

В 1941 году в городе Хайдусобосло оказались окруженными два полка и штаб корпуса. Боеприпасы на исходе. Гранаты и снаряды

выдавались поштучно. Чтобы выстоять, надо знать направление главного удара противника. Захват языка поручили мне.

— Мы должны знать, что готовит нам враг, — сказал командир полка. — «Язык», Александр Павлович, нужен немедленно.

Меня тревожила неизвестность.

В темноту ночи ушли один за другим разведчики. Холодный морозящий дождик, беспрерывно взлетают ракеты над невидимой цепью вражеских окопов. Зоркий глаз даже в темноте определяет, кто из разведчиков где ползет. Нужно быть осторожным. Вокруг открытое поле. В интервалах между ракетами выигрывали 20 – 30 метров. Группа достигла пункта сосредоточения. Неподалеку заметили легковую машину.

Схватка была короткой. Из показания пленного немецкого офицера мы узнали, что штурм города назначен на завтра. Мы успели подготовиться. Противника не только остановили, но измотали и отбросили на 5 километров.

Надежда командования корпуса на моих разведчиков оправдалась. Спасены знамена двух полков, штаба корпуса, сотни раненых, которые находились в городе.

Анна Мищенко:

Переливаю кровь раненому и вижу — моя банка, моя кровь. На всю жизнь запомнила этого паренька из Куйбышева. Звали его Николай Пахомов. Потом искала его, но не нашла. Ни среди живых, ни среди мертвых.

Николай Угланов:

После ранения направлен в Черноморскую группу войск морской пехоты, где меня назначили начальником разведки бригады. Подразделение, в котором служил, участвовало в десанте на Малую Землю. Бои под Новороссийском вошли в историю Великой Отечественной войны как яркий пример мужества и массового героизма советских воинов.

Петр Потетюлькин:

После освобождения Ельца добился направления в школу для обучения пулеметному и снайперскому делу. А затем участвовал в бою под Тулой. К тому времени стрелял из пулемета метко.

Г. Погорелов:

Кронштадт питал Ленинград. Отсюда доставлялось в осажденный город продовольствие.

Ночью нас подняли по тревоге, и мы двинулись к финскому заливу. Но враг нас обнаружил. Остров был сильно укреплен. Гитлеровцы открыли огонь по нашим катерам. Командиры прибегли к военной хитрости. Эскадру катеров разбили на несколько отрядов. И они ушли по разным направлениям. В назначенный час подошли к острову и с боем взяли его. Остров был пустынным. Ни воды, ни деревьев.

А. Мерекин:

Везде встречали нас так, будто приходили домой, везде встречали, как родных. В каждом селе или рабочем поселке советский воин был самым желанным гостем, его обогревали, о нем заботились, с ним делились последним, что имели сами. И как много это значило для нас!

Лютый выдалась зима 1941 – 1942 гг. Снежный покров достигал в степи толщины двух метров, а над ним царили жестокие морозы. Наш стрелковый полк 383 шахтерской дивизии, находившийся в резерве 18 армии, бросали то под Никишино, то под Штергрэс, то в Фашевку. А однажды ночью мы вступили в Красный Кут.

Лошади выбились из сил, таща за собой повозки с оружием и боеприпасами. Колеса не вертелись в глубоком снегу. Женщины и девушки выходили с лопатами, помогали расчищать дорогу. А когда мы, почерневшие от холода, наконец-то выбирались из сугробов, пригласили к себе в дома. Мы заходили, пили чай и, согревшись, не раздеваясь, валились на пол и засыпали.

В доме недалеко от школы расположились шесть человек. Пожилая хозяйка всю ночь, словно часовой на посту, не отходила от печки, подкладывала дрова, следила за каждым бойцом, чтобы ему было удобно. А потом снова садилась на стул у печки и погружалась в невеселую думу.

Когда все уснули, я спросил ее, почему она не ложится. Хозяйка ничего не ответила, лишь вздохнула, и по щекам ее покатились слезы. «Может, обидел кто? — думалось мне. — Так нет же. Бойцы наши, бывшие шахтеры, — честные и немелочные люди. Такие обидеть не могут». И только рано утром, когда были уже на улице и готовились к выезду, хозяйка позвала меня в дом и тихо сказала, что невольным

виновником ее слез оказался я, в котором она в первый момент признала своего сына, погибшего в начале войны где-то на белорусской земле. Потом обняла меня за плечи, склонила голову на грудь и долго стояла так, негромко рыдая, а я боялся даже пошевелиться, растроганный силой ее материнского чувства. Наконец я вышел из дома и стал догонять колонну. На мосту через речку, у поворота на Фашевку, почувствовал, что в карманах шинели что-то есть. И в самом деле: в левом оказались перчатки, в правом — теплые носки... Тогда я дал себе слово непременно побывать еще раз у немолодой одинокой женщины и за все отблагодарить ее.

Месяца три спустя я рассказал бойцам о своем намерении. Выяснилось, что все они испытывали такие же чувства и хотели бы побывать в Красном Куте. В руках у меня очутился список, а в нем — почти каждый дом той улицы, на которой мы когда-то ночевали, и в каждый надо зайти поблагодарить хозяев.

Теплым майским утром вошел я в знакомый двор, но через минуту узнал, что доброй, замечательной женщины не так давно не стало. Как ругал я себя за то, что не вернулся тогда от моста и не выразил ей всего, что было на душе!..

«Что же теперь?», — мысленно спрашивал я самого себя, — Стоит ли заходить в другие дома, если почти в каждом уже получили похоронку? Стоит ли лишний раз тревожить людей? Нет, не нужно. Лучше вызову кого-нибудь из первого же дома и через него передам благодарности другим».

Так и сделал. На мой стук в калитку вышла девушка, ставшая нашим «почтальоном». Звали ее Верой, работала она или собиралась работать в местном медпункте.

Мария Машенко:

С началом войны отца призвали в армию, а через некоторое время прислали извещение о его гибели на фронте. Окончив 7 классов, поступила в Краснолучский медицинский техникум. Но учиться не пришлось — война подступала к городу, да и техникум вскоре ликвидировали. Молодежь направили на окопы под Ивановку. Здесь зародилась мысль — уйти на фронт. Рядом, у железной дороги разместился эвакогоспиталь. Пошла к начальнику госпиталя, приняли медсестрой. Вскоре госпиталь погрузили в вагоны и направили на юг, в сторону Анапы. Здесь развернули госпиталь, начали принимать раненых. Но недолго. Наступали немцы, госпиталь перебрался к Майкопу.

Полина Любичкая:

В г. Саратове мы со старшей дочерью работали на заводе, выпускающем технические масла. Затем в госпитале мыла полы, посуду, стирала белье, готовила пищу для раненых.

Каждая женщина, стирая и штопая одежду фронтовика, думала: «А может быть, это одежда моего мужа, сына, брата?». Никакой работы не сторонились наши женщины, все старались делать для фронта. На наши денежные взносы фабрика приобретала самолеты и танки для скорейшего разгрома фашистов.

Эмма Ткаченко:

Некоторое время семья жила в Сунже при воинской части. Я, пятилетняя девочка, в столовой госпиталя расставляла тарелки, раскладывала хлеб и ложки. А еще кормила безруких солдат. Мне строго приказывали: «Только не плачь, иначе не получишь обед». Но не могла я не плакать, очень жаль было этих людей.

Юрий Коварго:

Во время прорыва блокады Ленинграда контужен. Заключение врачей — инвалид 1 группы. Нет ничего страшнее, чем чувствовать себя бесполезным в тяжелую для Родины годину. Но воля побеждает болезнь. Через семь месяцев после госпиталя еду на фронт добровольцем.

Петр Буренин:

Под Москвой в декабре 1941 г. в составе 4 танкового корпуса третьей роты первого взвода я был командиром танка. Наш взвод принял бой, в котором уничтожили три фашистских танка.

Все члены экипажа награждены медалями.

Вячеслав Приходько.

В декабре 1941 г. в Княгиневке оккупанты расстреляли директора школы Приходько Вячеслава Ивановича. Его вывели к речке и публично расстреляли только за то, что он был советский работник. В течение трех суток немцы не разрешали забирать труп.

Люди, сжав кулаки от ненависти, проходили мимо трупа, который был замечен снегом.

Г. Погорелов:

Наши катера не могли пробиться к десанту. Положение усложнялось еще и тем, что как раз стояла пора белых ночей. Вот в такую ночь мы заметили, что к острову направляется целая армада вражеских кораблей. Они обогнули остров и окружили его. Наше положение казалось безнадежным. Но никто не дрогнул. Я вел огонь из станкового пулемета, не давая возможности врагу высадить десант. По рации мы передали в Кронштадт радиogramму: «Окружены, ждем помощи».

Вскоре торпедные катера майора Осипова вступили в бой с вражескими кораблями. В разгар боя мы услышали отдаленный гул — это спешили на помощь самолеты. Они обрушили на вражеские суда бомбы, обстреливали их на бреющем полете. Мы выскочили из траншей и с криками «Ура!» бросились добивать фашистов, выбравшихся на берег. Разгром был полным. Больше гитлеровцы не совались к этому острову.

Николай Мирошниченко:

Во время войны я жил в деревне на Сумщине. Отец был на фронте. Мальчишкам, оставшимся в оккупации, хотелось хоть как-то навредить врагу.

Мы шныряли везде, собирали брошенное оружие, а то и воровали у немцев. Об этом стало известно старосте. Меня схватили и увезли в Конотоп. Там втолкнули в вагон, где уже находились другие парни и девушки. Ехали мы долго. Я решил убежать. Ночью пропилил ножом три доски и выпрыгнул из вагона. А за мной еще несколько ребят. Два месяца мы пробирались домой.

Георгий Потапенко:

Моя рота заняла пустующий дом на берегу озера. И вдруг: «Освободить позиции!» Приказание отдал представитель штаба 16 Укрепрайона.

Я попытался сопротивляться, даже отдал приказ: «Рота, в ружье!». Офицер был настроен воинственно и грозился под конвоем

доставить меня в штаб. Я понял, что сопротивление неуместно, и здесь готовится что-то серьезное.

Мы освободили здание и начали сооружать землянку неподалеку. А это нужно было сделать в мерзлом болотистом грунте, на пронизывающем ветру, под обстрелом... С трудом укрепили готовые обрушиться своды укрытия подручными материалами, вместо буржеек приспособили железные бочки... И стали свидетелями штурма.

Н-ский полк был брошен по льду на противоположный берег... Там и бежать-то метров 500 – 600... Фашисты обрушили шквал огня на штурмующих. Лед был взломан, искрошен вместе с человеческими телами, ледяное крошево приобрело кровавый цвет...

Циля Перепелица:

Двенадцатилетняя девочка в летних туфельках бежит по глубокому снегу. Туфли сшил отец, когда жили в Витебске. В них эвакуированная девочка приехала в Семипалатинск. Каждый раз, прибегая в школу, снимала туфли и поджимала под себя, отогревая, озябшие ножки.

Книжек у нее тоже не было. Выручала приезжую казашка Саша. Давала ей свои учебники, а так как девочка была отличницей, то помогала в учебе отстающей добросердечной Саше. Каждый день в класс на подносе вносили горку хлебных ломтиков. Но этих пятидесяти граммов не хватало, чтобы согреть худенькое тело, и часто у доски из околеченных пальчиков девочки выскальзывал мел. Однажды классная руководительница с лицом белее мела охрипшим голосом попросила детей вести себя тихо, чтобы обойтись без замечаний. В тот день Софья Марковна получила похоронку. Убили сына.

А. Большинский:

— Фашисты окопались, но мы все равно будем их уничтожать, — сказал Егор Сумской молодой шахтер, командир минометного расчета.

Его поддержали бойцы батареи. Используя темноту, плохую видимость, складки местности, Сумской подбирался вплотную к противнику. Отмечал на карте, где располагаются кухня, блиндажи, орудия, пулеметы, где немцы собираются. Затем так же скрытно минометный расчет Сумского выдвигался на заранее подготовленные позиции. В этот момент, когда фашисты собирались где-нибудь вместе, минометы открывали огонь. Когда десятая мина была уже в воздухе,

первая только достигала цели. А расчет с минометом уже находился в укрытии или на запасной позиции. Враг на такой залп отвечал ураганным огнем из многих видов оружия. Но это все было бесполезно, поскольку палили они по пустому месту.

Олена Спеціальна:

Той день, коли батька повісили, я запам'ятала на все життя. Зранку мене відвели до тітки Олени. В неї було троє дітей, і ми гралися. Я вилізла на лавку і глянула у вікно. Якось страшна тривога скувала моє тіло. І зараз заплющу очі і бачу лапаний сніг на острішках і дві горілки убиті пострілами. Вони спірались одна на одну. То були моя мама і старша сестра.

І та тривога ніколи більше мене не покидала. Тривога поселилась у нашому домі, так страшно ночами вив вітер у димарі. А потім нас вигнали з рідної хати.

Жанна Соболев:

Сил нет. Да и устала. Откуда силы у хрупкой девчушки? Плачу, но ташу окровавленное тело бойца. В нем еще теплится жизнь. Тот, которого вытащила только что, умолял меня оставить его. Все равно, мол, не выживет. Но я все-таки дотащила бойца. А этот не умоляет, не просит, не приказывает. Он уже молчит. Но он может остаться в живых. Я никак не могу привыкнуть, и каждый раз оплакиваю мальчишек, которым уже не могу помочь. Гибнут одноклассники и ребята, которые младше меня. Плачу, наверное, потому что бессильна им помочь.

Екатерина Нужненко:

Каратели заняли село и расстреляли 12 человек. Бросили их в яму за селом. В списке и наша фамилия значилась. Расстреляли нашего деда и брата за связь с партизанами. А дом наш гранатами забросали и сожгли. А дедов дом заминировали, так что и курице негде было клонуться.

А. Большинский:

Следуя примеру Сумского, стали кочевать расчеты Чернышева, Чижиова и других.

Получалось так, что когда фашисты открывали ответный огонь по тому месту, откуда выпустил свои мины Сумской, в это время по огненным точкам противника били расчеты Чернышева, Чижова. Кочевать стали не только минометы. Этот прием использовали пулеметчики, артиллеристы, снайперы. Вскоре кочевые огневые точки появились в других подразделениях полка, а затем и в дивизии.

Екатерина Нужненко:

В лесу жить нелегко, но идти в село нам нельзя было. Каратели наведывались часто. Жгли дома, убивали детей, полицаи забирали продукты для немцев. В лесу находили желуди, мололи их, пекли из них лепешки. Весной было много съедобной травы. Рвали и ели. Жили. А в лес идти немцы боялись. Брянский лес большой, густой.

Е. Пархачев:

Кто сосчитает, сколько фронтовых верст прошагал я по дорогам войны в составе 902 стрелкового полка 3 гвардейской армии. Бои, короткие передышки и снова бои. Письма жене писал немногословные. Главное — «ждите, вернусь, пишите». Некогда было особо расписывать военные будни, да и страшные, жестокие они, не для писем. Участвовал в боях под Запорожьем, освобождал города и села.

Леонид Сметанин:

«Мамочка! Как хочется обнять тебя! Но ничего не поделаешь — война, и я должен защищать свою любимую Родину. Я знаю, тебе нелегко, но верь, что настанет время, мы разгромим проклятого фашиста. Вернемся мы с папой и проживем еще лучше, чем прежде».

Эмма Ткаченко:

Чувство голода не проходило. Иногда боялась уснуть. Так как мучительным был один и тот же сон: летает хлебушек, и я поднимаюсь и лечу за ним вдогонку, но поймать не удастся...

А. Савчук:

Перед войной были хорошие годы. Достаток и счастье поселились уже в каждом доме. Я, как и все мои односельчане, построил

дом. В семье росло трое детей. Думал, не будет конца нашей счастливой жизни. Да враги опять принесли беду на нашу землю.

Циля Перепелица:

По школе разнеслась ошеломляющая весть: получена пара валенок. Кому же они достанутся?

«Конечно, не мне, — думала я. — А как хорошо бы хрустел под ними снег, как тепло было бы ногам...»

О таком счастье можно было только мечтать. После уроков Софья Марковна попросила меня задержаться...

Домой я бежала во весь дух. А вокруг сверкал снег. Это мое детство торопилось к маме.

Владимир Борсоев:

31 декабря. День прошел спокойно. Вечером с друзьями-фронтовиками встретили Новый год. Были помощник командира полка капитан Солуковцев, отв. секр. партбюро старший политрук Герановский, политрук Ларкин. Вечер прошел не так уж весело, но всего было вдоволь, закуски, вина, был даже патефон. Только не с кем было потанцевать.

Николай Голицын:

Из нашей 71 бригады 172 полка НКВД с ноября 1941 по январь 1942 года погибли краснолучане: лейтенант, помощник командира взвода Марченко Аким Герасимович (до призыва жил на шахте 5/7), лейтенанты Ульшанский Алексей Григорьевич, Волков Константин Иванович, командир отделения Прокофьев Абрам Давыдович, Пономарев Василий Дмитриевич, Мазепа Тимофей Михайлович (из Штергрэса), Авдотьев Павел Романович, Мальчиков Михаил Степанович (жил на шахте 17/17-бис), Сбитнев Никифор Маркович, Желтухин Елизар Матвеевич, Кузьминский Михаил Никитович (из Новопавловки), командир отделения Осиченко Алексей Григорьевич (он убит 28 ноября 1941 г. в разведке под Больше-Крепенкой), Бочаров Иван Евдокимович (санинструктор), Фоменко Ирнарх Трофимович (из Новопавловки), Переходкин Андрей Леонтьевич (с шахты № 12), Кравченко Константин Антонович, Геремаловский Василий Семенович,

Короваев Алексей Константинович, Тушенко Иван Демьянович из Хрусталки. Всего в этих боях погибли 30 краснолучан.

Владимир Коротков:

В конце 1941 — начале 1942 г. наши войска прорвали оборону в районе Кантемировки. Немцы поспешно отходили в направлении Харькова, оставляя за собой кровавый след преступления. Нашей роте автоматчиков поручено наступать при поддержке кавалерийских частей генерала Соколова. Этот рейд был осуществлен внезапно. В течение двух с половиной часов почти без потерь заняли поселок Венделевка недалеко от Валук. Здесь мы осуществили окончательную очистку селения от фашистов. В результате этой операции обнаружили подвал, в котором фашисты нагло уселись за столом с русскими девушками. На столах стоял шнапс и закуски.

Завязалась рукопашная схватка. В результате это гнездо разрушили. Мне довелось участвовать в этом самым непосредственным образом. И уничтожил пятерых немецких офицеров. За что был награжден медалью «За отвагу».

Борис Стремилев:

31 декабря ближе к полуночи в районе шахты 160 появилась наша агитбригада. Агитмашина подъехала к переднему краю немецкой обороны и через усилители начала передавать обращение к немцам на немецком языке. Немцам это не понравилось, и они открыли огонь по нашим передовым позициям. В нашем доме вылетели стекла. Наши ответили тем же. Завязался бой. По ул. Долгой пошло подкрепление. Этот бой продолжался до трех часов ночи. До утра никто не спал...

Иван Журавлев:

31 декабря наш эшелон военного химзавода прибыл на Урал.

Семен Пупынин:

Солдаты на Пулковских высотах встречали 1942 год с сознанием того, что они вместе с добровольцами ополченцами остановили фашистов и разгромили их под Тихвином и под Москвой.

А. Большинский:

Воодушевленная разгромом немцев под Москвой в декабре 1941 года, наша часть перешла от действий отдельных расчетов и батарей к наступлению на шахту № 12 и село Яновка.

В канун нового 1942 года в ходе наступления была освобождена эта шахта, а 1 января — село Яновка. Немцы, побросав оружие, технику, бежали за Миус.

К вечеру 1 января стрельба утихла. Наша батарея заняла позиции на окраине Яновки. Стало холодно. Мы зашли погреться в одну из хат. В ней не было жителей. Ночью немцы снова открыли огонь из минометов по нашей хате. Прямым попаданием в дом мина снесла крышу, и мы опять — на морозе. Тут я услышал боевой клич:

— Назад ни шагу, только вперед!

Это скомандовал командир роты лейтенант Евграфов. И мы подошли вплотную к немцам. От этого соседства им не поздоровилось.

Александр Кравченко:

Наш истребительный батальон охранял в городе важные объекты. В том числе и мост через балку, соединяющий улицы К. Маркса и Пионерскую. Он был подготовлен к взрыву на тот случай, если придется оставлять город.

Мне припало охранять его в новогоднюю ночь. Давно уже кончилось время моего караула, наступил 1942 год, а меня все не сменяли. Замерз сильно. Когда терпеть было уже невозможно, постучался в крайний дом, попросил хозяев сбегать в штаб батальона, который располагался в районе улиц Шевченко и Пролетарской.

Пришла смена. Сменили, извинились.

1965 – 2004 гг.

О СЕБЕ, ТОВАРИЩАХ, ВОЙНЕ рассказали:

А

Абдумаликов Федор Федорович. Родился в 1921 г. Командир роты.

После войны – военный комиссар Красного Луча. Полковник.

Акименко Иван Гаврилович. Участник обороны Красного Луча.

Акименко Иван Филиппович. Командир взвода. Участник освобождения Донбасса. Директор школы № 10.

Аксенов Константин Степанович. Жил в г. Днепродзержинск, ул. Южная, д. 25, кв. 6.

Акулов Георгий Петрович. Сапер.

Алексеев Михаил Андреевич.

Алехин Иван Демьянович.

Автоматчик. Электромонтер ПЭС «Донбассэнерго».

Ананько Федор Потапович. Участник обороны Москвы.

Анищенко Василий. Командир расчета минометной роты.

Анохин Александр Сидорович.

Анохина Евдокия Ивановна.

Вдова погибшего Петра Гавриловича.

Б

Бабич Александра. Организатор бригады навалоотбойщиц.

Баленко Александр Алексеевич. Генерал-майор. Герой Советского Союза. За годы войны налетал более 2 миллионов километ-

ров. Большая часть вылетов совершена ночью. После войны работал заместителем начальника Бориспольского аэропорта.

Барабаш Василий Максимович. Пограничник.

Барашкин. Шофер.

Бибко Владимир Сергеевич. Родом из Винницкой области. Узник концлагеря Флоссенбюрг. Шахтер.

Безбородов Иван Николаевич.

Белевский Иван Матвеевич. Первый секретарь горкома партии, бывший батрак. В 1932 г. окончил Ленинградский коммунистический университет, работал, секретарем парторганизации рудоремонтного завода, зав. отделом обкома партии. Почетный гражданин Красного Луча.

Беликов Петр Васильевич. Летчик, Герой Советского Союза. Родился в селе Орехово Антрацитовского района. Воевал в составе экипажа В. П. Погорелова.

Белоусов Дмитрий Павлович.

Шофер. Мастер спорта СССР, кавалер ордена Славы.

Беседин Иван Сергеевич. Крепильщик ш. «Знамя коммунизма».

Бесчастный Александр Мартынович

Бобрус Николай Фадеевич.

Артиллерист.

Боженко Владимир Игнатьевич.
Командовал ротой. Участвовал
в Сталинградской битве, осво-
бождал Украину, Румынию,
Болгарию, Венгрию, Австрию.
Работал на обогатительной фаб-
рике «Хрустальская».

Божков Иван.

Большинский А. Комиссар батареи
минометчиков.

Бондарь В. С. Работал на заводе име-
ни Г. И. Петровского. Во время
войны — начальник цеха на за-
воде в г. Пермь. Впоследствии
был директором Алексинского
химкомбината, заместителем
начальника Главснаба Мини-
стерства машиностроения.

Борсоев Владимир Бузинаевич. Ко-
мандир артиллерийской бри-
гады. Герой Советского Союза.
Защищал Красный Луч в соста-
ве 383 шахтерской дивизии. Во
время войны вел дневник. Пос-
ледняя запись сделана 7 марта
1945 г. В бою на Одерском плац-
дарме смертельно ранен. Чужим
почерком на последней страни-
це дневника написано: Погиб
под г. Ратибором 8 марта 1945
года в 12.00. Дневник из журнал
«Байкал» № 8, 1963 г.

Бочаров К. Командир авиаполка.

Буков Иван Александрович.

Родился в 1925 г. После войны
избирался первым секретарем
Краснолучского горкома пар-
тии. Председатель совета ветер-
анов Красного Луча.

Бурдукова Александра Ивановна.
Медсестра.

Буренин Петр Николаевич родился
26 декабря 1914 г. Механик хим-
завода. Жил в г. Петровское. На-
гражден орденом Красной Звез-
ды. Войну закончил в звании ка-
питана. В 1944 г. погиб брат.

В

Васильев Николай Алексеевич.
От Москвы и до Берлина про-
вел свою машину по разбитым
дорогам, доставлял на огневые
позиции боеприпасы.

Величко Карп Петрович.

Партизан. Заместитель началь-
ника цеха «Энергоремонт».

Верниченко Семен Дмитриевич.
Командир батальона связи.

Викторова Валентина Павловна.
Радистка.

Виниченко Борис Ульянович.

Войпан В.

Воловик Г. Доктор технических наук,
профессор Днепропетровского
металлургического института.

Воронин Володя.

Воронько Мария.

Вялов Иван.

Г

Гавриленко Владимир Николаевич.
Спецкорр армейской газеты
«Знамя Родины» на участке
фронта у Красного Луча.

Гаврилов Михаил Степанович.
Коногон, танкист.

Гайван Семен. Трудармеец.

Галанов Борис. Писатель.

Галахтин Сергей Панкратович.
Подполковник.

Гармаш Зинаида Николаевна.

Медицинская сестра.

Гарный Яков. Пограничник.

Герасимов Г.

Глущенко Владимир Петрович.

Родился 21 декабря 1921 г. В
войну погибли два брата.

Голицын Николай Иванович.
Член совета ветеранов 71-й бри-
гады 172 полка НКВД.

Гончаренко Иван. Пограничник.

Гончаров Александр Николаевич.
Герой Социалистического Тру-
да. Почетный гражданин горо-
да Красный Луч.

Гончаров Егор Ильич. Почетный шахтер. Рабочий шахты им. «Известий».

Гончарова Т. Регулировщица.

Горбатов Борис. Писатель. Военный корреспондент.

Горбачев Сергей Васильевич. Шахтер. С малых лет был выборщиком породы, коногоном, начальником участка, заместителем начальника шахты, помощником главного инженера, шахты № 22/4-бис.

Городний Иван Денисович. Родился в августе 1906 г. В комсомол вступил 7 ноября 1922 г. Был зав. отделом райкома, секретарем райкома. Участвовал в обороне Одессы, Севастополя, Новороссийска. Награжден двумя медалями «За отвагу». После войны работал по восстановлению водоснабжению городов Красный Луч и Краснодона, начальником управления горводоканализации.

Горяной Петр. Участник обороны Красного Луча.

Графский В. Авиатехник 123 истребительного полка

Гребенькова М. В. Медсестра.

Григорьев Александр. Подростком помогал защитникам города.

Григорьев Михаил Владимирович. Сражался в составе 272 сп и 62 отдельного танкового полка. Работал на ш. им. «Известий».

Гуленко Анна Михайловна. Участница обороны Кр. Луча.

Гуленко Петр Елисеевич. Участник обороны Красного Луча. Подполковник. Директор музея боевой и трудовой славы шахтеров, председатель совета ветеранов 383-й дивизии.

Д

Дворник Лидия. Связная партизанского отряда в Белоруссии. Награждена орденом Красной Звезды.

Деев Дмитрий. Участник освобождения Донбасса, корреспондент Краснолучской городской газеты. Лейтенант.

Денисов Иван Федорович. Зам. директора ПТУ № 36. Войну запомнил подростком.

Джежелин В. Старший лейтенант. Участник обороны Кр. Луча.

Долин Анатолий Алексеевич. Штурман боевого самолета.

Домашов Виктор. Войну запомнил подростком.

Дробот И. И.

Донченко Владимир. Войну запомнил подростком.

Дудолодов Михаил. Участник обороны Красного Луча.

Дымарецкий Алексей Никитович. Боевое крещение получил на озере Хасан. В числе отличившихся был направлен в военное училище. На Маньчжурской границе командовал пулеметным взводом.

Е

Ералиев Ахмет. Пулеметчик. Участник обороны Кр. Луча.

Ермаченков. Командующий военновоздушными силами Черноморского Флота.

Ермоленко Александр Вонифатьевич. Оружейный мастер.

Еровенко Дмитрий Георгиевич. Шофер, рабочий шахты «Алмазная». Инвалид войны.

Ершов Александр.

Ефремов Петр Николаевич. Командир пулеметной роты. Дважды ранен в боях на подступах к Красному Лучу.

Ж

Жибика Виктор Селиверстович.
Участник обороны Красного
Луча. В 13 лет стал разведчи-
ком 383 дивизии. Ранен. Гор-
ный мастер шахтоуправления
«Родинское» Красноармейско-
го района Донецкой обл.

Живлюк М. Участник обороны
Красного Луча. Подполковник,
командир минометного баталь-
она 383-й дивизии.

Жидов Георгий. Летчик.
Однополчанин П. Рябцева.

Журавлев Иван Тимофеевич.
Родился 7 октября 1914 г. жил
в г. Петровское.

Журавлев Петр Никитович.

Журавлева (Воронько) Мария Мат-
веевна. Жила в Беловодском
районе, окончила Луганский
медтехникум. Фельдшер.

З

Задорожная Валентина.

Задорожная Елена Федоровна.
Учительница.

Задорожная Майя Федоровна.
Учительница.

Задорожный А. Во время войны
был подростком.

Заикин Иван Филиппович.
Летчик. Работал на шахте име-
ни «Известий».

Зайчук Михаил Прокофьевич. Раз-
ведчик. Инвалид войны. Учи-
тель.

Запорожец Петр Федотович.
Старшина батареи № 19 бере-
говой обороны базы Черно-
морского флота. Воспитатель в
общежитии шахты № 160.

Запорожский Михаил Тихонович.

Зарецкий Анатолий Иосифович.
Полковник. Участник обороны
Красного Луча.

Зеленская Мария.

Знова Иван Яковлевич. Подполков-
ник. Летчик. За годы войны со-
вершил 83 вылета. С 1963 года
работал на шахте «Краснолуч-
ская» начальником штаба ГО.

И

Иванова Дарья Корнеевна.

Родилась 7 ноября 1917 года.
Разведчица. 14 месяцев рабо-
тала в тылу у немцев в оккупи-
рованном Симферополе, обес-
печивая командование нужной
информацией, каждый день
рискуя жизнью. 12 лет ждала
она в Красном Луче квартиру,
скитаясь, как и в подполье, где
придется. Почему? Не добива-
лась, не просила, все думала:
другим нужнее...

Инякин Николай Андреевич.
Зенитчик. Работал на шахте
«Хрустальская».

Исаков Алексей Ефимович. 1909 г. р.
Участник финской войны. Рабо-
тал в городском узле связи. Во
время обороны помогал связи-
стам 383-й дивизии ремонтиро-
вать линию связи на Штеровку.
Во время оккупации находился
в концлагере на ш. № 17. После
освобождения участвовал в воз-
рождении предприятия связи.

К

Калиновский Цезарь Михайлович.
Каменев Григорий. Участник обо-
роны Москвы.

Карась Михаил Петрович.
Автоматчик. Рабочий управле-
ния механизации.

Картавенко Николай Кузьмич.
Участник боев за Севастополь,
Новороссийск, Керчь.

Карташов Иван Алексеевич.
Навалоотбойщик шахты № 16.
Организатор физкультурного
движения в городе.

Кедов Алексей Дмитриевич.
Кириченко Иван. Участник обороны
Красного Луча.

Кичко-Щукина Александра Алексе-
евна. Ребенком помогала ране-
ным конникам.

Кладова Наталья.

Клепов Александр Александрович.
Сержант-артиллерист. Начал
воевать с первых часов Великой
Отечественной. Командир ору-
дия. До войны – вратарь город-
ской футбольной команды.

Клецов Г. Подполковник. Работал на
шахте им. «Известий».

Коварго Юрий Львович.

Родился в 1921 г. Разведчик.
Помощник командира взвода.
Участник обороны Ленингра-
да.

Ковачева Вера Яковлевна.

Ковтун В. Подросток из Кр. Кута.

Козлов Николай Ильич. Кавалер трех
орденов Славы. Трудился в
транспортном управлении тре-
ста «Краснолучуголь» кондукто-
ром поездов.

Козьмина Мария Михайловна.
Радистка. Среди партизан изве-
стна как Люся Михайлова.

Коленский Василий Петрович.
Писатель. Учитель. Сапер, стар-
ший лейтенант. Редактор город-
ской газеты.

Колесникова Прасковья Алексеевна.
Санинструктор 383 шахтерской
дивизии. Мастер ОТК на шахте
№ 7/8.

Комаров Иван Евдокимович.

Полковник. Войну закончил в
Берлине. Совершил 310 бое-
вых вылетов. Сбил 13 фашист-
ских самолетов. Был команди-
ром полка, заместителем ко-
мандира дивизия. Награжден
орденом Александра Невского,
пятью орденами Красного Зна-
мени.

Козловский И. Д. Главный технолог
военных заводов № 8 (химзаво-
да), № 98, № 515.

Кондратенко. Рабочий химзавода
Кондратенко Иван Михайлович. Ко-
миссар, командир минометной
батареи. Старший лейтенант.
Участвовал в восстановлении
шахты № 22/4-бис.

Корнеев Иван Петрович.

Родился в 1918 г. Начальник
штаба артиллерийского полка.
Награжден орденом Александр-
ра Невского. Подполковник.

Коротков Владимир Дмитриевич.
Родился 6 мая 1919 г. Награж-
ден медалью «За отвагу».

Короткова Мария Михайловна.
Фронтная сестра.

Корпак Михаил Семенович.

Комиссар 383 шахтерской ди-
визии, полковник.

Котова Мария. Фронтная сестра.

Кравченко Александр Иванович.
В армию сбежал, не предупре-
див дома родных. Только в 1946
году, демобилизовавшись из ар-
мии, явился он домой. Дважды
тяжело ранен. Хирург высшей
категории, 16 лет руководил гор-
здравотделом. Главный врач
больницы ш. «Княгининская».

Кравченко Борис Иванович.

Кузьминов Александр Александро-
вич. Войну запомнил ребенком.
В блокадные дни жил в Ленин-
граде. Рабочий шахты «Ново-
павловская».

Кузьминский Виктор.

Куликов Матвей Степанович.
Водитель.

Кушнирская Нина Захаровна.
Медицинская сестра.

Л

Лебединская Вера Георгиевна.
Санинструктор.

- Левицкий Василий Тимофеевич.
Работал на шахте «Христофоровская».
- Левченко Николай Григорьевич.
Кавалер ордена Славы. Участник обороны и освобождения Донбасса, Севастополя. Проходчик шахты им. «Известий».
- Леонов Григорий Сидорович.
Родился в 1921 году в селе Красная Поляна Антрацитовского района. На фронте стал младшим лейтенантом. Награжден орденом Ленина.
- Леонтьев Федор Федорович.
Узник плавучей тюрьмы «Кап-Аркона».
- Лесик Николай Владимирович.
Почетный железнодорожник.
- Литвинова Ефросиния Пименовна.
Медсестра истребительного батальона.
- Лысенко Алексей Прокофьевич.
Почетный гражданин Красного Луча.
- Лысенко Борис Алексеевич.
- Лысенко Григорий Васильевич.
Командир зенитной установки. Восстанавливал Штергрэс.
- Лысенко Инна Алексеевна.
- Лысенко Мария Павловна. Медсестра в санитарном поезде.
- Львутин А. Ф. Старший сержант. Кавалер ордена Славы.
- Любарский Николай Яковлевич.
Герой Советского Союза. Бригадир проходчиков шахты № 17/17-бис. Родился в с. Ольховец Звенигородского района Черкасской обл. Работал в колхозе, слесарем на Ольховецком сахарном заводе. После службы вернулся на завод. Осенью 1957 года приехал в Красный Луч.
- Любимов Григорий Иванович.
Начальник артснабжения 313 артдивизии.
- Любичкая Полина.
- Лярский Василий Алексеевич.
Участник обороны Кр. Луча.
- М**
- Можаев Николай Павлович. Летчик. Однополчанин Петра Рябцева.
- Мазур Роза Ивановна. Связистка.
- Малидовский Георгий Федорович.
Герой Советского Союза. Командир орудия 383-й дивизии. Участник обороны Красного Луча. Горный мастер шахты № 7/8. Почетный гражданин города.
- Мандриченко Тамара Денисовна.
Воевала в 383-й шахтерской.
- Манько (Гуленко) Анна Михайловна
прошла весь путь 383-й шахтерской дивизии: оборона Красного Луча, Кавказа, освобождала Кубань, Туапсе, Крым, Польшу, дошла до Берлина.
- Мараханец Василий Елисеевич.
Громил фашистов под Москвой, Сталинградом, освобождал Донбасс. Шахтер.
- Маренко К. Участник обороны города Красный Луч.
- Маркина Евдокия Константиновна.
Организатор бригады навалотбойщиц на шахте № 10
- Мароков Алексей.
- Матвеев Михаил Алексеевич.
Танкист.
- Матевосян Самвел.
Защитник Брестской крепости. После войны жил в Ереване.
- Машенко Мария. Медсестра.
- Мерекин Александр Поликарпович.
Участник обороны Красного Луча, пом. нач. штаба 694 полка 383 дивизии. Майор.
- Миляев Виктор Ильич. Командир пулеметного взвода.
- Минасенко Петр Григорьевич.
Подполковник, артиллерист. Участник обороны Москвы.
- Миронов В. Комиссар зенитно-пулеметной роты.

Мирошниченко Николай Федорович.
Юный мститель.
Михайличенко Тихон Григорьевич.
Штурман.
Мищенко Анна Федотовна. Хирург
полевого госпиталя. Майор.
Мозылев Виктор Александрович.
Танкист. Трудился на шахте
«Хрустальская»
Молостов Федор Иванович. Уча-
ствовал в штурме Берлина.

Н
Нагорный Павел Петрович. Войну
запомнил подростком.
Натаров Андрей Алексеевич.
Его боевой путь начался на фин-
ской границе в 1939 г.
Наумова Елена Акимовна. Участни-
ца обороны Ленинграда.
Никифоров Михаил Павлович.
Летчик. Заместитель командира
эскадрильи.
Николенко Тихон. Участник оборо-
ны Севастополя.
Никонов Алексей Яковлевич.
Старшина стрелковой роты.
Нужненко Екатерина Федоровна.
Мать пятерых детей, бабушка 10
внучат. Родилась в 1931 г. в
с. Новоселовка на границе Сум-
щины с Брянщиной. Родители
организаторы первого колхоза.

О
Ожередова Вера Александровна.
Санинструктор.
Орел Анатолий Арсентьевич.
Летчик.

П
Павлов Алексей. Пограничник.
Павлов Николай. Связист.
Папуша Ефросиния. Медсестра.
Папченко П.
Сестра погибшего летчика.
Пархачев Евгений Тимофеевич.
Инвалид войны.

Перепелица Александр Павлович.
Начальник разведки полка. Уча-
стник парада на Красной Пло-
щади 7 ноября 1941 г.
Перепелица Циля Моисеевна.
Войну запомнила ребенком.
Пивных Леонид Александрович.
Летчик-истребитель. Совершил
свыше 100 вылетов, сбил сам и
в групповых боях 11 фашистс-
ких стервятников. После демо-
билизации вернулся в Кр. Луч.
Работал на городском аэродро-
ме командиром авиаотряда ком-
бината «Донбассантрацит».
Плуженко Тамара Васильевна.
Зенитчица.
Плыгач Александр Гордеевич.
Летчик.
Победа Николай Антонович.
Рабочий ш. «Краснолучская».
Погорелов Василий Порфирьевич.
Летчик. Воспитанник Красно-
лучского аэроклуба. Герой Со-
ветского Союза.
Погорелов Г. С. Матрос. Участник
обороны Ленинграда.
Подлипаева Мария Сергеевна.
Зенитчица.
Покатаев Алексей Иванович.
Капитан, комиссар батальона
шахтерской дивизии.
Полеводин Григорий Спиридонович.
Воевал на эсминце «Микоян»,
защищал Севастополь. Кавалер
ордена Славы.
Полеводин Евгений Иосифович.
Войну запомнил подростком.
Председатель горисполкома.
Почетный гражданин Красного
Луча.
Портенко Василий. Участник оборо-
ны Красного Луча.
Потапенко Георгий Петрович.
В 1938 г. призван на срочную
службу Ивановским райвоенко-
матом Ворошиловградской обл.
Служил начальником морского

- пропускного пункта в Таллинском порту. Награжден медалью «За оборону Ленинграда». Участвовал в восстановлении шахт №№ 60, 2, 26, 16 имени Кагановича.
- Потетюлькин Петр. Боец истребительного батальона.
- Прагер Авраам Израилевич. Военный представитель Военно-Морского Флота на заводе № 59 Наркомата боеприпасов в поселке Петровеньки Ворошиловградской области. Начальник эшелона во время эвакуации химзавода.
- Приходько Яков Степанович. Участник обороны Кр. Луча.
- Провалов Константин Иванович. Организатор обороны города. Герой Советского Союза, генерал-полковник. Почетный гражданин Красного Луча.
- Промисан Анатолий Григорьевич. Танкист. Участник обороны Сталинграда, штурм Берлина.
- Проценко Николай Андреевич.
- Пупынин Семен Захарович. Родился 1 сентября 1910 г., жил в г. Петровское.
- Р**
- Резников Вадим Федотович. Дважды Герой Социалистического Труда.
- Решетняк. Вальцовщица химзавода
- Розенман Ювеналий Юльевич. Защитник Сталинграда. Заместитель управляющего трестом «Краснолучуголь».
- Романовская Екатерина Ивановна. Прошла всю войну с телефонной катушкой. Отступала до Сталинграда, защищала его в составе 57 армии, принимала участие в боевых операциях, на Орловско-Курской дуге, при освобождении Белоруссии, Польши. Дошла до Берлина и написала на рейхстаге. Войну закончила на Эльбе.
- Ростовцев Петр Николаевич. Войну запомнил ребенком.
- Рубаха Вера Афанасьевна. Узница концлагеря «Равенсбрюк». Лагерный номер – 1069.
- Русев Александр. Мастер связи шахты «Краснолучская».
- Рябенко Григорий. Журналист.
- Рябцев Петр Сергеевич. Электромонтер химзавода. Летчик. Лейтенант. 22 июня в воздушном бою над Брестом первым в истории войны таранил фашистский самолет. 31 июля 1941 г. погиб на Ленинградском фронте.
- Рябцев Филипп Сергеевич. Рабочий химзавода им. Петровского, начальник Главного Управления Наркомата боеприпасов СССР.
- С**
- Савина А. Ребенком видела войну.
- Савичева Мария Григорьевна. Связная подпольной организации.
- Савчук А. Сражался на Курской дуге, освобождал Мелитополь. Инвалид войны. Работал в совхозе им. Г. Петровского.
- Самойлова (Сидоренко) Вера. Окончила медтехникум. В Ворошиловграде принимала первых раненых. После войны живет в Красном Луче.
- Сафонов Андрей Гаврилович. Лейтенант. Участник обороны Москвы. Инвалид войны.
- Сдобнов Николай Андреевич. Герой Советского Союза. С 1927 г. трудился в горняцком коллективе шахты № 10/10-бис. Родился 19 июня 1907 г. в Саратове в семье железнодорожника. С 1928 г. член ВКП (б). С

1929 г. в Армии. После войны служил заместителем командира авиационной дивизии.

Селезнев Борис.
Подростком награжден орденом Красной Звезды.

Сергеева Вера. Санитарка.

Сидоренко Михаил Федорович.
Узник Бухенвальда.

Скороходова Любовь Захаровна.
Зенитчица. Инженер УМТС.

Слюсарь Владимир Григорьевич.

Сметанин Леонид.

Смешко Иван Демьянович.
Зав. горно Красного Луча.

Снежко (Воронкова) Нина Николаевна. После войны работала на машзаводе.

Соболь Жанна Семеновна.
Училась на втором курсе Ленинградского мединститута. Стала фронтовой медицинской сестрой. После войны работала в Краснолучском роддоме.

Соколов. Командир батальона.

Соловьев Сергей Васильевич.
Командир экипажа бомбардировщика, младший лейтенант. До войны учился в средней школе № 1 (СШИ № 1). Увлекался авиамodelизмом, посещал авиационный клуб, занимался в парашютном кружке. В 1939 г. окончил авиационную школу.

Солодянкина Рая. Участница обороны Красного Луча.

Сошнин И.
Участник обороны Ханко.

Специальная Елена Павловна.
Войну запомнила ребенком.

Стремиллов Борис Степанович.
Войну запомнил ребенком.

Т

Таволжанский Н. Капитан. Воевал на Воронежском, Степном, Сталинградском, Донском фронтах,

Курско-Орловской дуге. Домой вернулся инвалидом.

Танцюра Иван Лазаревич.
Родился 22 июня 1920 г. в селе Добра Малькивского района Киевской обл. в семье бедняка. В 1935 – 1936 гг. учился в горнопромышленном училище г. Кр. Луч. Получил специальности машиниста врубовой машины и крепильщика-ходовщика. Работал в ш. № 17/17-бис с 1936 по 1939 гг. врубмашинистом и бригадиром посадчиков. В 1939 г. призван в армию. Война застала в г. Коканде. Войну закончил в звании майора в должности заместителя командира стрелкового полка. За участие в Курляндской операции награжден орденом Александра Невского. После демобилизации работал заместителем председателя райисполкома. 8 ноября 1985 г. скончался. Похоронен в Тимашевском районе Краснодарского края. Звание Героя Советского Союза присвоено 24 марта 1945 г.

Танцюра Полина Филипповна.
Навалоотбойщица. Радистка разведотдела Юго-Западного фронта.

Таран Николай Романович. Службу начал в 1936 г. на Черноморском флоте на крейсере «Червона Украина». С 1939 г. командир отделения котельных машинистов на крейсере «Ворошилов». На нем и прослужил всю войну.

Терещенков Виктор.
Войну запомнил ребенком.

Тимофеева Антонина. Санинструктор 383-й дивизии.

Тимофеева Мария Николаевна.
Санинструктор. Участница обороны Ленинграда.

Тимченко Леонид Петрович.
Участник обороны города. Редактор газеты 395 шахтерской дивизии «На боевом посту». Редактор газеты «Знамя коммунизма». Секретарь горкома Компартии Украины.

Тищенко Мария. Парикмахер.

Ткаченко Петр Степанович. Кавалерист. Воевал на Курской дуге. Работал на авторемзаводе.

Ткаченко Полина Ивановна.
Мать погибшей В. Ткаченко.

Ткаченко Эмма Назаровна.

Тодышев Степан Николаевич.
Артиллерист. После войны работал в штабе гражданской обороны, горкоме партии.

Токарева Пелагея Георгиевна.
Работала в заводской столовой. Помогала госпиталю. Стирала белье, выполняла другую работу. На строительство самолета внесла 500 рублей.

Травина Любовь Константиновна.
Работала на военном аэродроме. Готовила самолеты к бою.

Тращенко Т. Полковник. Служил помощником начальника штаба отдельного армейского инженерно-саперного батальона. Жил в г. Черкассы.

Троскалевский Роман. Сотрудник редакции Краснолучской городской газеты «Сталинский забой».

Трофимец Петр Никитович.
Командир отделения краснолучского истребительного батальона. Узник концлагеря.

Трофимова Евгения Яковлевна.

Тюменев Вячеслав Сергеевич.
Подростком находился в оккупированном Красном Луче.

Турчин Василий Дмитриевич.

У

Угланов Николай Спиридонович.
Заместитель командира отдельного отряда 83 бригады морской пехоты. Капитан.

Ф

Федоренко Иван Яковлевич.
Сержант.

Федоров Николай Дмитриевич.
Авиамеханик.

Фуки Александр Ильич.
Пограничник.

Фурсов Алексей Кириллович.
Моряк.

Х

Хлобустина-Моисеева Л.
Хлусов Егор Федорович.
Храмов Иван Андреевич.
Командир дивизиона 317 зенитного артполка.

Ц

Цацуро Зоя Ивановна. Медсестра.

Цветков И. Участник обороны полуострова и военно-морской базы Ханко.

Цуканов Леонид Леонидович. В 1941 ему было неполных шестнадцать. Воспитанник детдома. Учился в ремесленном училище в Луганске. В июне 1941 г. практикант на Луганском заводе имени Октябрьской революции.

Цымбал Иван Иванович.
Партизан.

Ч

Черноморов Николай Алексеевич.
Всю войну находился на передовой: защищал Туапсе, освобождал Новороссийск и Керчь, участвовал в двух морских десантах: в 1941 г. – феодосийском и в 1943 г. – керченском. Дважды ранен. После войны приехал в родной Донбасс. Тру-

дился в АТП № 12772. Внештатный корреспондент городской газеты.

Чернявский Василий Павлович. Старшина, механик-водитель Т-34. Освобождал Львов, Тернополь. За успешное выполнение задания в боях за Каменец-Подольский награжден орденом Славы.

Чернявский Федор. Служил в пехоте. 316 стрелковый полк.

Ш

Шаповалов Иван Данилович. Был признанным лидером молодежи на шахте им. «Известий».

Шевченко П. К. Комбат.

Шейн А. Участник обороны Красного Луча. Инвалид войны, капитан.

Шелудько Роман Алексеевич. Старшина, рабочий электромеханических мастерских треста «Краснолугуголь».

Шерстнёва Анна. Санинструктор.

Шефатов Григорий. Участник обороны Красного Луча.

Ширков Василий Прокофьевич. Участник партизанского движения в Югославии.

Шичанин Сергей Михайлович. Пехотинец. Трудился на шахте им. «Известий».

Шкейров Павел Николаевич. Защитник Ленинграда.

Шмаков Сергей Филиппович. Служил в Бресте.

Шоленко Василий Семенович. Комиссар 698 стрелкового полка 146 стрелковой дивизии Юго-Западного фронта, инвалид вой-

ны майор. До войны работал на шахтах Красного Луча, куда парнишкой приехал в 1927 году из села Генеральшино Дмитриевского района Курской области. В октябре 1940 года назначен на должность комиссара 698 стрелкового полка 146 стрелковой дивизии в воинском звании старшего политрука.

Шомахов Заратхан. Участник обороны Красного Луча. Аксакал из старинного кабардинского селения Курп.

Шульга Варвара.

Щ

Щетинина Евдокия Кирилловна. В блокадные дни жила в Ленинграде. После войны – учительница в Красном Луче.

Щиголов Иван Николаевич. Подростком награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.».

Щукина (Кичко) Александра Алексеевна. Подростком помогала кавалеристам.

Ю

Юрченко Павел Ильич. Защитник Ленинграда. Водитель в АТП № 12111.

Я

Якунин Владимир Игнатьевич. В 12 лет стал сыном полка.

Янчин Нина Петровна. Разведчица, радистка. Подполковник. Среди товарищей партизан известна, как Нина Марьяна (Марьяна).

Они отстаивали Отчизну свою

Абинякин Г. М.

Абдумаликов Ф.
Ф.

Аброскин И. Д.

Авдеев Е. А.

Адамчик Г. М.

Акименко Г. М.

Акименко И. Г.

Акименко И. Ф.

Акименко С. Н.

Акименко Ф. Г.

Акмаев А. А.

Алейников И. В.

Александров М.
В.

Александров Н.
И.

Алисов В. Н.

Алякин П. С.

Анищенко В. Ф.

Анохин А. С.

Арутюнова Е. А.

Атюшевский И.
П.

Бабак В. А.

Бабкин А. П.

Баленко А. А.

Барабанщиков В.
И.

Барабаш Д. Ф.

Барило Г. В.

Бебко В. С.

Безбожный С. А.

Безгинский В. А.

Бездеточная В. И.

Белевский И. М.

Белоконь П. В.

Белуха Н. Н.

Белый И. И.

Беседин И. С.

Биляченко М. И.

Воспоминания ветеранов записали и сохранили:

Алтынников В.И.	Здоренко В. Ф.	Проскура В.
Андриянов В. И.	Золотарев Г. А.	Протасов К. М.
Антоненко М.	Иващенко Ю.	Пульная В.
Бачурина Н.	Кандель В.	Пятова С.
Безкоровайный Б. И.	Ковалева А. И.	Радченко В.
Белевитнева Т. В.	Коленский В. П.	Рамазанова М.
Белушенко И.	Колесниченко Н. Н.	Распопова А.
Беседин И. С.	Коньков Н.	Репин А. М.
Бигдан В. Н.	Конюхова Н.	Решетняк Л. И.
Бобрицкий А. В.	Корж Г.	Романенко С.
Богатырь И.	Коркишко В. Г.	Романенко Н.
Бокарев Г. М.	Коробкин А.	Ростовцев А.
Боровко Е.	Костенко В. П.	Рудов В. П.
Бузяков З. С.	Красноставский Л.	Рыкованов С.
Булкин С.	Криворука В. К.	Рязанов В.
Васильченко А. И.	Кривченко П.	Савела А. А.
Васина О.	Крупка А.	Сахно А. В.
Ващенко В. И.	Кузницын Е.	Селиванов Н.
Вдовиченко И.	Кулик Я. Я.	Семенова А.
Виноградова Е. А.	Куперман В.	Семенов Г. Т.
Виноградова Т. В.	Лазарев Н.	Сергеев Е. В.
Власенко В.	Лазаренко Дм.	Серенков Н. М.
Войнилович В. И.	Лепс В. Г.	Скарин Н.
Войтова О. А.	Леткая Н.	Слепцов И.
Волошин С. П.	Лисицын В.	Снегур О.
Вольный О. Ф.	Лифлянд Р. Е.	Соловьева Ж. А.
Высторобская Г.	Лысенко А. П.	Сомова Р. А.
Гай Д.	Лысенко Александр	Стецун А. В.
Гайдамака В. М.	Львов А.	Стреблянская Л.
Гараймович Л.	Ляшенко С.	Тараканова Яна.
Горбатов Б.	Мазина Н. Н.	Тимченко Л. П.
Горобий Н. И.	Макарова А. П.	Ткачева Т. В.
Городецкий И.	Мартыненко Л. И.	Трофимова Е. Я.
Горяинов В. Г.	Мезеря А. С.	Трущалова О.
Грейчус Р.	Милютин И.	Турцов А. А.
Гришина	Мохов И.	Уколова Н.
Громак Т.	Мухин В. П.	Ульянова Т. П.
Губченко Е.	Мячин А.	Федорова В. И.
Гурьев Г.	Нападовская В. И.	Филипенко С. Г.
Демченко Д. С.	Неволина Л. Н.	Фролов П.
Дивинский Г.А.	Никифорова М. Г.	Хвостикова Н.
Дивинский Ю. Г.	Озерной И. П.	Хромова О.
Долинская Е. Ф.	Паламарчук И.	Черноморов Н. А.
Дьяконова Е.	Панарин В. Г.	Шейко П. Ф.
Ельшин Н. А.	Пекин В. Л.	Шелото В. М.
Еремин М. П.	Пивоваров Д.	Шембель В.
Ещенко Т.	Полеводин Е. И.	Шпилевский Р. И.
Зайцев А. И.	Попова А. М.	Штивель Н. Л.
Засовский Г.	Попытченко Ю.	Шульга П.
		Щетинина Е. К.

Алфавитный указатель

А

Абаноков Залимгерий 258
Абдумаликов Федор 18, 42, 48, 79, 134
Абзанов Фарпин 234
Авдотьев Павел Романович 291
Агапов Андрей 223
Агашальян Вашай 225
Азерный Каим 235
Акименко Иван 75, 154, 156, 179, 213, 246, 271
Аксенов Константин 147, 182
Акулов Георгий 91
Алактаров Хасмамот 248
Александров 156
Алексеев Григорий 277
Алексеев Михаил 155, 168
Алехин Дмитрий 233, 265
Алещенко Олег Петрович 63, 70
Алиев, лейтенант 266
Аляскин 69
Амакабедова 254
Ананко Александр 262
Ананьев 220
Ананько Федор 253
Андриашвили Дмитрий 268
Анисимов Павел 235
Анищенко Василий 105
Анкушев 259
Аносов Василий 247
Анохин Александр 20, 23
Анохин Петр Гаврилович 132
Анохина Евдокия 132
Антипов, красноармеец 193
Антоненко 66
Арсенов Тихон 281
Асланян Валашак 264
Атальян Константин 225
Ахмедов Хачбаба 248

Б

Бабаян 201, 242
Бабин Николай 223
Бабич Александра 85, 91, 93
Бадалян Аркадий 43
Бакаев Всеволод Иванович 40
Баленко Александр 9, 205
Барабанщиков Михаил 155
Барабаш Василий 14

Бараников Григорий 264
Баранов Федор 247
Барашкин 47
Бауман Лев 200
Бёко Владимир 74, 76, 84
Бегунов Макар 235
Бедашвили Илья 247
Безбородов Иван 27, 32
Белевский Иван 12, 32, 45, 64, 65, 72, 110, 111, 121, 131, 133, 143, 162, 165, 174, 209, 277
Беликов Петр 123, 126, 130
Беликов, слесарь 165
Белишко Сергей 266
Белогрудов 163
Белоусов Дмитрий 8, 12, 24, 99
Белоусов Ерофей 227
Бельцев Павел 236
Бердус Иосиф 69
Березовский, политрук 77
Беседин Иван
201, 202, 208, 228, 238, 242
Бесчастный Александр 104
Бец 214
Биделенко Иван 172
Бидинский Д. Г. 62, 113, 135, 136, 145, 146, 148, 158
Биркус 222
Бложкин Дмитрий 223
Бобрицкая Л. 169
Бобрицкий Дмитрий Петрович 163
Бобрус Николай Фадеевич 40
Боговик Иван 192
Боговиковы 238
Боженко Владимир 240, 260, 262
Бойко 63
Боков Лука 183
Болошников Василий 225
Большинский А. 288, 289, 293
Бондарев, комиссар 136
Бондаренко 160, 214
Бондаренко Василий 264
Бондарь В. 148
Бондарь Виктор Степанович 70
Борисенко Октябрина 60, 269, 270
Борисенко, электросварщик 165
Боровой Давид 266
Борозенец П. 108

- Бурсоев Владимир Бузинаевич 67, 68,
 72-75, 77, 79, 81, 101, 102, 108, 109,
 111 - 113, 119 - 121, 128, 132, 136,
 138, 140 - 143, 145, 147, 160, 170,
 174, 175, 183, 184, 187, 189, 204,
 207, 208, 210, 212, 213, 216, 217,
 223, 227, 231, 233, 234, 249, 261,
 267, 268, 270, 271, 273, 275, 277, 291
 Бочаров Иван Евдокимович 291
 Бочаров К. 106, 111, 120
 Бояринов Николай 225
 Боярчук, лейтенант 78
 Брежнев 139
 Бричкин 238
 Брыксин 243
 Будников Ефим 264
 Бузов Степан 224
 Буков Иван 11, 23, 30, 102
 Бурдукова Александра 173
 Буренин Петр 286

 В
 Ванников 62
 Ваньков 197
 Васик Павел 234
 Васильев М. 69, 83
 Васильев Николай 241
 Васильченко Алексей 262
 Васютина 69
 Васютина, прессовщица 144
 Васюченко Григорий 224
 Вахабов Мирза 261, 264
 Вахначев Алексей Митрофанович 162
 Ведерников 51
 Великий, командир полка 261
 Величко Карп 164
 Вердин Сатабула 237
 Вернигорова 134
 Верниченко Семен 66
 Верцанов С. 69
 Верченко 69
 Вершилов Николай 157
 Весенняя 86
 Викторова Валентина 32, 259
 Винник 211
 Винниченко Борис 256
 Владко Алексей 225
 Внуковский 208, 228
 Вовченко, лейтенант 78
 Войпан В. 206

 Волков Константин Иванович 291
 Волков, старшина 36
 Воловик Г. 191, 194, 197, 201, 229
 Володин 134, 196
 Волокитин В. 42
 Волошин Иван 223, 280
 Волошин Петр 235
 Вольных Петр 223
 Вольсович Михаил 236
 Воробьев С. И. 184
 Воронин 198, 207, 232, 233, 272
 Вялов Иван 198, 207, 220, 232, 233

 Г
 Гавриленко Владимир 30, 75, 94, 165,
 166, 168 - 170, 177, 178, 182, 190,
 197, 198, 209, 244 - 246
 Гаврилов Михаил 24
 Гайван Семен 140, 191
 Галанов Борис 190, 257
 Галахтин С. 114
 Галитулаев Гасо 225
 Гармаш Зинаида 93, 265
 Гарный Яков 22, 109
 Георгквян Рубей 248
 Герановский, политрук 291
 Герасимов Г. 87-89, 91
 Герасимов Костя 147
 Герасимчук 220
 Гervанишвили Кирилл 247
 Геремаловский Василий Семенович 291
 Гершензон 183
 Гесо Григорий 226
 Гитлер 62
 Глушков 66
 Глущенко Владимир 130
 Гнилицкая Нина 160 - 164, 166, 175,
 176, 180, 207, 230, 233, 234, 236,
 244 - 246
 Гнилицкий Тимофей Макарович 164
 Гогитидзе Юзеф 225
 Гоголев Николай Михайлович 275
 Годскорадзе Давид 225
 Голицын Николай 291
 Голов, капитан 180
 Головатая К. 144
 Головчанский Н. 31
 Голопузов 99
 Гонтаренко Андрей 222
 Гончаренко 36

Гончаренко И. Ф. 16, 35, 83
Гончаренко, комендант 137
Гончаров Александр 68, 271
Гончаров Егор 83
Горбатов Борис 280
Горбачев Сергей 156
Городний Иван 266
Горяной Петр 191, 192
Госполян Гуриг 248
Гранин Б. М. 205
Графский В. 26
Гребенькова М. 85, 134, 136
Грейчус Римантас 35
Гриб 141
Григорьев Михаил 125, 185
Григорян 237
Грицай, лейтенант 220
Гриценко Григорий 154, 157
Гришанин Витя 12
Гриценко 62, 63
Грозный 81
Грубый Александр 228
Груй Мария Терентьевна 177
Гугунашвили Шалва Дмитриевич 281
Гуленко Анна 68, 265, 266, 269
Гуленко Петр 131, 155, 160, 186, 199, 221, 242, 243, 251
Гуманюк, командир дивизиона 100
Гуржий Николай 235
Гурин Михаил 235
Гусак Иван 200
Гущин Иван 261, 263, 264

Д
Давидьян Михаил 225
Давыдов 135, 158
Дадомбров Марсахат 248
Данилов 65
Данильченко Иван 262
Дворник Лидия 97
Дед Сергей 202
Деев Дмитрий 27, 28
Демешкин 208
Демотко, паяльщик 63, 144
Денисов Иван 170, 206, 210
Деркач 276, 277
Джежелин В. 184
Джось Николая Савельевича 114
Джугай Гаврила 257
Джугели Константин 248

Дмитренко Павел 264
Долгих Петр 35
Долгополов, лейтенант 79
Долженко 279
Долин Анатолий 66
Домашов Виктор 207, 233, 272
Донченко 210, 211
Дробот И. 113, 118, 136, 146, 150, 258
Дружинин Сенья 191
Дубовик Роман 247
Дудолодов Михаил 103
Дудуян 201, 202
Дундарева Л. 169
Дымарецкий Алексей 193, 253
Дыхович Иван 176

Е
Евграфов, лейтенант 293
Евтушенко 245, 246
Евтушенко, сержант 7
Егоровы 238
Елизаров 137
Ельшин 155
Ералиев 243, 269
Еременко, варшица 144
Ермаченков 119
Ермоленко А. 85 - 89
Ероменко Сергей 175
Ершов 66
Ефименко Марк 265
Ефремов 211
Ехлаков Н. Е. 137

Ж
Жданов Андрей 223, 282
Железный Спартак Авксентьевич 3, 30, 75, 76, 94, 128, 129, 161, 164, 177, 211, 224, 228, 244 - 246
Желтухин Елизар Матвеевич 291
Жибика 221, 243
Живлюк М. 92, 179, 228
Живонов Иван 237
Жидов 25, 81, 82
Жуковский Сергей Яковлевич 65
Журавлев Андрей 207
Журавлев Иван 138, 151, 198, 292
Журавлев Петр 70
Журавлева Мария 249, 251, 253, 254, 279
Журба Лаврентий 262
Журнал оперативных записей 123 истре-

бительного авиаполка 25, 81, 82
Журнал оперативных записей Главного
управления пограничных войск
16-25

З

Заволович 155
Загорулько А. 169
Задорожная 209, 210
Задорожная Валентина 172, 187, 189,
204, 231, 233
Задорожная Елена 149, 183, 187, 204,
210, 216, 231, 267
Задорожный Александр 195, 200
Заикин Иван 104
Зайцев 182, 183, 194, 211, 221
Зайчук Михаил 255
Замятин, сержант 89
Запорожец Петр 215
Захаров 156
Зверев 37, 215
Зеленская Мария 36, 87
Зинько Николай 176, 185
Знова Иван 110, 252
Золтых Егор 223
Зубенко Володя 233
Зубенко, техник-лейтенант 126
Зудин Александр Иванович 40
Зяблов Юрий 276

И

Ибрагимов Тимур 273
Иваницкий Андрей 175
Иванов 77, 111, 151, 162, 196, 226, 242,
261, 264
Иванова Дарья 60, 260
Ивашенко Петр Иванович 151
Ивашко 68
Ивликов А. 162
Игнатенко Николай 215
Игнатенко Тимофей 160
Илуридзе Василий 271
Инапшба Ливерсан 248
Инякин Андрей Андреевич 111
Инякин Николай 111, 190
Ипатов 243
Исаков Алексей 214

К

Казаков Владимир 123
Кайда В. 135
Калабушкин 81
Калашников 240, 261
Калиновский Ц. 60
Каменев Григорий 141, 146
Капашин, лейтенант 40
Каракшов Каврун 275
Каралкина Л. 193
Карасев 227
Караульный Иван 225
Каретников Иван Петрович 121
Кариков Сирадин Каратович 207
Кармаев Василий 149
Карпенко Андреем 117
Картавенко Николай 230
Карташов Иван 198
Карук Архип 185
Касьянов Алексей 235
Каткало Степан 225
Катюков Матвей 185
Каша 109
Квадибадзе 238
Кедов Алексей 222, 227, 229
Кельбас Г. Д.
185, 188, 189, 213, 217, 218
Кельман 69
Кизов Кобон 258
Кипиани Шалва Иванович
155, 160, 166, 170, 171, 213, 276
Кириченко 193
Кириченко Иван 27, 121, 185
Кирпонос М. 10
Кирюхин 162
Киселев, старшина 73, 121
Кислицын П. 159
Кичко Александра 33, 238
Кладова Наталья 51, 56, 59
Клепов Александр 32
Князев Яков 225
Кобзев Федор Павлович 40
Ковалев 155, 160, 166, 170, 179, 280
Ковалев Еремей 266
Коваленко Яков 83
Коваль Федор 238
Коварго Юрий 36, 286
Ковачева Вера 9, 29, 92, 189
Ковпак В. Я. 145
Ковтун В. 215
Ковшова 86

- Козлов Николай 131
 Козловский И.
 57, 62, 69, 83, 135, 144, 158
 Козупице Яков 235
 Козьмин Дмитрий Васильевич 5
 Козьмина Мария
 24, 29, 109, 140, 221, 252
 Колбалюк 43
 Коленский Василий 44, 46, 47, 49, 56, 58,
 66, 76, 89, 116
 Колесников Егор Николаевич 183
 Колесникова Прасковья
 160, 164, 165, 226
 Колосов, капитан 195
 Колупаев 261, 263, 264
 Комаров Иван
 7, 10, 11, 14, 15, 18, 23, 34, 39, 41,
 43, 46, 56, 59, 65, 107, 272
 Кондратенко 113, 153, 182
 Коноваленко 254
 Коноваленко, полтавчанин 254
 Кононенко Василий 266
 Копуаев 261
 Копыт Иван 236
 Коренко 156
 Корецкий Станислав 69
 Корнеев Петр 275
 Корнеевы 187, 217
 Корниец Григорий 223
 Короваев Алексей Константинович 291
 Коростылев, рядовой 16
 Коротких В. 169
 Коротков Владимир 292
 Короткова Мария 30, 98
 Корпьяк Михаил Семенович
 128, 152, 156, 161 - 164, 166, 167,
 170, 175, 180, 181, 186, 188, 190,
 193, 207, 211, 228, 230, 233, 234,
 236, 244 - 246, 252, 253, 263, 279
 Коршунов 140
 Корягин 211, 224
 Костиков Петя 140
 Костин А. Н. 140
 Котова Мария 132
 Кочетов Василий 223
 Кравченко Александр 85, 99, 293
 Кравченко Б. 69
 Кравченко Гавриил 185
 Кравченко Иван 215
 Кравченко Иван Андреевич 144
 Кравченко Константин Антонович 291
 Крайний Петр 172
 Крамской Григорий 172
 Красников Григорий 157
 Краснопевцев 193
 Кривовязов Евгений 226
 Криворучко Сергей 264
 Крикунова Екатерина 155
 Крошко Алексей 223
 Крыжановский Иван 223
 Крючков 237
 Кузнецов 222
 Кузнецов, генерал 197
 Кузьминов Александр 241
 Кузьминский Виктор 48
 Кузьминский Михаил Никитович 291
 Кулабухов Андрей 175
 Кулебаев Нусурат 248
 Куликов 229
 Куликов Матвей 73, 120
 Куницын Василий 171
 Курбаналиев Евгений 265
 Куриленко Константин 117, 147, 149
 Курилов Сергей 215
 Куркин, лейтенант 256
 Кустов Юрий 183
 Кушнирская Нина 31
- Л
 Лавлишин Иван 237
 Лавренчук Анатолий 223
 Лавринов Прокофий 281
 Ландадзе Елистрат 236
 Ланина Валя 189
 Лариов Михаил 175
 Ларкин, политрук 291
 Лебедев Василий 273
 Лебединская Вера 60, 112, 186, 196
 Левин 154
 Левицкий Василий 231, 254
 Левченко Наташа 133
 Лейко Иван 235
 Ленский, лейтенант 77
 Леонов Григорий 141
 Леонтьев Федор Федорович
 10, 13, 17, 18, 34, 48, 52
 Леонтьева 69
 Лесик Николай 151
 Летошко Василий 183
 Лещенко Павел 281

Лизогуб Никита 187
 Лисицын Григорий 248
 Лискоф Альфред 13
 Литвиненко, механик 62, 63
 Литвиненко В., разбраковщица 144
 Литвинов Александр 223
 Литвинова Ефросиния 161
 Лобода Паша 269
 Ломакин 211
 Лубяновы 187
 Лузан Иван 171
 Лузин Федор 207
 Луканенко Федор 264
 Лустенко, сержанта 78
 Лысенко Алексей Прокофьевич
 12, 23, 30
 Лысенко Борис Алексеевич 86
 Лысенко Григорий
 25, 116, 133, 146, 169
 Лысенко Инна Алексеевна 86
 Лысенко Мария Павловна
 31, 42, 109, 278
 Львутин А. 197, 249
 Любарский Николай 13, 30, 229
 Любашенко Иван Герасимович 276
 Любимов Григорий 84, 100, 227
 Любичская Полина 112, 286
 Лярский Василий 256

М

Магришвили Тавет 247
 Маевская Лена 258
 Мажаев Н. П., капитан 25, 82
 Мазепа Тимофей Михайлович 291
 Мазур Роза 260
 Мазур Федор 183
 Майборода 214, 225
 Макаров Николай 235
 Максименко 121
 Максимов 183, 184, 210, 217, 223
 Макухин Петр 274
 Макущенко 120
 Малахов Андрей Васильевич
 191, 197, 201
 Малидовский Георгий 113, 208
 Мальцев, майор 88
 Мальчиков Михаил Степанович 291
 Малюгин Евгений 247
 Малютин Владимир 40
 Мамонов С. 70, 160

Мандриченко Тамара 139
 Манзюк В. 148
 Манько Анна Михайловна 269
 Мараханец Василий 117
 Маренко К. 109, 249
 Маркина Евдокия 93
 Мароков Алексей 37
 Марсьян Андрес 238
 Мартынов, полковник 155
 Марченко Аким Герасимович 291
 Маслов Олег 40
 Мастуфеев Ачаамса 248
 Матвеев 12, 139, 261, 263, 264
 Матевосян Самвел 26
 Махно 214
 Машенко Мария 285
 Мегрушвили Рубен 225
 Медведев 166, 214, 279
 Мельник Аксентий 235
 Меокушев Афанасий 187
 Мережко Георгий Селиверстович 151
 Мерекин Александр 276, 284
 Меркуин Афанасий 182
 Меркулов Сергей 144
 Метелкин Дмитрий 223
 Микитянский Г. М. 165
 Милютин 160
 Милиев Виктор 108
 Минасенко Петр 277
 Миронов 79, 195, 212
 Мирошниченко Виктор Петрович 129
 Мирошниченко Николай
 117, 199, 287
 Мисинев Никифор 183
 Мисинин Семенович 196
 Михайленко 112, 138, 155, 207, 208
 Михайлушкин Александр 282
 Мищенко А. 167, 281, 283
 Мищенко Мария 11, 20
 Мозылев Виктор 13, 14
 Молостов Иван Федорович 163
 Молостов Федор 15
 Монтилов Алексей 241
 Морозов 158
 Морозов Трофим 248
 Мотков Михаил 69
 Мурадов Рамазан 274
 Мусакаев Ахмет 154
 Мухин 43
 Н

Нагорный П. 68, 71
Назаров 25
Натаров Андрей 37
Науменко 229
Наумова Елена 92, 94, 119, 280
Нахадзе Отар 235
Некрасов 261
Ненастьев А. Н. 114
Нефедов 220
Нефедов Митрофан 186
Никитин, комиссар 179
Никифоров Михаил 73
Николенко Тихон 273
Никонов А. 154
Новиков Михаил 264
Новорошкина А. 159
Норкин 85, 141
Носко Г. И 134
Нужненко Екатерина
127, 130, 167, 236, 289, 290

О

Обераев Виктор 215
Оболонко, лейтенант 220
Овсянников Василий 120, 202
Огонсян Армамач 248
Одишария 258, 259, 260
Ожередова Вера 137
Омельченко Костя 12
Омирьян Амазаса 248
Орел Анатолий 123
Осадчий Федор 214
Осипов 287
Осиченко Алексей Григорьевич 291
Остапенко Василий 176

П

Павлинский 165
Павлов Алексей 9
Павлов Николай 75
Павлов, комбриг 7
Палаташвили Георгий 172
Панков Павел Иванович 148
Панкратов Иван 266
Папуша Ефросиния 122
Папченко Николай Васильевич 124
Папченко П. 124
Пархачев Е. 290
Пахмутов 188
Пахол 188, 189, 199, 207

Пахомов Николай 283
Пацюк 162
Перепелица Александр 203, 282
Перепелица Сидор 271, 272
Перепелица Циля 288, 291
Перепелица, рабочий 153
Переходкин Андрей Леонтьевич 291
Петраковский Анатолий 152, 162
Петренко, политрук 266
Пивнык Леонид 36, 141
Пилипенко 228
Пичугин, полковник 193
Платонов Виктор 221
Плыгач Александр 12, 21, 22
Победа Николай 71
Погдарьян Саракьян 282
Погорелов Василий
121, 124 - 126, 133, 142, 227
Погорелов Г. 284, 287
Подавильников 211, 224
Подлесный Артемьевич Иван 149
Подлипаева Мария 88
Покатаев Алексей Иванович
92, 93, 180, 228
Полеводин Г. 86, 89, 92
Полеводин Евгений 154
Поливода Дмитрий 226
Полушеев Григорий 280
Пономарев Василий Дмитриевич 291
Пономаренко Иван 226
Попов 168, 206, 238
Попов Николай 227
Попов Семен 206
Попов Сергей 249
Портенко Василий 213, 243
Потапенко Георгий 101, 113, 287
Потапов, генерал-майор 10
Потетюлькин Петр 90, 283
Прагер Авраам 57, 135, 137, 144, 149,
153, 158, 281
Приз А. 176, 178
Приз Герасим Ефимович 178
Приз Марфа Дмитриевна 178
Приходько 186, 279, 280
Приходько Вячеслава Ивановича 286
Приходько Яков Степанович 279, 280
Провалов Константин Иванович
128, 139, 152, 160 - 162, 166,

- 168 - 171, 179 - 181, 187, 190, 194,
198, 210, 211, 213, 217, 221, 224,
226, 275, 279
- Прокофьев Абрам Давыдович 291
- Промисан Анатолий 58
- Проскурин Николай 176
- Проценко Николай 7, 17, 23, 34
- Прошин Петр 224
- Пуговкин Михаил 235
- Пупынин Семен 184, 228, 292
- Пучковский Анатолий 199
- Пышнев Никифор 186
- Р**
- Ражев 17
- Расковой Марины 242
- Ребров Александр 266
- Резник Леонтий 264
- Резник Михаил 262
- Резников Вадим 74, 79
- Ременников Валентин 169
- Репин 134
- Решетняк 153
- Розенман Ювеналий 7, 38, 55, 98
- Романов Михаил, комиссар 218
- Романовская Екатерина 37, 82
- Романченко Андрей Петрович 251
- Ростовцев П. Н. 63, 129, 136, 151.
- Рубаха Вера 271
- Рубашкина А. 144
- Руденко Анна 273
- Руднева Женья 69
- Рудь Иван 224
- Румянцев Алексей 235
- Румянцев, сержант 180
- Русев А. 61, 72, 132
- Русских 11, 38, 49, 62
- Рябенко Г. 212, 213, 217
- Рябцев Петр Сергеевич
25-27, 59, 60, 81, 82
- Рябцев Филипп Сергеевич 60, 63
- Рязанов Юра 245
- Ряскин Иван 225
- С**
- Савина А. 119, 270
- Савичева Мария 94, 254, 274
- Савченко В. П. 114
- Савченко, командир взвода 17
- Савчук А. 290
- Садыло Григорий 236
- Сакало, сержант 218
- Саламов 238
- Салателян Мачашак 264
- Салахин 183
- Саликов Аким 248
- Сало Иван 30, 229
- Самойленко Анна Ефимовна 279
- Самойлов 276, 277
- Самойлова Вера 242
- Санюк Б. И. 153
- Сафонов Андрей 251, 254, 255
- Сахно 81
- Сбитнев Никифор Маркович 291
- Святошенко Степан Иванович 144
- Сдобнов Николай 93
- Селезнев Борис 118
- Селенко Николай 266
- Сергеев, начальник штаба 11
- Сергеева Вера 110
- Сергей из Красного Луча 108
- Сергиенко Александр 182
- Сергиенко Иван 187
- Сидоренко Михаил 145
- Симаков 201
- Симунян Карегин 264
- Синароса, лейтенант 78
- Сиробаба Василий 249
- Скорик Мария 177
- Скориков Петр 280
- Скоробогатов 137
- Скороходова Л. 13
- Слюсарь Владимир 34
- Сметанин Леонид 290
- Смешко Иван 9, 37, 274
- Смирнов 262
- Смолий Федор 238
- Смоначев Кирилл 225
- Снежко Нина 237
- Соболь Жанна 232, 289
- Согаласава 69
- Соколов 72, 218
- Соколова А. Н. 134
- Соловьев Сергей 53, 104
- Солодкова Т. С. 116
- Солодянкина Рая 189
- Солуковцева 277
- Сопелева В. 169
- Сорокин Федор 281
- Сосновский Александр 282

Сошнин И. 239
 Специальная О. 36, 59, 178, 289
 Спицын А. 193
 Стадник Жорик 269
 Сталин И. В. 62
 Степанов 17, 266
 Столяров Максим 268
 Стрельников Василий 249
 Стремилов Борис 176, 204, 220, 232, 237, 243, 292
 Субботина Александра 151
 Суворов Степан 167, 220
 Суковников, лейтенант 266
 Сулим Николай 280
 Султанова Р. 159
 Сумской Егор 288
 Сур Иван 224
 Сурин Б.Н. 25
 Суровцев Владимир 182
 Сучков, лейтенант 78
 Сюбаев Нежзам 266

Т

Таволжанский Н. 10, 13, 14
 Таган Б. С. 190
 Танцюра Иван 33
 Танцюра Полина 67, 85
 Тараканов, подполковник 249
 Таран Иван 235
 Таран Николай 138
 Тарачан Георгий 248
 Тарчоков Махмуд 258
 Татарчуком, майором 77
 Твалайбешвили 199
 Твердохлеб Аполлон 237
 Тевлюк 208
 Терещенков Виктор 101
 Тимофеева Антонина 60, 70, 178
 Тимошенко 258, 271
 Тимченко Леонид 243, 255, 256
 Титков, заместитель политука 218
 Титчиташвили Рвас 247
 Тищенко Мария 268
 Ткачев Андрей 223
 Ткачев Иван 7
 Ткаченко 198, 199, 207, 233
 Ткаченко Александр 210
 Ткаченко Валя 22
 Ткаченко Полина 278
 Ткаченко Эмма 139, 286, 290

Тодышев Степан
 8, 12, 90, 91, 143, 144
 Токарев, лейтенант 76
 Токарева Пелагея 232
 Толмачев Андрей 173
 Травина Любовь 270
 Тращенко 126
 Троскалевский Роман 116
 Трофимец Петр 76, 115, 166
 Трофимова Евгения
 29, 131, 168, 171, 188, 272
 Тугай 156, 160, 161, 163
 Тупельняк 154, 213
 Туранов 212, 213
 Турчин В. 84, 86, 274
 Тушенко Иван Демьянович 291
 Тюменев Вячеслав 214
 Тяпкин Андрей 215

У

Угланов Николай 91, 282, 283
 Удовенко Иван 172
 Удовиченко Алексей 175
 Украинский Василий 275, 290
 Улановский Вениамин 69, 159
 Ульшанский Алексей Григорьевич 291
 Унгарбаев, наводчик 196
 Урманов, подполковник 249
 Утимитов 69
 Уткин Павел 187

Ф

Фаустов 243
 Федоренко Василий 276
 Федоренко И. 28
 Федоров Володя 210
 Федоров Н. Д. 106
 Федчук Иван 247
 Феоктистов, механик 144
 Филиппов, майор 96
 Фокин 41, 43
 Фоменко Ирнарх Трофимович 291
 Форфурак Данил Леонтьевич
 96, 97, 103
 Фролов Иван 282
 Фуки Александр 96, 100, 108
 Фунтусов 81, 82
 Фурсов Алексей 19
 Фурсов Иван 282

Х

Ханин Сергей 262
Харичков, начальник госпиталя 88
Хасанович Саша 12
Хацко В. 129, 175
Хачиковьян Парур 248
Хлобустина-Моисеева Л. 139
Хлопонин Николай 7
Ходос Яков 262
Хожаев Аубекир 258
Хотолев 63
Храмов Иван 122, 127
Храпаль Иван 225
Хрикин Павел 235

Ц

Цацуру Зоя 147, 172
Цветков И. 204
Цветчик Александр 273
Цоготальян Айрик 248
Цуканов Александр 28
Цуканов Леонид 33
Цымбал Иван 115, 119, 126, 135, 239

Ч

Чабукьян Шало 225
Чепцов Федор 268
Черепанов 51
Черимов Мамед 274
Черноморов Николай 177
Чернояров Порфирий 182, 187
Чернышев 289
Чернявский Василий
15, 37, 42, 43, 45, 47
Чернявский Федор 19
Чеховский, капитан 255
Чижов 289
Чижов Иван Федорович 248
Чушба Танви 248

Ш

Шабунин 109
Шаматов 36
Шаповалов Иван 70, 81
Шарабрина 159
Шарвадзе Семен 236
Шахман Владимир 223

Шахмедов, разведчик 114
Шевченко П. 197
Шевченко, полковником 211
Шевчук В. 42
Шейн 208, 216, 238
Шелудько Роман 137
Шереметьев, политрук 195
Шерстнёва Анна 255
Шестеренко Николай 235
Шефатов Григорий 275
Шилова Валя 133
Ширков Василий 88
Шичанин Сергей 134
Шкейров Павел 239
Шмаков Сергей 7, 16, 19, 61, 67, 84
Шоленко Василий
8, 11, 38, 40, 45, 48, 50, 51, 61, 95,
96, 98, 102 - 107, 155
Шомахов Заратхан 257, 259, 260
Шорохов И. Е. 158, 159
Штефан Кузьма 235
Штивель Наум Львович 3
Шульга Варвара 201
Шуший Давид 237

Щ

Щербак Леонид 238
Щербина Иван 248
Щетинина Евдокия 250
Щиголев И. 35, 73
Щукина Александра 114, 125

Ю

Юдин Константин 225
Юдин Федор 32
Юлдашев Кушебек 262
Юрасов Николай 249
Юрченко Павел 234
Юшин Митрофан 248
Юшкевич Владимир 282

Я

Якунин В. 180
Янчин Нина 115

Романов Николай Данилович
День за днем и жизнь за жизнью
1941 год

Редактор
Федорова Валентина Ивановна

Фото героев книги после войны
сделали корреспондент газеты «Красный Луч»
Владимир Александрович Доронин
и член клуба «Подвиг» Валерий Николаевич Бигдан.
Снимки военной поры — из семейных архивов.

Обложка — Дмитрия Романова.

Набор и верстка выполнены автором
Тел. (064-32) 2-30-21
8-066-2206010
E-mail: podvig@kl.lg.ua

Сдано в набор 2. 2. 2000 г. Подписано в печать 11. 02. 2005 г.
Формат 60 х 84/16. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать
офсетная. Усл. печ. листов 20. Усл. кр. отт. 12,37.
Тираж 500. Заказ № 1 Издательство Руденко С. А.
Донецк, ул. Миронова, 1/2, тел./факс (062) 381-05-81

Романов Николай Данилович

Журналист. В редакции газеты «Красный Луч» был литературным сотрудником, зав. отделом, редактором, ответственным секретарем.

Лауреат журналистской премии имени Бориса Горбатова.

Заслуженный журналист Украины.

Почетный гражданин г. Красный Луч.

В 1969 г. создал патриотический клуб «Подвиг» и более 30 лет руководит им на общественных началах.

Являлся членом Центрального штаба Всесоюзного похода Славы.

В 1982 г. клуб «Подвиг» стал лауреатом премии имени «Молодой гвардии».

Работа Н. Д. Романова по патриотическому воспитанию отмечена медалью «За трудовое отличие», медалью А. С. Макаренко Министерства просвещения УССР «За заслуги в области просвещения», знаком «Відмінник народної освіти».

В 1999 Н. Д. Романов стал лауреатом Всеукраинского смотра народного творчества, награжден дипломом первой степени за создание телесериала «Останется в сердце» и за весомый вклад в развитие украинской культуры.

В 2004 г. Н. Д. Романов за патриотическое воспитание подрастающего поколения Луганщины награжден орденом «За любовь до Вітчизни» Луганской областной общественной детской организации «Лугари».

Н. Д. Романов лауреат премии «За активную жизненную позицию» Всеукраинского Союза «Берегиня Украины», победитель областного конкурса фонда «Благовест» и организации «Регион» в номинации «За творческие достижения в литературе, журналистике, краеведении».